

ЭЛЕНЪ КЕЙ.

ВѢКЪ РЕБЕНКА

ПЕРЕВОДЪ Е. К.

ИЗДАНИЕ В. М. САБЛИНА

Всѣмъ родителямъ,
которые въ новомъ бракѣ надѣются
создать новаго челоука.

Любите страну вашихъ дѣтей: да будетъ эта любовь вашимъ новымъ благородствомъ, — любите же эту страну, еще не открытую за дальними морями! Къ исканію и открытію ея я призываю ваши паруса!

Передъ дѣтьми своими вы должны оправдаться въ томъ, что вы дѣти своихъ отцовъ: такъ вы должны искупить все прошлое! Эту новую заповѣдь даю я вамъ!

Такъ говорилъ Заратустра.

Право ребенка избирать своих родителей.

Всѣ, кто ожидалъ наступленія новаго вѣка съ сердцемъ, полнымъ грустныхъ воспоминаній или трепетныхъ надеждъ, и кто встрѣтилъ послѣдній, двѣнадцатый ударъ смутными предчувствіями,—всѣ прекрасно сознавали, что имъ лично наступающій вѣкъ дастъ только одно—покой, что всѣмъ активнымъ участникамъ настоящей жизни не придется быть очевидцами того развитія, направленію котораго по приготовленному ими пути они, сознательно или бессознательно, способствовали и содѣйствовали.

Предшествовавшія наступленію новаго столѣтія событія дали поводъ изобразить на рисункѣ новый вѣкъ въ видѣ голаго ребенка, который готовъ спуститься на землю, но вдругъ, при видѣ земного шара, загроможденнаго всевозможнымъ оружіемъ до такой степени, что не находится и пяди свободной земли, гдѣ этотъ новый вѣкъ могъ бы поставить ногу,—ребенокъ испуганно откидывается назадъ... Люди—и ихъ не мало,—размышлявшіе надъ рисункомъ и положеніемъ вещей, на немъ изображенномъ, т.-е. надъ тѣмъ, до какой степени самыя низменныя человѣческія страсти все еще продолжаютъ разнузданно царить на экономическихъ и военныхъ поляхъ битвъ, и надъ тѣмъ, что при чрезвычайномъ развитіи культуры въ истекшемъ сто-

лѣтнн все еще не удалось придать борьбѣ за существованіе болѣе благородныхъ формъ,—эти люди на вопросъ, почему все продолжаетъ обстоять по-прежнему, навѣрное придумали самыя разнообразныя отвѣты.

Одни изъ нихъ, вѣроятно, удовлетворяются благоразумнымъ и разсудительнымъ заявленіемъ: „все должно обстоять такъ, какъ оно есть, ибо человѣческая природа неизмѣнна, а потому—голодь, инстинктъ размноженія, жажда богатства и власти всегда будутъ регуляторами мірового движенія“; другіе—глубоко убѣждены въ томъ, что „всѣ мечи будутъ перекованы въ плуги“ тогда, когда благодѣтельное ученіе, въ теченіе девятнадцати вѣковъ тщетно пытавшееся измѣнить это движеніе, глубоко проникнетъ въ души людей и сдѣлается ихъ живой и активной частью.

Я же, наоборотъ, убѣждена, что все въ мірѣ измѣнится лишь въ зависимости отъ измѣненія человѣческой природы, и что измѣненіе это произойдетъ тогда,—и только тогда—когда во всемъ человѣчествѣ пробудится сознаніе „святости будущаго поколѣнія“. Это пробудившееся сознаніе поведетъ къ тому, что „новое поколѣніе“, его происхожденіе, заботы объ его воспитаніи сдѣлаются не только главными, центральными задачами общественной жизни, вокругъ которыхъ будутъ группироваться нравы, законы, учрежденія, но они сдѣлаются исходной точкой зрѣнія, съ которой будутъ разсматриваться всѣ другіе вопросы и приниматься рѣшенія. До сихъ поръ только въ торжественныхъ рѣчахъ и педагогическихъ статьяхъ говорятъ о воспитаніи юношества, какъ о высшей и драгоцѣннѣйшей задачѣ народа, въ дѣйствительности же и въ семьѣ, и въ школѣ, и въ государствѣ выдвинуты на первый планъ инныя цѣнности, инныя задачи. Вотъ почему новый взглядъ, новыя понятія „о святости будущаго поколѣнія“ будутъ

восприняты человечествомъ не прежде, чѣмъ оно сознательно отрѣшится отъ аскетическаго воззрѣнія на жизнь и усвоить другое, зародившееся нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ, но побѣдное шествіе котораго видѣлъ только еще истекшій вѣкъ.

Идея эволюціи освѣщаетъ не только лежащій позади насъ и въ теченіе миллионовъ лѣтъ непрерывно продолжавшійся ходъ развитія, высшимъ и конечнымъ пунктомъ котораго является человекъ,—она проливаетъ свѣтъ и на тотъ путь, по которому предстоитъ итти и, кромѣ того, показываетъ намъ, что мы и физически, и психически продолжаемъ еще находиться въ періодѣ развитія. Прежде человекъ разсматривался какъ существо физически и психически неизмѣнное, способное лишь къ нѣкоторому усовершенствованію, но не видоизмѣненію. Теперь мы знаемъ, что человекъ способенъ обновляться, и, вмѣсто падшаго ангела, видимъ только существо несовершенное, которое путемъ безчисленныхъ модификацій въ теченіе безконечнаго промежутка времени можетъ совершенно видоизмѣниться. Почти каждый новый день несетъ новыя вѣсти о не подозрѣвавшейся прежде возможности дальнѣйшаго развитія физическихъ и психическихъ силъ, о фактахъ, обнаруживающихъ болѣе тѣсное взаимодействіе внутренняго и внѣшняго міра, о побѣдахъ надъ болѣзнями, продленіи жизни и молодости, о болѣе глубокомъ проникновеніи въ законы физическихъ и психическихъ явленій. Говорятъ о возможности развитія у неизлѣчимо-слѣпыхъ искусственной зрительной способности, о возвращеніи къ жизни умершихъ,—все это и многое подобное, конечно, принадлежитъ пока области гипотезъ и свидѣтельствуетъ лишь о возможности новыхъ психическихъ и физическихъ изслѣдованій... Однако уже имѣются

достаточныя данныя, которыя указываютъ, что метаморфозы, черезъ которыя прошелъ человѣкъ, прежде чѣмъ стать человѣкомъ,—далеко не послѣднее звено въ его развитіи.

Кто теперь утверждаетъ, что человѣческая природа неизмѣнна, т.-е. осталась такой же, какой она была въ отдаленныя времена, при началѣ самосознанія человѣчества, тотъ этимъ самымъ какъ бы обличаетъ себя въ томъ, что онъ стоитъ на высотѣ мышленія ихтиозовра юрской формации, который, надо полагать, также не предчувствовалъ возможности существованія человѣка. Наоборотъ, кто знаетъ путь безчисленныхъ превращеній, благодаря которымъ человѣкъ сталъ тѣмъ, что онъ — теперь, тотъ сознаетъ и возможность вліянія на будущее развитіе человѣка, чтобы достигнуть высшаго и болѣе усовершенствованнаго типа. Теперь уже точно установлено, что при размноженіи и выводѣ новыхъ и лучшихъ породъ въ животномъ и растительномъ мірѣ рѣшающее вліяніе имѣетъ человѣческая воля. Между тѣмъ, наша порода, улучшение человѣческаго типа, усовершенствованіе человѣческой расы— все еще продолжаетъ подчиняться игрѣ слѣпонаго случая въ болѣе или менѣе красивыхъ или некрасивыхъ видахъ. Культура должна заставить человѣка итти сознательно къ опредѣленной цѣли и сдѣлать его отвѣтственнымъ во всѣхъ тѣхъ сферахъ, гдѣ онъ до сихъ поръ дѣйствовалъ инстинктивно, а потому и безотвѣтственно. А вѣдь ни въ какомъ иномъ отношеніи культура такъ не отстала, какъ именно въ обстоятельствахъ и условіяхъ, имѣющихъ рѣшающее значеніе для образованія новаго и высшаго типа человѣка. Наивное убѣжденіе античнаго міра въ огромномъ значеніи красиваго и здороваго тѣла вернется человѣчеству только тогда, когда въ его сознаніе приникнутъ и виѣдрятся современныя естественно-научныя воззрѣнія.

Въ болѣе позднюю эпоху древняго міра—у Сократа, Платона—за душой начинаютъ признавать преобладающее значеніе, а на тѣло уже смотрятъ, такъ сказать, свысока. Эпоха возрожденія пыталась примирить оба эти воззрѣнія, но, къ сожалѣнію, эта эпоха не отличалась достаточной нравственной силой—у нея было достаточно смѣлости,—и задача, для рѣшенія которой, по выраженію Гете, „нужно быть въ одно и то же время и смѣлымъ, и нравственнымъ“, осталась не рѣшенной. Только теперь, когда стала извѣстна тѣсная связь тѣла и духа, когда обнаружилось, что духъ и тѣло взаимно другъ друга или возвышаютъ, или унижаютъ,—только теперь начинаютъ искать иные законы высшей нравственности, признающей святость и права тѣла.

Одинъ датскій писатель доказалъ, что седьмая заповѣдь Моисея теряетъ всякое значеніе, разъ начинаютъ смотрѣть на бракъ, какъ на простую, случайную социальную форму сожителства двухъ людей, а нравственно-рѣшающее значеніе придаютъ характеру этого сожителства. Въ сферѣ моральной происходитъ теперь переходъ отъ принудительно дѣйствующихъ объективныхъ законовъ къ субъективнымъ началамъ, изъ которыхъ свободно вытекають дѣйствія. Этика такимъ образомъ, становится этикой характера, свойствъ души. Въ настоящее время требуютъ, разрѣшаютъ или обвиняютъ сообразно съ внутренними свойствами индивида и неохотно причисляютъ къ безнравственнымъ дѣйствіе, которое только съ внѣшней стороны не согласуется съ какой-нибудь объективной нормой морали: въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ рѣшаютъ, сообразуясь съ внутренними особенностями, внутренними склонностями человѣка. Если все это примѣнить къ браку, то—ясно, что эта форма его не можетъ дать какой-либо гарантіи, что на лицо—дѣйствительное вѣрное и истинное половое влеченіе. Это влеченіе также

хорошо можетъ быть при внѣбрачномъ сожителствѣ, какъ и при бракѣ, и многіе серьезные и чуткіе люди предпочитаютъ свободное сожителство, признавая его болѣе нравственнымъ. Но тогда измѣняется весь смыслъ и содержаніе седьмой заповѣди, которая объявляетъ безнравственнымъ внѣбрачное половое общеніе. Въ наше время производятъ наблюденія надъ внѣбрачными союзами, ищутъ новыхъ формъ сожителства мужчины и женщины, обсуждаютъ и дебатировать эту трудную проблему. Въ этомъ отношеніи человечество находится теперь на пути открытій. Все больше и больше убѣждаются теперь въ томъ, какъ много опасности для человѣческаго счастья кроется въ половыхъ отношеніяхъ. Производятся новыя наблюденія, новыя изслѣдованія вліянія половыхъ отношеній, какъ на жизнь самихъ индивидовъ, такъ и на потомство. Вносить постепенно свѣтъ въ этотъ хаосъ,—вотъ что всего важнѣе для человечества, и вмѣсто того, чтобы ограничивать свободу литературы при обсужденіи этихъ вопросовъ, слѣдовало бы предоставить возможно больше ея. Вполнѣ соглашаясь съ вышеизложеннымъ, я хотѣла бы указать еще на то, что самымъ большимъ препятствіемъ свободному обсужденію этихъ вопросовъ является укоренившееся воззрѣніе, въ силу котораго все, что касается размноженія,—нечисто и грѣховно, что все это слѣдуетъ подавлять, а если не подавлять, то, по меньшей мѣрѣ, замалчивать, окутывать мракомъ. Подъ вліяніемъ этого воззрѣнія главная забота человѣка—подготовленіе къ жизни вѣчной, за гробомъ, а не устроеніе жизни земной; и средствомъ для этого служить аскетизмъ. Проявленія этого воззрѣнія въ наше время можно видѣть, напримѣръ, въ разныхъ постановленіяхъ и законахъ противъ „наготы въ искусствѣ и литературѣ“.

Воззрѣніе, въ силу котораго половыя отношенія,—нѣчто

низкое, а нерасторжимый брак — единственная форма, способная их освящать, въ теченіе извѣстнаго періода времени имѣло большое вліяніе на развитіе человѣчества. Оно поощряло самообладаніе, возвышавшее, въ свою очередь, и усиливавшее душевную жизнь, — цѣломудренность, стыдливость, таинственность, вѣрность — качества, которыя, наряду съ другими безчисленными вліяніями, развили потребность въ идеализированной любви. Исчезни все это изъ любви, — она перестанетъ быть человѣческой, останется только животною.

Хотя индивидуальная любовь между каждой новой человѣческой парой всегда будетъ требовать уединенія и тайны, хотя цѣломудренность и стыдливость всегда останутся однимъ изъ преимуществъ человѣка предъ животными, однако несомнѣнно, что этотъ, нынѣ устарѣвшій взглядъ, заставлявшій, молча и стыдясь, обходить всѣ серьезные вопросы, связанные съ этимъ предметомъ, или видѣть въ нихъ лишь поводъ къ двусмысленнымъ шуткамъ, взглядъ, повторяю, устарѣвшій, — долженъ быть отброшенъ. Когда каждый въ самой ранней юности и на каждый вопросъ получить правдивый, честный, приноровленный къ стадіи его развитія, отвѣтъ; когда съ юныхъ лѣтъ каждый восприметъ полное и ясное понятіе о свойствахъ и особенностяхъ своихъ, какъ представителя извѣстнаго пола, и въ немъ глубоко укоренится сознаніе отвѣтственнаго характера *его будущей задачи*; когда каждый привыкнетъ говорить и думать объ этомъ серьезно, — только тогда и такимъ путемъ возможно вызвать появленіе болѣе благородной породы съ болѣе высокимъ уровнемъ нравственнаго совершенства.

Уже въ то время, когда Бьернсонъ въ своей книгѣ „Томасъ Рендаленъ“ выдвинулъ вопросъ о воспитаніи юно-

шества въ чистотѣ и цѣломудріи путемъ *уразумѣнія*, я въ видѣ возраженія противъ его книги указала на обычныя проповѣди о чистотѣ нравовъ, гдѣ, какъ и у него, всѣ стремленія направляются къ подавленію природныхъ инстинктовъ и побужденій, а не къ ихъ облагораживанію. Я тогда же обратила вниманіе на то, что Бьернсонъ затронулъ, во всякомъ случаѣ, двѣ совершенно новыя точки зрѣнія— физическое здоровье и облагороженіе рода, вмѣсто того, чтобы, подобно господствующимъ взглядамъ, односторонне подчеркнуть лишь духовную и личную сторону вопроса. Я сказала тогда, что эти новыя точки зрѣнія имѣли огромное значеніе,—онѣ соединяли законный эгоизмъ и альтруистическое чувство солидарности. Главная и основная задача книги Бьернсона — преобразование унаслѣдованныхъ склонностей, преобразование, основанное на новыхъ отношеніяхъ человѣка къ нравственности и черезъ то—созданіе здороваго и счастливаго новаго поколѣнія, которое не страдало бы больше отъ присущей ему теперь половой дисгармоніи. Для осуществленія этой задачи онъ требовалъ содѣйствія школы. По его мнѣнію,—школа должна знакомить дѣтей съ особенностями человѣка, какъ представителя даннаго пола, и съ тѣмъ, какимъ образомъ онъ долженъ оберегать себя, а затѣмъ—и свое будущее потомство. Я тогда же возстала противъ этого плана, полагая, что школа не можетъ служить мѣстомъ, гдѣ должно заложить основаніе этимъ познаніямъ. Сама мать, по моему мнѣнію, должна осторожно и постепенно сообщать эти познанія дѣтямъ, а школа только подводитъ подъ нихъ теоретическія основы. Еще менѣе удовлетворительнымъ нашла я взглядъ его на цѣломудренность, какъ на вопросъ физической чистоты, т.-е. какъ на идеаль отрицательный, а не положительный. Я утверждаю, что только идеализація любви

въ состояніи пробудить стремленіе къ цѣломудренности. Сказки, исторія, наконецъ, изящная литература должны положить основаніе идеализаціи любви — одного фізіологическаго познанія недостаточно тамъ, гдѣ фантазія и чувство не получили соотвѣтствующаго направленія.

Однако, ни фантазія, ни чувство, ни физическія упражненія сами по себѣ не сохраняютъ цѣломудренной чистоты, какъ не можетъ сохранить ея и религіозное воспитаніе. Итъ, для этого нужно, опираясь на естественно-научныя познанія, возсоздать въ новой, болѣе благородной формѣ античное преклоненіе предъ силой и красотой собственнаго тѣла, глубокое благоговѣніе древности предъ святостью размноженія, присоединивъ сюда современное пониманіе и сознаніе духовнаго счастья отъ идеализированной любви. Только такимъ путемъ и можетъ развиваться дѣйствительная цѣломудренность, которая освободитъ человѣчество отъ страданій, вытекающихъ теперь изъ дисгармоніи человѣческой природы, и униженія ея инстинктовъ. Многознаменателенъ фактъ: древній міръ, на основаніи наблюденія и изученія вопроса о продленіи рода, призналъ божественное достоинство за матерью-женой, тогда какъ идеаль христіанства — Дѣва-Богоматерь. Языческое и христіанское воззрѣніа на женщину, соединенныя и облагороженныя, вновь вернуть ей чувство особаго благоговѣнія предъ нею, какъ представительницей пола. Любовь античная и современная, чувственная и духовная, слитыя и облагороженныя, заставятъ людей — мужчину и женщину — вновь признать, преклониться предъ всемогущимъ божествомъ Эроса.

Уменьшать значеніе любви, бороться съ ней, какъ съ унизительнымъ сенсуализмомъ — еще не значитъ способствовать возвышенію человѣка; наоборотъ, это значитъ требовать его униженія. Вѣдь, насколько унизительной была бы

половая жизнь, если бы человекъ, полный стыда, удовлетворялъ только свое животное побужденіе, настолько же унижительно исполнять обязанность, которая считается низкой, ради продолженія рода.

Во всемъ, что касается половой жизни, заботь о здоровомъ и сильномъ поколѣніи, античный міръ стоялъ неизмѣримо выше современной эпохи. Уже во времена законодательной дѣятельности Ликурга, создавшаго законы въ убѣжденіи, „что въ здоровомъ и цвѣтущемъ лонѣ женщины покоится сила народа“, въ Спартѣ слѣдили за физическимъ развитіемъ женщины такъ же, какъ и за развитіемъ мужчины, заботились о здоровомъ и сильномъ поколѣніи и опредѣляли возрастъ для вступленія въ бракъ. Еще выше въ отношеніи пониманія серьезности задачи продолженія рода стояли іудеи. Это пониманіе выразилось у нихъ въ чрезвычайно строгихъ законахъ и правилахъ, ограждающихъ здоровье. Іудейское и другія восточныя законодательства въ отношеніи половой нравственности и соблюденія режима въ пищѣ основаны на самыхъ зрѣлыхъ и точныхъ наблюденіяхъ законовъ природы и болѣзней. До тѣхъ поръ, пока люди не будутъ трактовать съ ветхозавѣтной простотой и строгостью жизненные вопросы, которые, правда, одухотворены христіанской идеализаціей, но въ то же время и принижены,—до тѣхъ поръ не можетъ быть положено основаніе новой этикѣ въ этой области.

Эта новая этика признаетъ только то сожитіе мужчины и женщины безнравственнымъ, отъ котораго явится плохое потомство, и которое представитъ дурныя условія для развитія этого потомства. И десять заповѣдей новой этики будутъ составлены не основателемъ религіи, а естествоиспытателемъ.

До сихъ поръ—и это отчасти вслѣдствіе ложной стыдливости—наука располагаетъ весьма неполными и неточ-

ными изслѣдованіями и наблюденіями надъ физическими и психическими условіями, которыя необходимы для облагороженія и улучшенія въ будущемъ человѣческаго типа.

Онтогенія является для нашего вѣка новой наукой. Подготовленная Лесвенгукомъ, де-Граафомъ и другими, основана она была, собственно говоря, въ 1827 году, фонъ-Бэрромъ. Разнорѣчіямъ и появленію все новыхъ и самыхъ разнообразныхъ теорій не предвидится конца, и рядомъ съ чисто научными выступаютъ другія точки зрѣнія. Одно время думали, что путемъ искусственнаго питанія матери можно повліять на полъ зародыша. Стремятся доказать, что три пятыхъ, приблизительно, всѣхъ гениальныхъ людей—первороджденные. Многіе мужчины и женщины-врачи подчеркиваютъ вредныя послѣдствія искусственнаго воздержанія отъ материнства и громадное значеніе воздержанія во время беременности—они считаютъ это воздержаніе первымъ условіемъ физическаго здоровья и матери, и ребенка; другіе—отрицаютъ вредъ перваго и не считаютъ нужнымъ второе. Противники алкоголизма требуютъ отъ матери, чтобы она до рожденія ребенка не брала въ ротъ никакихъ спиртныхъ напитковъ, рекомендуютъ изгнаніе напитковъ, содержащихъ алкоголь, изъ питательнаго режима какъ матери-кормилицы, такъ и ребенка. Вегетаріанцы указываютъ на огромное значеніе вегетаріанской пищи для здоровья и душевнаго состоянія матери и ребенка. Изучаютъ вліяніе на ребенка возраста родителей—повидимому, большая молодость родителей такъ же неблагопріятна для ребенка, какъ и слишкомъ преклонный возрастъ. Первый ребенокъ слишкомъ молодой матери часто рождается очень слабымъ; къ тому же материнство для нея является нежелательнымъ,—она чувствуетъ, что, какъ физически, такъ и морально ребенокъ будетъ для нея, недавно вышедшей изъ

дѣтства, непосильной обузой. Желаніе имѣть здоровое и сильное потомство заставить назначить для брака болѣе поздній возрастъ, и на сѣверѣ, если не закономъ, то обычаемъ, слѣдовало бы запретить вступленіе въ бракъ не достигшимъ двадцатилѣтняго возраста. Дѣвушка, вступающая въ бракъ въ этомъ возрастѣ, имѣла нѣсколько лѣтъ беззаботно проведенной молодости, въ теченіе которыхъ она безпрепятственно довершала свое саморазвитіе и приобрѣтала необходимыя для материнства физическія силы и зрѣлость. Разъ двадцатилѣтній возрастъ будетъ считаться самымъ раннимъ для вступленія въ бракъ, то на дѣлѣ, въ большинствѣ случаевъ, браки будутъ заключаться еще позже, а это повлечетъ за собой большое счастье и благоденствіе для женщины, мужчины, ребенка и вообще брачной жизни, въ которой большая часть конфликтовъ вызывается тѣмъ, что женщины связываютъ себя брачными узами раньше, чѣмъ опредѣлится ихъ индивидуальность, и заговорить сознательно ихъ сердце.

Любовь мужчины можетъ выбирать себѣ избранницу, а молодая дѣвушка часто смѣшиваетъ счастье быть любимой со счастьемъ самой любить, счастьемъ, которое она познаетъ позднѣе, — и часто — въ очень трагической формѣ. Къ числу многихъ вопросовъ, находящихся въ тѣсной связи съ наслѣдственностью и подборомъ, принадлежитъ и вопросъ о значеніи того закона природы, по которому часто самыя рѣзкія противоположности дѣйствуютъ самымъ притягательнымъ образомъ, вызываютъ самыя сильныя влеченія, — влеченія, которыя въ послѣдующей супружеской жизни часто превращаются въ отвращеніе и, почти всегда, въ нетерпимость въ отношеніи тѣхъ именно особенностей, которыя вначалѣ казались такими привлекательными. Стремясь къ своей цѣли, природа въ этихъ случаяхъ какъ бы

совсѣмъ игнорируетъ или пренебрегаетъ счастьемъ индивида. Иногда, правда, всѣ противоположности родителей сливаются въ полную гармонію въ ребенкѣ, иногда, напротивъ, они выступаютъ въ немъ рѣзкой дисгармоніей, но въ томъ и другомъ случаѣ результатомъ такихъ браковъ являются исключительныя, изъ ряда выходящія существа.

Всего болѣе споровъ вызываютъ вопросы, касающіеся теоріи наследственности. Борьба происходитъ, главнымъ образомъ, между мнѣніемъ Дарвина—о преемственности приобрѣтенныхъ качествъ и противоположнымъ убѣжденіемъ Гальтона и Вейсмана. Въ связи съ этимъ вопросомъ стоитъ вопросъ о бракѣ между родственниками. Одни признаютъ, что эти браки, сами по себѣ, вредны для потомства, другіе считаютъ ихъ опасными только съ той точки зрѣнія, что, благодаря этимъ бракамъ, однѣ и тѣ же семейныя черты, встрѣчаясь у обоихъ родителей, выступаютъ въ ихъ потомствѣ въ усиленной степени и болѣе рѣзко. Врожденная, напримѣръ, близорукость у обоихъ родителей превращается въ слѣпоту у дѣтей, ихъ глупость—въ идиотизмъ, меланхолія—въ слабоуміе и т. д.

Восточное брачное законодательство, установленное Моисеемъ, западъ постепенно устранилъ, между тѣмъ законы другихъ восточныхъ законодателей, напримѣръ, Ману и Магомета, все еще продолжаютъ сохранять прежнюю силу, да и въ Китаѣ строго соблюдаютъ подобные же законы. Сознаніе огромнаго значенія наследственности изрѣдка проглядывало въ произведеніяхъ нѣкоторыхъ западныхъ писателей, напримѣръ, у Томаса Мора, который, подобно Платону, требуетъ строгаго физическаго освидѣтельствованія передъ вступленіемъ въ бракъ. Но только въ девятнадцатомъ вѣкѣ вопросъ о правахъ ребенка начинаетъ обращать на себя вниманіе во всѣхъ отношеніяхъ.

Робертъ Оуенъ своими изслѣдованіями, начатыми въ 1815 году, одинъ изъ первыхъ привлекъ всеобщее вниманіе на права ребенка. Этими изслѣдованіями онъ показалъ, что пятая часть дѣтей моложе восьмилѣтняго возраста, работающихъ подъ ударами ременныхъ бичей почти безъ перерыва 15—16 часовъ въ сутки, превращаются въ калѣкъ. Впрочемъ, еще раньше англичанинъ Мальтусъ въ своемъ трудѣ „Essay on the Principle of Population“, изданномъ въ 1798 году, обратилъ вниманіе всего общества на обстоятельства, которыя заставили его написать эту книгу, а именно: на недостатокъ средствъ существованія, вызванный слишкомъ усиленнымъ приростомъ населенія, и на послѣдовавшее вслѣдствіе этого уменьшеніе количества браковъ, повлекшее за собой, въ свою очередь, увеличеніе дѣтской смертности и случаевъ дѣтоубійствъ. Уже Мальтусъ призналъ значеніе подбора и опасность дегенераціи рода. Онъ со спокойной совѣстью встрѣтилъ ту бурю негодованія, которую вызвалъ его трактатъ. Безукоризненно нравственный, чуткій и отзывчивый, Мальтусъ долженъ былъ, подобно другимъ реформаторамъ морали, выслушать самыя наглыя обвиненія въ безнравственности и испорченности. То же самое испытала и Гарріетъ Мартино, которая выступила защитницей идей Мальтуса. Издавая новеллу, въ которой развивались эти идеи, она прекрасно знала, чему она подвергается. Но эта замѣчательная женщина, умершая дѣвушкой, уже съ юныхъ лѣтъ до такой степени была проникнута благоговѣніемъ предъ святостью и важностью акта рожденія ребенка, что, едва достигнувъ девятилѣтняго возраста, она, присутствуя при рожденіи сестренки, упала на колѣни и восторженно благодарила Бога, допустившаго ее быть свидѣтельницей величайшаго чуда—развитія человѣческаго существа съ самаго начала. То же самое

чувство заставило ее высказаться въ своей новеллѣ о необходимости ограниченія прироста народонаселенія путемъ добровольнаго воздержанія,—она страдала отъ одной только мысли о печальной участи дѣтей, число которыхъ находится въ несоразмѣрномъ отношеніи къ возможности родителей ихъ прокормить и воспитать. Эта сторона вопроса о правахъ ребенка вызвала въ литературѣ всѣхъ странъ сильную полемику, и, такъ какъ этотъ вопросъ въ Германіи, да и повсемѣстно, все еще продолжаетъ быть предметомъ споровъ и дебатовъ, то я ограничусь тѣмъ, что вкратцѣ коснусь тѣхъ разногласій во мнѣніяхъ, которыя вызвала и другая сторона этого вопроса.

Въ замѣчательномъ трудѣ Гальтона „Hereditary Genius“ ²⁾ сказано почти все то, чего мы въ наши дни желаемъ и добиваемся съ точки зрѣнія облагороженія расы. Уже въ семидесятыхъ годахъ Гальтонъ началъ оспаривать мнѣніе Дарвина о передаваемости по наслѣдству прибрѣтенныхъ качествъ. Вскорѣ онъ нашелъ поддержку въ лицѣ нѣмецкаго ученаго Вейсмана, идеи котораго, въ свою очередь, были оспариваемы послѣдователями теоріи Дарвина ³⁾.

Гальтонъ, создавшій изъ греческаго слова названіе науки объ улучшеніи и облагороженіи расы, „eugenics“, доказывалъ, что цивилизованный человѣкъ во всемъ, что касается попеченій и заботъ объ улучшеніи расы, стоитъ гораздо ниже дикарей, уже не говоря о Спартѣ, гдѣ слабымъ, слишкомъ юнымъ и слишкомъ престарѣлымъ не разрѣшалось вступать въ бракъ, гдѣ чистота расы, сила и красота тѣла составляли такую національную гордость, что единичныя личности добровольно мирились со всѣми жертвами, которыя отъ нихъ требовались ради достиженія этой цѣли. Гальтонъ такъ же, какъ и Дарвинъ, Спенсеръ, Уоллэсъ и другіе, преимущественно обратилъ вниманіе на то, что за-

конь естественнаго подбора, который во всей природѣ обезпеченъ борьбой за существованіе, не имѣетъ, къ сожалѣнію, того же значенія, вѣрнѣе, даже никакого, въ чело-вѣческомъ обществѣ, гдѣ экономическія причины приводятъ къ неравнымъ и несправедливымъ бракамъ, и гдѣ, кромѣ того, возникновеніе и развитіе симпатіи является элементомъ, препятствующимъ естественному подбору. Вѣдь идеализированная любовная симпатія всегда выбираетъ по извѣстнымъ только мотивамъ, которые, быть можетъ, и составляютъ счастье данной личности, но не заключаютъ въ себѣ элементовъ, способствующихъ облагороживанію расы. Въ то время, когда другіе писатели ⁴⁾ только желаютъ и надѣются на добровольный отказъ отъ браковъ, общающихся лишь дурное потомство, Гальтонъ положительно требуетъ самыхъ строгихъ мѣропріятій, которыя бы препятствовали плохимъ чело-вѣческимъ экземплярамъ передавать путемъ наслѣдственности ихъ пороки или болѣзни, умственную или физическую слабость. Именно потому, что Гальтонъ не вѣритъ въ возможность наслѣдственной передачи пріобрѣтенныхъ качествъ, подборъ имѣетъ для него огромное значеніе. Съ другой стороны онъ стоитъ за то, чтобы всѣми возможными средствами поощрялись тѣ браки, въ которыхъ родословная обѣихъ сторонъ, насколько мы можемъ судить, гарантируетъ прекрасное потомство. Поэтому для него, какъ позднѣе для Ницше, задача и цѣль каждаго поколѣнія заключаются въ томъ, чтобы способствовать появленію сильныхъ и гениальныхъ личностей. Гальтонъ въ своихъ статьяхъ подчеркиваетъ то, что цивилизованный чело-вѣкъ своимъ состраданіемъ къ слабымъ непригоднымъ къ жизни индивидамъ поддерживаетъ ихъ существованіе, способствуетъ ихъ размноженію, а это, въ свою очередь, уменьшаетъ возможность сильнымъ и жизне-

способнымъ продолжать свой родъ. Точно также Уоллэсъ и другіе особенно утверждаютъ, что люди, если не желаютъ ухудшенія рода, должны суровѣе и строже относиться къ этимъ вопросамъ, и что нравственные, социальныя факторы состраданія и симпатіи, которые въ человѣческой средѣ противодѣйствуютъ закону борьбы за существованіе и допускаютъ возможность большаго размноженія самыхъ плохихъ экземпляровъ, должны, наконецъ, уступить мѣсто новымъ взглядамъ на извѣстные нравственные и социальныя вопросы. Тогда альтруизмъ будетъ поддерживать естественный законъ, между тѣмъ какъ до сихъ поръ онъ этому закону противодѣйствовалъ.

Великая истина заключается въ слѣдующей мысли Спенсера: „Мы видимъ въ зародышѣ многое, развивающееся позднѣе въ такіе формы и образы, о которыхъ никто и не подозрѣвалъ, и вызывающее въ обществѣ и его членахъ такія превращенія и измѣненія, на какія мы не можемъ надѣяться, какъ на непосредственныя результаты, но которыя мы можемъ спокойно принимать, какъ законныя послѣдствія“.

Стремленіе найти тѣ естественныя законы, отъ которыхъ зависитъ улучшеніе или ухудшеніе расы, есть именно одинъ изъ такихъ зародышей. Но къ научнымъ изслѣдованіямъ этого вопроса можно примѣнить и другую, къ сожалѣнію—часто упускаемую изъ вида, мысль того же писателя: „Къ стремленію открыть истину должно непременно присоединяться стремленіе примѣнить эту истину для счастья человѣчества“.

Только когда наука дѣйствительно придетъ къ объединяющему соглашенію въ извѣстныхъ заключительныхъ выводахъ, тогда можно ожидать, что человѣчество приступитъ серьезно къ самоочищенію.

Когда читаешь въ этнографическихъ и социологическихъ сочиненіяхъ ^{*)}, какимъ ограничительнымъ условіямъ подчиняется брачная жизнь дикихъ народовъ, часто — только подъ вліяніемъ суевѣрныхъ предубѣжденій, тогда не кажется уже несбыточной или слишкомъ оптимистической надежда на близость времени, когда культурный человѣкъ, наконецъ, подчинится научно доказаннымъ положеніямъ.

Уоллэсъ не требуетъ такихъ абсолютныхъ мѣръ, какъ Гальтонъ, для ограниченія браковъ слабыхъ, мало пригодныхъ индивидовъ и для поощренія браковъ между сверхчеловѣками. Онъ признаетъ, что эта проблема — страшно запутанная и трудно разрѣшимая, между прочимъ — уже потому, что личная любовь, именно съ точки зрѣнія облагораживанія расы, является существенной и необходимой. Если люди будутъ выводиться подобно племенному скоту, то врядъ ли тогда возможно появленіе сверхчеловѣковъ! Человѣческая раса въ средніе вѣка ухудшилась, — говорилъ Гальтонъ, — потому, что лучшіе представители ея спасались въ монастыряхъ, а худшіе продолжали размножаться. Но если къ родословному дереву каждаго человѣка, раньше чѣмъ разрѣшить ему вступленіе въ бракъ, примѣнять строгія требованія Гальтона, то бракъ не только потеряетъ свой внутренній и глубокой смыслъ, но и раса лишится своего самага благороднаго наслѣдія.

Впрочемъ, даже сильно ограничивъ тезисы Гальтона и мудро уменьшивъ его требованія, наука такъ многое подтвердила въ первыхъ, что въ общемъ слѣдуетъ признать огромное значеніе вторыхъ. Теперь стало уже извѣстно, что унаслѣдованныя наклонности и предрасположенія принимаютъ у дѣтей совершенно другой видъ, чѣмъ у родителей: такъ, напримѣръ, изъ 300 идіотовъ у 145 отцы были

пьяницы; падучая у дѣтей сплошь и рядомъ является послѣдствіемъ того же порока, т.-е. пьянства родителей. Известно также, что кажущіеся вполне здоровыми индивидуы часто заболѣваютъ въ томъ же возрастѣ и той же болѣзною, какой болѣли ихъ родители. Съ другой стороны, имѣются весьма утѣшительныя наблюденія, доказывающія, что индивидуы, обладающіе силою воли, могутъ побороть нѣкоторыя вредныя наслѣдственныя наклонности, и, что особенно важно, нѣкоторыя доказываютъ возможность нейтрализаціи болѣзненныхъ предрасположеній одного изъ родителей здоровой наслѣдственностью другого. Однако какъ эта возможность, такъ и многія другія, о которыхъ я выше упоминала, далеко еще не окончательно изслѣдованы и подтверждены.

Мадсли ⁶⁾ старался выяснитъ вопросъ о наслѣдственности душевныхъ болѣзней, хотя и въ этомъ случаѣ нервныя и психическія болѣзни родителей часто совершенно измѣняютъ свой характеръ у дѣтей. Онъ также признаетъ необходимымъ медицинское освидѣтельствованіе передъ вступленіемъ въ бракъ и требуетъ, чтобы проявленіе душевной болѣзни у одного изъ супруговъ было бы признано законнымъ основаніемъ для расторгненія брака. И онъ надѣется, что „чистое“ родословное дерево въ новомъ смыслѣ этого слова будетъ такъ-же необходимо и будетъ имѣть такое же важное значеніе для будущихъ браковъ, какъ въ былые дни для браковъ между аристократами.

Одна мысль Мадсли, касающаяся этихъ вопросовъ, такъ, интересна, что ее слѣдуетъ здѣсь привести. Онъ говоритъ, что у отцовъ, напрягающихъ всѣ свои силы и энергію для пріобрѣтенія богатствъ, рождаются дѣти дегенеранты, потому что подобное нервное напряженіе такъ же губительно дѣйствуетъ на физическую и психическую организацію че-

ловѣка, какъ алкоголь или опиумъ. Если это мнѣніе дѣйствительно подтвердится, то оно прибавитъ еще одну новую точку зрѣнія къ тѣмъ многимъ, уже существующимъ, которыя доказываютъ, до чего жизнегубительна современная общественная жизнь, основанная исключительно на погонѣ за властью и деньгами, и (какъ необходимъ такой переворотъ въ этой жизни, который бы заставилъ трудъ и производство служить новой цѣли: удовлетворенію потребности каждаго человѣка жить полной и всесторонней жизнью, совершенно согласной съ человѣческимъ достоинствомъ, и оставлять послѣ себя потомство, вооруженное всѣмъ необходимымъ для подобной же жизни. Если наступитъ, наконецъ, день, когда все вышесказанное практически осуществится, тогда покажется какимъ-то ужасающимъ атавизмомъ, если на лицѣ ребенка можно будетъ подмѣтить то выраженіе, которое одинъ современный художникъ такъ вѣрно подмѣтилъ и запечатлѣлъ въ картинѣ, изображающей мальчика, „который будетъ современемъ милліонеромъ“.

Въ заключеніе я хочу выдѣлить изъ литературы по этому вопросу произведенія Ницше. Хотя Ницше не основываетъ своихъ идей о сверхчеловѣкѣ непосредственно на теоріяхъ Дарвина, но все же, какъ это недавно выяснилъ Георгъ Брандесъ, эти идеи Ницше являются выводами изъ дарвинизма, выводами, которыхъ самъ Дарвинъ не предвидѣлъ. Ни одинъ изъ нашихъ современниковъ не былъ такъ твердо убѣжденъ, какъ Ницше, въ томъ, что человѣкъ, каковъ онъ теперь, есть только „мостъ“, служащій переходомъ отъ звѣря къ сверхчеловѣку. Въ связи съ этой идеей онъ считаетъ и обязанности людей по отношенію благоустроенія рода такими же важными и серьезными, какими считаетъ ихъ Гальтонъ, хотя онъ свои положенія выска-

зываетъ, какъ пророкъ и поэтъ, а не обосновывая естественнаучными доказательствами.

Литература по этимъ вопросамъ растетъ съ каждымъ днемъ, и различныя мнѣнія все еще продолжаютъ рѣзко расходиться и противорѣчить другъ другу. И до тѣхъ поръ, пока это будетъ продолжаться, мы имѣемъ полное основаніе не забывать предостереженія нѣмецкаго социолога Курелла 7), который, высказываясь по этому предмету, сильно задѣваетъ и безъ того часто оспариваемую книгу Аммона „Естественный подборъ у человѣка“ и доказываетъ, что приходится всегда считаться какъ съ социальными, такъ и съ антропологическими моментами, если хотятъ противодействовать вырожденію человѣческаго рода. Онъ также настаиваетъ на томъ, что—побѣдитъ-ли теорія Дарвина о наследственности приобрѣтенныхъ качествъ, или же побѣда останется за его противниками, т.-е. за теоріей неизмѣнной, наследственной „массы“, которая переходитъ отъ родителей къ дѣтямъ, вслѣдствіе чего лучший типъ можетъ только произойти или отъ новаго смѣшенія индивидуальныхъ особенностей отца и матери, или же путемъ естественнаго подбора въ борьбѣ за существованіе,—все же слѣдуетъ быть очень осторожнымъ, прежде чѣмъ приступать, на основаніи антропологическихъ мотивовъ, къ социально-политическимъ дѣйствіямъ и рѣшеніямъ. Въ заключеніе онъ прибавляетъ, и совершенно основательно, что весь матеріалъ, заключающійся въ произведеніяхъ Спенсера, Гальтона, Ломброзо, Ферри, Рибо, Летурно, Хавелока, Эллиса, Гейкрафта, Калаяни, Сержи, Ритчи и другихъ, слѣдуетъ прежде всего систематически разработать; социологу слѣдуетъ кромѣ того стать зоологомъ, антропологомъ и психологомъ, прежде чѣмъ приступить къ приведенію въ исполненіе новыхъ культурныхъ плановъ для

улучшенія, или, вѣрнѣе, для облагороженія человѣческаго рода.

Многіе относительно наслѣдственности душевныхъ склонностей и свойствъ—того мнѣнія (и это мнѣніе въ наши дни увеличило интересъ къ матерямъ знаменитыхъ людей), что выдающіяся способности передаются путемъ наслѣдственности отъ матери къ сыну и отъ отца къ дочери. Другое, болѣе и лучше изслѣдованное явленіе доказываетъ, что если въ какой-нибудь семьѣ способности или дарованія достигли ихъ кульминаціоннаго пункта въ лицѣ какого-нибудь мірового генія, то или этотъ геній остается совсѣмъ безъ потомства, или же его дѣти, не только часто, но даже въ большинствѣ случаевъ, бываютъ совершенными ничтожествами, потому ли, что природа израсходовала на этого генія всю свою продуктивную силу, или потому, что творческая умственная сила этой геніальной личности развилась въ ущербъ половой производительности и уменьшила ее.

Въ связи съ вопросомъ о наслѣдственности стоитъ вопросъ о развитіи расы. Уже въ началѣ своей книги „Origin of Species“ Дарвинъ показываетъ, до чего существенно важно „чистое происхожденіе“ для развитія благородной расы. И на этихъ изслѣдованіяхъ Дарвина основывается одинъ современный писатель-антисемитъ⁸⁾, указывая на евреевъ, какъ на самый типичный примѣръ силы „чистой“ расы. Эту же самую мысль выразилъ одинъ изъ выдающихся представителей еврейской расы, Дизраэли,—въ слѣдующихъ словахъ: „Раса есть все—нѣтъ болѣе вѣрной истины, чѣмъ эта; каждая раса, беззаботно допускающая примѣсь другой крови, непременно гибнетъ“. Напротивъ, другіе ученые считаютъ извѣстное смѣшеніе расъ весьма полезнымъ для потомства.

Одинъ финскій соціологъ ⁹⁾ прекрасно мотивировалъ то громадное значеніе, которое имѣетъ красота для любви и для расы, приводя въ доказательство, что человѣкъ, какъ воплощеніе физической красоты, соединяетъ въ себѣ на высшей ступени развитія всѣ тѣ черты, которыя накладываютъ свой отпечатокъ на человѣческой организмъ, какъ на мужчину, такъ и на женщину и вообще на всю расу. Онъ полагаетъ, что это зависитъ отъ того, что индивиды, обладающіе этими чертами, болѣе другихъ приспособлены къ выполнению своихъ жизненныхъ задачъ. И такимъ образомъ одно изъ слѣдствій естественнаго подбора то, что именно тѣ индивиды признаются самыми красивыми и болѣе всего желательными, которые—во-первыхъ, какъ люди, выполняютъ лучше всего общія задачи и обязанности человѣческаго организма, во-вторыхъ, какъ представители пола, — исполняютъ обязанности ихъ пола и, наконецъ, какъ расовые представители, лучше всего приспособляются къ окружающимъ ихъ условіямъ и обстановкѣ. Въ борьбѣ за существованіе оказываются побѣжденными всѣ, происходящіе отъ людей, любовные инстинкты которыхъ выработали изъ нихъ индивидовъ, плохо приспособленныхъ къ этой борьбѣ, тогда какъ побѣдителями изъ нея выходятъ дѣти хорошо подобранныхъ родителей. Этимъ путемъ и выработался тотъ вкусъ, благодаря которому самая лучшая приспособляемость въ то же время признается и кажется самой высшей красотой.

Какъ бы въ доказательство справедливости только что высказанныхъ положеній, другой писатель приводитъ человѣческую ногу. Узкая нога съ высокимъ подъемомъ и тонкой костью,—говоритъ онъ,—считается самой красивой. Но такая нога встрѣчается только въ связи съ эластичнымъ, сильнымъ и тонкимъ костестроеніемъ. Подобная нога, бла-

Годаря своей гибкости и эластичности, болѣе сильна и болѣе способна выносить тяжести, чѣмъ плоская. А поэтому нога съ высокимъ подъемомъ облегчаетъ и усиливаетъ при ходьбѣ и прыганьѣ дѣятельность легкихъ и сердца, эта дѣятельность въ свою очередь дѣлаетъ походку эластичной, сильной, легкой, ловкой и гордой, и всѣ эти качества, на томъ же основаніи, какъ и сама красота ноги, признаются расовымъ отличіемъ, а подобная физическая сила и легкость дѣйствуютъ на бодрость духа, на самоувѣренность—и увеличиваютъ, такимъ образомъ, чувство самообладанія, господства и жизнерадостности, которое признается отличительнымъ признакомъ благороднаго человѣка.

Насколько это объясненіе въ данномъ случаѣ выдерживаетъ или не выдерживаетъ критику,—все равно: оно не является опроверженіемъ истинности основного воззрѣнія, на которомъ оно зиждется, и которое постепенно все больше и больше распространяется. Это—то воззрѣніе, по которому душа и тѣло путемъ приспособляемости къ окружающему взаимно другъ друга возвышаютъ и улучшаютъ.

Отсюда слѣдуетъ, что необходимо не только отыскать условія, благопріятствующія самому лучшему подбору, но и тѣ, которыя усиливаютъ или осложняютъ уже приобрѣтенныя путемъ подбора качества.

Теперь снова стали признавать все важное значеніе тѣлесныхъ упражненій, и послѣ цѣлаго ряда печальныхъ увлеченій, которыя были необходимы, какъ предостереженіе и напоминаніе о томъ, что не слѣдуетъ вдаваться въ крайность, доводить себя до переутомленія, до безумныхъ пари и безразсудныхъ увлеченій спортомъ (что, особенно для женщинъ, готовящихся быть матерями, имѣло часто самыя вредныя послѣдствія),—спортъ, игры, гимнастика и возрожденный, по образцу народныхъ шведскихъ танцевъ,

новый родъ танцевъ сдѣлаются однимъ изъ самыхъ пріятныхъ и полезныхъ источниковъ психическаго и физическаго обновленія новаго поколѣнія.

Въ связи съ мыслью объ обновленіи поколѣнія указываютъ на вліяніе искусства въ этомъ вопросѣ. Такъ, на примѣръ, доказываютъ, что такой художникъ, какъ Бёрнъ-Джонсъ, создалъ новый англійскій женскій типъ, который образовался путемъ постепенной приспособляемости къ тому благородному и спокойному стилю, который этотъ художникъ признавалъ за образцовый. Утверждаютъ, что довольно только поглядѣть на толпу молодыхъ англичанокъ, стоящихъ передъ произведеніями Бёрнъ-Джонса, чтобы тотчасъ же замѣтить, что не только выраженія, но даже и лица представляютъ поразительное сходство съ его образами. Художникъ повліялъ въ этомъ направленіи на юношество раньше, чѣмъ оно могло сознать это вліяніе. Всѣ молодыя дѣвушки росли передъ этими образами, видѣли ихъ на картинкахъ дѣтскихъ книжекъ; ихъ одѣвали въ платья того покроя, который изображенъ на картинахъ этого художника. Еще больше: на томъ же основаніи, на какомъ въ Греціи женщинъ, готовившихся быть матерями, окружали скульптурными изображеніями красоты и тѣмъ вліяли на красоту потомства, предполагаютъ и теперь, что современныя англійскія матери передали по наслѣдственности своимъ дѣтямъ Бёрнъ-Джонсовскій типъ благодаря тому, что постоянно видѣли передъ собой произведенія этого художника. Въ древнемъ мірѣ вѣрили въ то, что и во многихъ другихъ случаяхъ, на примѣръ—желая добиться у потомства излюбленнаго тогда золотистаго цвѣта волосъ, можно было заранѣе и преднамѣренно все приготовить, чтобы достигнуть желаемой цѣли.

Что касается того значенія, какое могутъ оказывать на

мать высшія вліянія, то у насъ имѣется еще слишкомъ мало матеріала и данныхъ, чтобы на нихъ основывать какія бы то ни было положенія, да и ученые въ этомъ вопросѣ все еще не могутъ придти ни къ какому соглашенію. Поэтому я только мимоходомъ коснулась тѣхъ мотивовъ, которые, въ числѣ многихъ другихъ, должны еще подвергнуться разностороннимъ изслѣдованіямъ, прежде чѣмъ люди составятъ себѣ, наконецъ, вѣрный взглядъ и окончательное представленіе объ условіяхъ воплощенія чело-вѣка. За недостаткомъ научныхъ свѣдѣній, я могла только намекнуть на литературу и на тѣ немногочисленные изслѣдо-ванія, благодаря которымъ въ прошломъ вѣкѣ началъ про-ливаться нѣкоторый свѣтъ на таинственную загадку появле-нія жизни. Мракъ еще продолжаетъ окутывать многія изъ этихъ загадокъ, но чело-вѣческой умъ уже паритъ надъ этимъ мракомъ и очень скоро вызоветъ изъ него новый міръ непреложныхъ истинъ и вѣрныхъ положеній.

Въ связи съ этимъ стоитъ и развитіе новыхъ понятій о правахъ въ этихъ областяхъ. Въ то время какъ языческое общество со всей присущей ему жестокостью выбрасывало, даже, вѣрнѣе, уничтожало слабыхъ дѣтей и дѣтей-калѣкъ, христіанское общество зашло въ своей „мягкости“ такъ далеко, что оно считаетъ своей первой задачей поддержа-ніе и продленіе жизни физически слабымъ, неисцѣлимо-больныхъ и дѣтей-уродовъ и такимъ образомъ какъ бы обрекаетъ этихъ дѣтей и окружающихъ ихъ на ежеднев-ную, даже ежечасную пытку. Въ чело-вѣческомъ обществѣ, — которое, между прочимъ, продолжаетъ допускать смертную казнь и войну, — еще недостаточно сильно развиты благого-вѣніе и уваженіе къ жизни, чтобы можно было разрѣ-шить, безъ опасенія злоупотребленій, прекращать подобную мучительную, ни къ чему непригодную и даже иногда прямо

вредную жизнь. Когда только одно состраданіе будетъ руководить людьми въ вопросахъ о подобной насильственной смерти, тогда гуманность будущаго выразится въ дозволеніи врачу, подъ извѣстнымъ контролемъ и его личной отвѣтственностью, безболѣзненно прекращать подобныя неисцѣлимыя страданія. А между тѣмъ это наше современное христіанское общество въ то же время продолжаетъ поддерживать, имъ же установленное, рѣзкое различіе между „законными“ дѣтьми и „дѣтьми грѣха“, различіе, которое больше, чѣмъ что-либо другое, не допускаетъ и затрудняетъ настоящее этическое пониманіе родительскихъ обязанностей. До тѣхъ поръ, пока каждый ребенокъ не будетъ пользоваться одинаковымъ правомъ по отношенію къ обоимъ родителямъ, а оба родителя не будутъ имѣть по отношенію къ каждому ребенку однѣхъ и тѣхъ же обязанностей, до тѣхъ поръ не будетъ заложенъ даже и первый „камень“ въ фундаментѣ будущей морали сожителства мужчины и женщины.

Общество въ послѣдствіи будетъ смотрѣть на образованіе формъ любовныхъ отношеній, какъ на частное дѣло совершеннолѣтняго индивида. Всѣ любящіе, всѣ женатые станутъ смотрѣть на себя, какъ на людей совершенно свободныхъ, и будутъ признаваться всѣми за таковыхъ. Уже теперь чуткіе и развитые люди смотрятъ на всѣ связующіе обѣты въ сферѣ чувства, на всѣ требованія какихъ бы то ни было правъ собственности на личность,—какъ на пережитокъ низменнаго эротическаго чувства, чувства, искаженнаго деспотизмомъ, жестокостью и ослѣпляющей страстью. Теперь начинаютъ сознавать, что абсолютной вѣрности можно достигнуть только путемъ полнѣйшей свободы, и только при ней возможно полнѣйшее сліяніе всего существа. Когда каждый—мужчина и женщина—откажется отъ

желанія передѣлать и подчинить своимъ чувствамъ чувства, настроенія, привычки, склонности другого, когда каждый будетъ почитать за счастье продолжительность чувства другого и перестанетъ смотрѣть на это, какъ на свое неотъемлемое право, когда каждый будетъ видѣть для себя горе и страданіе во внезапномъ прекращеніи чувства другого, а не будетъ считать это незаконнымъ и несправедливымъ,— тогда только можетъ произойти свободное, полное и дѣйствительное сліяніе душъ.

Свобода не представляетъ никакой опасности для вѣрности. Тотъ родъ вѣрности, который прежде требовали церковь и законъ, былъ долгое время важнымъ воспитательнымъ средствомъ. Теперь это средство превратилось въ препятствіе и противодѣйствіе достиженію цѣли, такъ какъ оно породило чувство права собственности, которое въ свою очередь привело къ небрежному, невнимательному отношенію къ культу любви, повело къ принудительнымъ требованіямъ, вызывающимъ враждебность и страхъ передъ человекомъ, къ тысячамъ разнообразныхъ увертокъ и хитростей, лживыхъ и нечестныхъ поступковъ, къ лицемерію и притворству, какъ между супругами, такъ и по отношенію къ тому, что принято называть свѣтомъ. Когда принудительныя цѣпи падутъ,—чувство окрѣпнетъ; тогда не будетъ наружныхъ подпорокъ, поддерживающихъ вѣрность—сила для поддержки вѣрности будетъ черпаться изъ внутренняго существа человека. И несмотря на то, что люди всегда будутъ подвержены возможности глубоко ошибаться, какъ въ себѣ, такъ и въ объектахъ любви, несмотря на то, что время всегда можетъ измѣнить и людей, и ихъ чувства, и что даже въ бракахъ, заключенныхъ по взаимной любви могутъ явиться положенія и отношенія, которыя будутъ только подтверждать справедливость идеи Ницше, „что

лучше сломить бракъ, чѣмъ быть имъ сломаннымъ“,—все же, по общему правилу, свобода будетъ способствовать и укрѣплять вѣрность.

Нельзя подготовиться къ счастью сильной и великой любви рядомъ легко завязывающихся и еще легче порывающихся связей. Свободная, добровольная вѣрность есть одинъ изъ отличительныхъ признаковъ благородства, потому что въ ней заключается воля человѣка, сконцентрированная на самой сущности жизни, потому что она заключаетъ въ себѣ единеніе и единство съ нашимъ внутреннимъ я. Это одинаково относится какъ къ любовной, такъ и ко всѣмъ родамъ вѣрности. Когда любовь становится благочестіемъ будничныхъ дней и благоговѣніемъ праздничныхъ часовъ, когда эту любовь лепѣютъ и растягиваютъ подъ непосредственнымъ вниманіемъ души, когда она постоянно возвышаетъ значеніе или—лучше употребимъ старинное хорошее слово— „святость“ личности, только тогда любовь дѣйствительно велика. И тогда она имѣетъ и высшія права, чѣмъ какая бы то ни было прежняя связь, потому что именно такая любовь означаетъ вѣрность по отношенію къ нашему собственному высшему и лучшему я. Любовь, не имѣющая такого характера, не имѣетъ и высшихъ правъ, она—просто маленькое мелкое чувство, хотя бы оно и было скрашено сильной страстью. И дѣти, происшедшія отъ мимолетныхъ, легкихъ связей, являются такими же нецѣльными, какъ и чувство, которое ихъ породило. „Великая любовь,—писалъ мнѣ недавно молодой докторъ,—есть та, которая такъ глубоко и всеобъемлюще захватываетъ человѣка, что, утративъ ее, перестаешь себя чувствовать цѣлой единицей, а только одной ея половиной. Хотя природа, въ заботѣ о продолженіи рода и желая его защитить отъ возможности его прекращенія, дала человѣчеству способность любить нѣ-

сколько разъ, — но для насъ не можетъ быть и сомнѣнiя въ томъ, каковъ въ этомъ отношенiи идеаль природы. Та новая раса, которая явилась бы, будь дана юношамъ и дѣвушкамъ возможность сочетаться бракомъ, какъ только первая любовь овладѣетъ ими (а эта любовь — самая глубокая и сильная), — та раса была бы здоровѣе и сильнѣе и совершенно иная, чѣмъ наша. Въ наше время, когда молодежь впервые полюбитъ, у ней обыкновенно нѣтъ средствъ для вступленiя въ бракъ, а когда, наконецъ, у нея являются эти средства, тогда, чаще всего, чувство, заставляющее ее вступать въ бракъ, — уже не то высокое и глубокое, которое она когда-то испытывала, а только суррогатъ его, если не простая, лживая поддѣлка подъ чувство“.

Подобнаго рода переворотъ въ общественныхъ условiяхъ и въ индивидуальныхъ возрѣнiяхъ на дѣйствительную цѣнность жизни, который повелъ бы къ тому, что молодые люди въ возрастѣ отъ двадцати до тридцати лѣтъ получили бы возможность основывать свое собственное гнѣздо и способность при самыхъ скромныхъ средствахъ испытывать счастье, — подобный переворотъ явился бы самымъ существеннымъ условiемъ для появленiя новыхъ людей, которые, какъ древнiе эллины и римляне, стали бы видѣть въ домашнемъ очагѣ алтарь, а въ любовной жизни — священнодѣйствiе. И только послѣ такого переворота можно ожидать искорененiя самаго постыднаго общественнаго бѣдствiя — проституци. И только послѣ такого переворота можно съ полнымъ правомъ требовать отъ молодежи воздержанiя и самообладанiя, а эти качества, въ свою очередь, будутъ самыми лучшими показателями здороваго происхожденiя и образованiя этого новаго человѣческаго рода.

При настоящемъ положенiи вещей наблюдаются какъ случаи глубокой безнравственности незамужнихъ матерей,

такъ и случаи глубоко нравственныхъ дѣвушекъ, сдѣлавшихся матерями въ силу великой и чистой любви къ отцу ихъ ребенка, но которыя по разнымъ причинамъ и основаніямъ не могли соединиться съ нимъ законнымъ бракомъ.

Но даже въ томъ случаѣ, когда будетъ облегчено заключеніе браковъ, должно быть допущено материнство для одинокихъ женщинъ.

Бьернстьерне-Бьерсонъ, читая лекціи о половой нравственности, сильно ратовалъ за то, чтобы женщины, желающія материнства, но, по собственному ихъ мнѣнію, еще не подготовленныя къ брачной жизни, имѣли полное право сдѣлаться матерями, не вступая въ законный бракъ, при томъ, конечно, условіи, чтобы онѣ брали на себя всѣ материнскія обязанности и заботы по отношенію къ ребенку. Подобная мысль не только жизнеспособна, — она имѣетъ большую будущность. Въ Германіи извѣстенъ такой случай, когда вполне нормально развитая, какъ умственно, такъ и физически, не молодая уже женщина за нѣсколько дней до свадьбы пришла къ убѣжденію, что темпераментъ и обстоятельства каждаго изъ собирающихся вступить въ бракъ таковы, что они поведутъ къ обоюдному несчастью. Она отказалась отъ вѣнчанія, родила, не будучи замужемъ, ребенка и воспитываетъ его теперь открыто, на глазахъ всего общества и съ полнымъ самоотверженіемъ. Она имѣетъ теперь возможность не только свободно трудиться, наслаждаться своимъ материнскимъ счастьемъ, но и исполнять свои дочернія обязанности, чего бы не допустила брачная жизнь. Это одинъ изъ многихъ случаевъ, изъ многихъ примѣровъ, собранныхъ самой жизнью, который показываетъ, до чего нелѣпо общественное требованіе вставлять различныя человѣческія натуры въ рамки одного образца и помѣщать ихъ въ одинаково для всѣхъ

размѣренную и установленную сферу долга и обязанностей.

Есть сфера долга и обязанностей,—она все больше и больше будетъ распространяться и развиваться,—это та, которая заключаетъ въ себѣ права ребенка. Но въ будущемъ границы этой сферы будутъ совсѣмъ иныя, чѣмъ теперь. Тогда самымъ главнымъ и первымъ правомъ ребенка будетъ,—не рождаться, хотя бы и въ законномъ, но не гармоничномъ бракѣ. Поэтому бракъ долженъ быть прежде всего свободнымъ, т.-е.—чтобы супруги могли по обоюдному согласію расходиться и только при заключеніи брака и при его расторгеніи были бы обязаны брать на себя извѣстныя обязательства по отношенію къ дѣтямъ. Подобнаго рода постановленія закона будутъ, конечно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ совершенно излишни, но въ другихъ они будутъ имѣть огромное значеніе и не будутъ являться препятствіемъ къ развитію лучшаго отношенія къ дѣтямъ, тогда какъ существующіе принудительные брачныя законы—затрудняя разводъ и допуская нежелательную опеку мужей,—превратились въ настоящее препятствіе къ развитію болѣе возвышеннаго и болѣе чистаго совмѣстнаго сожителства между женщиной и мужчиной.

Сколько бы ни старались туго натягивать связующія брачныя узы, этимъ не оградить ребенка отъ возможнаго несчастья—родиться и развиваться въ разрушенномъ и оскверненномъ родительскомъ домѣ. Отъ этого можетъ оградить только болѣе серьезное отношеніе при выборѣ до заключенія брака, а главнымъ образомъ и прежде всего—болѣе глубокое чувство отвѣтственности передъ самимъ ребенкомъ. Это чувство дастъ возможность тѣмъ супругамъ, которые такъ или иначе не обманулись въ своихъ надеж-

дахъ на брачное счастье, сохранить при дальнѣйшей совмѣстной жизни достоинство, спокойствіе и благоразумную покорность, если только они придуть къ заключенію, что для уже существующихъ дѣтей продолженіе ихъ совмѣстной жизни будетъ лучшимъ рѣшеніемъ возникшаго конфликта. Однако, достоинство требуетъ, чтобы ихъ супружескія отношенія прекратились, и чтобы они остались соединенными только родительскимъ чувствомъ. Только при такихъ условіяхъ нерасторженіе подобнаго брака можетъ принести дѣтямъ пользу, и эти внутренне разъединенные супруги не произведутъ на свѣтъ новаго существа, въ которомъ, путемъ наслѣдственности, можетъ отразиться ихъ дисгармонія.

Легкомысленно заключенныхъ браковъ много, — легкомысленно совершенныхъ разводовъ мало, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣются на лицо дѣти. Не голосъ закона, а голосъ крови является удерживающей силой даже и теперь, и не обвинительный приговоръ общества, а приговоръ собственныхъ дѣтей признается самымъ позорнымъ. Однако, нравственные мотивы являются рѣшающими, какъ въ свободныхъ союзахъ, такъ и въ законныхъ бракахъ, и ребенокъ ничего не теряетъ съ утратой отца или матери, которыхъ удерживаетъ только принудительный законъ. Всѣми силами слѣдуетъ способствовать пробужденію совѣсти отцовъ и матерей именно къ подобнымъ неписаннымъ законамъ и не изданнымъ обязательствамъ, и тогда постепенно установятся и лучшіе нравы. Быть можетъ, для этого потребуются на извѣстное время и новые законы, но прежде всего потребуются уничтоженіе тѣхъ устарѣлыхъ понятій о правахъ, которыя уже исполнили свою задачу воспитателей нравственности, а теперь являются только помѣхой въ стремленіи къ болѣе высокому уровню морали. Типы мужчинъ

или женщинъ-соблазнительей, губящихъ жизнь молодого существа того или другого пола, нарушающихъ покой счастливой супружеской жизни, клеймятся все возрастающимъ презрѣніемъ по мѣрѣ того, какъ научаются отличать безсердечную игру бездушныхъ покорителей сердець, основанную только на жаждѣ чувственного наслажденія,—отъ голоса дѣйствительной и великой любви, и по мѣрѣ того, какъ понятіе о половой нравственности становится равнозначашимъ чувству отвѣтственности передъ новымъ будущимъ поколѣніемъ.

Удовлетвореніе половыхъ инстинктовъ, противодѣйствующее истиннымъ и серьезнымъ цѣлямъ природы,—вотъ что губить и разрушаетъ какъ отдѣльныхъ индивидовъ, такъ и цѣлыя народы. Но, какъ уже было сказано, однимъ только искорененіемъ чувственности не удастся положить предѣлъ этимъ разрушеніямъ.

Слѣдуетъ радостно привѣтствовать писателя, который въ своихъ произведеніяхъ ополчается противъ господства чувственности, не признающей и освободившейся отъ всякаго чувства отвѣтственности. Весьма, однако, нежелательное, даже вредное вліяніе оказываетъ писатель, когда онъ, какъ, напримѣръ, Толстой, смѣшиваетъ понятіе „чувственность“ съ понятіемъ „любовь“ или признаетъ ихъ равнозначашими. Человѣческій родъ не будетъ избавленъ отъ унижающаго его господства половыхъ инстинктовъ тѣмъ, что любовь будетъ унижена до степени чувственности, или же, напротивъ, возвышена до степени чистодуховной абстрактности. Это избавленіе, какъ я не разъ уже объясняла, наступитъ только тогда, когда чувственность будетъ возвышена до степени любви, иными словами—когда умственное единеніе, нѣжная преданность, самоотреченіе, сліяніе душъ, общность труда и товарище-

ская дружба стануть такими же серьезными, рѣшающими мотивами въ идеализированномъ любовномъ счастьѣ, въ идеализированномъ любовномъ обаяніи, какъ и чувственное влеченіе. Это богатство объединяющихъ и общихъ элементовъ есть то, что поддерживасть и сохраняетъ не только наружную, но и внутреннюю любовную вѣрность. И это полное сліянiе душъ сохраняетъ весеннюю прелесть чувственного обаяніа, тогда какъ каждая связь—законный бракъ или свободное сожителство,—основанная исключительно на чувственной влюбленности, а не на душевномъ и симпатическомъ чувствѣ общности, быстро утрачиваетъ свое счастье, вмѣсто котораго остается только одно пресыщеніе.

Требованія отвѣтственности и обязательствъ по отношенію къ дѣтямъ будутъ становиться все серьезнѣе по мѣрѣ того, какъ общество научится видѣть въ предотвращеніи безвинныхъ и безцѣльныхъ страданій одну изъ самыхъ благородныхъ своихъ задачъ.

Нравственность будущаго не будетъ заключаться въ томъ, чтобы приносить въ жертву „святости“ и ненарушимости семьи такъ называемыхъ бастардовъ (незаконно-рожденныхъ), часто богато одаренныхъ природой, но съ которыми, въ силу господствующихъ нынѣ законоположеній, такъ обращаются, что они нерѣдко становятся дѣйствительными бастардами, т.-е. выродками, озлобленными и преисполненными чувства мести ко всему обществу и къ тѣмъ несправедливымъ законамъ, жертвами которыхъ они становятся. Дѣтубійство, отравленіе фосфоромъ, фабрикація „ангеловъ“—все это является прямымъ послѣдствіемъ этихъ несправедливыхъ законоположеній. Всѣ эти послѣдствія не такъ, однако, разрушительны, какъ тѣ, которыя общество само навлекаетъ на себя, не принимая

никакихъ мѣръ къ спасенію „незаконнорожденныхъ“ дѣтей, гибнущихъ, главнымъ образомъ, не физически, а морально. Вѣдь, въ этихъ дѣтяхъ часто не только гибнуть хорошія силы, богатые дарованія, но и развиваются опасные и разрушительные для общества элементы. Въ свое время вся Европа содрогалась отъ ужаса и негодованія при вѣсти о нікому ненужномъ и безцѣльномъ убійствѣ австрійской императрицы, для меня же лично самымъ ужаснымъ во всемъ этомъ происшествіи было признаніе, вырвавшееся изъ устъ убійцы: „Я ничего не знаю о моихъ родителяхъ“...

Наступитъ время, когда на ребенка будутъ смотрѣть, какъ на святыню, даже въ томъ случаѣ, если его родители, подходя къ этой величайшей тайнѣ жизни и сливаясь въ ней, дѣйствовали исключительно подъ вліяніемъ самыхъ земныхъ чувствъ. Наступитъ время, когда материнство будетъ считаться священнымъ, если это материнство явилось послѣдствіемъ чистой и дѣйствительной любви и вызвало серьезное сознаніе материнскихъ обязанностей ¹⁰⁾.

Тогда будутъ признавать законнымъ каждаго ребенка, рожденнаго здоровыми, любящими людьми, разумно и любовно воспитаннаго, хотя бы его родители не были мужемъ и женой.

Но тогда же признають „бастардомъ“ и каждаго ребенка, рожденнаго въ бракѣ безъ любви или же унаслѣдовавшаго отъ родителей физическіе или умственные недостатки, хотя бы эти родители были вѣнчаны самимъ папой и въ соборѣ святого Петра. И презрѣніе падеть тогда не на невѣнчанную нѣжную мать здороваго, жизнерадостнаго ребенка, а на законную или незаконную мать существа, осужденнаго, благодаря наслѣдственности, за прегрѣшенія его предковъ къ вырожденію.

Въ драмѣ, возбуждившей сильную палемику — „Дѣтенышъ льва“, — встрѣчается слѣдующій діалогъ между старикомъ и молодымъ:

Старикъ: Слѣдующій вѣкъ будетъ вѣкомъ ребенка, подобно тому, какъ нынѣшній былъ вѣкомъ женщины. И когда ребенку будутъ, наконецъ, даны всѣ его права, тогда и нравственность станетъ совершенной. Тогда каждый человѣкъ будетъ знать, что онъ связанъ съ вызванной имъ жизнью другими узами, чѣмъ тѣ, которыя налагаютъ общество и законы... Ты понимаешь, что мужчина не можетъ отказаться или уйти отъ своихъ отеческихъ обязанностей, хотя бы онъ отправился ради этого въ кругосвѣтное путешествіе. Корона короля можетъ быть дарована и взята обратно, корона отца — никогда.

Молодой человѣкъ: Я это знаю.

Старикъ: Но обязанности отца не исчерпываются тѣмъ, что онъ заботится, охраняетъ и поддерживаетъ жизнь, которой самъ далъ начало. Мужчина долженъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ задумываться и серьезно обсуждать вопросъ, имѣетъ ли онъ вообще право дать начало другой жизни, и когда именно.

Это разсужденіе дало мнѣ, во-первыхъ, заглавіе для моей книги, а во-вторыхъ, послужило исходной точкой моему утвержденію, что первое и самое главное право ребенка — право выбирать своихъ родителей.

И при этомъ должна быть прежде всего принята въ соображеніе мысль, все чаще высказываемая и все сильнѣе поддерживаемая писателями-послѣдователями дарвинизма, — мысль, заключающаяся въ томъ, что основаніемъ для юридическихъ наукъ и педагогики должны служить всѣ естественныя науки, къ которымъ теперь причисляютъ и психологию. Человѣкъ долженъ знать и изучать законы есте-

ственного подбора и дѣйствовать сообразно духу этихъ законовъ. Всѣ наказанія, налагаемая обществомъ, должны служить охранительными мѣрами и мѣрами безопасности для естественнаго подбора. Первой охранительной мѣрой должно быть запрещеніе людямъ съ ясно выраженнымъ преступнымъ типомъ—при чемъ всѣ особенности, доказывающія преступность ихъ типа, должны быть установлены и признаны учеными—продолжать ихъ родъ, во избѣжаніе передачи этихъ особенностей по наслѣдственности ихъ потомству.

Такимъ образомъ человѣческой родъ освободится постепенно отъ тяготѣющаго надъ нимъ атавизма, возвращающаго его къ прежнимъ низшимъ стадіямъ развитія. Это, такъ сказать, первая посылка эволюціи, путемъ которой человѣкъ найдетъ возможнымъ „let the ape and tiger die“ (предоставить вымирать обезьянамъ и тиграмъ).

Вторымъ условіемъ является требованіе, чтобы всѣ, отягченные наслѣдственными физическими или психическими болѣзнями не передавали ихъ путемъ наслѣдственности другому поколѣнію.

Относительно подобной наслѣдственности мнѣнія весьма рѣзко расходятся. Такъ, напримѣръ, въ вопросѣ о туберкулезѣ авторитеты совершенно расходятся въ своихъ мнѣніяхъ. Одни считаютъ эту болѣзнь передающейся путемъ наслѣдственности, другіе полагаютъ, что это—болѣзнь заразная и, если удалить ребенка отъ туберкулезной матери, то для него эта пагубная болѣзнь не будетъ представлять никакой опасности. Точно также дѣлятся мнѣнія и о наслѣдственности рака. Зато по отношенію къ другимъ болѣзнямъ имѣются уже вполне выясненныя и опредѣленныя данныя; и законъ не разрѣшаетъ вступать въ бракъ людямъ, одержимымъ падучей, хотя на практикѣ этотъ

законъ часто обходятъ. Однако по отношенію къ сифилису, алкоголизму и многочисленнымъ нервнымъ заболѣваніямъ, которыя въ различныхъ формахъ несомнѣнно передаются дѣтямъ, законодательства молчатъ и ничего не предпринимаютъ!

Существуетъ старинная народная поговорка, которая гласитъ: дѣти должны благодарить родителей за дарованную имъ жизнь. Это могли, пожалуй, дѣлать наши родители, которые,—какъ я, на примѣръ, знаю по собственному опыту,—унаслѣдовали отъ своихъ родителей физическое и душевное здоровье, что опять таки могло произойти только благодаря раннимъ вполне гармонирующимъ бракамъ ихъ предковъ, какъ съ материнской, такъ и съ отцовской стороны. Въ большинствѣ же случаевъ наоборотъ родители должны бы просить у дѣтей прощенія за то, что даровали имъ жизнь.

Когда приходится имѣть дѣло съ людьми, погрязшими въ порокахъ и преступленіяхъ, съ людьми, страдающими изъ ряда выдающеюся нервною или другими страшными болѣзнями, наконецъ, съ людьми, душевная жизнь которыхъ изломана, исковеркана, то въ большинствѣ случаевъ приходится убѣждаться, что причиной подобныхъ ненормальностей является какое-нибудь обстоятельство, предшествовавшее появленію этихъ людей на свѣтъ, или же совершившееся въ ранніе годы ихъ дѣтства. Такъ, на примѣръ, мы узнаемъ, что эти люди родились отъ слишкомъ молодыхъ или слишкомъ пожилыхъ родителей, или отъ болѣзненныхъ матерей и отцовъ, или были зачаты пьянымъ отцомъ или же матерью, изнуренной непосильной работой и частыми родами, или же они произошли отъ браковъ, заключенныхъ безъ любви, или отъ супружескихъ сношеній, продолжавшихся и послѣ того, какъ

супруги перестали любить другъ друга. Они такимъ образомъ были зачаты съ отвращеніемъ, по принужденію, матери носили ихъ, возмущаясь и негодуя на свою судьбу, вниѣдря въ кровь этихъ неродившихся еще существъ зародыши дисгармоніи и отвращенія къ жизни. Большая часть неправильностей, ненормальностей—между прочимъ, мужененавистничество у женщинъ,—являются послѣдствіями вышеизложенныхъ причинъ. Нерѣдко на развитіе подобныхъ болѣзненныхъ субъектовъ вліяетъ и то обстоятельство, что они выросли въ семьѣ, въ которой имъ пришлось страдать отъ нестерпимаго гнета, дурныхъ примѣровъ и вѣчныхъ раздоровъ.

Уже въ наши дни стали такъ ясно сознавать огромное значеніе наслѣдственности, что многіе молодые люди, сами уже отягоченные въ томъ или другомъ видѣ наслѣдственными недостатками и пороками цѣлаго ряда предшествовавшихъ поколѣній, считаютъ своимъ нравственнымъ долгомъ лучше отказаться отъ счастья имѣть дѣтей, чѣмъ передать новому поколѣнію свое пагубное и жалкое наслѣдіе. Я лично знаю одну женщину, которая, будучи сама совершенно здоровой, отказалась отъ брака съ любимымъ человѣкомъ потому, что въ ея семьѣ какъ со стороны отца, такъ и со стороны матери передавалось путемъ наслѣдственности сумашествіе. Рассказывали мнѣ о другой женщинѣ, которая отказала жениху, когда убѣдилась, что любимый ею человѣкъ—пьяница, и что поэтому она не имѣетъ права дать своимъ будущимъ дѣтямъ подобнаго отца. Особенно часто грѣшатъ въ подобныхъ случаяхъ брачной жизни женщины по невѣдѣнію, такъ какъ часто не знаютъ, что падучая и многія болѣзни у дѣтей являются послѣдствіями зачатія этихъ дѣтей пьянымъ отцомъ.

Для молодой женщины не можетъ быть лучшей про-

вѣрки своихъ чувствъ къ мужчинѣ, какъ то, будетъ ли она, при мысли о томъ, что всѣ его свойства и качества унаслѣдуются ея дѣтьми, испытывать ликующую радость, или мучительное безпокойство и страхъ.

Мужчины грѣшатъ не однимъ только пьянствомъ, но и во многихъ другихъ отношеніяхъ, при чемъ послѣдствія бывають еще болѣе губительны.

Однако совѣсть мужчинъ начинаетъ просыпаться, и это выражается частью—въ ихъ рѣшимости отказываться отъ брака, когда они знаютъ, что передадутъ потомству плохое наслѣдіе, частью — въ высоконравственныхъ поступкахъ, въ родѣ слѣдующаго: молодой человѣкъ, самъ врачъ, считалъ себя совершенно здоровымъ, когда вступалъ въ бракъ; вскорѣ ему пришлось убѣдиться въ своей ошибкѣ, и онъ долженъ былъ или отказаться отъ супружескаго сожитія съ женой, или заразить и ее. Въ виду взаимной страстной любви оставался только одинъ выходъ—разойтись. Онъ считалъ невозможнымъ и несправедливымъ продолженіе совмѣстной жизни при условіи лишь дружескихъ отношеній, такъ какъ это лишало бы жену радости материнства. Тогда онъ выбралъ для себя смерть:

Онъ убилъ себя такъ, что всѣ, и прежде всего—его жена, приписали его смерть несчастному случаю.

Точно также поступилъ другой человѣкъ, который, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ совмѣстной жизни, имѣя уже троихъ дѣтей, случайно узналъ, что онъ—ея единокровный братъ.

Впрочемъ поступки этихъ мужчинъ такъ же, какъ и вышеупомянутыхъ женщинъ, являются пока только единичными фактами.

Пройдетъ много поколѣній, прежде, чѣмъ нежеланіе дѣлать отцомъ своихъ дѣтей дегенеранта, войдетъ въ плоть

и кровь женщины и превратится въ неудержимый инстинктъ. У мужчинъ уже и въ наше время инстинктъ этотъ болѣе силенъ, только онъ часто притупляется устарѣлымъ законоположеніемъ, въ силу котораго женщинѣ вмѣняется въ долгъ и обязанность подчиняться требованіямъ, противъ которыхъ возмущается все ея существо. А между тѣмъ у женщины въ этомъ отношеніи есть только одинъ долгъ и одна обязанность, уклоненіе отъ котораго или неисполненіе слѣдуетъ считать величайшимъ грѣхомъ, — новое существо, которому она даетъ жизнь, должно быть зачато съ чувствомъ глубокой, чистой любви, въ здоровомъ состояніи, при полной объединяющей гармоніи чувствъ, полномъ счастьѣ и обоюдномъ желаніи, а не въ пьяномъ видѣ, не по привычкѣ только къ исполненію извѣстныхъ требованій, съ отвращеніемъ и возмущеніемъ. До тѣхъ поръ, пока женщина не познаетъ всей важности подобнаго долга, земля будетъ продолжать населяться существами, которыхъ уже въ моментъ ихъ зачатія лишили лучшихъ даровъ природы, — жизнерадостности и жизнеспособности. Признаки дегенерации и дисгармоніи обнаруживаются у подобныхъ субъектовъ иногда очень ясно и очень рано, а иногда въ теченіе довольно продолжительнаго времени они кажутся цвѣтущими и сильными экземплярами человеческого рода, пока въ ихъ жизни не наступитъ какой-либо рѣшающій моментъ; тогда они сразу подкашиваются вслѣдствіе недостатка физической и психической устойчивости, которой были лишены съ самаго момента ихъ заженія.

Въ бракахъ между здоровыми и нормальными индивидами не законъ, а нравственность вліяетъ на улучшеніе поколѣнія. Когда дѣти съ самыхъ раннихъ лѣтъ научатся понимать все важное значеніе ихъ будущей задачи, какъ

представителей извѣстнаго пола, тогда родителямъ удастся запечатлѣть и начертать огненными буквами въ ихъ сознаніи не только абсолютное понятіе „чистота“, но и слѣдующую конкретную заповѣдь цѣломудрія: сохранить свое здоровье, свое обаяніе и свою чистоту для существа, которое они когда-нибудь полюбятъ, и для дѣтей, которыя произойдутъ отъ этой любви.

Инстинктъ продолженія рода дѣлаетъ человѣка низкимъ, жалкимъ или смѣшнымъ, именно такимъ, какимъ изображаютъ его съ различныхъ точекъ зрѣнія Стриндбергъ, Хейденштамъ, Мопассанъ, Толстой и др.; но это бываетъ только въ томъ случаѣ, когда этотъ инстинктъ является внѣ связи съ цѣлью, предназначенной ему природой, или же когда эта цѣль достигается, помимо соображенія о возможности появленія непригоднаго къ жизни потомства. Такая чувственная любовь, разрушающая жизненные силы, уменьшающая цѣнности индивида, какъ производителя жизни, — дѣйствительно унижаетъ человѣка и справедливо признается безнравственной съ точки зрѣнія тѣхъ современныхъ воззрѣній, которыя хотятъ продолженія жизни, но, прежде всего, съ цѣлью усовершенствованія, чтобы жизнь и ея проявленія воплощались въ лучшія и болѣе благородныя формы.

Молодежь должна поэтому научиться уважать свою будущую задачу, которую не будетъ въ состояніи выполнить, если растратитъ свою душевную и физическую красоту въ легкомысленно заключаемыхъ и не менѣе легкомысленно порываемыхъ связяхъ, въ которыя она вступаетъ безъ твердаго намѣренія сохранить вѣрность и безъ сознанія серьезности своей отвѣтственности.

Кромѣ того, молодые люди должны знать, что они еще хуже выполнять лежащія на нихъ важныя задачи, если

они съ холоднымъ чувствомъ и сердцемъ, хотя бы и въ законномъ бракѣ, но заключенномъ по чисто матеріальнымъ или свѣтскимъ расчетамъ или же не расторгнутомъ только въ силу извѣстнаго обычая и неправильно понимаемыхъ нравственныхъ мотивовъ, вызовутъ къ жизни ребенка и передадутъ ему въ наслѣдіе эту существующую между родителями дисгармонію.

Очень часто именно матери, обманувшіяся въ своихъ надеждахъ на счастье, юныя грезы которыхъ разрушились при столкновеніи съ дѣйствительностью, а идеальныя стремленія притупились и онѣмѣли,—стремятся искоренить и заглушить въ своихъ дѣтяхъ всѣ чистые любовные инстинкты, цѣломудренныя и страстныя чувства, всѣ идеальныя помыслы и цѣли. Онѣ проповѣдуютъ дѣтямъ, что любовь послѣ свадьбы обыкновенно проходитъ, а поэтому, вступая въ бракъ, можно прекрасно обойтись и безъ любви,—безподобная послѣдовательность разсужденія, которую можно сравнить съ совѣтомъ: смѣло отправляться въ море въ дырявой лодкѣ, такъ какъ всегда существуетъ возможность, что лодка все равно въ морѣ получитъ пробоину! Эти матери твердятъ дѣтямъ о неизменности страсти, о преимуществѣ брака по разсудку, о благодѣтельной и успокоительной силѣ долга, однимъ словомъ, приводятъ всѣ тѣ ледяныя „разумныя доводы“, отъ которыхъ живыя, пламенныя души мерзнутъ и гибнутъ.

Только когда мать будетъ въ состояніи оказать чуткую и нѣжную поддержку дочери и тѣмъ оградить ее отъ слишкомъ поспѣшныхъ выводовъ, когда она откроетъ глаза и научить дочь разбираться въ чувствахъ, въ которыхъ та сама не увѣрена, когда мать огненными буквами запечатлѣтъ въ сердцѣ и душѣ дочери, что дочь будетъ „падшимъ“ существомъ, если отдастся не въ силу взаимной

любви, а изъ какихъ бы то ни было другихъ побужденій,— только тогда произойдетъ великій переворотъ и дѣйствительная переоцѣнка современныхъ нравственныхъ цѣнностей. До тѣхъ поръ, пока люди будутъ продолжать придерживаться мнѣнія, что бракъ можно заключать, какъ за-благоразсудится и руководствуясь какими угодно мотивами, напримѣръ—жениться по чувству долга, ради исполненія когда-то даннаго обѣщанія, ради искупленія грѣха, или изъ желанія имѣть свой очагъ—до тѣхъ поръ будутъ они стоять на той же этической точкѣ зрѣнія, съ какою смотрятъ тѣ, которые убиваютъ, потому что они раньше крали, или крадутъ, потому что голодны. Думать, что можно обращаться и распорядиться по своему усмотрѣнiю и личному желанiю въ самой важной и легче всего уязвимой области жизни, гдѣ безчисленные таинственныя влiянiя формируютъ сущность новаго рода,—значить совершать самое большое преступленiе противъ „святости“ будущаго поколѣнiя.

До тѣхъ поръ, пока дѣти все еще будутъ рождаться въ ледяной атмосферѣ долга или въ бурной атмосферѣ душевной дисгармонiи родителей, и подобные браки все еще будутъ признаваться нравственными, пока всякаго рода душевныя язвы и тѣлесныя недостатки родителей будутъ передаваться дѣтямъ путемъ наслѣдственности, а подобныхъ родителей все еще будутъ считать за честныхъ людей, до тѣхъ поръ — человѣческое общество не въ состоянiи даже предчувствовать ту новую мораль, которая создастъ новыхъ людей.

Эта новая мораль будетъ предъявлять иныя, болѣе тонкiя и чуткiя требованiя. Въ наши дни рѣдко случается, чтобы молодая дѣвушка, вступая въ бракъ, находилась въ полномъ невѣдѣнiи о дѣйствительности брачной жизни и

супружескихъ отношеній. Относительно современнаго поколѣнія я знаю случай, когда полное невѣдѣніе невѣсты имѣло слѣдствіемъ ея душевную болѣзнь. Въ другомъ случаѣ—новобрачная долго носилась съ мыслью о самоубійствѣ, въ третьемъ — молодая мать всю жизнь продолжала холодно относиться къ ребенку, которому даровала жизнь, въ четвертомъ ребенокъ родился психически ненормальнымъ. Впрочемъ, для полной гармоніи супружеской жизни и здоровья ребенка еще недостаточно, чтобы молодая женщина знала въ общихъ чертахъ, что ее ожидаетъ. Одинъ молодой человекъ сказалъ мнѣ однажды, что гармонія большинства супружествъ нарушается уже въ самомъ началѣ тѣмъ, что мужчина вступаетъ въ бракъ съ нравами и взглядами тѣхъ дурныхъ женщинъ, которыя посвятили его въ „любовь“. Этимъ онъ нерѣдко навсегда уничтожаетъ все самое нѣжное въ своихъ отношеніяхъ къ женѣ и оскорбляетъ все самое лучшее и возвышенное въ ея чувствѣ къ нему ¹²⁾. По мнѣнію этого молодого человека, мужчинѣ слѣдуетъ въ супружеской жизни прежде всего научиться уважать личность и быть терпѣливымъ. И я знаю мужчинъ, которые доказали на дѣлѣ всю справедливость этого мнѣнія, потому что они поняли, что жены ихъ, какъ это бываетъ въ большинствѣ случаевъ съ женщинами, отдали имъ душу и сердце раньше, чѣмъ страсть въ нихъ проснулась, и что только постепенно совмѣстная жизнь заставила ихъ желать полнаго сліянія и полнаго единенія. Только подобному взаимному желанію долженъ ребенокъ быть обязанъ своей жизнью. А между тѣмъ дѣти все еще продолжаютъ рождаться въ условіяхъ узаконенной проституціи. У многихъ женщинъ и мужчинъ нѣтъ даже и тѣни религіознаго благоговѣнія передъ великой тайной бытія и нѣтъ сознанія ея величія и красоты.

А въ этой величайшей тайнѣ еще много сокрытыхъ областей, куда можетъ проникать только интуиція. Лишь изрѣдка какой-нибудь чуткій писатель, какъ бы предчувствуя и понимая ихъ, говорить о тѣхъ безчисленныхъ родахъ и видахъ сродства душъ или взаимнаго отвращенія, которые руководятъ и опредѣляютъ любовную жизнь современнаго человѣка, и о тѣхъ мистическихъ вліяніяхъ, которыя могутъ иногда—совсѣмъ, иногда—только на время измѣнить самое сильное чувство. Всѣ эти мистическія вліянія, всѣ эти тончайшія нити составляютъ затѣмъ часть жизненной сущности ребенка, и ими же можетъ быть объяснено то громадное различіе, которое встрѣчается между дѣтьми однихъ и тѣхъ же родителей, рожденныхъ и воспитанныхъ при совершенно одинаковыхъ внѣшнихъ условіяхъ.

Однимъ изъ вѣрныхъ предвозвѣстниковъ будущаго счастья идеальной любви и болѣе счастливаго будущаго поколѣнія будетъ то, когда люди начнутъ внимательно прислушиваться ко всѣмъ этимъ внушеніямъ инстинкта и категорическимъ велѣніямъ нервовъ и крови, сохраняя при этомъ полное господство надъ ними. У настоящей эпохи имѣются наслѣдственные устарѣлые нравы и вновь пріобрѣтенные дурные обычаи. Тѣ и другіе должны быть побѣждены прежде, чѣмъ душа и чувства будутъ нераздѣльными въ идеализированной любви, иными словами—прежде, чѣмъ это единеніе души и чувствъ будетъ признано единственно необходимой моралью въ отношеніяхъ между мужчиной и женщиной.

Какъ среди геніальныхъ мужчинъ, такъ и среди одностороннихъ поборницъ женскихъ правъ есть и такіе, которые полагаютъ, что эволюція совершится инымъ путемъ. Когда низменный половой инстинктъ, лежащій въ

основѣ любви, будетъ ясно сознанъ и научно проанализированъ,—тогда, говорятъ они, стоящій на высотѣ своего развитія индивидъ будетъ удовлетворять этотъ инстинктъ подобно животному безъ всякой стыдливости и какаго бы то ни было скрашивающаго чувства, а можетъ быть—онъ просто освободится отъ власти полового инстинкта и будетъ тратить на болѣе высокія и благородныя задачи тѣ жизненныя силы и чувства, которыя все еще расходуются на любовь.

Въ подобномъ предположеніи не заключается ничего невозможнаго. Я уже раньше не разъ высказывала ¹³⁾, что женщина, благодаря своей материнской функціи, расходуетъ столько физическихъ и психическихъ силъ, что она должна непременно оставаться посредственностью въ области умственнаго творчества. То, что я тогда только интуитивно предполагала, было не разъ подтверждено специалистами. Такъ, одинъ финскій врачъ ¹⁴⁾ доказалъ, что вся жизненная сила низшихъ организмовъ концентрируется на половой производительности, но чѣмъ выше организмъ, тѣмъ больше у него свободныхъ силъ, и эти силы, не израсходованныя на продолженіе рода, могутъ быть обращены на умственную продуктивность. Каждое изъ двухъ совершенно различныхъ продуктивныхъ выраженій человѣческой жизнедѣятельности должно въ извѣстной степени дѣйствовать задерживающимъ образомъ на развитіе силы и работоспособности другого. И въ этомъ, по словамъ названнаго выше писателя,—естественная причина меньшей плодовитости культурнаго человѣка, и это же будетъ, по словамъ раньше упомянутаго пессимиста, окончательно рѣшающимъ мотивомъ въ предсказываемой гибели любви.

По моему же разумѣнію и моему толкованію этого слова, настоящая любовь только выиграетъ при относительномъ

ограниченіи или ослабленіи полового инстинкта и отъ научнаго освѣщенія его. Тогда люди перестанутъ смѣшивать половой инстинктъ съ любовью, хотя, безъ сомнѣнія, этотъ инстинктъ всегда заключается въ чувствѣ любви, но въ той же степени, напримѣръ, какъ скульптура пещернаго человѣка заключается въ скульптурахъ Микель-Анджело. Человѣкъ только тогда будетъ въ состояніи любить всей силой своего человѣческаго существа, когда, по прекрасному изреченію американца Торо,—„любовь станетъ для него не только пламенемъ, но и свѣтомъ“. Человѣкъ только тогда познаетъ, какія неисчерпаемыя богатства даруетъ жизни любовь, когда она, наконецъ, сдѣлается счастьемъ, достойнымъ человѣчества, потому что любовь есть художественное творчество, религіозный культъ и выраженіе совершившагося сліянія и полного единенія любящихъ въ новомъ существѣ, которое когда-нибудь будетъ въ состояніи дѣйствительно благодарить за дарованную ему жизнь.

Когда дѣло идетъ объ усовершенствованіи человѣческаго рода, то самымъ главнымъ и существеннымъ условіемъ является преобразование нравовъ и чувствъ, вліяніе же законоположеній будетъ все уменьшаться. Но какъ было уже сказано, у законоположеній имѣются тоже свои задачи, которыя они должны выполнить. Въ особенности по отношенію къ болѣзнямъ, наслѣдственность которыхъ не подлежитъ сомнѣнію. Въ этихъ случаяхъ общество обязано не допускать и препятствовать заключенію брака. Въ Германіи и въ Америкѣ уже сдѣланъ большой шагъ впередъ въ этомъ направленіи. Тамъ недавно былъ внесенъ законопроектъ объ обязательномъ предъявленіи желающими вступить въ бракъ докторскаго свидѣтельства съ точными данными и числами о состояніи здоровья обѣихъ сторонъ. Такимъ образомъ, въ случаѣ принятія проекта,

обѣимъ сторонамъ предоставлялась бы полная свобода рѣшенія, и тогда люди, по крайней мѣрѣ, не вступали бы въ бракъ съ завязанными глазами, какъ теперь, и не подвергали бы, по невѣдѣнію, себя, а главнымъ образомъ—дѣтей вреднымъ послѣдствіямъ такихъ браковъ. Мнѣ кажется, что для общества должно быть по крайней мѣрѣ столь же важно требованіе медицинскаго удостовѣренія о пригодности къ браку, какъ и свидѣтельства о пригодности къ военной службѣ. Въ первомъ случаѣ вопросъ идетъ о дарованіи жизни, во второмъ—объ отнятіи ея, и хотя послѣднее до сихъ поръ почему-то считалось болѣе серьезнымъ дѣломъ, чѣмъ первое, однако надо надѣяться, что просыпающееся сознаніе отвѣтственности передъ новымъ поколѣніемъ потребуетъ и къ этому вопросу подобнаго же строгаго отношенія. Надо думать, что это требованіе скоро войдетъ въ обычай и нравы людей, такъ что дальнѣйшіе законопроекты въ этомъ направленіи будутъ излишни, потому что люди добровольно откажутся отъ самой вредной и опасной свободы—отъ свободы даровать жизнь плохому потомству. Въдѣ самые строгіе законы, запрещающіе заключеніе брака, не могутъ препятствовать или остановить рожденіе внѣбрачныхъ дѣтей, и большинство можетъ и продолжаетъ, внѣ брака, лишать дѣтей, еще до появленія ихъ на свѣтъ, здоровья и возможнаго счастья, передавая имъ путемъ наслѣдственности болѣзни и порочныя наклонности ¹⁵).

Ницше, который мало зналъ, что такое любовь, такъ какъ почти не зналъ женщины, высказалъ, затрогивая эту тему, мало вѣсскихъ и дѣйствительно важныхъ мыслей. Но когда онъ затрогиваетъ вопросъ о родительскихъ обязанностяхъ, у него встрѣчаются болѣе глубокія и серьезныя мысли, чѣмъ у какаго бы то ни было мыслителя нашего

времени. Онъ прекрасно видѣлъ и понялъ, сколько нравственной грязи и душевной нищеты скрывается подъ понятіемъ „бракъ“, какое зло, невѣжество и незнаніе—подъ понятіемъ „воспитаніе“. У него нашлись прекрасныя слова ясновидящаго мыслителя и поэта для выраженія того, чего могутъ достигать родители, чего должны добиваться, и въ чемъ заключаются родительскія обязанности и чувства:

„Я хочу, чтобы побѣда твоя и свобода твоя страстно желали увѣковѣчить себя въ ребенкѣ. Живые памятники долженъ ты строить побѣдѣ своей и освобожденію своему“.

„Ты долженъ строить дальше себя. Но сперва ты долженъ построить самого себя, правильно въ отношеніи тѣла и души“.

„Ты долженъ расти не только въ ширь, но и въ высь! Да поможетъ тебѣ въ этомъ садъ супружества!

„Ты долженъ создать высшее тѣло, начальное движеніе, самокатящееся колесо, — ты долженъ создать созидающаго.

„Бракъ:—такъ называю я волю двухъ создать третьяго, который больше тѣхъ, что создали его. Бракомъ называю я взаимное уваженіе мужчины и женщины, какъ желающихъ одной и той же воли“.

II.

Неродившееся поколѣніе и женскій трудъ.

Немного найдется явленій въ настоящей жизни, въ которыхъ двойственность между теоріей и практикой выступала бы сильнѣе и безсознательнѣе, чѣмъ въ феминизмѣ. Среди поборницъ его многія придерживаются христіанскаго образа мыслей и съ негодованіемъ отвергаютъ возможность какого-либо участія съ ихъ стороны въ томъ освобожденіи личности, которое включало бы „свободу для всѣхъ индивидуальныхъ силъ и способностей“. Индивидуализмъ и самоутвержденіе — для нихъ слова съ грѣховнымъ значеніемъ! Онѣ даже не подозреваютъ, что женская эмансипація есть сама по себѣ—величайшее эгоистическое движеніе девятнадцатаго столѣтія, самое энергичное проявленіе самоутвержденія, когда-либо видѣнное исторіей! Освобожденіе силъ и личности женщины представлялось имъ всегда не иначе, какъ въ формѣ идеальной борьбы за справедливость.

Оно и было въ сущности таковымъ, какъ всякое самоутвержденіе, цѣль котораго — признаніе правъ личности на полное и свободное, за свой страхъ, развитіе силъ. Но такъ какъ всякое подобное самоутвержденіе индивида, класса или расы легко превращается въ неоправдываемый ничѣмъ эгоизмъ, то то-же случилось и съ эмансипаціей женщины.

Великая, глубоко серьезная женская эмансипация съ течениемъ времени получила новое названіе— „женское дѣло“. Измѣненіе способа выраженія заключаетъ въ себѣ и измѣненіе хода мысли. Изъ дѣйствительнаго эмансипаціоннаго движенія, т.-е. освобожденія скованныхъ силъ женщины, ея поработенной личности,—это движеніе стало „дѣломъ“, т.-е. своего рода общественнымъ учрежденіемъ со своими чиновницами, церковнымъ ученіемъ съ его догматами! Правда, на словахъ и въ печати все еще указывается, что женское дѣло имѣетъ въ виду счастье и развитіе всего чело-вѣчества, но въ дѣйствительности женскій вопросъ, съ тѣхъ поръ какъ онъ сталъ „дѣломъ“, сдѣлался самоцѣлью, и защитники его все болѣе и болѣе утрачивали представленіе о связи его съ другими великими современными вопросами. Расширеніе гражданскихъ правъ женщины и сферы примѣненія женскаго труда—въ обоихъ случаяхъ имѣлась въ виду собственно женщина высшихъ классовъ — стало самоцѣлью. Но, стремясь къ этой цѣли, все болѣе и болѣе забывали о первомъ и высшемъ изъ всѣхъ правъ—о правѣ женской личности думать своими собственными мыслями, итти своими собственными путями, хотя бы и иными, чѣмъ тѣ, которые указываются проповѣдницами женскаго права. Но эти послѣднія съ одной стороны далеки отъ признанія за каждой отдѣльной женщиной права на свободу, съ другой — онѣ совершенно слѣпы къ послѣдствіямъ стремленій всѣхъ женщинъ къ работѣ внѣ дома, не замѣчаютъ глубоко проникающаго воздѣйствія такой работы на современныя условія труда, на жизнь мужа и семьи, на общество во всемъ его цѣломъ!

Отмѣнить какую-либо несправедливую къ женщинѣ статью закона, направить трудъ сотни женщинъ туда, гдѣ

раньше работали только десять, и одну—туда, где не работало ни одной,—вот этапы успеха феминизма на том пути, по которому шли, не сообразуясь ни с способностями женщины, ни с физическим строением ее, ни с окружающими условиями.

Нѣкая поборница женскаго права, воскликнувшая, при выборѣ одной женщиной профессіи мясника—„Иди и дѣлай то же“, и молодая американка, исполняющая должность палача,—вот знаменательные феномены въ этомъ отношеніи!

Именно то, что женская эмансипація фактически перестала стремиться къ духовному освобожденію женщины и сдѣлалась теперь чисто официальной, узко-практичной, догматичной, не чуткой къ пульсирующему разнообразію жизни; что она стала эгоистичной самоцѣлью,—именно это и оттолкнуло меня, какъ и нѣкоторыхъ моихъ современницъ и многихъ женщинъ теперешняго молодого поколѣнія, отъ феминизма, хотя всѣ мы искренно желали и продолжаемъ желать освобожденія женщины. Съ поборниками „женскаго дѣла“ постепенно произошло то же, что и съ другими „дѣятелями“, а именно: „преслѣдуемая нами цѣль въ концѣ концовъ уподобляется лошади, понесшей нашъ экипажъ“. Какъ слѣпо фанатики женскаго дѣла проходятъ мимо другихъ современныхъ задачъ,—всего лучше судить по ихъ отношенію къ величайшему вопросу нашего времени, социальному.

Женскій конгрессъ въ Лондонѣ (въ 1899 г.) является характернымъ для опредѣленія взглядовъ какъ поборницъ женскаго права, такъ и ихъ противницъ. Для первыхъ наиболѣе типичными можно признать возраженія финляндки Александры Грипенбергъ противъ охранительнаго законодательства для женщинъ. Она называла это за-

конодательство пережиткомъ прежняго воззрѣнія — что женщина можетъ имѣть привилегіи, а не права, что она должна быть охраняема, вмѣсто того чтобы охранять себя собственными силами, что она — только наиболѣе цѣнная собственность націи, а не часть ея. Подчеркнувъ въ своей рѣчи, что взрослая женщина должна имѣть одинаковое право, какъ и взрослый мужчина, на самозащиту, она спросила, по какому праву хотять помѣшать женщинѣ работать только потому, что она замужемъ или имѣетъ дѣтей? Охранительный законъ гонить женщину съ фабрикъ и изъ мастерскихъ; онъ не только не заслуживаетъ поддержки женщинъ, наоборотъ, онѣ должны настаивать на одинаковыхъ охранительныхъ мѣрахъ какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ, на специальномъ и техническомъ обученіи и расширеніи области женскаго труда.

Вся эта аргументація совершенно послѣдовательно вытекаетъ изъ основнаго положенія г-жи Гривенбергъ и ея единомышленницъ. Въ силу этого положенія ограниченіе женскаго труда противорѣчитъ „одному изъ важнѣйшихъ принциповъ нашего времени — самоутвержденію индивида“, которымъ обуславливается право взрослой женщины, наравнѣ съ мужчиной, самой себѣ избирать родъ труда. Привилегіи на основаніи пола только мѣшаютъ равенству женщины съ мужчиной передъ закономъ.

Вся эта аргументація опирается на софизмъ, давшій ложное направленіе всему женскому дѣлу и заключающійся въ ложной увѣренности, что женщину можно освободить отъ ограниченій, поставленныхъ ей самой природою. Эта аргументація основывается еще и на другомъ софизмѣ, которымъ капиталистическое общество возражаетъ на каждое требованіе охранительнаго законодательства, касается ли оно женщинъ, мужчинъ или дѣтей, — а именно, что такое

законодательство есть посягательство на право самоутверждения индивида!

Всякій человѣкъ съ соціально развитымъ сознаниемъ видитъ однако, что это право самоутверждения индивида въ обществѣ, основанномъ на капиталистическомъ строе, является въ дѣйствительности только пустой фразой, вдвойнѣ пустой, когда дѣло идетъ о женщинѣ.

Мнѣ никогда не приходилось слышать, чтобы женщина пожелала въ качествѣ эквивалента за гражданское равноправіе отбывать воинскую повинность наравнѣ съ мужчиной. А между тѣмъ это послѣдовательно вытекаетъ изъ приведенной аргументаціи: женщина не должна пользоваться никакими привилегіями, основанными на ея половыхъ особенностяхъ. Быть свободной отъ непріятностей и потери времени, связанныхъ съ милитаристическимъ образованіемъ, а также отъ опасности и ужасовъ войны—это величайшая привилегія въ современномъ обществѣ. А между тѣмъ, женщины, особенно бурскія, неоднократно доказали свои способности къ военной службѣ. Итакъ, проповѣдницы женскаго права, отступая передъ этимъ крайнимъ выводомъ изъ своихъ положеній и приводя материнскія функціи въ оправданіе своей привилегіи—свободы отъ военной службы, при условіи гражданскаго равноправія съ мужчиной, — въ высшей степени непослѣдовательны. Другія женщины вполнѣ послѣдовательно объявляютъ, что если эти материнскія функціи требуютъ для женщины нѣкоторыхъ привилегій, то съ другой стороны — говоря о другомъ полѣ битвы, еще болѣе обширномъ, о капиталистической промышленности — послѣдствіемъ этихъ же функцій должна быть готовность женщинъ подчиниться и нѣкоторымъ ограниченіямъ своего права на индивидуальное самоутверждение,—именно въ тѣхъ случаяхъ, когда

женщина не можетъ переступить установленной природою границы, не нанося этимъ ущербъ праву другого.

Этотъ же другой—могущій явиться ребенокъ.

Индивидуальнымъ правомъ каждаго мужчины и каждой женщины является также полное право не желать брака или желать брака бездѣтнаго. Это нежеланіе имѣть дѣтей можетъ быть вызвано какъ глубоко эгоистическими, такъ и глубоко альтруистическими мотивами. Такимъ же личнымъ правомъ мужчины и женщины является желаніе устранить все, что ими считается препятствіемъ индивидуальному развитію и свободѣ дѣйствій. Они могутъ такимъ образомъ отказаться отъ любви и материнства, если смотрятъ на то и другое съ вышеуказанной точки зрѣнія. Женщина имѣетъ полное право превратить себя въ третій полъ,—полъ пчелы-работницы или безполага муравья, разъ она видитъ въ этомъ величайшее свое счастье!...

Когда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я стала принимать участіе въ женскомъ вопросѣ ¹⁾, я была тогда настолько наивна, что центромъ всей жизни большинства женщинъ считала материнство. Въ преніяхъ по этому вопросу я пришла къ заключенію, что вынужденный необходимостью женскій трудъ, пробужденное освобожденіемъ силъ женское честолюбіе, измѣнившаяся подъ вліяніемъ духа времени душевная жизнь женщины—оттѣснили материнскій инстинктъ на задній планъ. Опасность, бороться съ которой, по моему мнѣнію, еще не было поздно. Есть женщины, у которыхъ способность къ любви дѣйствительно вполнѣ отсутствуетъ; другія не находятъ въ современномъ мужчинѣ того душевнаго, глубокаго идеально-любовнаго единенія, котораго онѣ могутъ съ полнымъ правомъ желать; еще больше такихъ, которыя желаютъ любви, но не хотятъ и даже боятся материнства. Знаменитая нѣмецкая писатель-

ница въ одной изъ своихъ послѣднихъ книгъ ²⁾ говоритъ объ этомъ страхѣ, объ „этомъ неусыпномъ, напряженномъ, заставляющемъ вѣчно быть на сторожѣ, страхѣ передъ материнствомъ, который охватилъ теперь столькохъ трудящихся передовыхъ женщинъ. Этотъ страхъ, это отвращеніе—стали такъ сильны, получили такое руководящее значеніе въ ихъ жизни, что почти заставляютъ предполагать существованіе извращеннаго инстинкта, который, какъ и всѣ противоестественныя инстинкты, породила жестокая необходимость. Какъ будто что-то, скрытое въ самой глубинѣ женской природы, говоритъ этимъ женщинамъ, что, платя дань своему полу, онѣ утратятъ ту силу, ясность и остроту ума, благодаря которымъ онѣ возвысились надъ своимъ поломъ. Можетъ быть, извѣстнаго рода женщины правы въ этомъ своемъ страхѣ“.

Какъ и эта нѣмецкая писательница, я также убѣждена, что всякое проявленіе болѣзненности или здоровья—есть необходимый результатъ опредѣленныхъ причинъ. И еще болѣе, чѣмъ проповѣдницы женскаго права, убѣждена я въ томъ, что область человѣческой свободы включаетъ въ себѣ право каждаго избирать для себя свой собственный родъ счастья, развитія или гибели. Женщинамъ, которыя не желаютъ материнства, мнѣ нечего больше сказать.

Да, большимъ несчастіемъ было бы, еслибъ женщины, которыя, держа мягкую ручку ребенка въ своихъ рукахъ, никогда не трепетали отъ нѣжности, которыя никогда не испытывали страстнаго желанія пожертвовать собою ради другого существа,—стали бы матерями! Ихъ дѣти были бы еще болѣе достойны жалости чѣмъ онѣ сами!

Теперь уже много такихъ женщинъ, пожалуй—будетъ еще больше. Однако у нѣкоторыхъ изъ нихъ материнскій инстинктъ не замеръ окончательно, а только не сознается

ими. Современныхъ, изошренно анализирующихъ, физически и духовно утонченныхъ женщинъ часто отталкиваетъ грубость, непониманіе или требованія мужской натуры. Весь идеально-любовный моментъ, заключающійся въ существѣ этихъ женщинъ, вянетъ, какъ не распустившійся цвѣтокъ. И въ увлеченіи работой или въ привязанности къ подругѣ находятъ себѣ выраженіе то самопожертвованіе, дѣйствительную цѣль котораго онѣ отрицаютъ или не замѣчаютъ то нѣчто, что, въ концѣ-концовъ, часто мститъ за себя трагическимъ образомъ.

Я хочу сказать слѣдующее: женщина, если только она еще въ дѣвственный періодъ не перестала желать материнства, а тѣмъ болѣе замужня, — имѣетъ обязанности предъ неродившимся поколѣніемъ, и если она уклоняется отъ нихъ, то только въ силу безпощаднаго эгоизма.

Этотъ эгоизмъ — часто не больше, какъ проявленіе великаго инстинкта — инстинкта самосохраненія, который, на ряду съ инстинктомъ сохраненія рода, управляетъ жизнью. Вотъ почему этотъ, вызванный необходимостью, эгоизмъ современной работницы долженъ казаться ужаснымъ для тѣхъ, которыя заняты вопросомъ о свободѣ женщины!

Вѣдь бессмысленно говорить о „свободѣ“ женщины, объ ея индивидуальномъ самоутвержденіи въ то время, когда она, ради обезпеченія себѣ минимальнаго заработка, который избавилъ бы ее отъ голодной смерти, работаетъ какъ вьючное животное и при условіяхъ, при которыхъ „свободный рабочій договоръ“ и для женщины и для мужчины — не больше, какъ пустой звукъ. Я постараюсь пролить свѣтъ на послѣдствія такой „свободы“ однимъ при-мѣромъ.

На одной англійской фабрицѣ свинцовыхъ бѣлили бы-ли изслѣдованы семьдесятъ темъ женщинъ, и оказалось,

что за извѣстный періодъ времени у нихъ было 90 выкидышей, 21 мертворожденный и, кромѣ того, сорокъ грудныхъ младенцевъ умерло отъ судорогъ, вызванныхъ отравленіемъ матерей свинцомъ. Физическое здоровье женщины этой профессіи страдало болѣе всего въ возрастѣ 18—23 лѣтъ; послѣдствіями ея является между прочимъ параличъ, слѣпота и пр.

Одинъ англійскій врачъ объявилъ, что долготѣнія и точныя изслѣдованія привели его къ убѣжденію, что огромная смертность грудныхъ дѣтей въ фабричныхъ районахъ зависитъ главнымъ образомъ отъ отсутствія материнскаго попеченія. Едва пройдетъ нѣсколько недѣль со дня рожденія, ребенокъ уже лишается материнскаго ухода, между тѣмъ, какъ онъ нуждается въ этомъ уходѣ по меньшей мѣрѣ въ теченіе шести мѣсяцевъ. Искусственныя средства не могутъ вполне замѣнить материнскаго молока, въ особенности, если они употребляются, какъ въ данномъ случаѣ, безъ тщательнаго присмотра. Въ нѣкоторыхъ прядильно-промышленныхъ центрахъ, на примѣръ, въ Ноттингемѣ, гдѣ выдѣлываются кружева, и гдѣ, кстати, жаловались на законъ, ограничивающій женскій трудъ,—изъ тысячи дѣтей умираютъ двѣсти; смертность въ фабричныхъ городахъ оказывается въ четыре-пять разъ большей, чѣмъ въ окрестностяхъ ихъ, по деревнямъ. И все-таки смерть дѣтей—относительно лучшей исходъ: еще печальнѣе, что выжившіе навсегда остаются истощенными, частью вслѣдствіе недостатка материнскаго ухода въ нѣжномъ дѣтскомъ возрастѣ. Въ Силезіи, гдѣ трудъ дѣтей и очень молодыхъ дѣвушекъ примѣняется на стеклянныхъ заводахъ, въ строеніи ихъ костей происходятъ отъ этой работы такія искривленія, что, когда онѣ становятся матерями, имъ приходится выносить мучительнѣйшіе роды. Въ этомъ от-

ношеніи онѣ представляютъ лучший матеріалъ для обученія акушерству, и врачи ѣздятъ въ Силезію съ научными цѣлями.

Такимъ образомъ, гораздо раньше, чѣмъ женщина сформируется, достигнетъ совершеннолѣтія и, по мнѣнію проповѣдницъ женскаго права, будетъ въ состояніи сама себя защищать, ея здоровье уже разрушено. Если мнѣ возразятъ, что высказанное мной относится собственно къ области защиты дѣтей и не касается защиты женщинъ, отвѣтить на это возраженіе не трудно: защита дѣтей и защита женщинъ стоятъ въ такомъ взаимодействіи, что раздѣлить ихъ нельзя. Эти хилыя матери въ свою очередь рождаютъ дѣтей, истощенныхъ уже съ момента рожденія, и продолжаютъ съ еще болѣе озлобленной выносливостью тянуть рабочую лямку и передавать потомству свое безсиліе. Здѣсь причина и слѣдствіе связаны такъ неразрывно, что ихъ невозможно раздѣлить между женскимъ и дѣтскимъ трудомъ.

Сами проповѣдницы женскаго права должны признать, что границы ихъ права кончаются тамъ, гдѣ начинается право другого. Не могутъ же онѣ допустить, что право „индивидуальнаго самоутвержденія“ женщины можетъ дойти, напримѣръ, до того, что для разведенія сада женщина сочтетъ себя въ правѣ завладѣть клочкомъ сосѣдской земли или для промышленнаго заведенія—воспользоваться сосѣду принадлежащей силой воды.

Развѣ не понятно, что женщина встрѣчаетъ такую же границу своей индивидуальной свободѣ и въ области права другого, т. е. того ребенка, который можетъ отъ нея родиться, и собственность котораго, его жизненную силу, она не имѣетъ права губить еще до рожденія?

Женщина, навсегда отказавшаяся по тому или другому, значительному или ничтожному, поводу отъ брака, имѣетъ

полное право губить себя работойъ въ томъ только случаѣ, если она, сдѣлавшись неспособной къ труду, не сдѣлается обузой для другихъ?

Но женщина, считающая возможнымъ для себя материнство или уже готовящаяся быть матерью, не имѣетъ права свободно выбраннымъ или вызваннымъ необходимою, чрезмѣрнымъ трудомъ губить жизнеспособность и работоспособность неродившагося поколѣнія: вѣдь, она производитъ на свѣтъ слабыхъ, болѣзненныхъ, физически истощенныхъ, а впослѣдствіи и заброшенныхъ дѣтей.

Догматическимъ проповѣдницамъ женскаго права и въ голову не приходитъ, что ихъ рѣчи о женской „индивидуальной свободѣ“ въ вопросѣ самозащиты и „самоутвержденія“, ихъ заявленія о томъ, что самостоятельность значенія женщины не должна быть ослаблена замужествомъ или материнствомъ,—являются самымъ возмутительнымъ истязаніемъ не только по отношенію къ дѣтямъ, но также и по отношенію къ нимъ самимъ: всякое требованіе равенства тамъ, гдѣ природа создала неравенство, ведетъ къ истязанію стороны слабѣйшей. Равенство еще не есть справедливость, иногда, наоборотъ, оно является вопіющей несправедливостью!

На женскомъ конгрессѣ въ Лондонѣ мистриссъ Сидней Веббъ выступила горячей поборницей охранительнаго законодательства на основаніи личнаго опыта и точнаго изученія, что дѣлало ее во сто разъ болѣе компетентной въ этомъ вопросѣ, чѣмъ какую-либо изъ противницъ указаннаго законодательства. Еще подъ своей дѣвической фамиліей Беатрисы Поттеръ мистриссъ Веббъ пріобрѣла извѣстность трудами по социальнымъ вопросамъ; кромѣ того, она болѣе шести недѣль работала на фабрикѣ, чтобы лично ознакомиться съ положеніемъ работницъ. Ей принадлежитъ

одна глава въ большомъ трудѣ Шарля Бюота „Life and Labour in London“; не считая многихъ менѣе значительныхъ сочиненій, она въ сотрудничествѣ съ мужемъ написала извѣстныя, основанныя на обширныхъ изслѣдованіяхъ, книги „The History of Trade Unionism“ и „Industrial Demography“. Сверхъ всего она — лекторъ при новомъ національно-экономическомъ факультетѣ лондонскаго университета.

Но таковъ ужъ догматизмъ женскаго дѣла! Въ то время, какъ руководительницы его въ различныхъ ходячихъ фразахъ постоянно распространяются о всемъ томъ необыкновенномъ, что женщины уже сдѣлали, и о томъ, что онѣ еще сдѣлаютъ, на самомъ дѣлѣ не найдется никого, кто былъ бы менѣе способенъ, чѣмъ эти поборницы женскаго права, признать за женщиной дѣйствительно значительныя для хода культуры заслуги. Ихъ одобреніе вызываетъ только то, что дѣлается коллективно ихъ корпораціей, что достигается корпоративнымъ духомъ, всякая же иная, хотя бы и очень значительная, заслуга женщины будетъ ими оспариваться, умаляться или замалчиваться, если она не подходитъ къ плану ихъ дѣйствій и не согласуется съ ихъ дисциплинарными правилами!

Поэтому прекрасные доводы мистриссъ Веббъ и другихъ не произвели никакого впечатлѣнія на группу поборницъ женскаго права, которыя во взглядѣ на женскій трудъ стоятъ на устарѣвшей точкѣ зрѣнія индивидуализма, не затронутой еще принципомъ общественной солидарности, этимъ лозунгомъ новаго времени. Къ счастью, охранительное законодательство зависитъ не отъ подобныхъ поборницъ женскаго права: въ концѣ концовъ, оно будетъ проведено рабочимъ движеніемъ, вошедшими въ составъ его мужчинами и женщинами всѣхъ классовъ.

Въ настоящее время движеніе въ пользу нормальнаго рабочаго дня дѣлаеть все большіе и большіе успѣхи, такъ какъ опытъ доказалъ, что, благодаря большей интенсивности работы, можно въ болѣе короткій рабочій день исполнить столько же, сколько и въ длинный. Первоначально это движеніе имѣло въ виду только трудъ дѣтей и подростковъ. Я уже имѣла случай ³⁾ раньше указать, что вліянія фабричной работы на здоровье какъ самихъ женщинъ, такъ и рождающихся отъ нихъ дѣтей, были таковы, что заставили сознать—сначала въ Англии, а затѣмъ и въ другихъ европейскихъ странахъ—необходимость введенія нормальнаго рабочаго дня и для женщинъ. Предъявлялось и предъявляется тройное требованіе: максимальный рабочій день для женщинъ; ограниченіе или же, лучше всего, совершенное запрещеніе ночной работы женщинъ, работы въ рудникахъ и нѣкоторыхъ другихъ опасныхъ для здоровья производствахъ; и, наконецъ, охрана роженицъ. Теперь въ большинствѣ европейскихъ странъ максимальный рабочій день для женщинъ установленъ въ 8—11 часовъ; ночная работа, работа въ рудникахъ и сверхурочная работа или совсѣмъ запрещена, или значительно ограничена, а для роженицъ установленъ перерывъ въ работѣ отъ трехъ до восьми недѣль.

Съ любой точки зрѣнія восьмичасовой рабочій день имѣеть гораздо большее значеніе для женщинъ, чѣмъ для мужчинъ. Онъ не только сохраняетъ здоровье мужчины и женщины и даетъ имъ возможность пользоваться въ свободное время разумными развлечениями, но и предоставляетъ замужней женщинѣ досугъ, чтобы она могла приводить въ порядокъ свой домъ, дѣлать его уютнымъ, чтобы она имѣла время для физическаго ухода за дѣтьми и была въ состояніи нѣсколько вліять на ихъ воспитаніе. Вотъ почему нормальный рабочій день для женщины болѣе не-

обходимъ, чѣмъ для мужчины. Опасности ночной работы и работы въ рудникахъ, какъ съ точки зрѣнія здоровья, такъ и моральной, столь очевидны, что въ этомъ отноше- нии не требуется никакихъ новыхъ обоснованій охранительнаго законодательства ⁴⁾.

Впрочемъ, не одни только теоретическіе принципы женскаго права вступаютъ въ борьбу съ охранительнымъ законодательствомъ. Какъ со стороны социалистовъ, такъ и со стороны поборницъ женскаго права слышатся и болѣе существенныя возраженія, и прежде всего — что охранительный законъ лишитъ заработка еще большее число женщинъ, которыя для поддержанія своего существованія будутъ вынуждены сдѣлаться проститутками. При этомъ однако забываютъ, что къ тѣмъ же самымъ послѣдствіямъ приводитъ и слишкомъ низкая заработная плата въ различныхъ отрасляхъ промышленности, а эта низкая заработная плата въ свою очередь является результатомъ избытка женщинъ-работницъ. Недавно въ одномъ шведскомъ фабричномъ городѣ на одной только фабрикѣ констатировано восемьдесятъ работницъ, занесенныхъ въ полицейскіе списки. Вотъ одно изъ безчисленныхъ доказательствъ того, что борьбу должно вести противъ современныхъ условій труда, а не съ охранительными законами, конечнымъ результатомъ которыхъ явится улучшеніе условій труда.

Возражая противъ охранительнаго законодательства, указываютъ далѣе на то обстоятельство, что если ограничить женскій фабричный трудъ, то этимъ самымъ заставятъ женщинъ обратиться къ еще болѣе изнурительной и опасной для здоровья, сдѣльной работѣ на дому. На это возраженіе можно отвѣтить не только изслѣдованіемъ г-жи Веттштейнъ-Адельтсъ, но также и постановленіемъ закона, изданнымъ въ Англіи въ 1899 году, съ цѣлью урегулированія сдѣль-

ной работы на дому, которымъ на каждаго работодателя возлагается отвѣтственность за гигиенически исправное содержаніе помѣщенія, гдѣ производится работа, и, кромѣ того, съ точностью опредѣляется число рабочихъ, величина помѣщенія и т. п. Такимъ образомъ, этотъ законъ указываетъ вѣрный путь для рѣшенія вопроса о возможности перенесенія труда замужней женщины на домъ.

Если даже ограничить, говорятъ, женскій трудъ охранительными законами, то и это не дастъ возможности женщинамъ заботиться о своихъ дѣтяхъ, такъ какъ тогда вмѣсто женщинъ пойдутъ на фабрику дѣти. Помочь дѣлу въ этомъ случаѣ однако очень легко—стоитъ только абсолютно воспретить всякую фабричную работу дѣтямъ моложе пятнадцати лѣтъ. Но если при помощи охранительныхъ законовъ воспрепятствовать женщинамъ выполнять всѣ требованія извѣстной отрасли труда,—возражаютъ далѣе,—то окажется, что „не женщинъ охраняютъ отъ послѣдствій непосильнаго и вреднаго труда, а самый трудъ охраняютъ отъ женщинъ“. Вотъ этому помочь уже труднѣе, однако все-таки возможно, если хотя бы только десятую часть силъ, затрачиваемыхъ теперь на агитацію за „свободу“ труда женщинъ, направить на подготовку ихъ для тѣхъ областей труда, которыя для нихъ болѣе подходятъ. Но и помимо этого охранительное законодательство принесетъ съ собой собственный коррективъ. Раньше все выражали опасенія, что благодаря охранительному законодательству промышленность придетъ въ упадокъ; но теперь изобрѣтаются новые методы и машины, которые замѣняютъ дешевыя живыя рабочія силы. Далѣе, сами охраняемые часто жалуются, что имъ приходится терпѣть въ матеріальномъ отношеніи отъ этой охраны,—однако болѣе продолжительный опытъ показываетъ имъ, какъ посредствомъ существующаго между

всѣми факторами производства взаимодѣйствія, сглаживается это преходящее зло. Главное средство прекратить вызванную охранительнымъ законодательствомъ безработицу женщинъ заключается въ тѣхъ требованіяхъ „права на работу для безработныхъ“ и опредѣленной минимальной платы для каждаго рода работы, которыя уже и теперь выставляются въ рабочихъ программахъ. Эти требованія, наряду съ нормальнымъ рабочимъ днемъ, включая сюда ночной отдыхъ и воскресный день, съ различными охранительными законами и страхованіемъ на случай старости и несчастья—вотъ главные пункты для окончательнаго рѣшенія рабочаго вопроса какъ для женщинъ, такъ и для мужчинъ. Пока эти цѣли не будутъ достигнуты, приговоръ Рёскина надъ современнымъ промышленнымъ строемъ, убивающимъ все истинно-человѣческое въ человѣкѣ, останется въ силѣ. „Мы производимъ,—говоритъ онъ,—все, кромѣ истиннаго чело-вѣка; мы бѣлимъ хлопчатобумажныя матеріи, закаляемъ и улучшаемъ сталь, рафинируемъ сахаръ, формируемъ глину и печатаемъ книги. Но возвысить одну единственную живую душу, преобразовать ее и облагородить—это никогда не входитъ въ наши меркантильные расчеты“.

Пока не произошло дальнѣйшихъ перемѣнъ, женщины рабочаго класса наравнѣ съ мужчинами должны терпѣть лишенія, выносить опасности, подчиняться стѣсненіямъ, которыя являются послѣдствіемъ солидарности въ великой борьбѣ. Эти условія—единственные, при которыхъ положеніе какъ женщинъ, такъ и мужчинъ нравственно и матеріально поднимется, отчасти—благодаря ихъ собственной сплоченности, отчасти же—благодаря распространенію все болѣе сознаваемого принципа, что общество должно законодательнымъ путемъ опредѣлить условія работы своихъ членовъ, съ той цѣлью, чтобы достойныя чело-вѣка условія

труда и условія жизни создали болѣе здоровую, сильную и красивую породу.

Все находится во взаимодѣйствіи въ этомъ вѣчномъ круговоротѣ.

Неорганизованная, посредственная и поэтому плохо оплачиваемая работа женщинъ уменьшаетъ для мужчинъ возможность найти работу и понижаетъ ихъ заработную плату, а вмѣстѣ съ тѣмъ фабричная работа дѣлаетъ женщину неспособной вести хозяйство, а также выполнять материнскія обязанности. Отъ грохота, духоты и лихорадочной торопливости фабрикъ притупляются нервы, и утрачиваются болѣе нѣжные чувства. Женщина теряетъ не только умѣнье устраивать домашній очагъ, но и сердечное влеченіе къ нему. Непригодная къ семейной жизни женщины затрудняютъ для мужчины вступленіе въ бракъ, а съ безбрачіемъ возрастаетъ смертность. Низкая заработная плата или періоды безработицы обуславливаютъ дурныя жилища, одежду и плохое питаніе. Изнуренная или непригодная жена не въ состояніи готовить возможно хорошую пищу при ничтожномъ или случайномъ заработкѣ мужа. Результатомъ всего этого являются болѣзни и пьянство. Эти и другія причины, наряду съ вышеизложенными, вызываютъ вырожденіе населенія фабричныхъ центровъ.

Ограниченіе женскаго труда во многихъ случаяхъ, несомнѣнно, можетъ быть очень ошутительнымъ, какъ для одинокой женщины, такъ и для семьи; первоначально можетъ отозваться неблагопріятно на благосостояніи семьи и ограниченіе дѣтскаго труда. Но все это—преходящее зло; коррективъ противъ него будетъ найденъ, какъ только дадутъ себѣ ясный отчетъ о томъ направленіи, въ какомъ совершается прогрессъ цѣлаго, движущійся обыкновенно по кривой линіи. Вопросъ о томъ, будетъ ли это временное

ограниченіе свободы способствовать прогрессу, или нѣтъ, можно рѣшить не иначе, какъ обративъ свой взглядъ отъ отдѣльныхъ личностей и небольшихъ группъ къ великому цѣлому: если найдутъ, что выигрываетъ цѣлое—значитъ, благодаря этому временному ограниченію свободы возрастеть свобода и счастье всего будущаго поколѣнія.

Если въ другихъ обстоятельствахъ жизни и справедливо правило, что „вступающій въ игру долженъ подчиняться условіямъ игры“, то оно совершенно непримѣнимо къ той жестокой игрѣ, которую называютъ жизнью, и въ которую мы вступаемъ не по собственной волѣ. Дѣти имѣютъ право не страдать за ошибки и недостатки своихъ родителей. Рѣшить же, какимъ образомъ всего лучше избѣгнуть страданій въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ супружеской дисгармоніи,—есть частное дѣло каждой отдѣльной личности. Какъ я уже высказывала, измѣненіе обычая въ отношенію къ способу, возрасту и мотивамъ заключенія браковъ явится самой вѣрной и все возрастающей защитой дѣтей. Болѣе серьезное пониманіе назначенія женщины, какъ представительницы пола, приведетъ къ тому, что станутъ считать преступленіемъ, если молодая женщина будетъ добровольно себя изнурять неумѣренными занятіями, злоупотребленіемъ спортомъ, затягиваніемъ, объѣданіемъ сластями, куреніемъ или тому подобными возбуждающими средствами, безсонными ночами или чрезмѣрной работой и тысячами другихъ ненормальностей, которыми эти, часто такія плѣнительныя, но безразсудныя существа грѣшатъ противъ предопредѣленія природы, пока та не потеряетъ терпѣнія.

Но отъ общественныхъ законовъ нужно требовать, чтобы они не допускали этихъ невольныхъ преступленій противъ женской природы.

Вотъ великая освободительная задача женщинъ, рядомъ съ которой все остальное—относительно не важно. Не понимая этого, современныя представительницы „женскаго дѣла“ являются реакціонерками по отношенію къ развитію, между тѣмъ онѣ сами называютъ этимъ именемъ всѣхъ тѣхъ, кто утверждаетъ, что единственный путь, ведущій къ рѣшенію женскаго вопроса во всемъ его объемѣ—есть социальный переворотъ, въ которомъ охранительное законодательство является однимъ изъ моментовъ!

Я, какъ и многія другія, не придерживаюсь того образа мыслей, по которому „женщина—наиболѣе цѣнная народная собственность“, но думаю, что мать—наиболѣе цѣнный элементъ народа, настолько цѣнный, что общество, охраняя материнскія функціи, способствуетъ своему собственному величайшему благу. А эти материнскія функціи не заканчиваются рожденіемъ и кормленіемъ ребенка, онѣ заключаются и въ дальнѣйшемъ воспитаніи. Я думаю, что въ новомъ обществѣ, гдѣ вынуждены будутъ работать всѣ, какъ мужчины, такъ и женщины, только не дѣти, не больные и не старики, функціи матери будутъ считаться настолько важными для всего общества, что каждая мать будетъ получать отъ общества—подъ извѣстнымъ контролемъ, съ соблюденіемъ извѣстныхъ условій, извѣстное время и соотвѣтственно числу дѣтей—средства на ихъ воспитаніе, которыя освободятъ ее отъ работы для добыванія средствъ внѣ дома на все то время, пока дѣти нуждаются въ ея уходѣ. Это не исключаетъ, конечно, возможности для матери, которая по той или другой причинѣ не хочетъ или не можетъ посвятить себя уходу и воспитанію дѣтей,—находить на свой заработокъ замѣстительницу. Но для большинства женщинъ указанное средство было бы безъ сомнѣнія счастливымъ рѣшеніемъ многихъ, кажущихся

теперь неразрѣшимыми, проблемъ. Я не нахожу нужнымъ, чтобы прогрессъ сохранилъ прежній идеалъ отца, какъ кормильца семьи; я надѣюсь скорѣе на то, что будетъ все болѣе укореняться новое возрѣніе, признающее, что каждый индивидъ долженъ быть своимъ собственнымъ кормильцемъ. И отецъ тогда будетъ дѣйствительнымъ, въ болѣе глубокомъ смыслѣ слова,—воспитателемъ, когда заботы о добываніи средствъ существованія семьи не будутъ угнетать его. Женщина—мать семейства не будетъ тогда находиться въ зависимости отъ мужчины, что она считаетъ теперь для себя унижительнымъ, если, будучи дѣвушкой, она сама зарабатывала свое пропитаніе. Тогда вернуться къ той новой формѣ матриархата, гдѣ на заботу о новомъ поколѣніи будутъ смотрѣть, какъ на величайшую задачу, которую мать выполняетъ для общества, и въ періодъ выполненія которой общество должно обезпечить ея существованіе. Отъ работающихъ внѣ дома замужнихъ женщинъ въ большинствѣ случаевъ приходится слышать признаніе, что для нихъ была бы счастьемъ возможность спокойно ухаживать за дѣтьми и вести хозяйство, если бы только средства позволяли имъ чувствовать себя независимыми отъ мужей. Два года тому назадъ одна шведская вечерняя газета—крайній органъ женскаго дѣла—предприняла анкету о работѣ внѣ дома замужней женщины. Отвѣты, вѣроятно—сверхъ ожиданія газеты, почти единогласно указывали на опасности, какія влечетъ за собой эта работа внѣ дома для дѣтей и домашняго очага. Безпристрастное изслѣдованіе причинъ распущенности молодежи, безъ сомнѣнія, показало бы, что сильно возрастающая среди молодыхъ людей многихъ странъ преступность происходитъ частью по той причинѣ, что они слишкомъ рано идутъ на заработки, частью—отъ того, что, вслѣдствіе работы внѣ

дома ихъ матерей, остаются безъ призора въ раннемъ дѣтствѣ.

Если придерживаться того мнѣнія, что должны же появляться на свѣтъ дѣти, и что для воспитанія ихъ въ первые годы жизни семья представляетъ, въ принципѣ, наилучшія условія, то слѣдуетъ серьезно поразмыслить и надъ тѣми послѣдствіями, которыя влечетъ за собой въ настоящее время работа женщинъ внѣ дома, а поразмысливъ придется сказать себѣ, что въ данное время нѣтъ большей необходимости, какъ создать такія условія цивилизаціи, придумать такой планъ соціальной организаціи, который возвратилъ бы мать дѣтямъ и семейному очагу.

Все, что дѣлаетъ благотворительность ради исправленія вреда, приносимаго разрушительнымъ процессомъ капитализма,—въ суммѣ не больше, какъ бесплодная трата силъ. Дѣтскія ясли, дѣтскіе сады, дѣтскія столовыя, дѣтскія больницы, лѣтнія колоніи—все это, несмотря на прекрасныя намѣренія, не возстановитъ и сотой части тѣхъ жизненныхъ силъ, которыя отнимаются у новаго поколѣнія, прямо или косвенно, работой женщины внѣ дома.

Находятся люди, которые ожидаютъ, что домашняя жизнь замѣнится коллективными учрежденіями для ухода за дѣтьми, для совмѣстной ѣды и пр. Я также полагаю, что, подобно тому, какъ мало-по-малу были вытѣснены изъ домашняго производства такія отрасли домашняго хозяйства, какъ пивовареніе, печеніе хлѣба, убой скота, выдѣлка свѣчей и шитье одежды, такъ, въ концѣ-концовъ, многое и изъ той работы, которая теперь еще составляетъ большую часть домашней дѣятельности,—напримѣръ, стряпня, стирка, починка, чистка и прочее,—также станетъ выполняться коллективно, при помощи машинъ и электричества. Я надѣюсь, однако, что стремленіе человѣка къ индиви-

дуализации побѣдитъ тенденцію къ безличному, однообразному, массовому дѣйствію во всѣхъ тѣхъ вопросахъ, которые касаются наиболѣе интимныхъ сторонъ и проявленій жизни; что счастливая и полная семейная жизнь и впредь будетъ считаться основнымъ условіемъ истинной жизнерадостности и индивидуальнаго развитія. Если женщины и освободятся отъ варварскихъ пережитковъ, свойственныхъ современному способу веденія хозяйства—съ базарной корзиной, плитой и шваброй въ каждомъ домѣ—если и освѣщеніе, и отопленіе повсюду будетъ производиться электричествомъ, все же онѣ будутъ вынуждены исполнять извѣстную часть работы, отъ которой имъ нельзя будетъ уклониться, несмотря на усовершенствованные аппараты и кооперативные методы, если только онѣ не захотятъ домъ замѣнить казармой. А такъ какъ обычай держать домашнихъ слугъ скоро долженъ исчезнуть, потому что ихъ, вѣроятно, нельзя будетъ найти, то всѣмъ женщинамъ придется выполнять домашнюю работу или же прибѣгать къ средству, уже практикующемуся въ Америкѣ, гдѣ посредническія бюро доставляютъ помощь въ хозяйствѣ на извѣстное время и за опредѣленную плату. Въ Лондонѣ въ настоящее время также существуетъ специальный союзъ для приготовленія помощницъ, которыя затѣмъ работаютъ на строго опредѣленныхъ условіяхъ. Въ деревнѣ, за невозможностью найти наемныхъ работниковъ, скоро не только жены, но и дочери будутъ принимать участіе въ сельскохозяйственныхъ работахъ. Это будетъ естественнымъ коррективомъ того стремленія къ внѣдомашнему труду, которое гонитъ изъ дома цѣлыя толпы дѣвушекъ, переполняющихъ затѣмъ города.

Если принять во вниманіе ущербъ, наносимый общественной экономіи тѣмъ, что женщины, послѣ 5—10 лѣт-

ней специальной подготовки, вступивъ въ бракъ, бросаютъ свои профессиональныя или научныя занятія,—то придется согласиться, что современная условія женскаго труда требуютъ кореннаго пересмотра.

Съ точки зрѣнія самой женщины и для пользы дѣтей, мужчинъ и, наконецъ, самой промышленности слѣдуетъ требовать, чтобы общество съ полной ясностью сознало необходимость измѣненія условій женскаго труда, въ противномъ случаѣ ему придется быть свидѣтелемъ прогрессирующаго разрушенія семейной жизни. Общество должно измѣнить условія труда и жизни всѣхъ, иначе ему придется увидѣть вырожденіе всего поколѣнія.

Всякая филантропія — а она никогда не имѣла такого развитія, какъ въ наши дни—не что иное, какъ благоухающій еиміамъ надъ зловонной ямой. Благоухающій дымъ дѣлаетъ зловоніе не столь ощутительнымъ для проходящихъ, но не препятствуетъ заразительнымъ міазмамъ дѣлать свое дѣло.

Эгоизмъ, инстинктъ самосохраненія, быть можетъ, заставитъ, наконецъ, вождей общества согласовать свои дѣйствія съ социальными точками зрѣнія. Только тогда женскій вопросъ можетъ стать дѣйствительно общечеловѣческимъ; только тогда поборники его, быть можетъ, увидятъ, что для самой женщины не составляетъ блага работа при условіяхъ, которыя вредятъ мужчинамъ и дѣтямъ; что къ требованіямъ женской индивидуальности въ этомъ отношеніи можно съ полнымъ правомъ примѣнить старинную поговорку: высшее право становится высшей несправедливостью. Справедливость заключается не въ томъ, что женщина можетъ работать при условіяхъ, которыя губятъ физически ее и все поколѣніе, а въ томъ, что она имѣетъ въ общемъ возможность пользоваться свободой выбора и на-

учиться пользоваться этой свободой. Справедливость заключается въ необходимости охранить многихъ женщинъ, которыя пока не могутъ сами защищать себя, отъ эксплуатаціи ихъ силъ капитализмомъ.

Почувительной чертой въ исторіи классовой борьбы — или женскаго дѣла—является то, что сперва женщины вытѣснили мужчинъ изъ нѣкоторыхъ областей труда, теперь незамужнія женщины стремятся вытѣснить на рынкѣ труда замужнихъ. Въ Америкѣ, гдѣ жизнь идетъ ускореннымъ темпомъ, среди незамужнихъ женщинъ уже образовался для этой цѣли союзъ. Эти и подобныя явленія принадлежатъ къ области свободной конкуренціи, расцвѣту этой якобы „важнѣйшей идеи нашего времени — права индивида на самоутвержденіе“. И можетъ быть только тогда, когда возгорится настоящая война между женщинами, поборницы женскаго права поймутъ, что проблема женскаго труда сложнѣе, чѣмъ онѣ подозрѣвали, пока разсматривали ее, какъ это было до сихъ поръ, только съ точки зрѣнія права женщины на самообезпеченіе. Быть можетъ, онѣ поймутъ тогда, что индивидуализмъ, чуждый чувства солидарности, ведетъ къ социальной борьбѣ между классами и полами, между холостыми и женатыми, между молодыми и старыми, и что женщина только въ связи съ преобразованиемъ всего цѣлаго можетъ достигнуть своего полного права въ обществѣ, не нарушая этимъ права другихъ!

Чѣмъ раньше поймутъ это поборницы женскаго права, тѣмъ лучше. вмѣсто того, чтобы вести борьбу съ охранительнымъ законодательствомъ, онѣ должны содѣйствовать ему; вмѣсто того, чтобы съ негодованіемъ встрѣчать рабочіе союзы, онѣ должны помогать работницамъ организовать и поддерживать ихъ, гдѣ только могутъ.

Наше столѣтіе, открывшее женщинамъ доступъ въ новыя

области труда, сдѣлало ея жизнь очень тяжелой, оно вовлекло ее въ конкуренцію. Какъ жена, какъ замужняя или незамужняя мать, какъ разведенная или вдова, женщина часто должна заботиться не только о своемъ собственномъ пропитаніи, но и о прокормленіи семьи, и вынуждена поддерживать своимъ трудомъ больного или пьяницу-мужа, дѣтей, сестеръ съ братьями или престарѣлыхъ родителей. Эти женщины,—все равно, занимаются ли онѣ физическимъ или умственнымъ трудомъ,—изнуряютъ себя съ одной стороны заботами о средствахъ къ жизни, съ другой — о домашнемъ благоустройствѣ. Тогда какъ мужчина уходитъ изъ дому на работу нѣсколько отдохнувшимъ, женщина часто идетъ уже утомленная и возвращается, можетъ быть, для новой ночной работы по дому. Ясно, какъ день, что она такимъ образомъ утрачиваетъ какъ физическое здоровье, такъ и душевное равновѣсіе, въ которыхъ нуждаются ея дѣти. Нельзя не удивляться, что, несмотря на это, многія трудящіяся женщины еще находятъ достаточно силъ стремиться къ своему духовному освобожденію путемъ чтенія и размышленій. Эти женщины скоро сознаютъ, что самостоятельный заработокъ еще не есть освобожденіе, въ лучшемъ случаѣ можетъ быть только средствомъ къ нему. Женщина, занимающаяся физическимъ трудомъ, въ этомъ отношеніи—еще не въ худшихъ условіяхъ, хотя, правда, она можетъ опуститься до минимальнаго заработка—четыре—пять кронъ въ недѣлю⁵⁾. Но дѣйствительно злополучными рабочими-невольницами являются конторщицы, телефонистки, телеграфистки, приказчицы, кельнерши въ общественныхъ мѣстахъ или горничныя въ частныхъ домахъ, которыя часто весь день проводятъ на ногахъ, служа публикѣ, и у которыхъ кромѣ того нерѣдко отнимаются праздники и ночной отдыхъ.

Эти невольницы часто, при 15—16 часовомъ рабочемъ днѣ, могутъ заработать только 3—4, самое большее 7—8 сотъ кронъ въ годъ! Что же удивительнаго, если та или другая изъ нихъ увеличиваетъ свои доходы тѣмъ путемъ, на который иногда расчитываетъ работодатель, принимая на службу хорошенькихъ дѣвушекъ при низкой заработной платѣ! Что же удивительнаго, что эти замученныя въ магазинахъ, на телефонахъ, почтахъ и телеграфахъ женщины становятся истеричками, душевно-больными или кончаютъ самоубійствомъ?

Поборницы женскаго права не остаются слѣпыми ко всѣмъ этимъ ненормальностямъ,—онѣ требуютъ равной заработной платы для женщинъ и мужчинъ и доказываютъ—иногда справедливо, иногда нѣтъ,—что трудъ женщины оплачивается слишкомъ низко. Но онѣ не понимаютъ того, что сами содѣйствовали злу, заставляя женщинъ постоянно стремиться во всевозможныя области труда, отчего предложеніе превысило спросъ и вызвало пониженіе заработной платы. Въмѣсто того, чтобы открывать женщинамъ доступъ въ новыя области труда, надо сначала выработать такія условія, при которыхъ ея жизненныя силы не истощались-бы, при которыхъ она преждевременно не утрачивала-бы свою юношескую свѣжесть, прелесть и счастье и возможность развиваться, какъ человекъ, какъ жена и мать!

Большее ограниченіе свободы—вотъ печальный результатъ, такъ называемаго, освобожденія женщины въ нашъ вѣкъ, если не принимать во вниманіе нѣсколькихъ тысячъ женщинъ высшихъ классовъ, занимающихъ хорошо оплачиваемыя должности! Вотъ почему десятки лѣтъ я, въ глубинѣ своей души, противъ восхваленій поборницами женскаго права женской работы внѣ дома приводила то же самое возраженіе, которое Фейербахъ сформулировалъ

такъ: „Посредственность всегда взвѣшиваетъ вѣрно, только вѣсы у нея не вѣрны“.

Куда бы мы ни взглянули—на Европу или Америку,— всюду находимъ мы тѣ новыя ненормальности, которыя являются слѣдствіемъ новыхъ отношеній, вызванныхъ свободнымъ пользованіемъ женской рабочей силой, развитіемъ капитализма, преобразованіемъ домашней работы и все большимъ распространеніемъ возрѣнія, что,—выражаясь словами одной выдающейся поборницы женскаго права,— безбрачіе есть „аристократизмъ будущаго“!

Тѣмъ не менѣе было бы безразсудно желать измѣненія этихъ ненормальныхъ отношеній реакцій, которая снова лишила бы женщину какаго бы то ни было существеннаго права въ отношеніи свободы выбора труда и устройства ея жизни.

Прогрессъ ведетъ къ новому общественному строю, въ которомъ всѣ должны будутъ работать, и работы хватить на всѣхъ, въ которомъ всѣ будутъ работать въ мѣру, въ нормальныхъ условіяхъ и получать достаточную плату. Тогда ни замуженной, ни незамужней женщинѣ не придется терять на изнурительную работу силы, которая нужны ей для материнства. И, становясь матерью, она, въ большинствѣ случаевъ, съ радостью будетъ привѣтствовать возможность, которую дастъ ей тогда общество—служить ему именно въ качествѣ матери и воспитательницы.

Мы еще далеки отъ подобнаго общественнаго строя. Но при каждой социальной мѣрѣ слѣдуетъ провѣрять, приближаетъ ли она насъ къ этому идеалу, или удаляетъ отъ него; способствуетъ ли она, или препятствуетъ развитію той идеи, которая въ концѣ концовъ преобразуетъ все, именно, что производительность — для человѣка, а не че-

ловѣкъ—для производительности, какъ въ настоящее время, что трудъ существуетъ для свободы, а не свобода—для труда, какъ теперь.

Пытаясь въ своемъ сочиненіи „Злоупотребленіе женскими силами“ обратить вниманіе женщинъ на послѣдствія подобнаго злоупотребленія, я ставила слѣдующія положенія: создавая планъ культурнаго общества, мы или должны исходить изъ того, что материнство есть нѣчто существенное для природы женщины, и что для общества очень важно, какъ она выполняетъ это призваніе, и на этомъ основаніи мы должны измѣнить условія, которыя все въ большей степени лишаютъ женщину счастья материнства, а дѣтей—материнскаго ухода; или же мы должны исходить изъ того, что материнство не имѣетъ существеннаго значенія,—тогда пусть все продолжаетъ идти, какъ идетъ теперь. Тогда трудъ внѣ дома, удовлетворяющій потребностямъ творчества, честолюбія, корыстолюбія и независимости, будетъ все болѣе становиться главной цѣлью, сообразно съ которой женщины будутъ устраивать свою жизнь, измѣнять свои жизненныя привычки, преобразовывать свои чувства. Наивная вѣра, будто каждая женщина, при наличности у нея, свободы слѣдуетъ влеченію своей натуры,—показываетъ полное незнаніе какъ психологіи, такъ и исторіи. Достойный достиженія идеаль, господствующее воззрѣніе—побѣждаютъ природу, и это, на примѣръ, лучше всего подтверждается тѣмъ, какъ сильно было подавлено въ восемнадцатомъ столѣтіи или въ періодъ средневѣкового аскетизма чувство материнства. И новый идеаль заставляетъ теперь множество женщинъ обратиться къ внѣшней жизни.

Я хочу дѣйствительной свободы для женщины, т. е. чтобы женщина, исключительная или обыкновенная, могла

слѣдовать влеченіямъ своей природы. Взглядъ на природу и цѣли обыкновенной женщины, распространяемый поборниками женскаго права, подавляетъ истинную природу большинства женщинъ!

Однимъ изъ многихъ своеобразныхъ знаменій времени является то, что, въ то время какъ женщины возвѣщаютъ право женщины и ея свободный выборъ работать и творить, не связывая себя семейными узами, мужчины (например, Ибсенъ, въ своей драмѣ „Когда мы мертвые пробуждаемся“) доказываютъ, что великій грѣхъ противъ жизни—это нарушеніе закона любви, и что мужчина не только отъ этого утрачиваетъ свою индивидуальность, но и теряетъ въ своей творческой силѣ.

Если мужчина такимъ образомъ приближается къ прежнему возрѣнію женщинъ на любовь, а женщина наоборотъ начинаетъ смотрѣть на это чувство, какъ на незначительный эпизодъ рядомъ съ истинной задачей жизни, эпизодъ, которому она будетъ придавать отгѣнокъ чувственного, или сентиментальнаго, или психологическаго, или спортивнаго флирта, относясь къ нему, какъ къ игрѣ, которую съ одинаковой легкостью будетъ начинать и бросать,—то можно думать, что изъ этого новаго столкновенія крайностей родятся новыя, не предчувствуемая теперь страданія, которыя наконецъ ясно обнаружатъ передъ „освобожденной“ женщиной вѣчные законы ея собственнаго существа, законы, отъ которыхъ она не можетъ освободиться безъ вреда для себя.

Я вовсе не хочу ставить даже самой легкой преграды одинокой женщинѣ, свободной идти своимъ собственнымъ путемъ, хотя бы онъ и привелъ ее къ необычнымъ областямъ труда и жизненныхъ испытаній. Но я хочу, ради самихъ женщинъ, ради дѣтей и ради общества—что-

бы женщины, какъ и мужчины, серьезно обдумали настоящее положеніе вещей и поняли, что нужно, какъ можно скорѣе, выбрать одно изъ двухъ: или такое измѣненіе образа мыслей и труда современнаго общества, которое вернуло бы большинство женщинъ къ ихъ прямой функціи—материнству, или-же уничтоженіе семейнаго очага и замѣна его общественными учрежденіями. Другого исхода не существуетъ.

Все эгоистическое самоутвержденіе женщины, все ея стремленіе къ индивидуализаціи, такъ же какъ и временное удаленіе ея отъ семьи и дома, самостоятельный заработокъ—были, безъ сомнѣнія, нужны, чтобы внушить мужчинамъ и обществу увѣренность, что женщина—не только существо извѣстнаго пола, но и независимое отъ мужа, дома и семьи, въ какой бы формѣ эта семья ни слагалась. Только такимъ образомъ женщина могла дѣйствительно свободно избрать своей задачей обязанности жены и матери; только такимъ образомъ могла она добиться въ области домашней и семейной жизни—быть духовно-равной мужу, какъ существо, въ своемъ родѣ столь же совершенное.

Теперь мы видимъ, что за этой главой женскаго эгоизма должна послѣдовать новая — пробужденіе чувства солидарности женщины съ ея поломъ, при чемъ женщина пойметъ, что она лучше всего можетъ служить человечеству, если посвятитъ свою освобожденную и развитую человѣческую личность именно выполненію своего исключительнаго призванія женщины. Рейхстаги и пресса, представительства общинъ и правительства, конгрессы мира и конгрессы рабочихъ, наука и литература—всѣ эти области человѣческаго труда будутъ продолжать работать съ весьма жалкимъ результатомъ до тѣхъ поръ, пока женщины не поймутъ, что преобразованіе общества нужно начинать съ

еще неродившагося ребенка, съ условій его рожденія и психическаго и физическаго его воспитанія; что новыя инстинкты, новыя чувства, новыя понятія, новыя мысли, которыя войдутъ въ плоть и кровь дѣтей отъ ихъ матерей и отцовъ,—вотъ что преобразуетъ жизнь; что только послѣ того, какъ поколѣніе за поколѣніемъ будетъ создавать новую почву,—вырастутъ и болѣе великія идеи, посредствомъ которыхъ возродится жизнь!

До тѣхъ поръ тысячелѣтнія злоупотребленія, политическая несправедливость, экономическая борьба, всѣ развѣдающія общество ненормальности будутъ повторяться, хотя бы и въ новой формѣ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, пока люди останутся тѣ же. Мыслители будутъ открывать новыя идеи, ученые—новыя методы и системы, художники—новыя критеріи красоты. Но въ общемъ все останется попрежнему. Только тогда начнетъ возрождаться весь міръ, когда женщина послушается голоса жизни, возвѣщающаго ей, что чрезъ нее наступитъ искупленіе. Всѣ разговоры о „высокомъ назначеніи матери“, о „великой миссіи воспитанія“ останутся пустыми фразами, если люди не поймутъ, что отъ психологическаго и фізіологическаго преобразованія человѣческой природы зависитъ побѣда гуманности и культуры надъ животнымъ началомъ.

Но это преобразованіе требуетъ такого абсолютно новаго пониманія призванія матери, такого огромнаго напряженія силъ, такого непрестаннаго вдохновенія, что тѣ, которыя воображаютъ, что сверхъ этого они могутъ еще производить другія цѣнныя продуктивныя работы, очевидно, никогда не пробовали воспитывать! Тысячелѣтняя привычка—вытирать носы ребятамъ, ласкать и бить ихъ,—не есть воспитаніе. Нужны громадныя силы, чтобы удовлетворить потребностямъ одного единственнаго ребенка и пра-

вильно воспитать его. Это вовсе не значитъ, что нужно посвятить ребенку все свое время. Это значитъ, что наша душа должна быть поглощена ребенкомъ, какъ ученый поглощенъ своими научными изслѣдованіями, художникъ—своимъ творчествомъ: мысль о немъ должна быть неразлучно съ нами, сидимъ ли мы дома, или находимся внѣ дома, ложимся ли спать, или встаемъ. Все это—болѣе, чѣмъ часы, которые посвящаешь непосредственно дѣтямъ, это то поглощающее, та причина, которая ведетъ къ тому, что хорошая мать принимается за другую внѣшнюю дѣятельность съ раздвоенной душой, съ растраченными силами. Мать, которая желаетъ отдать дѣтямъ лучшую часть своего существа, можетъ только случайно заниматься общественной дѣятельностью; поэтому въ важнѣйшіе годы воспитанія ребенка она должна быть совершенно освобождена отъ заботы о добываніи средствъ къ жизни.

Ни въ высшихъ, ни въ низшихъ классахъ я никогда не встрѣчала матери, которая, будучи вынужденной работать изъ-за куска хлѣба или побуждаемая талантомъ къ художественному творчеству, не страдала бы отъ невозможности удовлетворять всѣмъ потребностямъ дѣтей въ періодъ ихъ подрастанія.

Фрау Адель Гергардтъ и фрейлейнъ Елена Симонъ опубликовали подъ заглавіемъ „Материнство и духовная работа“ результаты очень интереснаго изслѣдованія, въ которомъ я нашла подтвержденіе сообщенныхъ мною наблюденій, а именно,—мать, желающая быть воспитательницей своихъ дѣтей и вмѣстѣ съ тѣмъ занимать какую-либо должность или предаваться общественной дѣятельности, не достигаетъ ни въ томъ, ни въ другомъ отношеніи ничего цѣльнаго, а дѣлается лишь посредственной воспитательницей и посредственной работницей. Въ этомъ признаются всѣ дѣйстви-

тельно искреннія матери, которыя относятся серьезно какъ къ воспитанію, такъ и къ общественной работѣ. Если же онѣ, наоборотъ, только диллетантки въ томъ и другомъ отношеніи, тогда имъ кое какъ удастся совмѣстить эти двѣ противоположныя области дѣятельности.

Поборницы женскаго права на это возражаютъ, что материнство можетъ быть въ значительной степени облегчено посредствомъ согласнаго съ природой образа жизни, и тогда явится возможность совмѣстить его съ работой внѣ дома; что дѣти, достигая школьнаго возраста, выходятъ изъ-подъ надзора матерей, и тогда эти послѣднія всецѣло могутъ посвятить себя работѣ; что, кромѣ того, материнство не есть безусловная обязанность, что женщина имѣетъ полное право выбора, сообразно своей индивидуальности: одна желаетъ быть матерью, другая—нѣтъ; одна выходитъ замужъ съ надеждой стать матерью, другая—съ намѣреніемъ—никогда не быть ею, третья—вовсе не выходитъ замужъ. Всякая попытка обобщенія въ такомъ вопросѣ, гдѣ каждый имѣетъ право личной свободы и выбора, будетъ, по ихъ мнѣнію, реакціей. Полная свобода для женщины выбирать и продолжать работу въ бракѣ, какъ и внѣ брака, полная свобода выбирать или отклонять материнство,—вотъ, по ихъ мнѣнію, путь къ освобожденію женщины и путь прогресса. Къ тому же женщина будетъ вынуждена слѣдовать по этому пути социальнымъ развитіемъ, сдѣлавшимъ заработокъ женщины необходимостью. Подобно тому, какъ женскій домашній трудъ замѣнится фабричнымъ, такъ точно и материнскія обязанности могли бы исполняться коллективно, и всѣ тѣ трудности, на которыхъ такъ называемые реакціонеры женскаго вопроса основываютъ свои возраженія, будутъ такимъ образомъ встрѣчаться въ будущемъ только въ исключительныхъ случаяхъ.

По поводу такого рода возраженій я раньше уже высказывалась. Я вполне признаю право женскаго индивида идти своимъ собственнымъ путемъ, самой выбирать свое счастье или несчастье, при этомъ я всегда имѣю въ виду весь женскій полъ и все общество во всей его совокупности.

Съ этой общей, а не съ индивидуальной, точки зрѣнія я стараюсь убѣдить женщинъ, что постепенное разрушеніе женщинами драгоцѣннѣйшей жизненной силы ихъ физическаго и психическаго существа, силы материнства отмститъ за себя, въ концѣ концовъ, индивидамъ, націи и расѣ.

Современная женщина, какаѣ она теперь, не можетъ быть хорошей матерью. Она будетъ пригодна для этой высокой цѣли только тогда, когда воспитаеъ новое поколѣніе, и оно образуетъ когда-нибудь то общество, въ которомъ осуществится типъ совершеннаго человѣка, „сверхчеловѣка“, пока еще озареннаго отдаленнымъ сіяніемъ утренней зари!

III.

Воспитаніе.

Въ своемъ „Вертеръ“ Гете уже высказываетъ вѣрный и ясный взглядъ, имѣющій значеніе для индивидуальнаго и психологическаго воспитанія. Этотъ взглядъ долженъ сдѣлаться руководящимъ началомъ для „Вѣка ребенка“. Въ упрямствѣ ребенка знаменитый писатель видитъ скрытую, будущую силу воли и въ каждой ошибкѣ, въ каждомъ недостаткѣ ребенка—неиспорченный зародышъ хорошаго качества или хорошаго поступка. „Постоянно,—продолжаетъ онъ,—повторяю я про себя золотыя слова Учителя челоѣчества: если вы не уподобитесь одному изъ малыхъ сихъ!.. А вотъ мы, милѣйшій, съ родными намъ, которыхъ мы должны были бы считать нашими образцами, обращаемся, какъ съ подданными. У нихъ не должно быть никакой собственной воли! Да развѣ у насъ-то нѣтъ ея! Въ чемъ же заключается наше право на такое преимущество? Въ томъ, что мы старѣе и умнѣе ихъ? Всемогушій Боже! Ты видишь только старыхъ и молодыхъ дѣтей, и больше ничего, а которыхъ ты больше любишь, которые тебя больше радуютъ,—объ этомъ давно уже возвѣстилъ Твой Сынъ! Люди вѣрятъ въ Него, но Его не слушаютъ—это такъ же старо, какъ истина—и продолжаютъ воспитывать дѣтей по своему образцу“. Тѣ же самыя слова можно примѣнить и къ современнымъ воспитателямъ, у которыхъ вѣчно на языкѣ

слова: эволюція, индивидуальность, естественный наклонности; они вѣрятъ новымъ заповѣдямъ, но не исполняютъ ихъ. Они прибѣгаютъ къ прежнимъ приемамъ воспитанія, будто они все еще продолжаютъ вѣрить во врожденную испорченность людей, въ ихъ наследственную грѣховность, которую можно обуздать, подавить, но не измѣнить или предотвратить. Между тѣмъ новое вѣрованіе проникнуто какъ разъ приведенной мыслью Гете, что каждый недостатокъ есть только грубая оболочка, подъ которой скрывается нѣжный зародышъ какой-нибудь добродѣтели. Даже люди новаго времени продолжаютъ слѣдовать въ дѣлѣ воспитанія дѣтей старому медицинскому правилу—зло изгонять зломъ, вмѣсто того, чтобы признать новый методъ леченія, въ которомъ не лекарства, а гигиена играетъ самую важную роль.

Спокойно предоставлять природѣ свободу помогать самой себѣ и не ускорять эту самопомощь, а только слѣдить, чтобы окружающія обстоятельства и обстановка поддерживали работу природы, — вотъ въ чемъ заключается воспитаніе.

Какъ самые нѣжные, такъ и самые строгіе родители даже и не подозреваютъ истины, которую Карлейль выразилъ въ слѣдующей фразѣ: „Отличительный признакъ благородной геніальности—сильныя чувства и сильныя страсти, надъ которыми должна властвовать желѣзная воля“. Между тѣмъ въ большинствѣ случаевъ, вѣрнѣе—всегда, пытаются искоренить страсти или же забываютъ развить въ ребенкѣ силу воли, которая бы управляла страстями.

подавлять собственную личность ребенка и прививать къ нему сущность другой личности—другое старое и неизмѣнное педагогическое преступленіе, которое совершаетъ даже тотъ, кто громко вѣщаетъ, что задача воспита-

нія—лишь развивать и совершенствовать индивидуальную природу ребенка.

До сихъ поръ еще не прониклись убѣжденіемъ въ законности эгоизма ребенка, точно такъ же, какъ не убѣждены и въ возможности превращенія зла въ добро.

Когда воспитаніе ребенка будетъ основано не только на полной увѣренности, что ошибки не могутъ быть искоренены или стерты, что напротивъ онѣ навсегда оставляютъ послѣдствія, но также и на увѣренности, что эти ошибки, путемъ непрерывной эволюціи и медленной приспособляемости къ окружающимъ обстоятельствамъ, могутъ быть измѣнены, тогда воспитаніе возвысится на степень науки и искусства. Тогда исчезнетъ вѣра въ чудодѣйственное вліяніе внезапныхъ и рѣшительныхъ мѣръ. Тогда и въ психической области будутъ дѣйствовать на основаніи принципа неразрушаемости матеріи и придутъ къ убѣжденію, что нельзя искоренить какую-нибудь душевную наклонность, а можно только одно изъ двухъ—или заглушить ее, или возвысить до степени высокой цѣнности.

Глубокое пониманіе и проницательность заключаются въ словахъ госпожи Сталь, которая говоритъ, что „только тотъ, кто можетъ играть съ дѣтьми, въ состояніи и научить ихъ чему-нибудь“. Превратится самому въ ребенка—первое условіе, необходимое для того, чтобы воспитывать дѣтей. Это не значитъ—напустить на себя притворное ребячество, снизить до ребяческой болтовни;—это все—неправильные приемы, фальшь которыхъ ребенокъ сейчасъ же прекрасно чувствуетъ, отгадываетъ и глубоко презираетъ. Нѣтъ, это значитъ относиться къ ребенку такъ же прямо, простодушно, какъ онъ самъ относится къ своему бытію, обращаться съ нимъ, какъ съ равнымъ, т.-е. относиться къ всему такъ же сдержанно, чутко, тактично и выказывать ему

такое же довѣріе, какъ и взрослому; это значитъ—не вліять на ребенка требованіемъ того, чтобы онъ сдѣлался такимъ, какимъ намъ угодно, а вліять только посредствомъ впечатлѣній своей личности, т.-е. того, что есть въ насъ самихъ; это значитъ—не примѣнять къ ребенку хитрость и силу, но дѣйствовать на него своей серьезностью, уравновѣшенностью, искренностью и честностью.

Руссо гдѣ-то говоритъ: „всѣ системы воспитанія разбираются о то, что природа не создаетъ ни родителей—воспитателями, ни дѣтей—для того, чтобы быть воспитываемыми“. Было бы недурно, если бы начали слѣдовать этому указанію природы и постигли бы наконецъ, что великая тайна воспитанія заключается именно въ томъ, чтобы не воспитывать.

Не оставлять ребенка въ покоѣ—самое важное преступленіе современнаго воспитанія противъ самого ребенка. Напротивъ, цѣль будущаго воспитанія будетъ заключаться въ томъ, чтобы создать прекрасный міръ (какъ во внутреннемъ, такъ и во внѣшнемъ значеніи) въ обширномъ смыслѣ этого слова, въ которомъ ребенокъ будетъ расти, и гдѣ ему будетъ позволено совершенно свободно двигаться до тѣхъ поръ, пока онъ не переступитъ границы правъ другихъ людей. Тогда взрослые дѣйствительно уразумѣютъ душу ребенка и сумѣютъ глубоко заглянуть въ это, почти всегда для нихъ замкнутое царство. Естественный инстинктъ самосохраненія заставляетъ ребенка замыкать свой внутренній міръ отъ воспитателя, задающаго неделикатные вопросы, напримѣръ, о чемъ думаетъ ребенокъ, вопросъ, на который онъ всегда отвѣтитъ или скрытой неправдой, или явной ложью. Замыкаетъ ребенокъ свой внутренній міръ и передъ воспитателями, которые не признаютъ или грубо затрагиваютъ его мысли и склонности,

безпошадно выдають его самыя нѣжныя чувства или выставляютъ ихъ въ смѣшномъ видѣ, осуждаютъ при постороннихъ его недостатки и восхваляютъ его качества, злоупотребляютъ сдѣланнымъ въ минуту откровенности до вѣрчивымъ признаніемъ ребенка и постоянно упрекають его этимъ признаніемъ.

Извѣстное изреченіе, что ни одно человѣческое существо никогда не научится понимать другого, въ крайнемъ случаѣ—научится только переносить его, можетъ быть прежде всего примѣнено къ внутреннимъ отношеніямъ дѣтей и родителей, въ которыхъ почти всегда отсутствуетъ именно то, что—самое своеобразное и глубокое въ чувствахъ любви, пониманіе.

Родители, напримѣръ, не хотятъ понять, что никогда во всей жизни не бываетъ такъ сильна, какъ именно въ дѣтскіе годы, потребность во внутреннемъ покоѣ среди всего окружающаго его внѣшняго шума и движенія. У ребенка есть свой собственный обширный міръ, съ которымъ онъ долженъ освоиться, который долженъ завоевать и научиться постепенно понимать, а вмѣсто этого что только не заставляютъ его переносить и испытывать!—препятствія, нескромныя вторженія, выговоры, наставленія, и это—въ продолженіе цѣлаго дня! Ребенокъ вѣчно долженъ чего-нибудь не дѣлать или же дѣлать что-нибудь другое, а не то, что дѣлаетъ въ данную минуту или что хочетъ дѣлать.

Ребенка всегда побуждаютъ идти по другому направленію, а не по тому, въ которомъ его направляютъ его собственныя чувства и влеченія. Часто все это дѣлають изъ слишкомъ большой къ нему нѣжности, бдительности, внимательности, изъ желанія исправлять, совѣтовать, руководить, помогать, изъ стремленія вылѣпить изъ комочка, мяг-

каго, какъ воскъ, человѣческаго матеріала совершенный экземпляръ той образцовой серіи дѣтей, которыя извѣстны подъ названіемъ: „Musterkinder“.

Я слышала, какъ бранили и называли „дурной“ трехлѣтнюю дѣвочку за то, что она хотѣла пойти гулять въ лѣсъ, тогда какъ нянька непремѣнно желала тащить ее съ собой въ городъ. Другая дѣвочка, шестилѣтняя, получила даже побои за то, что была „дурной“ по отношенію къ своей товаркѣ, т. е. она назвала ее поросенкомъ, очень мѣткимъ и воспитательно дѣйствующимъ выраженіемъ, въ виду дѣйствительной нечистоплотности этой самой товарки. Вотъ два типичныхъ примѣра того, какъ стараются притупить у ребенка его здоровыя инстинкты. Нѣтъ ничего болѣе искренняго, какъ внезапно вырвавшіяся изъ глубины дѣтскаго сердца слова: одинъ маленькій мальчикъ, выслушавъ отъ матери пространное описаніе всѣхъ пріятностей рая для послушныхъ и хорошихъ мальчиковъ, спросилъ ее, — какъ она думаетъ, позволять ли ему, послѣ того какъ онъ цѣлую недѣлю будетъ вести себя хорошо на небѣ, въ субботу вечеромъ спуститься въ адъ поиграть съ нехорошимъ мальчикомъ.

Ребенокъ, въ глубинѣ своего внутренняго „я“, чувствуетъ, что онъ имѣетъ право быть и „нехорошимъ“, право, которымъ взрослые пользуются безпрепятственно. И не только пользоваться правомъ быть „нехорошимъ“, но и быть спокойно предоставленнымъ всѣмъ опасностямъ и радостямъ, которыя влечетъ за собой подобнаго рода настроеніе.

Изъ каждаго „порока“ стремиться извлечь скрытую въ немъ дѣйствующую добродѣтель — значитъ зло побуждать добромъ. Прибѣгать ко всѣмъ остальнымъ пріемамъ — значитъ все естественное и сильное побуждать слабыми сред-

ствами. Вызванные же искусственно добродѣтели никогда не выдержатъ испытаній, которымъ въ послѣдствіи подвергнетъ ихъ жизнь.

Сознаніе необходимости преодолѣвать зло съ помощью добра,—одна изъ тѣхъ истинъ, которыя кажутся весьма легкими, когда ихъ высказываютъ. На самомъ дѣлѣ нѣтъ ничего запутаннѣе и медленнѣе того процесса, съ помощью котораго можно найти дѣйствительно вѣрное средство для достиженія этой истины. Гораздо легче указать, „чего“ не слѣдуетъ дѣлать, чѣмъ сказать, „что“ слѣдуетъ дѣлать для того, чтобы, на примѣръ, упрямство превратить въ силу воли, лукавство — въ умъ, кокетство — въ привѣтливость, неусидчивость — въ духъ предпріимчивости. Это можетъ произойти только тогда, когда поймутъ что зло (если только это—не атавизмъ или извращеніе) такъ же естественно и необходимо, какъ и добро, и что только благодаря одностороннему преобладанію оно дѣйствительно становится зломъ.

Воспитатель непремѣнно хочетъ, чтобы ребенокъ сразу, такъ сказать, въ мгновеніе ока сталъ совершенствомъ. Онъ требуетъ отъ него и принуждаетъ его къ порядку, самообладанію, добросовѣстному исполненію своихъ обязанностей, честности, однимъ словомъ къ тому, отъ чего взрослые съ изумительной быстротой избавляются и отвыкаютъ. Когда дѣло касается недостатковъ дѣтей, то и въ семьѣ, и въ школѣ тщательно обращаютъ вниманіе на всѣ малѣйшіе „сучки“, предоставляя дѣтямъ въ то же время безъ всякихъ препятствій наслаждаться зрѣлищемъ „бревенъ“ въ глазахъ взрослыхъ.

Деять разъ изъ десяти закрывать глаза на дѣтскіе недостатки, воздерживаться отъ непосредственнаго вмѣшательства, которое обыкновенно бываетъ ошибочнымъ, а

вмѣсто этого направить всю свою бдительность на окружающее, въ которомъ ребенокъ растетъ, и на свое собственное самовоспитаніе,—вотъ въ чемъ заключается искусство естественнаго воспитанія. Воспитатели, которые изо дня въ день сознательно и съ опредѣленной цѣлью воспитываютъ окружающихъ и самихъ себя, принадлежатъ къ числу весьма рѣдкихъ явленій. Большинство людей живетъ какъ на проценты, такъ и на капиталъ того воспитанія, которое, быть можетъ, когда-то сдѣлало изъ него „Musterkind“ и тѣмъ самымъ отняло у него всякое желаніе къ самовоспитанію. Только непрестанно воспитывая себя и увеличивая свой духовный ростъ постояннымъ соприкосновеніемъ и обмѣномъ мыслей съ „высшими и лучшими“ созданіями своей эпохи, можно постепенно сдѣлаться „почти“ хорошимъ товарищемъ для своихъ дѣтей.

Воспитывать ребенка—это значитъ постоянно носить свою обнаженную душу въ своихъ рукахъ, постоянно идти узкой и опасной тропой. Это значитъ употреблять всѣ усилія къ тому, чтобы избѣжать опасности или возможности увидѣть во взглядѣ ребенка выраженіе холода, которое намъ и безъ словъ говоритъ, что ребенокъ находитъ насъ не удовлетворяющими его, непонятными ему. Воспитывать значитъ—смирненно сознаваться самому себѣ, что возможностей причинить вредъ ребенку тѣма, а принести пользу—весьма немного. Какъ рѣдко воспитатель вспоминаетъ о томъ, что ребенокъ четырехъ—пяти лѣтъ прекрасно постигаетъ и угадываетъ взрослыхъ, съ необычайной проницательностью производитъ имъ оцѣнку, съ особенной чуткостью и чувствительностью реагируетъ на каждое впечатлѣніе. Малѣйшая неосторожность и неделикатность, самое незначительное недоверіе, самая легкая насмѣшка могутъ оставить на всю жизнь неизгладимые слѣды, жгучія раны

въ нѣжной, отзывчиво чувствительной душѣ ребенка, тогда какъ неожиданная доброта, ласка, привѣтливость, вниманіе, справедливый гнѣвъ запечатлѣваются въ памяти ребенка, затрогиваютъ всѣ нѣжныя струны его сердца, которое считаютъ мягкимъ, какъ воскъ, но съ которымъ обращаются такъ, будто оно изъ бычачьей кожи.

Старинное воспитаніе, которое, по словамъ Андре, стремилось къ тому, чтобы ребенокъ былъ „чистымъ, честнымъ, цѣлымъ и невредимымъ“, было, пожалуй, относительно лучше, чѣмъ наше современное, потому что, если оно и не воспитывало ребенка, то, по крайней мѣрѣ, не уродовало его личности. Одной сотой части всѣхъ стараній современныхъ родителей вполне достаточно для вмѣшательства и вторженія въ жизнь ребенка; остальные девяносто девять слѣдовало бы употребить на то, чтобы направлять ребенка, не посягая на свободу его дѣйствій, а оставаясь въ роли невидимаго провидѣнія, которое должно способствовать приобрѣтенію дѣтми опыта, но только съ условіемъ, чтобы дѣтямъ было позволено выводить изъ этого опыта свои собственныя заключенія. Теперь путемъ постояннаго вмѣшательства и безпрестаннаго исправленія дѣйствій ребенка какъ бы стараются отчеканить на ребенкѣ свои собственныя мнѣнія, свои принципы и свой собственный опытъ. Только тогда, когда уже поздно, когда воспитаніе уже искалѣчило, изломало ребенка, постигаютъ, наконецъ, воспитатели, что передъ ними была дѣйствительно совершенно новая душа, съ своимъ собственнымъ индивидуальнымъ „я“, самое важное и главное право котораго — самому думать, воспринимать и размышлять о предметахъ, встрѣчающихся на его жизненномъ пути. Воспитатель полагаетъ, что эта новая душа — просто „новое изданіе“ стараго человѣчества, и у него уже наготовѣ старыя мѣрки и старыя колодки, къ

которымъ онъ прямо и рѣшительно пригоняетъ эту новую душу. И вотъ эту новую душу обучаютъ — не красть, не лгать, не рвать и не пачкать одежды, заставляютъ учить уроки, беречь копейку, слушаться приказаній, не противорѣчить старшимъ, читать молитвы и, время отъ времени, возиться, бороться, даже драться,— и все это для того, чтобы сдѣлаться дѣльнымъ человѣкомъ... Прекрасно! А кто же научить эту новую душу самостоятельно избирать тотъ путь, по которому она должна въ послѣдствіи идти? Тотъ— кто понимаетъ или чувствуетъ, что желаніе ребенка идти своимъ собственнымъ самостоятельнымъ путемъ можетъ быть такимъ сильнымъ, такимъ страстнымъ, что подобная строгая дрессировка или прилаживаніе къ шаблоннымъ мѣркамъ превратитъ все дѣтство, которое обыкновенно считают и которое въ дѣйствительности должно быть самымъ радостнымъ и самымъ счастливымъ временемъ, въ тайную, но тѣмъ болѣе мучительную пытку.

Ребенокъ появляется на свѣтъ съ унаслѣдованными отъ предыдущихъ поколѣній свойствами, и эти-то свойства его стараются измѣнить путемъ приспособленія къ окружающему. Но иногда ребенокъ представляетъ и индивидуальныя уклоненія отъ родового типа. И если не хотятъ, чтобы эти индивидуальныя уклоненія исчезли отъ такой приспособляемости къ окружающему, то слѣдуетъ всѣми способами поощрять и развивать проявленія самобытной и индивидуальной силы.

Вмѣшательства современныхъ воспитателей въ суровой или нѣжной формѣ предупреждаютъ или отклоняютъ всѣ послѣдствія, вмѣсто того, чтобы предоставить имъ дѣйствовать во всей ихъ послѣдовательности и строгости въ тѣхъ случаяхъ, когда они не могутъ причинить ребенку непоправимаго вреда.

Привычки дома и всѣ, зависящія отъ домашнихъ условий, привычки ребенка должны быть такими же непоколебимыми, какъ и законы природы, если только эти привычки имѣютъ какое-нибудь дѣйствительно важное значеніе для жизни всего дома. Амизль говоритъ совершенно вѣрно, утверждая, что привычки—это принципы, ставшіе инстинктами и вошедшіе въ плоть и кровь. „Измѣнять привычки—продолжаетъ онъ,—значитъ затронуть жизнь въ самой ея сущности, потому что жизнь есть только ткань, сотканная изъ привычекъ“.

Почему все изъ вѣка въ вѣкъ въ сущности остается неизмѣннымъ? Почему „высокоцивилизованные“ христіанскіе народы продолжаютъ грабить другъ друга—и называютъ это „обмѣномъ“, прибѣгаютъ къ массовымъ убійствамъ—и называютъ это „націонализмомъ“, угнетаютъ и порабащаютъ другъ друга—и называютъ это „государственнымъ правомъ или искусствомъ?“

Все это происходитъ потому, что въ каждомъ новомъ поколѣніи всѣ инстинкты, которые предполагаются искорененными въ ребенкѣ воспитаніемъ, вновь пробиваются наружу во взросломъ, какъ только—для каждаго индивида въ общественной жизни, а для общества въ жизни государственной,—начинается борьба за существованіе. Всѣ эти инстинкты не измѣняются и не перерабатываются современнымъ воспитаніемъ, а только подавляются. По этой-то причинѣ не найдется ни одной страсти дикаря, которая бы дѣйствительно была искоренена въ челоуѣчествѣ. Быть можетъ, людоѣдство? Но рассказы, напримѣръ, объ европейскихъ судовыхъ командахъ, о сибирскихъ преступникахъ доказываютъ, что даже этотъ инстинктъ, при благоприятныхъ для него условіяхъ, можетъ, несмотря даже на врожденное, физическое отвращеніе большинства людей къ

людоѣдству, вновь проявиться. Сознательное кровосмѣшеніе, несмотря на случайныя отступленія для большинства людей, прямо-таки физически противно; цѣломудренная стыдливость и полное единеніе души и тѣла въ вопросахъ любви для многихъ женщинъ—просто непоколебимая ничѣмъ природная потребность. Наконецъ, для меньшинства людей „физически невозможно“ убивать или красть.

Этимъ, вѣроятно, я исчерпала все, что человѣчество въ теченіе своей сознательной исторіи усвоило настолько, что оно перешло „въ плоть и кровь“ его. И только это дѣйствительно можетъ устоять передъ всякой формой искушенія!

Глубокая психологическая истина скрывается подъ часто употребляемымъ выраженіемъ „разнузданныя страсти“: благодаря нынѣ господствующей системѣ воспитанія страсти дѣйствительно уподобляются посаженнымъ въ клетку хищнымъ звѣрямъ.

Всѣ постоянно произносятъ красивыя фразы объ индивидуальномъ развитіи, а между тѣмъ съ дѣтьми обращаются такъ, какъ будто они—не абсолютная цѣль, а только предметъ радости и гордости родителей и условіе личнаго родительскаго удобства и благополучія. Такъ какъ это легче всего достигается, когда дѣти становятся такими, какъ „всѣ другіе“, то родители и воспитатели стремятся возможно скорѣе и раньше сдѣлать изъ нихъ благоприличныхъ и пригодныхъ членовъ общества.

А между тѣмъ единственно правильная исходная точка для воспитанія изъ ребенка достойнаго члена общества—обращаться съ нимъ какъ съ таковымъ, и въ то же время усиливать и укрѣплять въ немъ стремленіе и мужество быть индивидуумомъ.

Будущій новый воспитатель путемъ постепеннаго опыта

будеть учить ребенка осмысленно понимать свое мѣсто въ великой цѣпи бытія и свою отвѣтственность предъ окружающимъ,—ни одно изъ индивидуальныхъ жизненныхъ проявленій ребенка не будетъ заглушаемо воспитателемъ, если только это проявленіе не будетъ приносить вредъ самому ребенку или другимъ. Надо стараться найти правильное равновѣсіе между опредѣленіемъ Спенсера, что „жизнь есть приспособленіе къ окружающимъ обстоятельствамъ“, и опредѣленіемъ Ницше, который говоритъ, что „жизнь есть хотѣніе власти“.

Несомнѣнно, въ приспособляемости главную роль играетъ подражаніе, но и проявленіе индивидуальной силы и воли также важно, потому что, если, благодаря первой, жизнь вливается въ твердо опредѣленную форму, то второе вводитъ въ нее новое содержаніе.

Большинство современныхъ мыслителей, какъ я уже сказала, часто и много говорятъ о „личности“ и „индивидуальности“, а сами приходятъ въ отчаяніе, когда ихъ дѣти не похожи на другихъ, когда у ихъ потомства нѣтъ на лицо и въ полномъ совершенствѣ всѣхъ добродѣтелей, которыя требуются обществомъ. И вотъ они дрессируютъ своихъ дѣтей и заставляютъ ихъ сдерживать свою природу, какъ будто только для того, чтобы у взрослыхъ эта природа вновь проявилась, съ новой силой. До сихъ поръ даже и не предугадываютъ, какими должны быть новые люди, и на нашемъ устарѣломъ жизненномъ пути продолжаютъ появляться все тѣ же неизмѣнные старые типы: дѣльные мальчики, прелестныя, наивныя дѣвушки, благоприличныя, честныя чиновники и т. д., и т. д. Рѣдко-рѣдко среди этихъ прекрасно воспитанныхъ людей появляются новые типы: люди съ возвышенными идеалами, путники непроторенныхъ дорогъ, мыслители новыхъ, незатрепан-

ныхъ идей, люди мужественные, способные на такія преступленія, какъ пробиваніе новыхъ путей.

Несомнѣнно, природа сама постоянно повторяетъ основныя формы, но всегда—съ небольшими отступленіями. Такимъ путемъ образовалось въ природѣ все богатство видовъ, между прочимъ—и человѣкъ. Однако, самъ человѣкъ все еще не можетъ или не хочетъ понять, какое громадное значеніе имѣетъ этотъ законъ природы для его собственнаго высшаго развитія. Онъ только хочетъ, чтобы всѣ, признанныя всѣми за хорошія, чувства, мысли, мнѣнія, рѣшенія воспроизводились въ каждомъ новомъ поколѣніи. Но такимъ путемъ не появятся новые индивиды, а только болѣе или менѣе умные, глупые, добросовѣстные, безнравственные экземпляры человѣческаго рода. Продолжающій жить въ человѣкѣ инстинктъ обезьяны удваиваетъ дѣйствіе закона наслѣдственности, а потому и въ человѣческомъ обществѣ до сего времени консерватизмъ сильнѣе, чѣмъ стремленіе вызвать къ жизни новые виды. А между тѣмъ это послѣднее и есть самое цѣнное. Не совѣтовать ребенку подражать во всемъ другимъ, а, напротивъ, радоваться долженъ воспитатель, когда замѣчаетъ въ ребенкѣ индивидуальныя склонности и проявленія. Руководствоваться во всемъ мнѣніемъ другихъ, значитъ подчиняться и ихъ волѣ и, такимъ образомъ, дѣлаться частицей стаднаго большинства, которымъ повелѣваетъ, въ силу своей властной воли, сверхчеловѣкъ, тогда какъ при иныхъ условіяхъ эта же самая властная воля не могла бы господствовать надъ извѣстнымъ числомъ индивидуально развитыхъ личностей. Севершено вѣрно замѣчено, что самыя эксцентричныя народы,—въ родѣ англійскаго,—достигаютъ и самой широкой политической и соціальной свободы. Чувство личной самостоятельности у такого народа далеко

превосходить свободу, формулируемую законами, а потому имъ и удастся постепенное расширеніе сферы законной свободы.

Для прогрессивнаго движенія и преуспѣянія цѣлаго рода и общества—существенно необходимо, чтобы воспитаніе пробуждало чувство самостоятельности, оживляло и поддерживало смѣлость отступать отъ общепринятаго шаблона, когда это не причинитъ вреда другимъ, или въ тѣхъ случаяхъ, когда индивидуальность не есть только желаніе обратить на себя общее вниманіе. Со спокойной совѣстью предоставить ребенку свободу не подчиняться общепринятымъ мнѣніямъ и обычаямъ, освободиться отъ общепринятымъ чувствъ,—вотъ главное, такъ сказать, основное условіе для воспитанія индивидуальной, а не коллективной совѣсти, единственнаго рода совѣсти у большинства современныхъ людей. Добровольное подчиненіе внѣшнимъ законамъ, одобреннымъ и испытаннымъ моею собственной совѣстью, безусловное повиновеніе неизданному закону, который я сама себѣ предписала, и слѣдованіе этому внутреннему закону наперекоръ всему міру,—вотъ что, по моему, значить имѣть индивидуальную совѣсть.

Одно изъ самыхъ частыхъ явленій, слѣвавшееся до того обычнымъ, что его можно считать почти законнымъ, это то, что и въ школѣ, и въ семьѣ больше всего преслѣдуются и больше всего наказываются дѣти оригинальныя и выдающіяся по своимъ способностямъ. Обыкновенно ни у кого изъ окружающихъ не достаетъ чуткости, чтобы понять то, что пробуждается и что живетъ въ странномъ или шумномъ, замкнуто-сдержанномъ или вспылчивомъ ребенкѣ! И въ особенности матери и учителя обнаруживаютъ всю свою несостоятельность въ пониманіи и усвоеніи самаго элементарнаго правила искусства воспитанія:

„умѣть смотрѣть простыми глазами“, а не черезъ призму педагогическихъ доктринъ, которыми они себѣ набиваютъ головы.

Я конечно не ожидаю отъ столповъ общества съ ихъ условной моралью, чтобы они поняли важное значеніе упражненія воли и проявленія воли ребенка, какъ не жду я этого и отъ тѣхъ, исповѣдующихъ христіанство, людей, которые полагаютъ, что низкой человѣческой природѣ приличествуетъ только раскаяніе и смиреніе, и что грѣшное тѣло, „это нечистое животное“, должно быть укрощаемо розгой. Прекрасная теорія! И для поддержанія ея они ссылаются на біблію!

Я обращаюсь къ тѣмъ, которые начинаютъ мыслить новыми мыслями и поэтому должны бы перестать воспитывать по-старому. Однако и эти люди часто говорятъ, что новыя идеи воспитанія не примѣнимы! Ларчикъ просто открывается,— новыя мысли не образовали изъ нихъ новыхъ людей! Старый человѣкъ, продолжающій жить въ нихъ, не имѣетъ ни времени, ни спокойствія, ни терпѣнія преобразовать и свою собственную душу, и душу ребенка сообразно съ новыми идеями.

Тѣ, которые „пробовали по Спенсеру, но потерпѣли фіаско“, потому что методъ Спенсера требуетъ прежде всего ума и терпѣнія, — тѣ возражаютъ противъ новыхъ воспитательныхъ идей, что ребенокъ долженъ же научиться послушанію, и что есть доза правды въ слѣдующей старой пословицѣ: „кто хочетъ къ старости стать крючкомъ, тотъ начинаетъ уже съ дѣтства сгибаться“.

Сгибаться—вотъ оно, весьма мѣткое слово! Согнуть по шаблону стараго идеала самоуничужденія, смиренія и послушанія! Но вѣдь новый идеаль въ томъ именно и заключается, чтобы человѣкъ стоялъ прямо и вытягивался во

весь свой ростъ,— но ни въ какомъ случаѣ не сгибать, а только слегка поддерживать, чтобы онъ отъ слабости не споткнулся.

Часто въ сердцѣ современнаго воспитателя продолжаетъ жить грубое властолюбіе, которое при малѣйшемъ упрямствѣ ребенка сейчасъ же вырывается наружу: „А, ты не хочешь! — говорятъ отцы и матери, — ну, такъ я тебѣ покажу, можешь ли ты имѣть свою волю“. „Я выгоню изъ тебя твое упрямство!“ Но ничего нельзя „выгнать“ изъ ребенка, зато можно вбить въ него много такого, что могло бы съ успѣхомъ миновать его.

Только въ первое трехлѣтіе жизни ребенка нуженъ нѣкоторый родъ дрессировки, чтобы подготовить почву для высшаго воспитанія. Въ эти первые годы своей жизни ребенокъ живетъ почти исключительно своими пятью чувствами, такъ что легкая физическая боль или физическое наслажденіе — единственный понятный для него языкъ и поэтому единственный неизбѣжный способъ пріученія нѣкоторыхъ дѣтей къ нѣкоторымъ необходимымъ привычкамъ. Для другихъ же дѣтей даже въ этой нѣжной стадіи развитія не нужны строгія мѣры, да и вообще, какъ только ребенокъ начинаетъ сознавать и помнить ударъ, онъ уже выросъ изъ того возраста, когда подобная мѣра еще допустима.

Ребенокъ долженъ несомнѣнно научиться послушанію, и даже абсолютному послушанію. Когда подобнаго рода послушаніе вошло у него съ самаго нѣжнаго возраста въ привычку, тогда достаточно взгляда, измѣненія голоса, чтобы поддержать это послушаніе. Но недовольство воспитателя является только тогда дѣйствительной мѣрой, когда оно появляется, какъ тѣнь въ обычно солнечной атмосферѣ родного дома. Разъ упустили моментъ заложить прочный

фундаментъ для послушанія въ то время, когда ребенокъ былъ малъ, и его шалости или другія привычки казались родителямъ такими „восхитительными“, то конечно эти родители найдутъ непригоднымъ методъ Спенсера и тогда, когда ребенокъ становится старше, и его упорство дѣлается уже „непріятнымъ“.

Съ ребенкомъ, совсѣмъ маленькимъ, не слѣдуетъ разговаривать, нужно послѣдовательно и быстро дѣйствовать. Стремленіе воспитателя должно, по указанію Руссо и Спенсера, быть направлено къ тому, чтобы всѣ опыты соединить въ одну послѣдовательную и связную цѣльность впечатлѣній, посредствомъ которыхъ извѣстныя привычки впоследствии входятъ въ плоть и кровь ребенка.

Не слѣдуетъ, напримѣръ, позволять маленькимъ дѣтямъ постоянно кричать. Когда убѣждаются, что крикъ этотъ не вызванъ болью или непріятными ощущеніями иного рода, противъ которыхъ у ребенка единственное орудіе защиты—крикъ, то обыкновенно, чтобы заставить ребенка замолчать, прибѣгаютъ къ шлепкамъ. Но подобный маневръ не побѣждаетъ злой воли ребенка и не вызываетъ въ душѣ его иного понятія, кромѣ вывода, что большіе бьютъ маленькихъ, когда тѣ кричатъ,—а это далеко не этическое понятіе. Если же раскричавшагося ребенка немедленно изолировать, объяснивъ ему, что доставляющій непріятности окружающимъ не имѣетъ права оставаться среди нихъ, когда это изолированіе будетъ примѣняться послѣдовательно и безжалостно всякій разъ, когда ребенокъ кричитъ, то этимъ будетъ заложенъ прочный фундаментъ основанному на опытѣ понятію ребенка, что тотъ, кто доставляетъ непріятность другимъ, долженъ оставаться въ одиночествѣ. Въ обоихъ случаяхъ (побои или изолированіе) непріятное чувство заставитъ ребенка замолчать. Но въ

первомъ случаѣ непріятное есть дѣйствіе, насилующее его волю, во второмъ непріятное вызываетъ постепенное самопреодоленіе воли подѣ влияніемъ дѣйствительно хорошаго мотива. Первое раститъ въ ребенкѣ низменное чувство страха, второе регулируетъ волю такимъ способомъ, который преподаетъ ребенку извѣстное правило путемъ жизненнаго опыта. Первое наказаніе низводитъ ребенка на степень животнаго, второе запечатлѣваетъ въ немъ главный законъ человѣческой общественной жизни, а именно: когда наши удовольствія причиняютъ неудовольствія другимъ, то эти другіе препятствуютъ намъ предаваться этимъ удовольствіямъ или же просто устраняются отъ этихъ проявленій нашей „злой воли“.

Маленькія дѣти, напримѣръ, должны привыкнуть вести себя хорошо за столомъ, да и въ другихъ случаяхъ. И если каждый разъ, когда повторится какая-нибудь проказа или неприличная выходка, ребенка тотчасъ же выведутъ изъ-за-стола и оставятъ одного, потому что тотъ, кто причиняетъ непріятность другимъ, долженъ оставаться въ одиночествѣ, то такимъ образомъ на правильномъ основаніи будетъ преподанъ правильный образъ поведенія. Маленькія дѣти должны научиться не трогать и оставлять въ покоѣ вещи другихъ людей. Если каждый разъ, когда ребенокъ возьметъ безъ позволенія какую-нибудь чужую вещь, его лишатъ тѣмъ или другимъ способомъ свободы движенія, то онъ весьма скоро пойметъ, что первое условіе свободы движенія—это не причинять вреда другимъ.

Вообще, какъ замѣтила совершенно вѣрно одна молодая мать, самыми идеальными комнатами для того, чтобы въ нихъ воспитывать дѣтей, слѣдуетъ признать пустыя, свѣтлыя японскія комнаты, тогда какъ наши современные, переполненные всякой всячиной, совершенно не пригодны

для дѣтей. Именно въ тѣ годы, когда воспитаніе должно быть ведено наглядно, практическимъ путемъ, т. е. когда ребенокъ долженъ самъ до всего дотронуться, по-пробовать, покусать и пощупать, онъ слышитъ каждую минуту окрикъ: „Оставь! Не трогай!“ Для дѣтскаго темперамента, какъ и для развитія его силъ, важнѣе и лучше всего, если онъ будетъ расти въ большой, выкрашенной въ свѣтлый веселый тонъ, украшенной литографіями, гравюрами и т. п. комнатѣ, съ совершенно простой и только самой необходимой мебелью, гдѣ бы ему была предоставлена полная свобода движеній. Но если ребенокъ, находясь въ комнатѣ родителей, начинаетъ проказничать, то немедленное удаленіе изъ комнаты—самый вѣрный способъ научить ребенка относиться съ уваженіемъ къ міру взрослыхъ, міру, въ которомъ онъ несомнѣнно долженъ самъ себя создать мѣсто, но вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ научиться, что каждое мѣсто, которое онъ занимаетъ, имѣетъ свои границы.

Если дѣло идетъ о какой-нибудь опасности, отъ которой хотять оградить ребенка внушеніемъ ему нѣкотораго страха передъ ней, то слѣдуетъ предоставить самой вещи дѣйствовать устрашающимъ или неприятнымъ образомъ на ребенка. Такъ, если мать, напримѣръ, бьетъ ребенка за то, что онъ трогаетъ горящую свѣчу, нѣтъ сомнѣнія, что въ отсутствіе матери онъ непременно опять будетъ трогать ее, если же ему предоставить разъ обжечься о свѣчу, то можно быть увѣреннымъ, что онъ ее оставитъ навсегда въ покоѣ. Мальчики въ старшемъ возрастѣ, злоупотребляющіе ножами, ружьями и тому подобными предметами, должны быть наказаны лишеніемъ этихъ предметовъ. Большинство мальчиковъ охотнѣе согласились бы перенести порядочные побои, чѣмъ лишиться любимаго предмета, однако

только лишеніе будетъ дѣйствительнымъ воспитательнымъ опытомъ, опытомъ непоколебимости хода жизни, а это—такой опытъ, который слѣдуетъ непремѣнно и глубоко запечатлѣть въ душѣ ребенка. Отъ родителей, которые начали воспитывать дѣтей „по Спенсеру“, а затѣмъ перешли къ побоямъ, можно часто услышать, напримѣръ, слѣдующее: пока ребенокъ еще настолько малъ, что не можетъ исправить разорванную имъ самимъ одежду, его слѣдуетъ наказывать инымъ способомъ и т. д. Но въ этомъ нѣжномъ возрастѣ за подобныя вещи совсѣмъ не слѣдуетъ наказывать, а просто слѣдуетъ давать ребенку прочную и простую одежду, въ которой онъ бы могъ свободно двигаться и играть. Позднѣе, когда онъ дѣйствительно можетъ обращать вниманіе и заботиться о своей одеждѣ, естественнымъ наказаніемъ будетъ такое:—онъ долженъ оставаться дома, если его одежда, по его собственному невниманію и небрежности, испачкана или разорвана; онъ долженъ самъ помогать привести ее въ порядокъ, и, наконецъ, его слѣдуетъ заставить купить на собственные, имъ же самимъ заработанныя, деньги испорченные, благодаря его небрежности, предметы. Если ребенокъ невнимателенъ, то онъ долженъ быть оставленъ дома, когда другіе идутъ на прогулку или въ гости. Онъ долженъ ѣсть въ одиночествѣ, если опаздываетъ къ совмѣстной ѣдѣ. Однимъ словомъ, существуетъ множество самыхъ простыхъ способовъ для того, чтобы всѣ важнѣйшія привычки общественной жизни превратились во вторую природу, внѣдрились въ плоть и кровь ребенка. Однако методъ Спенсера не всегда можетъ быть примѣненъ: естественныя послѣдствія поступковъ могутъ быть иногда опасными для здоровья ребенка, а въ извѣстныхъ случаяхъ слишкомъ медленно дѣйствовать. Въ тѣхъ случаяхъ, когда вмѣшательство признается

необходимымъ, нужно дѣйствовать всегда послѣдовательно, быстро, неизмѣнно и энергично. Почему ребенокъ очень быстро постигаетъ, что огонь жжется? Потому что огонь всегда и непремѣнно жжется. Но мама, которая разъ побьетъ, другой разъ пригрозитъ, третій—подкупитъ, разъ—плачетъ, другой—смѣется, третій—не позволяетъ и вслѣдъ за тѣмъ разрѣшаетъ, которая не исполняетъ своихъ угрозъ, не принуждаетъ къ послушанію, а только безконечно говоритъ объ этомъ и бранитъ, которая, однимъ словомъ, какъ говорятъ дѣти: „разъ дѣлаетъ такъ, а другой такъ, а иногда и совсѣмъ иначе“, подобная мама не имѣетъ такого сильнаго дѣйствующаго воспитательнаго метода, какъ огонь!

Если прежнему строгому воспитанію, выполнявшему только черную работу въ этомъ дѣлѣ, удавалось придать характеру стильную, такъ сказать, форму или покрой, то лишь потому, что въ этомъ воспитаніи были единогласіе и послѣдовательность. Да, оно было послѣдовательно строгимъ, не такъ, какъ въ наше время, когда воспитаніе — не что иное, какъ не имѣющее никакихъ основъ колебаніе и шатаніе между всевозможными видами педагогическихъ методовъ и психологическихъ настроеній, при чемъ ребенокъ, точно мячъ въ рукахъ взрослыхъ, перебрасывается то туда, то сюда, его то возвеличиваютъ, то издѣваются надъ нимъ, разъ отталкиваютъ, другой привлекаютъ, то цѣлуютъ до полусмерти, то командуютъ! Взрослый человекъ сошелъ бы съ ума, еслибъ какой-нибудь шутникъ-титанъ вздумалъ въ теченіе одного только дня такъ обращаться съ нимъ, какъ онъ цѣлые годы обращается со своимъ ребенкомъ. Ребенкомъ никогда не слѣдуетъ командовать, а всегда говорить съ нимъ такъ же вѣжливо, какъ со взрослымъ для того, чтобы и его самого научить вѣжливости. Ребенка ни-

когда не слѣдуетъ выставять напоказъ, возвеличивать, не слѣдуетъ принуждать къ ласкамъ, ни осыпать его поцѣлуями, которые обыкновенно только мучаютъ ребенка и часто кладутъ начало половой гиперестезіи. Слѣдуетъ отвѣчать на выраженія нѣжности ребенка, если они искренни, но свои собственные выраженія нѣжности сохранять для важныхъ, выдающихся моментовъ,—вотъ, одно изъ тонкихъ, но совершенно оставленныхъ безъ вниманія воспитательныхъ средствъ. Не слѣдуетъ также принуждать ребенка выказывать раскаяніе, просить прощенія и т. д., потому что это—вѣрное средство воспитать изъ него лицемеръ. Одинъ маленькій мальчикъ выругалъ какъ-то разъ старшаго брата; его посадили на стулъ, дабы онъ „раскаялся“ въ своемъ поступкѣ. Спустя нѣкоторое время, когда мать спросила, раскаивается ли онъ, онъ съ большимъ выраженіемъ отвѣтилъ: „да“. Но такъ какъ мать замѣтила въ его глазахъ какой-то особенный блескъ, не предвѣщавшій ничего добраго, то она сочла своей обязанностью спросить, въ чемъ именно онъ раскаивается. „Въ томъ, что я не назвалъ его еще и негодяемъ!“—отвѣтилъ безъ запинки ребенокъ. Мать оказалась настолько умной, что на этотъ разъ оставила ребенка въ покоѣ, да и впоследствии не прибѣгала къ вызову „раскаянія“.

Насколько важно и цѣнно добровольное или самопроизвольное раскаяніе и глубоко прочувствованная просьба о прощеніи, настолько ничтожно и даже вредно душевное движеніе, вызванное. „Развѣ тебѣ не жаль?“—вопросъ, съ которымъ почти постоянно обращаются къ ребенку. „Развѣ тебѣ не жаль, что твой братъ умеръ, твоя мать больна, отецъ уѣхалъ?“ и т. д. въ этомъ родѣ. Это тѣ вопросы, въ отвѣтъ на которые, по мнѣнію взрослыхъ, должно ожидать отъ ребенка выраженія чувствъ. А между тѣмъ выражать

или не выражать какое-либо чувство — это право ребенка, и точно так же, какъ у взрослыхъ, у него могутъ быть свои симпатіи и антипатіи. Взрослые своимъ невниманіемъ или неуваженіемъ къ чувствамъ ребенка почти постоянно оскорбляютъ его чуткій вкусъ и безпрестанно вызываютъ его, легко возбуждаемое, отвращеніе. Но муки ребенка, причиняемая ему не деликатностью взрослыхъ, принадлежатъ къ области еще не вполне изслѣдованной дѣтской психологіи. Подобно тому, какъ лучшимъ воспитательнымъ приѣмомъ считается тотъ, который заставляетъ ребенка въ томъ случаѣ, когда онъ неправильно поступилъ по отношенію къ другимъ, подумать, пріятно ли было бы, если бы кто-нибудь поступилъ такъ съ нимъ, такъ же точно нѣтъ лучшей провѣрки и для воспитателя, какъ привычка и въ важныхъ вопросахъ, и въ мелочахъ задавать самому себѣ вопросъ. „согласился ли бы я, чтобы со мной обращались такъ, какъ я только-что обращался съ моимъ ребенкомъ?“ И если воспитатель приметъ еще во вниманіе, что ребенокъ въ большинствѣ случаевъ страдаетъ вдвое сильнѣе взрослою, тогда, быть можетъ, въ немъ пробудится деликатность и тактъ въ отношеніи къ ребенку, безъ чего жизнь ребенка — одно непрестанное мученіе.

О подаркахъ можно сказать то же, что и о выраженіяхъ чувствъ. Щедрость слѣдуетъ вызывать только примѣромъ, при этомъ ребенокъ никогда не долженъ получать того, что онъ потомъ раздаетъ; въ его дарѣ всегда должна заключаться частица его работы или извѣстная жертва съ его стороны.

Чтобы ребенокъ могъ познать удовольствіе, сопровождающее актъ даренія, и, такимъ образомъ могъ доставлять себѣ самому маленькія наслажденія, а также для того, чтобы онъ былъ въ состояніи замѣнять испорченные имъ пред-

меты, его слѣдуетъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ приучать серьезно исполнять нѣкоторыя домашнія работы за небольшую плату. Однако ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ вознаграждать ребенка за оказанныя услуги, — будутъ ли это услуги, которыя онъ самъ вызвался исполнить, или такія, которыя его попросили сдѣлать другіе: чувство великодушія развиваетъ только невознагражденная услужливость. Когда ребенокъ что-нибудь подарить, не слѣдуетъ принимать его подарокъ только для вида, а затѣмъ отдавать его обратно; поступая такимъ образомъ, легко можно привить ему неправильное представленіе о возможности даромъ наслаждаться душевнымъ благородствомъ. Позволять ребенку на каждомъ шагу переживать дѣйствительные жизненные опыты и никогда не обрывать шиповъ съ розъ, которыя растутъ на его жизненномъ пути, — вотъ правило, которое еще мало извѣстно и мало понятно воспитателямъ. Вслѣдствіе непониманія воспитателями этого правила и происходитъ неудача въ примѣненіи „разумнаго“ метода воспитанія. Онъ оказывается непригоднымъ, и, въ концѣ концовъ, всѣ считаютъ себя вынужденными прибѣгать къ мѣрамъ репрессивнымъ, ничего общаго съ жизненной дѣйствительностью не имѣющимъ — таковы особенно побои, — мѣра, которую продолжаютъ признавать не пыткой, какъ бы слѣдовало, а воспитательнымъ средствомъ.

Многіе представители современной интеллигенціи защищаютъ тѣлесное наказаніе на томъ основаніи, что оно часто является болѣе мягкой карой, чѣмъ кара, служащая естественнымъ послѣдствіемъ проступка, и что побои, напр., дѣйствуютъ напоминающимъ образомъ и вызываютъ ассоціацію идей, которая запоминается на очень долгое время. Спрашивается, какая же это ассоціація? На основѣ физической боли и стыда! Изъ другихъ областей общественной

жизни подобнаго рода мѣры исправленія послѣдовательно, шагъ за шагомъ, вытѣснены. А вѣдь идея упраздненія пытки и тѣлесныхъ наказаній должна была долго бороться противъ убѣжденія въ ихъ необходимости, какъ воспитательнаго средства. Ребенокъ, отвѣчаютъ вамъ, — только звѣрекъ, и воспитывать его слѣдуетъ подобно животному. Тѣ, которые такъ отвѣчаютъ, такъ же мало знаютъ дѣтей, какъ и животныхъ, прекрасно поддающихся воспитанію и безъ побоевъ. Правда, это могутъ дѣлать только люди, сами ставшіе дѣйствительно людьми. Многіе преподносятъ вамъ глубокомысленныя доктрины, въ родѣ напримѣръ такой: страхъ и боль—первые воспитатели человѣчества; развитіе ребенка должно идти тѣмъ же путемъ. Утвержденіе комическое! Исходя изъ этой точки, слѣдовало бы, при желаніи развить въ дѣтяхъ религіозное чувство, заставить ихъ сперва поклоняться идоламъ!.. Если бы дѣйствительно проводить ребенка послѣдовательно черезъ всѣ низшія стадіи развитія человѣчества, то фактически его низвергли бы съ той высоты физическаго и психическаго развитія, которой онъ достигъ благодаря унаслѣдованію свойствъ своего рода. Пытка и тѣлесныя наказанія отмѣнены для взрослыхъ,—но все еще продолжаютъ примѣняться къ дѣтямъ,—потому, что люди еще не уяснили себѣ, что и душевная жизнь дѣтей въ отношеніи сложности и чуткости воспріятія страданій прогрессируетъ такъ же, какъ и душевная жизнь взрослыхъ. Многочисленныя самоубійства дѣтей въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій совершены большею частью подъ вліяніемъ страха тѣлесныхъ наказаній или же непосредственно послѣ такихъ наказаній, потому что душа подъ вліяніемъ этихъ наказаній страдаетъ въ такой же сильной степени, какъ и тѣло. А въ тѣхъ случаяхъ, когда этого нѣтъ, побои еще опаснѣе: они только способствуютъ при-

тупленію чувства стыда и усиливають грубость и трусость наказуемаго. Въ одной школѣ мнѣ пришлось слышать разсказъ о ребенкѣ, во всѣхъ отношеніяхъ до того отталкивающемъ, что, по единогласному мнѣнію учителей, „изрядная порка“ могла бы быть ему весьма полезной. Впослѣдствіи узнали, что отталкивающее существо, какимъ теперь ребенокъ былъ, создано побоями отца. Если собрать статистическія данныя о „блудныхъ сынахъ“, между ними навѣрное окажется больше битыхъ дѣтей, чѣмъ избалованныхъ.

Постепенно общество перестало карать по принципу „возмездія“; оно убѣдилось, что подобная кара не только не пробуждаетъ раскаянія и не дѣйствуетъ устрашающимъ образомъ, а напротивъ, это воздаяніе по правилу— „око за око“—смѣшиваетъ всѣ понятія о правахъ и законахъ, притупляетъ всѣ чувства и подстрекаетъ къ такимъ насиліямъ надъ другими, какія приходится выносить самому. Къ психологическимъ процессамъ, происходящимъ въ ребенкѣ, примѣняются почему-то совершенно иные законы. Когда мальчуганъ бьетъ маленькую сестренку, мать бьетъ его—и воображаетъ, что онъ сознаетъ разницу между побоями, которые онъ получилъ, и тѣми, которые самъ нанесъ, что онъ сочтетъ одни побои—справедливой карой, а другіе—сквернымъ поступкомъ, за который слѣдуетъ карать! Но ребенокъ очень логиченъ; онъ чувствуетъ, что, въ сущности, здѣсь нѣтъ никакой разницы, хотя мать и называетъ это различными именами. У одного ученаго есть по поводу тѣлеснаго наказанія очень удачное сравненіе: онъ сравниваетъ воспитателя, прибѣгающаго къ такимъ средствамъ, съ музыкантомъ, который начнетъ обрабатывать кулаками свой разстроенный инструментъ вмѣсто того, чтобы начать его настраивать при помощи слуха и пальцевъ.

На всѣ безчисленные и тонкіе процессы въ душевной жизни ребенка, на всѣ его неясныя, сложныя и тѣсно связанныя между собою ощущенія, на его трепещущія, чуткія чувства эти грубыя мѣры дѣйствуютъ угнетающе, унижающе и разрушительно и поэтому не имѣютъ никакой духовно-воспитательной силы.

Желая дѣйствительно воспитывать, слѣдуетъ, прежде всего, по достиженіи ребенкомъ трехлѣтняго возраста, совершенно вычеркнуть побои изъ списка воспитательныхъ мѣръ. Лучше всего, если родители еще до рожденія ребенка порѣшатъ между собой никогда и ни въ какомъ случаѣ не прибѣгать къ побоямъ. Въ противномъ случаѣ часто бываетъ такъ, что родители, порѣшивъ прибѣгать къ этому удобному средству лишь до извѣстнаго возраста, продолжаютъ пользоваться имъ и дальше, просто потому, что, имѣя подъ руками удобный методъ, они забыли развить свои собственныя понятія и свой умъ.

У меня нѣтъ и тѣни желанія говорить о воспитаніи съ человѣкомъ, который не способенъ понять сказанное мной о побояхъ, какъ не можетъ быть желанія говорить съ канибаломъ о всеобщемъ мирѣ.

Но такъ какъ эти люди, дикари въ вопросахъ воспитанія, въ другихъ областяхъ часто бываютъ культурными людьми, то мнѣ хочется попросить ихъ вспомнить, напримѣръ, о постепенномъ развитіи формъ брака, хотя бы съ того момента, когда мужчина съ дубиной въ рукахъ добывалъ себѣ жену, и когда на женщину смотрѣли, какъ на неимѣющую души собственность мужа, которую слѣдовало держать въ повиновеніи побоями,—понятіе, сохранившееся и до позднѣйшаго времени. Тысяча самыхъ разнообразныхъ ежедневныхъ таинственныхъ вліяній такъ измѣнили чувства и представленія, что эти грубыя понятія

исчезли ко благу и для большей пользы развитія общественной жизни индивидовъ. Неужели въ подобныхъ педагогахъ-дикаряхъ нельзя пробудить сознанія, что явятся тысячи новыхъ, таинственныхъ и могучихъ вліяній,—и они заставятъ отбросить всѣ грубые приемы воспитанія, родительскія чувства, власть и обязанности пройдутъ черезъ метаморфозы, подобныя браку, и достигнутъ полного и совершеннаго развитія? Неужели нельзя пробудить сознаніе въ подобныхъ дикаряхъ педагогики? Неужели, чтобы заставить измѣнить и отбросить всѣ грубыя воспитательныя средства, необходимы тысячи новыхъ таинственныхъ вліяній? Неужели и родительскія чувства и обязанности, какъ и бракъ, должны пройти черезъ долгую метаморфозу, и только тогда родительскія чувства достигнутъ полного и совершеннаго развитія?!

Когда человѣкъ сознаетъ, что бить ребенка—продуктъ той же низкой стадіи культурнаго развитія, какъ и бить жену, домашнихъ, какъ тѣлесное наказаніе солдатъ и преступниковъ, тогда будетъ, такъ сказать, снятъ первый грубый слой съ того матеріала, изъ котораго, быть можетъ, впоследствии образуется воспитатель.

Если въ эпоху господства грубыхъ нравовъ прибѣгли къ тѣлеснымъ наказаніямъ въ цѣляхъ возмездія, то это было тогда естественнымъ явленіемъ. Болѣе всего „осязаемо“ у человѣка его тѣло, и воздѣйствіе на него ведетъ къ осязательнымъ послѣдствіямъ. Расточая побои, охлаждають пылъ страстей, да кромѣ того на извѣстной ступени развитія эти побои являются естественнымъ выраженіемъ нравственнаго негодованія, непосредственнымъ способомъ, дающимъ возможность *нравственно* сильному наложить свой отпечатокъ на существо, стоящее ниже его. Съ тѣхъ поръ, какъ стала извѣстна возможность дѣйствовать на душу

духовными средствами, побои признаны унижающими достоинство какъ того, кто наноситъ ихъ, такъ и того, кому они наносятся.

Воспитатель часто забываетъ, что у ребенка во многихъ случаяхъ такъ-же мало нравственныхъ понятій, какъ у животнаго или дикаря. Наказывать за это ребенка — жестокость, а наказывать какими-нибудь грубыми мѣрами — кромѣ того еще и величайшая глупость, потому что такія дѣйствія идутъ только въ разрѣзъ съ желаніями и стремленіями поднять ребенка надъ уровнемъ животнаго или дикаря. Только тѣ воспитатели, въ мозгъ которыхъ ни разу не закрадывалась мысль видѣть въ побояхъ средство, къ которому слѣдуетъ прибѣгать, направляютъ всѣ свои помыслы и чувства, чтобы найти дѣйствительныя психологическія воспитательныя средства. Примѣненіе побоевъ деморализуетъ и притупляетъ воспитателя, потому что этотъ методъ усиливаетъ его недомысліе и необдуманность, а не его терпѣніе, развиваетъ его грубость, а не его умъ.

Однаго маленькаго четырехлѣтняго мальчика, котораго я съ радостью причисляю къ своимъ друзьямъ, наказали въ первый и, къ счастью, въ послѣдній разъ. Когда его няня напомнила ему вечеромъ, чтобы онъ передъ сномъ помолился, онъ отвѣтилъ: „да, сегодня мнѣ дѣйствительно нужно кой о чемъ попросить Бога“. И затѣмъ онъ съ серьезнымъ видомъ произнесъ слѣдующую молитву: „Милый Боже, прошу Тебя, оторви мамѣ руки, чтобы она не могла меня больше бить!“

Ничто не могло бы такъ способствовать развитію дѣла воспитанія, какъ осуществленіе этой просьбы, т.-е. если бы дѣйствительно у всѣхъ педагоговъ, приверженцевъ системы битья, оторвали руки: тогда они научились бы воспиты-

вать головой. Что касается положенія общественнаго воспитателя, т.-е. учителя, то ничто не могло бы такъ поднять его званія и положенія, какъ запрещеніе закона, подъ угрозой немедленнаго отстраненія отъ должности, примѣнять во всѣхъ школахъ какія бы то ни было тѣлесныя наказанія.

Не рѣдко встрѣчаются люди мыслящіе и чуткіе во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, которые все еще продолжаютъ защищать побои. Это явленіе объясняется тѣмъ, что большинству воспитателей неизвѣстенъ самый элементарный способъ пониманія ихъ задачи, а именно: при каждомъ вмѣшательствѣ въ жизнь ребенка помнить и представлять себѣ собственныя чувства и впечатлѣнія собственнаго дѣтства. Не помнить того, что чувствовалъ, будучи ребенкомъ, съ точки зрѣнія взрослого разбирать и разсматривать чувства ребенка, поступки и вещи—вотъ не только самое частое, но и самое опасное изъ безчисленныхъ неправильныхъ представленій о томъ, какъ слѣдуетъ обращаться съ дѣтьми.

Взрослый только улыбается при воспоминаніи о наказаніяхъ и другихъ событіяхъ собственнаго дѣтства, совершенно забывая, сколько они доставили ему мучительныхъ дней и ночей, причиняя сердечную муку, вызывая въ немъ безграничное отчаяніе, пламенное негодованіе, безмолвныя слезы, оскорбляя его чувство права и справедливости, заставляя его испытывать жгучій стыдъ, неудовлетворенную жажду радости, свободы и нѣжности и переживать всякіе ужасы, порожденные его фантазіей. Благодаря этому недостатку памяти, взрослые постоянно вновь совершаютъ преступленіе, разрушая и отравляя дѣтство ребенка, единственный періодъ жизни, когда воспитатель могъ бы дѣйствительно быть провидѣніемъ, дарующимъ счастье. Все

противоестественное, нехорошее, некрасивое, заключающееся въ безцѣльномъ страданіи ребенка, такъ сильно дѣйствуетъ на меня, такъ глубоко запечатлѣвается въ моемъ сознаниі, что я испытываю физическое отвращеніе и страданіе, когда должна дотронуться до руки человѣка, который бьетъ своихъ дѣтей. И я часто проводила безсонныя ночи послѣ того, какъ мнѣ случалось видѣть сцены дикой расправы съ дѣтьми на улицѣ.

Побои вызываютъ добродѣтели раба, а не свободнаго человѣка. Уже Вальтеръ фонъ-дерь-Фогельвейде зналъ, что для того, кто стремится къ чести, слово гораздо больше значить, чѣмъ ударъ. Побои отдають слабѣйшаго, беззащитнаго въ руки сильнѣйшаго, и ребенокъ въ душѣ своей никогда не повѣритъ, когда воспитатель старается убѣдить его, что онъ его бьетъ изъ любви къ нему и *потому что онъ „принужденъ“ это дѣлать*. Ребенокъ — слишкомъ чуткое и сознательное существо, чтобы не знать, что подобнаго „принужденія“ не существуетъ, и что любовь можетъ выражаться инымъ, лучшимъ способомъ.

Недостатокъ самовоспитанія, недостатокъ способности мышленія, недостатокъ терпѣнія, недостатокъ достоинства, — вотъ тѣ четыре краеугольные камня, на которыхъ зиждется система побоевъ. Говоря это, я не имѣю въ виду того способа битья, который практикуется негодьями, заколачивающими изъ года въ годъ до полусмерти ребенка дома, въ ученѣ и въ школѣ. Я не говорю и о тѣхъ, не менѣе грубыхъ побояхъ, которыми не умѣющіе владѣть собою учителя или родители мстятъ дѣтямъ за то, что они ихъ раздражаютъ, утомляютъ или пугаютъ. Эти побои — просто разряженіе слишкомъ сильнаго напряженія нервной системы, позорное свидѣтельство недостатка самокультуры и самовоспитанія. Еще менѣе я имѣю въ виду безчеловѣч-

няя жестокости, совершаемыя чудовищами съ извращенными половыми инстинктами, порочные инстинкты которыхъ находятъ въ тѣлесныхъ наказаніяхъ извѣстнаго рода наслажденія, видятъ въ нихъ средство устрашенія своихъ жертвъ и принужденія ихъ къ молчанію, какъ это нерѣдко обнаруживалось въ извѣстныхъ громкихъ процессахъ 1).

Я говорю о добросовѣстныхъ, любвеобильныхъ родителяхъ и учителяхъ, которые сами страдаютъ отъ необходимости наказывать ребенка, но добросовѣстно считаютъ, что такимъ путемъ они исполняютъ по отношенію къ нему свой долгъ. Эти люди въ доказательство необходимости тѣлесныхъ наказаній приводятъ постоянно тѣ, будто бы хорошіе результаты, которыхъ они достигли. Ребенокъ, по ихъ словамъ, становится подъ вліяніемъ побоевъ не только „умникомъ“, но въ то же время онъ избавляется и отъ своего злого „я“ и всѣмъ своимъ, измѣненнымъ къ лучшему существомъ доказываетъ, что эта быстрая и энергичная кара принесла ему больше пользы, чѣмъ уговоры, проповѣди, терпѣніе и всѣ медленно, путемъ опыта, дѣйствующія наказанія. Словомъ, здѣсь преподносятъ примѣры, доказывающіе, что только прибѣгнувъ къ побоямъ, можно было сломить упорство ребенка, отучить его отъ лжи и т. п.

Эти воспитатели не понимаютъ, что этимъ быстро дѣйствующимъ способомъ имъ удалось только заглушить проявленіе злой воли, а не переработать ее. Для этой послѣдней цѣли необходима постоянная бдительность и ежедневное самовоспитаніе, чтобы пріобрѣсти способность придумывать болѣе разумные методы воспитанія. Подавленная злая воля или наклонность ребенка будетъ при каждомъ удобномъ случаѣ вновь проявляться. Воспитатель, прибѣгнувшій къ тѣлесному наказанію для сокращенія своего воспитатель-

наго труда, тѣмъ самымъ свелъ ребенка съ той дороги, по которой онъ долженъ итти,—если имѣть въ виду то единственное и дѣйствительное развитіе, которое заключается въ укрѣпленіи способности и воли и въ выработкѣ, такимъ образомъ, въ воспитанникѣ самообладанія.

Я никогда не могла слышать, какъ трехлѣтнему ребенку угрожаютъ побоями, не думая и даже ясно не представляя себѣ, какъ близко отъ того невѣрнаго пути, по которому пошли родители, находится дѣйствительное этическое средство,—но они въ своемъ ослѣпленіи не видятъ его. То же самое могу сказать и о болѣе мягкомъ, но столь же нелѣпомъ приѣмѣ—уговариванья и заманиванья обѣщаніемъ награды. Я видѣла, на примѣръ, какъ дѣтей принуждали купаться то обѣщаніями, то угрозами. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ самообладаніе и сила ихъ воли не увеличивались. Когда умѣютъ дѣлать купанье дѣйствительно привлекательнымъ, и ребенокъ самъ добровольно идетъ въ воду, тогда въ немъ можетъ развиться та энергія воли, которая побѣдитъ страхъ или непріятное чувство и вызоветъ дѣйствительное этическое понятіе, что „въ самой добродѣтели заключается и награда“. Гдѣ путемъ побоевъ запугиваютъ и какъ бы отучаютъ на время отъ дурной привычки, тамъ не достигнуто никакого этического результата. Ребенокъ научился только бояться непріятныхъ послѣдствій, не имѣющихъ въ дѣйствительности ничего общаго съ причиной, ихъ вызвавшей, и которыхъ, какъ онъ хорошо знаетъ, могло бы и не быть. А эта боязнь далека, какъ небо отъ земли, отъ убѣжденія, что хорошее лучше дурного, что добро лучше зла. А такъ какъ причиненіе боли или непріятности не есть неизбежное и естественное послѣдствіе его поступка, то ребенокъ начинаетъ очень скоро сознавать, что стоитъ только болѣе хитро и

осторожно вести себя, и онъ избѣгнетъ наказанія. Такимъ образомъ побои усиливаютъ въ немъ хитрость, лукавство, а отнюдь не нравственность. Побои — это адъ дѣтей,—а исторія челоѳчества свидѣтельствуетъ, какой родъ нравственности могутъ вызвать рассказы о мукахъ ада и страхъ предъ нимъ. Только если съ большимъ трудомъ, постепенно и незамѣтно внѣдряютъ въ душу ребенка убѣжденіе въ преимуществахъ добра, которое приноситъ счастье самому индивиду и окружающимъ,—тогда только ребенокъ научается любить добро. Когда ребенка научать понимать, что наказаніе есть естественное послѣдствіе какой-нибудь причины, тогда ребенокъ научится избѣгать причинъ, вызывающихъ эти послѣдствія.

Самая важная ошибка современнаго воспитателя заключается въ томъ, что, несмотря на всѣ новыя слова и рѣчи объ индивидуальности ребенка, онъ продолжаетъ обращаться съ нимъ, какъ съ абстрактнымъ понятіемъ „дитя“, точно это—неорганическій матеріалъ, который въ рукахъ воспитателя можетъ принимать любую форму и по его же волѣ снова превращаться въ первобытную безформенную массу! Ребенка бьютъ—и полагаютъ, что дѣйствіе побоевъ прекращается въ моментъ, когда „исправили“ ребенка этимъ сильнымъ и глубоко запечатлѣвающимся приѣмомъ, и въ будущемъ онъ удержится отъ дурнаго. Никому и въ голову не придетъ, что это насильственное нарушеніе и вторженіе въ физическую и психическую жизнь ребенка можетъ оставить послѣдствія на всю его жизнь.

Уже въ сороковыхъ годахъ однимъ авторитетомъ было высказано, что тѣлесное наказаніе—одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ соматическихъ возбуждательныхъ средствъ. Въ средніе вѣка самобичеваніе (flagellation), какъ извѣстно, производило это дѣйствіе. Еслибъ я могла опубликовать то,

что мнѣ разсказывали взрослые о дѣйстви на нихъ тѣлеснаго наказанія, и то, что я наблюдала у дѣтей, этого было бы вполне достаточно, чтобы отмѣнить тѣлесное наказаніе въ самой его грубой формѣ—въ формѣ, которая сильнѣе всего оскорбляетъ у ребенка чувство такъ называемаго тѣлеснаго стыда, которое, въ виду желательности развитія цѣломудренности, должно быть прежде всего охраняемо. Отецъ, примѣняющій къ дочери тѣлесное наказаніе, заслуживаетъ того, чтобы онъ видѣлъ ее „павшей“, такъ какъ онъ самъ первый оскорбилъ въ ней инстинктъ святости тѣла, инстинктъ, который въ самомъ маленькомъ ребенкѣ можетъ быть глубокимъ и сильнымъ. Когда каждое нарушеніе или оскорбленіе этой святости—будь то насильственно навязываемая ласка или ударъ,—встрѣчаетъ энергичный инстинктивный отпоръ, тогда только натура ребенка горда и цѣломудренна.

Можно привести безконечное число случаевъ, когда тѣлесныя наказанія нанесли непоправимый вредъ, котораго и не подозрѣваетъ воспитатель, съ торжествующимъ видомъ докладывающій о томъ, какъ въ „данномъ“ случаѣ „помогло“ подобное наказаніе. Хотя большинство взрослыхъ людей и разсказываетъ нерѣдко о дурномъ дѣйстви тѣлесныхъ наказаній въ томъ или другомъ отношеніи на нихъ самихъ, но какъ только они сами выступаютъ въ роли воспитателей, они весь свой воспитательный методъ часто основываютъ на побояхъ.

Какую страшную горечь и жажду мщенія, какое пресмыкающееся раболѣпство и льстивость вызываютъ и пробуждаютъ всѣ эти тѣлесныя наказанія! Подъ ихъ вліаніемъ трусъ становится еще трусливѣе, упорный превращается въ упрянца, жестокій въ кровожаднаго. Они усиливаютъ оба чувства, которыя можно считать корнемъ всего

зла на свѣтъ—ненависть и страхъ! И до тѣхъ поръ, пока побои будутъ считаться воспитательнымъ методомъ, оба эти чувства будутъ властвовать надъ людьми и руководить ими.

Упрямство чаще всего наказывается, но то, что принято называть упрямствомъ, въ большинствѣ случаевъ — страхъ или неспособность. Напримѣръ, ребенокъ повторяетъ неправильный отвѣтъ; ему угрожаютъ побоями. Онъ опять повторяетъ ту же ошибку, но уже вслѣдствіе страха передъ ней. Его наказываютъ—и онъ даетъ правильный отвѣтъ. Воспитатель торжествуетъ: упрямство побѣждено! Но въ сущности, что же произошло? Подъ вліяніемъ еще болѣе сильнаго страха явилось моментальное напряженіе и подъемъ силъ и памяти, и ребенку удалось не сдѣлать ошибки. На слѣдующій день онъ опять повторить ту же ошибку. Въ дѣтяхъ дѣйствительно упрямыхъ — на это у меня много примѣровъ—побои вызываютъ страстное желаніе убить себя или того, кто наноситъ имъ побои. На зато я знаю случаи, когда мать только тѣмъ, что спокойно и молча удержала на своихъ колѣняхъ упорствующаго ребенка, добилась того, что къ нему вернулось самообладаніе, онъ успокоился и самъ побѣдилъ свое упорство.

Какую массу ложныхъ признаній вынуждаютъ не только побои, но и страхъ передъ побоями. Сколько смѣлой предприимчивости, жажды подвиговъ, полетовъ фантазій, стремленій къ открытіямъ заглушилъ навсегда все тотъ же страхъ тѣлеснаго наказанія! Даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда побои не вызываютъ лжи, они не допускаютъ полной искренности, откровенности и непосредственнаго мужества выказать себя такимъ, каковъ ребенокъ на самомъ дѣлѣ. До тѣхъ поръ, пока слово „побои“ будетъ произноситься въ домѣ, у дѣтей не можетъ явиться полнаго сознанія чести и честности.

До тѣхъ поръ, пока дома и въ школѣ будутъ прибѣ-
гать къ этому методу воспитанія, въ ребенкѣ будетъ раз-
виваться грубость въ ущербъ и на счетъ гуманности. Ребенокъ примѣняетъ къ животнымъ, къ младшимъ брать-
ямъ, сестрамъ и товарищамъ тотъ методъ, который примѣ-
няется и къ нему, и на томъ же основаніи, что „дурное“
слѣдуетъ излечивать побоями.

Въ Италіи, напримѣръ, гдѣ какъ дѣтей, такъ и живот-
ныхъ безжалостно бьютъ розгами и плетками, кулакъ и
ножъ являются у взрослыхъ наиболѣе употребительнымъ
аргументомъ. Одинъ путешественникъ, которому пришлось
какъ-то разъ ѣхать съ Толстымъ, правившимъ лошадьми,
выразилъ удивленіе, что тотъ совсѣмъ не употребляетъ
кнута, и Толстой полупрезрительно отвѣтилъ: „Я могу го-
ворить съ моими лошадьми, и поэтому нѣтъ никакой не-
обходимости ихъ бить“. Только дѣти, которыя сами при-
выкли къ мягкому и доброму обращенію, научаются пони-
мать, что можно воздѣйствовать безъ насильственныхъ мѣръ,
и это пониманіе — одно изъ человѣческихъ преимуществъ,
которое утрачивается тѣмъ, кто прибѣгаетъ къ насиль-
ственнымъ мѣрамъ.

Когда ребенокъ видитъ, что его воспитатель всегда и
вездѣ избѣгаетъ пускать въ ходъ грубую силу, онъ и самъ
постепенно приучается относиться съ презрѣніемъ къ этой
силѣ, если только она не употребляется для защиты сла-
баго отъ сильнаго. Страсть къ войнѣ зарождается у юно-
ши не подъ вліяніемъ дѣтскихъ игръ въ войну и солда-
тики, а отъ слишкомъ частаго примѣненія къ дѣтскимъ
спинамъ испанскаго тростника. Въ защиту побоевъ, какъ
воспитательнаго метода, приводятъ очень часто подлинныя
слова дѣтей, которыя будто бы прекрасно сознаютъ, что
заслужили побои, и что они имъ необходимы, чтобы быть

„умницами“. Изъ всѣхъ видовъ лицемерія, на которые только способна человѣческая натура, нѣтъ болѣе отвратительнаго, чѣмъ это. Въ одномъ только случаѣ ребенокъ можетъ быть искрененъ: именно въ томъ случаѣ, когда онъ чувствуетъ, что наказаніемъ искупаетъ терзавшій совѣсть поступокъ. Но этотъ родъ искупленія служитъ какъ разъ основаніемъ той, совершенно неправильной, этики, которую все еще продолжаютъ проповѣдывать: будто ошибки или дурные поступки могутъ искупаться страданіями, не имѣющими ничего общаго съ ними или, вѣрнѣе, не являющимися ихъ прямыми послѣдствіями. Новая нравственность, какъ я выше упоминала, основывается, наоборотъ, на слѣдующемъ положеніи—никакая ошибка, никакой дурной поступокъ не могутъ быть искуплены, и никто и никакимъ образомъ не можетъ избѣжать или уйти отъ послѣдствій своихъ дѣйствій.

Неправдивость принадлежитъ къ тѣмъ недостаткамъ, которые, по мнѣнію воспитателей, должны быть чаще всего наказуемы побоями.

Если бы у кого-нибудь явилась мысль издать весьма полезную „Книгу чтенія для родителей“, то въ ней слѣдовало бы непременно помѣстить извѣстный рассказъ о Георгѣ Вашингтонѣ и топорѣ, но съ добавленіемъ къ нему слѣдующей критики, высказанной очень развитымъ десятилѣтнимъ мальчишкой, послѣ того какъ ему прочли этотъ анекдотъ: „Нѣтъ ничего особеннаго въ томъ, чтобы говорить правду, когда имѣешь такого хорошаго отца“.

Я лично дѣлила прежде ложь на невольную, дерзкую и фантастическую, но недавно мнѣ пришлось прочесть у одного писателя гораздо лучшее дѣленіе: на холодную ложь, т.-е. вполне сознательную и всегда заслуживающую наказанія, и горячую ложь, которая является выраженіемъ воз-

бужденнаго состоянія духа или пламеннаго воображенія. Я совершенно согласна съ этимъ писателемъ, что за эту послѣднюю ложь не слѣдуетъ наказывать, ее надо только точно провѣрять и исправлять, и, конечно, не педагогическимъ требованіемъ: „измѣрить футомъ, насколько дѣйствительность длиннѣе или короче утверждаемаго“, а осмѣяніемъ (въ другихъ случаяхъ—весьма опасный воспитательный пріемъ), если находятъ, что этотъ родъ лжи угрожаетъ развиться въ дѣйствительную лживость. Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло идетъ о неправдѣ, къ дѣтямъ относятся такъ строго, что ни одинъ адвокатъ, журналистъ, политикъ или поэтъ не могъ бы выполнить своего призванія, если бъ къ нему примѣняли ту же мѣрку, которая примѣняется къ дѣтямъ.

„Холодная ложь является, какъ это доказываетъ одинъ французскій ученый,—отчасти слѣдствіемъ болѣзненности, отчасти—какой-нибудь неточности въ воззрѣніяхъ и понятіяхъ, пустого пространства или омертвѣвшей точки въ памяти, въ самосознаніи, благодаря чему является неправильное представленіе, а иногда и отсутствіе всякаго представленія о томъ, что произошло“. Въ повседневныхъ мелочахъ, касающихся намѣреній или дѣйствій, взрослые часто и сами ошибаются, забываютъ о нихъ, и только какое-нибудь рѣзкое напоминаніе заставляетъ припомнить, какъ все происходило въ дѣйствительности; а иногда они внушаютъ сами себѣ, что они исполнили то, чего не дѣлали. И во всѣхъ этихъ случаяхъ, когда ихъ принуждаютъ дать точный отвѣтъ, они становятся невольными лгунами. Ложь ребенка въ подобныхъ же случаяхъ признается непременно сознательной, и когда ребенокъ при перекрестномъ допросѣ колеблется, путается, краснѣетъ, то это принимаютъ за доказательство сознательности лжи, тогда какъ большею частью во всемъ

этомъ единственной неправдой является вынужденное, въ концѣ концовъ, признаніе ребенка, что онъ солгалъ.

При такихъ-то запутанныхъ психологическихъ проблемахъ вдобавокъ ко всему прибѣгають къ неподобной системѣ битья!

Если ребенокъ дома никогда не слышитъ неправды, если тамъ не придають слишкомъ большого значенія мелочамъ, не обращаютъ вниманія на показную сторону, если ребенокъ подъ вліяніемъ страха не превратился въ труса, и онъ всегда слышитъ, какъ клеймятъ презрѣніемъ всякую сознательную ложь, тогда его всегда можно отучить отъ неправды чисто психологическими мѣрами. Сначала онъ долженъ видѣть, что его неправдивость вызываетъ удивленіе, даже изумленіе, затѣмъ, если она повторяется, то презрѣніе и, наконецъ, потерю довѣрія. Но этотъ методъ не долженъ примѣняться къ неправдѣ, вынужденной страхомъ или являющейся плодомъ слишкомъ богатой фантазіи, или же въ тѣхъ вышеупомянутыхъ случаяхъ смутныхъ душевныхъ представленій, связи между которыми дѣти никакъ не могутъ себѣ уяснить. Холодная ложь, напротивъ, должна быть всегда наказана, прежде всего тѣмъ, что ребенокъ уличается во лжи, затѣмъ, онъ долженъ испытать на себѣ непріятность прямого послѣдствія своего поступка—недовѣрія, до тѣхъ поръ, пока воспитатель не замѣтитъ въ немъ стремленія къ серьезному исправленію. Но тогда весьма важно, чтобы воспитатель выказалъ уже полное и неограниченное довѣріе, хотя бы онъ про себя и продолжалъ зорко наблюдать за ребенкомъ. Продолжительное и незаслуженное недовѣріе дѣйствуетъ такимъ же деморализирующимъ образомъ, какъ и слѣпое легковѣріе.

Побои никого не научатъ быть правдивымъ. Это видно лучше всего на взрослыхъ, которые, несмотря на то, что

въ дѣтствѣ были биты, тѣмъ не менѣе продолжаютъ лгать на словахъ, въ поступкахъ и въ дѣлахъ. Страхъ можетъ удержатъ ребенка отъ лживости въ буквальный смыслѣ этого слова. Но чаще всего страхъ и вызываетъ эту лживость. Часто ребенку, котораго въ дѣтствѣ били за ложь, этими побоями причинили больше зла, чѣмъ могла причинить ему его непосредственная ложь. Самые правдивые люди, которыхъ я только знаю, лгутъ сознательно и бессознательно, тогда какъ я знаю другихъ, которыхъ никогда не могла уличить во лжи, а между тѣмъ они насквозь пропитаны лживостью. Часто эта испорченность личности начинается въ самомъ нѣжномъ возрастѣ, подъ вліяніемъ самого воспитателя,—ребенку приводятъ невѣрные мотивы, полуправдивыя свѣдѣнія, угрозами и предостереженіями насилуютъ его волю, мысли и чувства, и противъ такого насилія и несправедливости ложь является единственно возможнымъ орудіемъ защиты. Такимъ образомъ воспитатели, для которыхъ высшей цѣлью была правдивость, дѣлаютъ ребенка лживымъ. Я, на примѣръ, знаю одного ребенка, котораго жестоко наказали за то, что онъ не сознался въ бессознательномъ дѣйствіи, и подъ вліяніемъ этого бессмысленнаго наказанія въ немъ развилось страшное лицемеріе.

Чтобы быть правдивымъ, надо обладать здоровымъ мужествомъ, и, какъ совершенно вѣрно замѣтилъ кто-то, многіе нервные маленькіе лгунишки нуждаются не въ побояхъ, а въ хорошемъ питаніи и свѣжемъ воздухѣ. Одинъ знаменитый художникъ изъ тѣхъ немногихъ, которые имѣютъ мужество жить согласно съ ихъ новѣйшими возрѣніями на жизнь, сказалъ мнѣ однажды: „Мой сынъ не знаетъ, что такое ложь, но онъ не знаетъ также, что такое побои. Пріемный же его братъ, когда мы взяли его къ себѣ въ домъ, лгалъ. Въ атмосферѣ покоя и свободы

ложь развивается плохо, и черезъ годъ, только благодаря тому, что ее всегда встрѣчали большимъ изумленіемъ, она совсѣмъ пропала“. Эти слова заставляютъ меня мимоходомъ коснуться еще другой, также часто встрѣчающейся ошибки въ дѣлѣ воспитанія, а именно—посвященія слишкомъ большого труда и заботъ на устраненіе того, что само исчезнетъ. Такъ, напримѣръ, часто маленькихъ дѣтей мучаютъ тѣмъ, что заставляютъ ихъ чисто и правильно выговаривать слова, чему они, оставленные въ покоѣ, быстро и прекрасно научаются сами, если окружающіе будутъ сами ясно и правильно говорить съ ними. То же самое можно сказать и о множествѣ другихъ вещей, относительно поведенія, манеръ, умѣнья себя держать—все это слѣдуетъ просто предоставить дѣйствию хорошаго примѣра и времени, дабы сохранить свой трудъ и энергію для того, чтобы сильнѣе запечатлѣть въ ребенкѣ тѣ привычки, основаніе которымъ должно быть заложено въ самомъ раннемъ возрастѣ. Другая, еще болѣе злосчастная ошибка—это обвинять и наказывать за то внѣшнее дѣйствіе, которое вызываетъ самъ поступокъ, т. е. за тотъ скандалъ, который онъ производитъ въ средѣ окружающихъ. Такъ, напримѣръ, ребенка бьютъ за проклятія и неприличныя слова, смыслъ которыхъ ему совершенно неизвѣстенъ. Если же онъ ему извѣстенъ, то строгостью достигается только то, что ребенокъ будетъ молчать о такихъ вещахъ, въ которыхъ откровенность предъ воспитателемъ не только желательна, но и имѣетъ важное значеніе. Тотъ самый поступокъ, который допускается дома, нерѣдко наказывается, когда онъ совершается въ обществѣ,—и ребенокъ такимъ образомъ получаетъ невѣрное представленіе, что не самъ поступокъ заслуживаетъ кары, а только гласность поступка! Когда мать стыдится невѣжливости мальчика, она бьетъ его вмѣсто того, чтобы по-

бить себя. Если когда-нибудь смѣлая, рискованная выходка ему удалась, его хвалятъ, не удалась—его бьютъ, и этимъ производятъ на него глубоко деморализирующее впечатлѣніе. Я какъ-то разъ видѣла, какъ родители смѣялись до тѣхъ поръ, пока ледъ, по которому катался ихъ сынъ, выдерживалъ его, но когда ледъ вдругъ подломился, они разсердились и обѣщали его побить. Мнѣ нужно было призвать на помощь всю силу моей воли, чтобы не сказать родителямъ, что не сынъ, а они заслуживаютъ быть побитыми.

При всѣхъ подобныхъ случаяхъ родители вымѣщаютъ на дѣтяхъ свой собственный страхъ. Я наблюдала, какъ ребенокъ сдѣлался постепенно трусомъ только потому, что мать била его каждый разъ, когда онъ падалъ, тогда какъ было бы вполне достаточно этого естественнаго послѣдствія неосторожности ребенка, чтобы научить его осторожности! Даже тогда, когда несчастный случай произошелъ отъ непослушанія, вполне достаточно того естественнаго страха, который ребенокъ при этомъ испытываетъ, чтобы удержать его отъ повторенія подобнаго опыта. Если же этого недостаточно, то и побои этого не достигнутъ, а только озлобятъ ребенка,—и ребенокъ, находя, что взрослые, должно быть, позабыли свое дѣтство, постарается постепенно и незамѣтно ускользнуть отъ этихъ злоупотребленій властью и силой взрослыхъ, если только строгости не удастся окончательно поработить волю ребенка и ослабить развитіе его энергіи²⁾. Это уже само по себѣ опасно, но гораздо опаснѣе въ данномъ случаѣ то, что побои какъ бы кладутъ основу безнравственной морали—морали успѣха. Пока человекъ не научится понимать, что усиліе, стремленіе и развитіе силъ содержать въ себѣ и свою собственную цѣль, и свою собственную награду, до тѣхъ поръ жизнь не ста-

нетъ хорошей. Всѣ низости тщеславія и честолюбія, маленькія жестокости и несправедливости находятся въ прямой зависимости отъ того воззрѣнія, что удача или неудача являются мѣриломъ, опредѣляющимъ цѣнность поступка.

Должна произойти полнѣйшая переоцѣнка такой группой теории цѣнностей, прежде чѣмъ на земномъ шарѣ появится порода болѣе свободныхъ, утонченныхъ и жизнерадостныхъ людей. Всякое соревнованіе, которое будетъ награждаться аттестатомъ или наградами, является самымъ безнравственнымъ воспитательнымъ приѣмомъ, который будитъ въ ребенкѣ дурныя страсти, зависть и впечатлѣніе несправедливости—съ одной стороны, задоръ и заносчивость—съ другой. Послѣ того, какъ я въ теченіе двадцати лѣтъ боролась противъ всѣхъ школьныхъ аттестатовъ, съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія я прочла слѣдующее мнѣніе Рёскина:

„Я считаю, что всякое соревнованіе есть совершенно неправильная побудительная причина, а всѣ раздачи наградъ — невѣрное и несправедливое воспитательное средство. Единственное, что можно признать въ мальчикѣ признакомъ дѣйствительныхъ способностей, отъ которыхъ можно впослѣдствіи ожидать хорошихъ плодовъ, это его желаніе работать ради работы, а не его стремленіе обогнать школьныхъ товарищей. Вся задача воспитателя заключается въ томъ, чтобы указать ему на его собственныя выдающіяся способности и развивать ихъ въ немъ, а не побуждать его къ бесплодному и пустому соревнованію съ тѣми, кто явно сильнѣе“.

Кромѣ того не слѣдуетъ забывать, что успѣхъ и неуспѣхъ заключаютъ уже въ себѣ самихъ собственную кару и собственную награду; и первая—достаточно горькая, вторая—достаточно сладкая для того, чтобы естественнымъ

образомъ воспитать и усилить въ дѣтяхъ осторожность, осмотрительность, умъ и выдержку. Совершенно излишне внушать ребенку посредствомъ особой кары или награды то неправильное представленіе, по которому успѣхъ считается всегда правымъ и справедливымъ, а неудача — неправой и несправедливой. Въ какую область общественной жизни ни заглянуть, повсюду и всегда внѣшнія, поощрительныя и устрашающія воспитательныя мѣры являются тормазами, задерживающими развитіе двухъ самыхъ чело-вѣчныхъ качествъ: бодрости духа и доброты — бодрости духа для себя и доброты по отношенію къ другимъ.

Народъ, у котораго воспитаніе ведется и основывается исключительно на мягкихъ и ласковыхъ воспитательныхъ методахъ, — японцы — доказываетъ, что „мужественность“ нисколько не страдаетъ и въ томъ случаѣ, когда мальчиговъ не „закаляютъ“ побоями и драками. Мягкія воспитательныя мѣры не остаются безъ хорошихъ результатовъ и тогда, когда хотятъ развить въ ребенкѣ самообладаніе и уваженіе. Эти добродѣтели, прививаемыя въ Японіи въ самомъ раннемъ дѣтствѣ, такъ запечатлѣваются въ дѣтскомъ умѣ и душѣ, что только въ этой странѣ можно вполнѣ понять и оцѣнить, какую прелесть придаютъ жизни почтительная любезность и предупредительность. Въ этой странѣ, гдѣ побои никогда не примѣняются въ дѣлѣ воспитанія дѣтей, первая заповѣдь совмѣстной и общественной жизни гласитъ: Не причиняй другимъ ничего неприятнаго. Разказываютъ, что когда иностранецъ въ Японіи поднимаетъ камень, чтобы бросить имъ въ собаку, та и не думаетъ бѣжать: она не понимаетъ этого жеста, потому что никогда и никто не бросалъ въ нее камнемъ. Эта деликатность чувствъ по отношенію къ животнымъ вполнѣ соотвѣтствуетъ тамъ деликатности чувствъ и почтительности въ

человѣческихъ отношеніяхъ, и какъ на одинъ изъ результатовъ такихъ мягкихъ и деликатныхъ отношеній можно указать на сравнительное малое число преступленій противъ жизни и имущества въ Японіи.

Война, охота ради одного только удовольствія, тѣлесное наказаніе, все это—различныя выраженія все еще живущей въ людяхъ натуры тигра. Когда воспитатель самъ заброситъ всѣ орудія тѣлесныхъ наказаній и, какъ кто-то выразился недавно, дастъ въ руки ребенка вмѣсто ружья увеличительное стекло и фотографическій аппаратъ, чтобы такимъ образомъ развить въ ребенкѣ знаніе и любовь къ жизни, вмѣсто того чтобы приучать уничтожать жизнь,—тогда начнутъ воспитывать въ дѣтяхъ гуманность. Для людей, которые не позволяютъ убѣдить себя примѣромъ отдаленной Японіи въ возможности при „мужественномъ“ воспитаніи обходиться безъ побоевъ, я могу привести примѣръ и болѣе близкой страны. Наши германскіе предки не прибѣгали къ подобной воспитательной мѣрѣ,—она введена только со времени христіанства. Христіанство ввело это наказаніе, какъ религіозную обязанность для родителей, и до семнадцатаго вѣка мы находимъ умныхъ и мыслящихъ людей, которые еженедѣльно, и непремѣнно въ опредѣленный день, въ заботѣ о спасеніи души, наказывали своихъ дѣтей! Однажды нашъ великій писатель Викторъ Ридбергъ говорилъ при мнѣ о томъ, что онъ не можетъ найти никакихъ доказательствъ того, чтобы тѣлесныя наказанія были въ ходу у германцевъ-язычниковъ; я спросила его, не полагаетъ ли онъ, что именно отсутствіе подобныхъ наказаній способствовало и поощряло развитіе энергичной индивидуальности и мужественности сѣверныхъ народовъ. Послѣ непродолжительнаго раздумья онъ согласился со мной.

Въ заключеніе я хочу напомнить, что и въ наше время многія семьи и школы, напримѣръ, наши женскія школы, впрочемъ—и мужскія въ нѣкоторыхъ странахъ, никогда не прибѣгаютъ къ подобной отвратительной воспитательной мѣрѣ. Я, напримѣръ, знакома съ одной семьей, гдѣ—двѣнадцать человѣкъ дѣтей, которымъ никогда не придетъ въ голову не подчиниться требованіямъ долга. А между тѣмъ въ этой семьѣ никогда не прибѣгали къ побоямъ. Рѣшительная, послѣдовательная и добрая мать научила ребятъ добровольному послушанію и сумѣла пробудить въ нихъ силу воли и самообладаніе.

Подъ выраженіемъ „добровольное послушаніе“ я разумѣю не то, когда ребенокъ можетъ до безконечности разспрашивать о причинахъ и основаніяхъ, на которыхъ онъ долженъ повиноваться, и обсуждать этотъ вопросъ съ разныхъ сторонъ, раньше чѣмъ послушаться. Хорошій воспитатель не прикажетъ никогда чего-нибудь, не имѣющаго вѣскаго основанія. Но если для того, чтобы убѣдить ребенка, и этого недостаточно, онъ тѣмъ не менѣе долженъ повиноваться, и если спросить „почему“, то ему слѣдуетъ прямо отвѣтить, что всѣ — и мы, взрослые, — повинемся всему законному и подчиняемся неизбѣжному. Эта великая жизненная необходимость должна быть запечатлѣваема съ дѣтства, и это можно сдѣлать, не прибѣгая къ строгимъ мѣрамъ, если начать воспитывать ребенка до рожденія—путемъ развитія въ себѣ самихъ самообладанія, и послѣ его рожденія—никогда не потворствуя его капризамъ.

Въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ дѣйствовать сдерживающимъ образомъ на поступки ребенка, во всѣхъ остальныхъ случаяхъ дѣйствовать „созидательно“, т. е. снабжать ребенка матеріаломъ для построенія его личности и

затѣмъ предоставить ему самому строить—вотъ въ чемъ заключается искусство воспитанія. Увѣщанія, уговоры — весьма плохія и жалкія воспитательныя средства. Единственно дѣйствующее увѣщаніе всегда кратко и ясно и должно рѣдко употребляться. Самый тонкій приѣмъ воспитателя—это промолчать въ извѣстный моментъ, а затѣмъ сейчасъ же косвеннымъ образомъ высказать порицаніе поступку, но такъ, чтобы ребенокъ дошелъ самъ до порицанія себѣ. А это можетъ быть достигнуто, напримѣръ, слѣдующимъ образомъ: воспитатель расскажетъ что-нибудь такое, что подастъ поводъ ребенку сравнить свое собственное поведеніе съ красивымъ или некрасивымъ образомъ дѣйствій, о которомъ ему только что рассказали; или же это достигается посредствомъ хотя и косвенно выраженного приговора воспитателя, но который ребенокъ невольно долженъ будетъ примѣнить къ себѣ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ сильное неудовольствіе, даже презрѣніе, выказанное воспитателемъ, является прекрасно дѣйствующимъ наказаніемъ, если конечно не злоупотреблять выраженіемъ неудовольствія, а приберегать его для подходящаго момента. Я знаю дѣтей, для которыхъ нѣтъ ничего ужаснѣе презрительныхъ словъ отца: „это, однако, весьма некрасиво“. Тогда какъ именно тѣ дѣти, которыхъ постоянно пичкаютъ увѣщаніями, проповѣдями, отравляютъ каждый кубокъ радости подмѣсю морали, пользуются первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы поступить діаметрально противоположно тому, что имъ проповѣдуютъ. Почти каждый мыслящій человекъ отдастъ себѣ отчетъ въ томъ, что наиболѣе глубоко воспитательными впечатлѣніями его жизни были косвенныя впечатлѣнія: добрый совѣтъ, не лично ему поданный, благородный образъ дѣйствій другого человека, безотносительный рассказъ. Но какъ только ему са-

кому приходится выступать въ роли воспитателя, онъ забываетъ всѣ собственные опыты и впечатлѣнія.

Самымъ сильнымъ создающимъ средствомъ въ воспитаніи человѣка является спокойный и твердо установленный домашній порядокъ, спокойствіе и красота этого дома. Сердечность, радость труда, простота и скромность, царящія въ домѣ, развиваютъ доброту, любовь къ труду и простоту въ ребенкѣ. Художественныя произведенія и книги въ родномъ домѣ, его повседневныя и праздничныя привычки, занятія и увеселенія должны придавать чувству и фантазіи ребенка устойчивую правильную форму и ихъ глубокую окраску. Чистая, ясная и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣжная солнечная атмосфера, въ которой отецъ, мать и ребенокъ вращаются свободно и довѣрчиво, при чемъ ни одинъ изъ нихъ не отстраненъ отъ интересовъ другого и вмѣстѣ съ тѣмъ каждый пользуется полной свободой по отношенію къ своимъ личнымъ интересамъ, гдѣ ничего не задѣваетъ и не оскорбляетъ правъ другого, — атмосфера, въ которой какъ эгоизмъ, такъ и альтруизмъ могутъ достигнуть своего настоящаго роста, а индивидуальность — своей настоящей свободы. И чѣмъ быстрее движется впередъ эволюція человѣческой души по направленію къ неизвѣстнымъ еще возможностямъ въ сферѣ утонченности, самоуглубленія и индивидуальной силы воли, чѣмъ разнообразнѣе слагается и варьируетъ умственная жизнь поколѣнія, чѣмъ внимательнѣе начинаютъ прислушиваться къ чудесному, глубоко таинственному бытію, находящемуся за видимымъ, чувственнымъ земнымъ существованіемъ, тѣмъ сильнѣе будетъ выказываться въ каждомъ новомъ поколѣніи дѣтей утонченность и сложность душевной жизни, для которой та грубая черная работа, которая теперь носитъ названіе домашняго и школьнаго воспитанія, будетъ только сплошной пыткой.

Для новыхъ душъ, съ ихъ многочисленными, ещё даже не имѣющими названія новыми видами любви, страданія, пониманія жизни, новыми предчувствіями и надеждами, новой вѣрой и умѣньемъ молиться, нуженъ новый домашній очагъ, новая школа, какъ и новыя общественныя отношенія. Въ понятіяхъ о религіи, любви, искусствѣ совершается переворотъ, захватывающій и глубокій, заставляющій уже и теперь предчувствовать, что при послѣдующихъ, болѣе позднихъ, поколѣніяхъ новыя понятія создадутъ и новыя формы. Современный воспитатель можетъ содѣйствовать появленію этихъ новообразованій, устраняя увядшую листву, которая ещё прикрываетъ новыя ростки новой жизни. Домъ долженъ опять сдѣлаться роднымъ, колыбелью, кровомъ для души ребенка, а не только для тѣла. А для того, чтобы такія семьи могли образоваться и въ свою очередь воспитывать дѣтей, дѣти должны быть вновь возвращены домашнему очагу. вмѣсто того, чтобы школа и приготовленіе школьныхъ уроковъ отнимали, какъ теперь, лучшую часть жизни ребенка, они должны отнимать только меньшую, а домашняя жизнь—большую. Тогда уже отъ дома, т.-е отъ семьи, будетъ зависѣть такъ пользоваться свободнымъ временемъ, ежедневнымъ и во время каникулъ,—чтобы оно, заставляя дѣтей, раздѣлять и обязанности, и радости домашней жизни, связывало и соединяло дѣтей съ жизнью всего дома. Когда школа, улица и фабрика вернутъ дѣтей подъ родительскій кровъ, а мать откажется отъ работы внѣ дома или свѣтской жизни и возвратится къ дѣтямъ, тогда естественное воспитаніе въ духѣ Руссо или Спенсера можетъ сдѣлаться дѣйствительностью — воспитаніемъ, подготовляющимъ ребенка къ жизни, въ полномъ значеніи этого слова.

Таково было древне-германское воспитаніе.

Непосредственное участіе ребенка во всѣхъ предпріятіяхъ взрослыхъ, въ дѣйствительныхъ трудахъ и опасностяхъ придавало жизни нашихъ германскихъ предковъ — у которыхъ уже двѣнадцатилѣтній мальчикъ считался взрослымъ мужчиной — стройность, стильность и силу. Вся теперешняя искусственная приспособляемость къ дѣтямъ, приравливаніе къ нимъ, боязливое охраненіе всѣхъ ихъ начинаній, поддержка и направленіе каждаго шага, специально для дѣтей созданная трудовая жизнь и удовольствія, — вотъ главное коренное зло современнаго воспитанія. Восемнадцатилѣтняя дѣвушка сказала мнѣ недавно, что ей и ея сверстницамъ такъ опротивѣли эти вѣчныя наблюденія, опека, увеселенія и изнѣживающее баловство въ школьномъ и домашнемъ методѣ воспитанія, что онѣ порѣшили при воспитаніи своихъ дѣтей вернуться къ прежней системѣ, т.-е. къ измору голодомъ, побоямъ и зубрежкѣ! Совершенно понятная реакція противъ искусственной жизни, въ которой растутъ и воспитываются дѣти и современная молодежь. Это искусственное существованіе вызываетъ въ нихъ страстное желаніе дѣйствительной жизни, самодѣятельности и самоотвѣтственности вмѣсто того, чтобы служить постоянно, какъ это происходитъ теперь, объектомъ дѣятельности другихъ. Всего полезнѣе было бы для нашихъ дѣтей, если бы они вновь получили возможность принимать серьезное участіе въ домашнихъ занятіяхъ, исполнять различныя обязанности и задачи, если бы они подчинялись правильно установленному порядку домашнихъ работъ, и если бы во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ они могли бы обходиться собственной помощью, ихъ оставляли безъ надоедливаго и досаднаго надзора и присмотра. Въ наши дни мы сплошь и рядомъ видимъ, какъ мать и прислуга снаряжаютъ и отправляютъ въ школу дѣтей, укла-

дываютъ имъ книги, напоминаютъ обо всемъ, что они должны взять съ собой. Между тѣмъ у ребенка должно быть столько свободнаго времени, сколько ему нужно, чтобы онъ ежедневно передъ отправленіемъ въ школу могъ самъ убрать свою комнату, вычистить свое платье; напоминать ему о школьныхъ его обязанностяхъ никто не долженъ, — напротивъ, семья и школа должны, съ обоюднаго согласія, неукоснительно взыскивать съ него за малѣйшую забывчивость и невнимательность. Въмѣсто этого мы постоянно видимъ, какъ матери помогаютъ дѣтямъ въ приготовленіяхъ уроковъ, придумываютъ для нихъ всевозможныя игры и забавы, развлекаютъ ихъ чтеніемъ вслухъ занимательныхъ книгъ, прибираютъ за ними, поднимаютъ то, что они роняютъ, доканчиваютъ работу, отъ которой они убѣжали, и, такимъ образомъ, благодаря такой вѣчной, нѣжной, балующей опеке, притупляютъ и ослабляютъ въ дѣтяхъ любовь къ труду, выдержку, самостоятельность и фантазію. Въ современномъ родномъ домѣ, который теперь сталъ не чѣмъ инымъ, какъ preparatoriumъ къ школѣ, подроставшая молодежь привыкаетъ принимать услуги, не оплачивая за нихъ услугами, другими словами, привыкаетъ постоянно все принимать и взамѣнъ ничего не давать. При такомъ ненормальномъ положеніи вещей все-таки находятся наивные люди, которые удивляются эгоизму и распущенности молодежи, которая грубо, игнорируя старшихъ, проталкивается впередъ, — удивляются тому, что грубость и невѣжество въ сношеніяхъ съ другими замѣнили любезность и предупредительность, которая когда-то была въ обычаѣ у прежней молодежи. Но этотъ добрый обычай не вернется до тѣхъ поръ, пока не покончатъ со всѣми современными „нелѣпостями“, со всѣмъ этимъ обереганіемъ дѣтей отъ малѣйшихъ физическихъ или моральныхъ, большей частью — вообра-

жаемых опасностей. Пора выбросить вѣчный термометръ за окно, пора приступить къ дѣйствительному, разумному закаливанію ребенка и приучить его къ перенесенію всякихъ трудностей. Научите ребенка понимать и переносить физическую боль. Побои должны быть изгнаны изъ воспитанія ребенка не потому, что они причиняють боль, а потому, что они глубоко безнравственны и отвратительны. Не исполняйте эгоистическихъ требованій ребенка, если они нарушаютъ покой окружающихъ или другихъ дѣтей. Не позволяйте ребенку посягать на права взрослыхъ, мучить ихъ своими надоѣдливими просьбами и капризами, наблюдайте за тѣмъ, чтобы прислуга не потакала тому, чего родители не могутъ и не должны допускать. Надо начать дѣлать для ребенка въ извѣстномъ направленіи въ тысячу разъ больше, а въ другомъ направленіи—въ сто тысячъ разъ меньше. Слѣдуетъ, напримѣръ, развивать въ ребенкѣ съ самаго ранняго дѣтства любовь къ природѣ, проводя ежегодно лѣто въ одномъ и томъ же мѣстѣ, заставляя ребенка полюбить и тотъ сельскій домъ, въ которомъ онъ живетъ лѣтомъ, и окружающую его сельскую природу. Этотъ приемъ имѣетъ огромное воспитательное значеніе, а между тѣмъ часто, и именно тамъ, гдѣ это исполнимо, онъ не практикуется. То же самое можно сказать и о книгахъ: съ самаго ранняго возраста слѣдуетъ собирать для ребенка библиотеку изъ самыхъ избранныхъ книгъ, чтобы онъ въ каждомъ возрастѣ имѣлъ подъ рукой подходящее и хорошее чтеніе, а не такъ, какъ теперь—первое, случайно попавшееся подъ руку. Современные родители поступаютъ какъ разъ наоборотъ, они таскають ребенка ежегодно по новымъ дачамъ, портятъ его вкусъ никуда не годными жалкими дѣтскими книжками, балуютъ дорогими игрушками, вмѣсто того, чтобы давать ребенку самыя простыя, самыя,

такъ сказать, классическія игрушки. Ребенка слѣдуетъ щедро снабжать матеріаломъ, чтобы онъ самъ изготовлялъ игрушки и игры. Вреднѣе всего игрушки, подражающія роскоши взрослыхъ. Такіе предметы разовьютъ въ ребенкѣ только жадность, а его изобрѣтательность и фантазія отъ нихъ только притупятся или, вѣрнѣе, притупились бы, не будь у ребенка здороваго, самоохраняющаго инстинкта, который заставляетъ его ломать и разрушать игрушки, не дающія ему возможности проявлять свое творчество, возможность изготовлять себѣ новыя игрушки изъ еловыхъ шишекъ, желудей, камней, песку, фарфоровыхъ черепковъ и тому подобной дребедени, которую онъ силою своего воображенія превращаетъ въ неоцѣнимыя сокровища. Умѣть играть съ дѣтьми правильнымъ образомъ—большое искусство. Но не слѣдуетъ никогда играть съ дѣтьми только потому, что они отъ скуки не знаютъ, что дѣлать. Нужно играть съ дѣтьми тогда, когда игры взрослыхъ съ дѣтьми являются настоящей праздничной радостью и для ребенка, и для родителей. Тогда взрослымъ слѣдуетъ позабыть о томъ, что они призваны „воспитывать“, они должны вполнѣ проникнуться мыслями ребенка, войти, такъ сказать, въ міръ его фантазіи и не пытаться обучать его при этомъ чему-нибудь иному, кромѣ богатыхъ по содержанию, вѣчно старыхъ, но и вѣчно юныхъ игръ нашихъ предковъ. Проявленія дѣтской природы, которыя обнаружатся во время игры, не надо останавливать и запрещать, а сохранять въ своей памяти для подходящаго случая. Только такимъ образомъ понятая игра можетъ вызвать довѣрчивость и откровенность между родителями и дѣтьми и способствовать тому, что родители научатся лучше понимать своихъ дѣтей. Позволять дѣтямъ превращать всѣ комнаты въ мѣста игръ, надѣдать постоянно взрослымъ требованіями, чтобы ихъ

занимали, — вотъ весьма опасный и очень частый родъ баловства современныхъ родителей и воспитанія; онъ приучаетъ ребенка прежде всего къ эгоизму и къ умственной зависимости, ведетъ къ постоянному муштрованію и командованію надъ ребенкомъ и тѣмъ притупляетъ въ немъ проявленія личности. Въ прежнія времена дѣти могли распоряжаться только въ ихъ собственномъ маленькомъ царствѣ — въ дѣтской. Въ этой комнатѣ они должны были строго подчиняться привычкамъ и волѣ родителей, не мѣшать работѣ и отдыху взрослыхъ, и всѣ эти требованія воспитывали болѣе сильное, болѣе внимательное и почтительное поколѣніе, чѣмъ современная молодежь. Воспитываетъ не краснорѣчивое разглагольствованіе объ уваженіи и почтеніи, а необходимость многое принимать въ уваженіе и необходимость дѣйствительно помогать себѣ и другимъ. Прежде дѣти были молчаливы, какъ мышки, въ присутствіи старшихъ и вмѣсто того, чтобы, какъ это теперь часто бываетъ, вмѣшиваться въ разговоръ и перебивать гостей, они приучались слушать, что слѣдуетъ признать однимъ изъ лучшихъ воспитательныхъ средствъ, въ томъ конечно случаѣ, если разговоръ взрослыхъ богатъ содержаніемъ. Настоящая жизнь дѣтей прежде проходила въ ихъ дѣтской, гдѣ они отъ какой-нибудь старой, вѣрной служанки и другъ отъ друга воспринимали самые лучшіе и глубоко запечатлѣвающіеся уроки воспитанія. Отъ родителей они получали, когда заслуживали, побои и рѣдко, даже весьма рѣдко, ласку. По сравненію съ этой системой современная совмѣстная жизнь родителей должна была бы считаться большимъ шагомъ впередъ, еслибъ родители могли отказаться отъ ихъ маніи совѣтовать, выяснять, пояснять, исправлять и вліять на каждую мелочь, на каждое впечатлѣніе. Но всѣ современные, какъ умствен-

няя, такъ и тѣлесныя мѣры охраненія и безопасности приводятъ къ печальному результату: ребенокъ превращается въ эгоиста, главнымъ образомъ—благодаря тому, что все и всѣ только вертятся вокругъ него, но вмѣстѣ съ тѣмъ и мучаютъ его. Теперь шестилѣтній ребенокъ имѣетъ право прерывать разговоръ взрослыхъ и вмѣшиваться въ него, но двѣнадцатилѣтняго посылаютъ спать въ восемь часовъ, даже и въ томъ случаѣ, если онъ съ пламенной любознательностью и сияющими отъ удовольствія глазами слушаетъ разговоръ, который, быть можетъ, зажегъ бы въ немъ на всю жизнь божественную искру.

Нѣтъ сомнѣнiя, что нѣкоторыя простыя привычки относительно манеры держать себя и порядка ѣды и сна, воздуха и воды, одежды и тѣлесныхъ упражненiй, должны превратиться для ребенка въ элементарныя нравственныя понятiя и въ обычай. Ребенокъ долженъ съ самаго ранняго дѣтства научиться признавать физическое здоровье и тѣлесную красоту высокими этическими цѣнностями, а проступки противъ здоровья и красоты считать за очень некрасивый и нехорошiй образъ дѣйствiя. Теперешняя неукоснительная бдительность и боязливая озабоченность, ѣстъ ли ребенокъ въ положенный часъ и получаетъ ли онъ извѣстное кушанье за извѣстной ѣдой, одѣтъ ли онъ сообразно съ количествомъ градусовъ, пунктуально ли онъ ложится спать въ опредѣленный часъ, оберегутъ ли его отъ какой-нибудь капли некипяченой воды, не повредитъ ли ему лишняя конфетка и т. д.,— все это только вызываетъ въ дѣтяхъ нервное раздраженiе, обращаетъ ихъ въ домашнихъ тирановъ, тогда какъ, разумно закаляя ребенка, вы только усилите въ немъ жизнерадостность и душевную силу. Въ этомъ случаѣ примѣръ самого воспитателя является самымъ лучшимъ средствомъ научить дѣ-

тей смѣяться надъ маленькими невзгодами, которыя иначе могутъ, если привыкнуть смотрѣть на нихъ, какъ на нѣчто весьма важное, въ концѣ концовъ, затемнять и солнце. Когда ребенокъ видитъ, что воспитатель быстро и не задумываясь исполняетъ какую-нибудь неприятную обязанность, которую онъ откровенно и честно признаетъ неприятной, или видитъ, какъ воспитатель легко переноситъ какой-нибудь трудъ или невзгону, то самолюбіе заставитъ ребенка слѣдовать примѣру воспитателя безъ траты лишнихъ словъ, такъ же точно, какъ дѣти и безъ уговоровъ научаются дѣлать добро, когда они видятъ, что это дѣлаютъ окружающіе, и какъ они научаются любить природу, любоваться предметами искусства, когда видятъ, что взрослые наслаждаются всѣмъ этимъ. Живя сами разумной, интеллектуальной и умѣренной жизнью, родители этимъ лучше всего поучаютъ дѣтей, и тѣ, чуткія и отзывчивыя, присматриваются и добровольно слѣдуютъ примѣру жизни свободной, хорошей, съ невниманіемъ и озлобленіемъ относясь къ гнету жизни скучной и тяжелой.

Такъ какъ все, что я только что высказала, представляется для меня альфой и омегой искусства воспитанія, то я еще разъ вкратцѣ повторю, что говорила въ началѣ и срединѣ этой главы: старайтесь оставлять какъ можно больше въ покоѣ ребенка, насколько возможно рѣже прибѣгайте къ непосредственнымъ мѣрамъ, — т.-е. только въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно изгнать или удалить грубыя или нечистыя впечатлѣнія, — но примѣните всю вашу бдительность, всю вашу энергію къ тому, чтобы ваша собственная личность и сама жизнь, сама дѣйствительность, во всей ея обнаженной простотѣ, были дѣйствительными воспитателями ребенка.

Не ставьте силамъ ребенка и его самолюбію несоотвѣт-

ствующихъ данной стадіи его развитія запросовъ или требованій, относитесь къ радостямъ, вкусамъ, труду и времени ребенка съ тѣмъ уваженіемъ, съ какимъ относитесь къ радостямъ, вкусамъ, труду и времени взрослога. Воспитаніе сдѣлается тогда болѣе легкимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ безконечно труднѣйшимъ искусствомъ, чѣмъ современное воспитаніе съ его искусственностью, съ его двойной моралью, одной—для взрослыхъ, другой—для дѣтей, моралью, которая подъ часъ строга, когда дѣло идетъ о дѣтяхъ, и очень эластична, когда вопросъ касается взрослыхъ, и наоборотъ. Тѣмъ самымъ, что на ребенка всегда и во всякое время будутъ смотрѣть, какъ на взрослога человѣка, и обращаться, какъ съ взрослымъ, освободятъ искусство воспитанія какъ отъ грубаго произвола, такъ и отъ изнѣживающихъ опекающихъ мѣръ, которыми теперь такъ искажено это великое искусство.

Дѣтямъ одинаково плохо какъ въ рукахъ родителей, которые убѣждены, что дѣти являются на свѣтъ только для нихъ, такъ и въ рукахъ родителей, увѣряющихъ, что „живутъ только исключительно ради дѣтей“. Какъ тѣ, такъ и другіе родители имѣютъ въ общемъ весьма смутное понятіе о чувствахъ и потребностяхъ дѣтей. Первые радуются, когда дѣти уподобляются имъ, и высшая цѣль, которую они преслѣдуютъ въ воспитаніи—чтобы дѣти сдѣлались удачными копіями ихъ собственныхъ мыслей, мнѣній и идеаловъ, тогда какъ въ дѣйствительности подобное обезьянничанье въ собственныхъ дѣтяхъ ихъ должно бы огорчать. Вѣдь жизнь требовала отъ нихъ совсѣмъ иного: она требовала болѣе богатаго соединенія всѣхъ качествъ, болѣе высокаго творчества, она требовала новаго типа, а не репродукцію того, что жизнь уже израсходовала. Вторые родители выбиваются изъ всѣхъ силъ, чтобы

создать изъ дѣтей не свой образъ и подобіе, а образъ того высшаго идеала хорошаго человѣка, который они носятъ въ душѣ своей. Эти родители выказываютъ свою любовь принесеніемъ въ жертву дѣтямъ своей собственной личности и тѣмъ, что на каждомъ шагу даютъ имъ чувствовать, что все, что касается дѣтей, они ставятъ на первый планъ. Оно такъ и должно быть, но, такъ сказать, косвенно. Въ устройствѣ семейной жизни, семейнаго очага, жизненныхъ привычекъ, общественныхъ сношеній, средствъ и расходовъ дѣтскія потребности и ихъ право на здоровье и хорошее развитіе должны были бы играть дѣйствительно главную роль и стоять на первомъ планѣ. Но въ большинствѣ случаевъ дѣти въ наше время являются жертвами домашней неурядицы, они пріучаются къ своеволію, не пользуясь дѣйствительной свободой и живутъ подъ гнетомъ принужденія, въ которомъ нѣтъ ни послѣдовательности, ни здраваго смысла.

Когда одна дочь за другой покидаетъ родительскій кровъ, чтобы сдѣлаться самостоятельной, то ихъ вынуждаютъ къ этому очень часто стѣсненіе свободы и неурядица семейной жизни. Онѣ чувствуютъ себя стѣсненными во всѣхъ направленіяхъ требованіями быть постоянно не тѣмъ, чѣмъ онѣ хотятъ, думать не то, что думается, дѣлать не то, что желаютъ и къ чему чувствуютъ склонность. Одна счастливая мать, живущая въ большой дружбѣ съ собственной дочерью, говорила мнѣ недавно, что она мечтаетъ открыть убѣжище для измученныхъ родителями дочерей. Такое убѣжище было бы необходимой охранительной мѣрой какъ противъ самыхъ нѣжныхъ, такъ и противъ слишкомъ властолюбивыхъ родителей. Какъ тѣ, такъ и другіе мучаютъ своихъ дѣтей—правда, различными способами—и тѣмъ, что не признаютъ или не сознаютъ права ребенка имѣть свое

собственное міровоззрѣніе, свой собственный идеаль счастья, свой собственный вкусъ, и не пониманіемъ того, что и дѣти появляются на свѣтъ не исключительно ради родителей, и родители живутъ на землѣ не только ради дѣтей. Самой разумной, интеллигентной формой семейной жизни была бы та, въ которой каждый членъ жилъ бы своей полной и самостоятельной жизнью и предоставлялъ бы и другимъ пользоваться такой же жизнью, не упражняя надъ другими своего властолюбія и не подчиняясь волѣ другихъ. Родители, которые сумѣютъ придать такую форму семейной жизни, имѣютъ полное право требовать, чтобы дѣти приспособлялись къ привычкамъ родительскаго дома, пока они живутъ въ немъ. Дѣти въ свою очередь могутъ съ тѣмъ же правомъ требовать, чтобы домашніе оставляли въ покоѣ ихъ умственную и душевную жизнь или относились бы къ ней съ тѣмъ же уваженіемъ, съ какимъ относятся къ умственной и душевной жизни посторонняго человѣка. Когда же родители не исполняютъ этихъ требованій, то они сами больше всего страдаютъ отъ этого. Нѣтъ ничего легче, какъ запретить сыну высказывать его „крайнія воззрѣнія“, легко оторвать дочь отъ хорошей книги и заставить ее пить кофе въ компаніи кумушекъ-сплетницъ съ какимъ-нибудь бесполезнымъ рукодѣліемъ въ рукахъ, очень легко презрительнымъ словомъ заставить замолчать выраженіе „страннаго чувства“. Тысячи такихъ и имъ подобныхъ вещей совершаются ежедневно въ цѣломъ мірѣ въ самыхъ „хорошихъ“ семьяхъ! Кто, послѣ этого, слышитъ, какъ молодежь рассказываетъ о своемъ одиночествѣ, душевномъ и умственномъ, о невозможности излить передъ роднымъ человѣкомъ свое горе и тоску, тотъ начинаетъ понимать горькія жалобы матерей и отцовъ и ихъ удивленіе, почему они, родители, остаются одинокими въ

своихъ домахъ, изъ которыхъ дочери бѣгутъ, почему дѣти обращаются со своими заботами, радостями и мыслями къ чужимъ, однимъ словомъ,—почему старое и молодое поколѣнія, которыя въ сущности нуждаются другъ въ другѣ, какъ корни и цвѣты одного и того же растенія, почти всегда расходятся съ озлобленіемъ и горечью.

То же самое можно сказать и о выдающихся, высоко развитыхъ отцахъ и матеряхъ, и о самыхъ простыхъ, мало развитыхъ родителяхъ, мѣщанахъ или крестьянахъ. Первые, быть можетъ, даже больше виноваты въ этомъ отношеніи. Послѣдніе по незнанію и самымъ наивнымъ образомъ мучаютъ своихъ дѣтей, а первые примѣняютъ для этого самыя мудрыя приемы и терзаютъ дѣтей самымъ методичнымъ образомъ. Выдающаяся мать весьма рѣдко принадлежитъ къ тѣмъ волшебницамъ въ домашней жизни, которыя обладаютъ способностью превращать, благодаря своей жизнерадостности, добротѣ и веселости, повседневный трудъ въ удовольствіе, а отдыхъ—въ праздникъ. Такими волшебницами часто являются совершенно простыя женщины, которыя не получили ни одного диплома, не основали ни одного общества, не написали ни одной книги. „Высокообразованныя“ и „общественно-полезныя“ матери, напротивъ, очень часто—такія, о которыхъ сынъ говоритъ, вздыхая: „Можно думать, что таковъ законъ природы, чтобы матери всегда поступали неправильно, когда хотятъ что-нибудь сдѣлать для блага сына... Какъ я нуждаюсь въ матери, которая умѣла бы молчать, которая бы нѣкоторое время терпѣливо присматривалась къ тому, что я дѣлаю, терпѣливо выслушала бы меня, а затѣмъ заставила бы меня успокоиться и нѣжной, доброй рукой отстранила бы отъ меня на время внѣшній міръ. Ахъ, если бы у меня была мать, которой я бы могъ положить голову на колѣни и молчать и мечтать...“³⁾

„Выдающаяся“ мать большей частью удивляется, что ея прекрасные, продуманные и прочувствованные планы для дѣтей рушатся,—для тѣхъ дѣтей, въ которыхъ она видѣла такой прекрасный матеріалъ для ея творчества, глину, изъ которой она хотѣла вылѣпить такую прекрасную форму.

Та же писательница высказала глубокую истину: только материнскому самоотреченію удается, по ея словамъ, разрѣшить задачу—разумно и нѣжно поддержать и охранить молодое существо, предоставляя ему вмѣстѣ съ тѣмъ расти и развиваться сообразно его собственнымъ законамъ. „Самоотверженная мать, говоритъ она, можетъ съ радостью отдать всѣ свои лучшіе жизненные соки, свои умственные и душевныя силы будущему существу, затѣмъ открыть передъ этимъ существомъ всѣ двери, выпустить его въ обширный свѣтъ, предостаѣвить ему идти его собственной дорогой и ничего больше не ждать, не желать отъ него—ни благодарности, ни славы, ни даже взгляда назадъ“.

Но къ большинству матерей можно примѣнить одно, полное горечи восклицаніе сына, встрѣчающагося въ той же книгѣ: „Долгъ и обязанность матери—понимать, чѣмъ она можетъ причинить боль своему ребенку. Если въ ея натурѣ нѣтъ этого свойства, такъ зачѣмъ же я долженъ признавать ее моею матерью!“ Нѣкоторыя матери въ теченіе цѣлаго дня раздражаютъ нервную систему ребенка. Онѣ дѣлаютъ каждую работу болѣе трудной, лишаютъ веселья игры, въ которыхъ принимаютъ участіе. Да и школа въ наши дни слишкомъ рано завладѣваетъ ребенкомъ, родительскій домъ теряетъ постепенно всѣ тѣ средства, которыя прежде помогали развивать душевную жизнь ребенка и облагораживать семейную жизнь. Теперь не родители,

а школа обучаетъ ребенка играть, школа преподаетъ ему уроки рукодѣлія, школа учить пѣть, смотрѣть на картины, читать вслухъ и любоваться красотой природы. Школа, товарищество, кружки, спортъ и другія удовольствія приучаютъ городскую молодежь къ внѣшней общественной жизни, ежедневные праздники отучаютъ ихъ цѣнить и понимать дѣйствительныя праздничныя чувства и настроенія. Нынѣшняя молодежь сплошь и рядомъ не выноситъ иного впечатлѣнія изъ своего родительскаго дома, кромѣ того, что она тамъ встрѣчаетъ общество „поощренія скуки“. Родители отдаютъ своихъ дѣтей въ школу въ возрастѣ, въ которомъ они должны были бы ихъ умственно „завоевывать“. А когда школа возвращаетъ дѣтей обратно, то родители часто не знаютъ, что дѣлать съ молодежью, потому что за это время сами родители перестали быть молодыми.

Но старѣть — не необходимость, а только дурная привычка!

Весьма интересно наблюдать за лицомъ, которое старѣетъ. То, что время дѣлаетъ изъ лица человѣка, показываетъ лучше, чѣмъ что-либо другое, что этотъ человѣкъ сдѣлалъ со своимъ временемъ или какъ воспользовался имъ! Большинство людей уже въ среднемъ возрастѣ умственно ожирѣли или умственно исхудали, одеревенѣли или высохли, и молодежь съ полнымъ правомъ относится къ нимъ холодно и несимпатично. Молодые люди предчувствуютъ вѣчную юность, которой можетъ достигнуть душа въ награду за непрестанный умственный и душевный трудъ, возвышающій душу до ея полного развитія и расцвѣта. Но молодежь напрасно ищетъ этой второй молодости у своихъ, преисполненныхъ свѣтской ничтожности и мірской суеты родителей. Со вздохомъ выключаютъ они „старика“ и „ста-

руху“ изъ области своихъ надеждъ и ожиданій и уходить отъ нихъ въ жизнь, чтобы тамъ избрать себѣ родителей по духу.

Это трагично, но это и справедливо. Если есть поле, на которомъ нужно посѣять „самъ-сотъ“, чтобы пожать только „самъ-десять“, токъ душа собственного ребенка является для нихъ этимъ полемъ.

Когда я, будучи пятилѣтнимъ ребенкомъ, сдѣлала изъ вороха тряпья подобіе спеленатаго дитяти, которое своей тяжестью вызвало во мнѣ радостное и какъ бы дѣйствительное представленіе о материнскихъ трудахъ и заботахъ, тогда уже я начала задумываться надъ вопросомъ о воспитаніи моихъ будущихъ дѣтей. Тогда, какъ и теперь, мой идеалъ воспитанія заключался въ томъ, чтобы дѣти были всегда веселы и никогда не знали, что такое страхъ. Страхъ есть величайшее несчастье дѣтскаго возраста, и страданіе ребенка усиливается еще отъ полусознаваемаго противорѣчія между безграничными возможностями счастья и ничтожнымъ фактическимъ пользованіемъ этими возможностями. Мнѣ могутъ возразить, что жизнь и во всѣхъ возрасты человѣка очень жестоко обращается съ этими возможностями счастья. Да, но разница между страданіями, причиняемыми взрослымъ самой жизнью, и страданіями ребенка, причиняемыми ему взрослыми, огромная и несравнимая. Ребенокъ никогда не хочетъ добровольно подчиниться тѣмъ страданіямъ, которыя, какъ онъ чувствуетъ, причиняютъ ему взрослые, и чѣмъ сильнѣе возмущается ребенокъ противъ ненужныхъ страданій, тѣмъ лучше. Тѣмъ вѣрнѣе будетъ онъ со временемъ стремиться измѣнить и передѣлать какъ для себя, такъ и для другихъ всѣ жесткія „ненужности“ жизни.

Одинъ поэтъ нашей страны, обладавшій глубокимъ по-

ниманіемъ внутренней сущности ребенка и поэтому чувствовавшій глубокое благоговѣніе передъ нимъ, написалъ однажды:

Wir ahnen Prinzen,
Wo Kinder wir schau'n—
Doch dann die Könige,
Wo sind sie, traun?

(Victor Ridberg).

„Мы предчувствуемъ принцевъ тамъ, гдѣ видимъ дѣтей, но гдѣ же, право, тогда короли?“

Причина, почему изъ этихъ „принцевъ“ не выходятъ „короли“, кроется не въ одной только трагической способности жизни глушить и засыпать свои собственные источники, но она кроется также и въ недостаткѣ благоговѣнія со стороны воспитателя передъ источникомъ жизни, который заключается въ новомъ существѣ—въ ребенкѣ. До тѣхъ поръ, пока отецъ и мать не преклонятся передъ величіемъ ребенка, пока они не будутъ сознавать, что слово „ребенокъ“—только другое выраженіе для понятія „величество“, пока они не сознаютъ, что на ихъ рукахъ покоится во образѣ ребенка—будущее, что у ногъ ихъ играетъ въ томъ же образѣ—исторія,—до тѣхъ поръ они не поймутъ и того, что у нихъ такъ же мало права и власти предписывать этому новому существу законы, какъ звѣздамъ предписывать ихъ пути.

Когда мать проникнется передъ тѣмъ неизвѣстнымъ и загадочнымъ міромъ, который смотритъ на нее глазами ея собственнаго ребенка, тѣмъ же благоговѣніемъ, которое она испытываетъ передъ величіемъ вселенной, когда отецъ будетъ видѣть въ своемъ сынѣ „принца“, которому онъ долженъ служить и отдавать всѣ свои лучшія силы, тогда ребенокъ вступитъ въ свои настоящія права.

Родители не должны ожидать, чтобы их собственные идеалы сдѣлались идеалами ихъ дѣтей. Свободомыслящіе сыновья набожныхъ родителей и религиозныя дѣти атеистовъ вошли въ поговорку. Но родители, которые всю свою жизнь дѣйствительно стремятся къ достиженію своихъ собственныхъ высшихъ идеаловъ, могутъ сдѣлать изъ своихъ дѣтей идеалистовъ, хотя это очень часто приводитъ дѣтей къ совершенно иному берегу, чѣмъ тотъ, къ которому причалили ихъ родители.

Что же касается до идеаловъ, то старшіе должны робко предлагать свои совѣты и свою опытность, а когда совѣты не приняты молодежью, не обнаруживать ни удивленія, ни раздраженія.

Вопросъ одного остряка, съ какой стати онъ долженъ дѣлать что-нибудь для своихъ потомковъ, когда тѣ еще ничего не сдѣлали для него, — вызвалъ въ моемъ мозгу еще во дни моей юности усиленную работу мысли. Я чувствовала, что потомки уже очень много сдѣлали для своихъ предшественниковъ: они открыли имъ по ту сторону ихъ повседневныхъ заботъ и стремленій необъятный горизонтъ будущаго. Но пока человечество само закрываетъ отъ себя этотъ горизонтъ. Вотъ когда въ ребенкѣ будутъ видѣть новую судьбу человѣческаго рода, тогда начнутъ бережно обращаться съ тонкими нитями его души, ибо тогда будутъ знать, что именно изъ этихъ нитей будетъ когда-нибудь выткана ткань міровыхъ событій. Тогда сознаютъ также, что каждый брошенный камень, который коснется гладкой зеркальной поверхности дѣтской души, образуетъ на ней все болѣе и болѣе широко расходящіеся круги и будетъ цѣлѣе вѣка вліять на нее. Путемъ наслѣдственности, черезъ нашихъ предковъ, помимо нашей воли и нашего выбора, стали мы существами, заранѣе предопредѣленными

судьбой. Чрезъ нашихъ потомковъ, которыхъ мы произведемъ, можемъ мы до извѣстной степени, какъ свободныя существа, предопредѣлить будущія судьбы человѣческаго рода. И благодаря тому, что люди все это почувствуютъ совершенно новымъ образомъ, что они все это будутъ видѣть въ свѣтѣ новаго развитія, — двадцатый вѣкъ будетъ „вѣкомъ ребенка“. И будетъ онъ имъ въ двойномъ значеніи; во-первыхъ, потому, что взрослые поймутъ наконецъ дѣтскую душу и сердце, а во-вторыхъ потому, что и взрослые сумѣютъ сохранить въ себѣ простодушіе дѣтской невинности. Тогда только возможно будетъ обновленіе стараго общества.

Психологическая педагогика имѣетъ знаменитыхъ предковъ. Я даже и не коснусь такихъ величайшихъ мастеровъ и художниковъ воспитанія, которыхъ зовутъ Сократомъ и Иисусомъ Христомъ. Я остановлюсь только передъ началомъ новаго времени. Тамъ, гдѣ мы на зарѣ новой эпохи думаемъ найти коренной переворотъ міросозерцанія,—тамъ, какъ и въ наши дни, весенніе цвѣты пробиваются сквозь увядшую листву. На зарѣ этого времени были предъявлены требованія о видоизмѣненіи и реорганизаціи воспитанія однимъ изъ знаменитѣйшихъ людей той эпохи, Монтенемъ, этимъ скептикомъ, который былъ такимъ большимъ почитателемъ дѣйствительности. Въ его „Essays“ и въ его письмахъ къ графинѣ де-Гюрсонъ можно найти всѣ основныя черты воспитанія будущаго. Монтень прекрасно понималъ свойство привычки—переорганизовывать природу человѣка, и поэтому онъ особенно подчеркиваетъ, что первая задача воспитателя—запечатлѣть въ ребенкѣ дѣйствительно хорошія и вѣрныя привычки, но ему кажется просто отвратительнымъ, если для этого прибѣгаютъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ, и онъ запрещаетъ своей женѣ упо-

треблять подобную мѣру при воспитаніи ея дочери. Дальше онъ съ глубокимъ презрѣніемъ отзывается о зазубриваніи и педантизмѣ въ дѣлѣ обученія и является противникомъ метода „вливанія въ уши дѣтей науки, какъ воды въ воронку“. Педантъ—живи Монтень въ наше время, онъ бы сказалъ: педагогъ—набиваетъ свою память, но оставляетъ пустыми разумъ и совѣсть, а между тѣмъ важнѣе, чтобы учитель имѣлъ „la tête bien faite“, чѣмъ „la tête bien pleine“. Ребенка слѣдуетъ учить все пробовать самостоятельно, самостоятельно все выбирать и различать. Иногда слѣдуетъ показать ему путь, а иногда онъ долженъ самъ объ этомъ позаботиться. Слѣдуетъ не только „говорить“ ученику, но и ему давать возможность говорить. Предоставляя дѣтямъ „плестись передъ собой рысцою“, можно точнѣе опредѣлить ихъ силы и приноровить къ нимъ преподаваніе, иначе легко разрушить всякое дѣйствіе этого преподаванія.

Благодаря тому, что у учителя нѣтъ естественнаго масштаба для способностей ребенка, портятъ все,—говоритъ Монтень. Но почему же у учителя нѣтъ этого масштаба? Монтень на это отвѣчаетъ: „Только очень большой и глубокой умъ можетъ понять дѣтскую натуру“.

Но среди нашихъ педагоговъ за рѣдкими исключеніями и до сихъ поръ нѣтъ большихъ и глубокихъ умовъ. Поэтому на языкѣ у нихъ всегда красивыя и высокія педагогическія слова, но было бы заблужденіемъ искать ихъ въ ихъ сердцахъ и въ ихъ дѣлахъ.

Монтень требуетъ далѣе, чтобы учитель показывалъ ученику предметъ съ сотни различныхъ сторонъ и заставлялъ его примѣнять къ сотнѣ другихъ предметовъ, чтобы убѣдиться, дѣйствительно ли переработалъ умъ ребенка данную ему пищу.

„Если ребенокъ не можетъ самъ измѣнить форму и

образъ воспринятаго, то, значитъ, онъ не усвоилъ его, и оно, такъ сказать, не сдѣлалось его собственностью. Ребенокъ не долженъ воспринимать чего-либо на вѣру или подъ давленіемъ того только, что это было сказано авторитетомъ“.

Едва ли можно найти что-либо болѣе діаметрально-противоположное нашему современному воспитанію, чѣмъ эти слова Монтеня. Въ наше время осмѣливагося противорѣчить воззрѣніямъ учителя мальчика прямо выгнали бы изъ школы,— развѣ изъ ста школъ только одна не сдѣлаетъ этого.

Самостоятельное усвоеніе преподаваемаго—вотъ въ чемъ, по мнѣнію Монтеня, должна заключаться сущность преподаванія. Учитель долженъ снабжать ребенка цвѣтами, изъ которыхъ ребенокъ могъ бы добывать матеріалъ для меда, но перерабатывать его долженъ онъ самъ. Ребенокъ долженъ научиться излагать свои мнѣнія, выражать ихъ собственными словами, а не получать ихъ готовыми отъ другихъ. Эта мысль Монтеня представляетъ опять-таки совершенную противоположность стремленію современныхъ педагоговъ, при исправленіи сочиненій или на экзаменахъ, принуждать ребенка говорить заученныя мнѣнія, употребляя условные обороты рѣчи. Естественный, живой, яркій, красочный способъ выраженія становится водянистымъ отъ этихъ исправленій, которыми добиваются совершенной правильности—и достигаютъ ее, но вмѣстѣ съ этимъ уничтожаютъ то единственное, ради чего, вообще, стоитъ учиться говорить или писать, а именно то индивидуальное, что ребенокъ хотѣлъ сказать.

Послушаемъ Монтеня дальше. „Мы превращаемъ нашъ разумъ во что-то рабски-трусливое, ибо не даемъ ему никогда свободы совершить что-либо своими собственными

силами. Мы стремимся просвѣщать разумъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не даемъ ему работы. Ребенка приучаютъ обращаться съ лошадью, оружіемъ, лютней, заставляя его упражняться, а мышленію и рѣчи хотятъ научить дѣтей, не позволяя имъ ни думать, ни говорить“.

Учитель, который поступаетъ иначе, считается „невозможнымъ педагогомъ“ съ точки зрѣнія дисциплины и точности. Въ каждой школѣ—даже самой лучшей—дисциплинѣ и точности придаютъ гораздо больше значенія, чѣмъ тому, что дѣти думаютъ и о чемъ говорятъ, хотя въ школьныхъ программахъ очень краснорѣчиво распространяются о развитіи индивидуальности. Какая мудрость заключается въ слѣдующемъ восклицаніи Монтеня: „Какое-нибудь происшествіе за столомъ, даже какая-нибудь глупая выходка слуги могутъ быть такимъ же прекраснымъ научнымъ матеріаломъ для работы мысли, какъ и книга“.

Съ какимъ справедливымъ презрѣніемъ онъ говоритъ объ ученыхъ, усердно старающихся истолковывать комментаріи, а не комментируемое, писать книги о книгахъ, вмѣсто того, чтобы создавать новыя произведенія.

„Nous ne faisons que nous entreglosser. Комментаторы такъ и кишатъ, а писателями мы очень бѣдны“,—говоритъ онъ про свое время.

Въ общеніи съ людьми „въ привычкѣ тереть свой мозгъ о мозги другихъ“ и заключается для Монтеня настоящее воспитаніе. Для того, чтобы придать болѣе глубины общенію съ живыми людьми, слѣдуетъ, по мнѣнію Монтеня, общаться съ великими умами великихъ эпохъ, а этого можно достигнуть при помощи изученія исторіи. Но исторія дѣйствуетъ воспитательно только въ томъ случаѣ, если учитель обращаетъ менѣе вниманія на то, въ какой день произошло паденіе Кароагена, чѣмъ на изученіе правовъ Ган-

нибала или Сципіона, менѣе—на то, гдѣ умеръ Марцелій, чѣмъ на то, почему онъ считалъ несогласнымъ съ внушеніемъ долга умереть именно тамъ и т. п. Однимъ словомъ, „дѣтей слѣдуетъ меньше обучать исторіи, а больше учить думать надъ ней“. Монтень требуетъ, чтобы учитель развивалъ разумъ и душу ученика до полной универсальности и, такимъ образомъ, противодѣйствовалъ личной и патриотической ограниченности, фанатизму и жестокости. Вся природа и вся вселенная—вотъ книги, читать которыя учитель долженъ научить ученика, и только послѣ того, какъ ученику удалось взглянуть на разнообразіе міра, онъ можетъ начать изучать отдѣльныя науки, которыя онъ хочетъ постигнуть и усвоить. Такимъ образомъ, — говоритъ Монтень,—благодаря самостоятельному умственному труду окрѣпнеть душа ребенка такъ же, какъ крѣпнуть его мускулы и силы мышцъ отъ труда физическаго. Самое главное заключается въ томъ, чтобы научить ребенка видѣть, слышать и учиться отъ всѣхъ и обо всемъ—даже о глупости,—сдѣлать его любознательнымъ, вселить въ него желаніе узнать что-нибудь о своей эпохѣ, о своей родинѣ, а также о другихъ эпохахъ и странахъ. Когда ребенокъ научится тому, что можетъ сдѣлать его лучше и умнѣе, тогда слѣдуетъ начать преподаваніе собственно научныхъ свѣдѣній и познаній, а такъ какъ его здравыя сужденія, здравыя понятія уже развиты предшествующимъ, то онъ быстро усвоитъ себѣ эти познанія. Хорошо иногда дать въ руки ребенка книгу, надъ которой онъ долженъ самъ поработать, въ другихъ случаяхъ учитель долженъ преподавать ему хорошо изложенную сущность книги, или какого-нибудь предмета. Прежде всего молодежь должна черпать изъ жизненной мудрости, изъ философіи,—„которая, если ее правильно усвоить, есть самая радостная, самая ве-

селя изъ всѣхъ мудростей“ — и вмѣстѣ съ тѣмъ она — то душевное здоровье, которое придаетъ тѣлу свѣжесть и бодрость.

„Отличительный признакъ мудрости есть постоянная радость, а она уже создаетъ постоянный душевный миръ и спокойствіе. Въ истинной мудрости нѣтъ ничего отталкивающего, устрашающего, напротивъ она — прекрасная, вдохновляющая и бодрящая. Истинная добродѣтель познается тѣмъ, что она легка, полезна и пріятна. Слѣдуетъ съ самаго нѣжнаго возраста обучить дѣтей искусству жизни, но не посредствомъ діалектическихъ тонкостей, а посредствомъ здоровой жизненной мудрости“.

Для Монтеня жизненная мудрость заключается прежде всего въ наслажденіи жизнью. Онъ не могъ выносить, чтобы дѣтей мучили работой и забивали знаніями.

„Спальня или общество, садъ или обѣдъ, впечатлѣнія утра, такъ же, какъ и вечера — все это можетъ дать матеріалъ для изученія, т. е. для жизненной философіи, которая вырабатываетъ въ ребенкѣ правильныя сужденія и здравый смыслъ. Игры, тѣлесныя упражненія, музыка, охота, танцы, верховая ѣзда, фехтованіе — все это такъ же воспитательно дѣйствуетъ, какъ и книга. Оболочка должна развиваться одновременно съ душой. Не слѣдуетъ развивать одну душу или одно тѣло, — нужно развивать цѣлаго человѣка. Не слѣдуетъ ничего дѣлать для одной только стороны человѣка, нужно съ обѣими обращаться, какъ съ парой лошадей, впряженныхъ въ одно дышло. Скорѣе слѣдуетъ давать больше тѣлу, чѣмъ душѣ, потому что душа посредствомъ тѣла научается большому, чѣмъ тѣло посредствомъ души“.

Было бы совершенно достаточно одной этой цитаты, чтобы показать, насколько Монтень опередилъ своихъ со-

временниковъ, да и большинство людей нашего времени! Онъ не щадитъ рѣзкихъ словъ для выраженія порицанія школьной жестокости и ея системѣ битья. Онъ называетъ школы тюрьмами, гдѣ развращаютъ молодежь, потому что караютъ ее раньше, чѣмъ она согрѣшила. Не розги, а зеленыя, цвѣтушія вѣтви должны украшать классную комнату, которая вмѣсто пріюта радости, веселья сдѣлалась мѣстомъ стоновъ истязуемыхъ дѣтей.

Какъ подходятъ эти рѣзкія слова даже къ нашему времени. Если грубая жестокость теперь и не такъ велика, за то педагогическая дисциплина до такой степени искажаетъ правильныя понятія, что дѣлаетъ изъ малаго—великое, а изъ великаго—малое. Побои и замѣчанія въ мужскихъ школахъ показываютъ не количество и качество способностей учениковъ, но температуру настроеній учителя, и почти на каждой каедрѣ воздвигается алтарь мелочности и узкости.

На сколько Монтень ненавидитъ побои, настолько же онъ ненавидитъ и изнѣженность. Дѣти должны пріучаться все переносить, все ѣсть, все узнавать—даже послѣдствія невоздержанія: „тѣмъ, что дѣти все перепробуютъ, они научатся любить дѣйствительно хорошія вещи“.

Это—золотыя слова для современныхъ матерей, которыя съ такой точностью отмѣчаютъ количество страницъ, которыя ребенокъ можетъ прочитать въ избранной ими книгѣ, тщательно дѣлятъ каждый кусокъ сахару и долго обсуждаютъ вопросъ, можетъ ли ребенокъ съѣсть одну или двѣ черносливины за часъ или за два до обѣда, и позволить ли ребенку черезъ полчаса или три четверти часа послѣ того, какъ онъ бѣгалъ, выпить полстакана воды! Обѣдаться, переспать, перечитать—вообще дойти до нѣкоторыхъ излишествъ—все это должно входить въ жизненную школу

и въ права чловѣка, и кто во время не продѣлалъ ничего подобнаго, сдѣлается или изнѣженнымъ существомъ или сорви-головой, когда „размѣренная уравниженность“ матеря замѣнится его собственной отвѣтственностью.

Я опять обращаюсь къ Монтеню и привожу его мудрыя слова: „Изгоните изъ воспитанія насиліе и грубость, ничто такъ не парализуетъ и не унижаетъ благородную и даровитую натуру, какъ подобное обращеніе. Если хотятъ, чтобы ученикъ боялся кары и стыдился ея, не приучайте его къ ней, закаливайте его такъ, чтобы онъ могъ и умѣлъ переносить холодъ и солнце, голодъ и всевозможныя невзгоды, которыя онъ долженъ научиться презирать. Отучите его отъ изнѣженности и избалованности въ одеждѣ, ѣдѣ, питьѣ и постели. Укрѣпляйте его,—пусть мальчикъ растеть рѣзвымъ и сильнымъ!“

Современный воспитатель не задается цѣлью вырастить рѣзвыхъ и сильныхъ мальчиковъ.—Цѣль его—чиновничьи ясли, а цѣль школы—къ счастью, ей не всегда это удается—образовать послушно сгибающихся подъ ярмомъ воловъ!

Монтень требуетъ, чтобы въ молодежи возбуждали и поощряли жажду знанія и дѣятельности: „Вмѣсто того, чтобы поощрять ученика къ воспріятію знаній отъ другихъ, мы только стремимся преподать ему знаніе насъ самихъ, предлагаемъ ему только то, чѣмъ сами располагаемъ, а не помогаемъ ему добиваться новаго“.

Способность добиваться все новыхъ цѣнностей и благоговѣть передъ истиной, „которая заставляетъ чловѣка сложить передъ ней оружіе, какъ только онъ познаетъ ее, все равно будетъ, ли она ему сообщена устами противника, или зародится въ немъ самомъ, благодаря измѣненію его собственнаго міровоззрѣнія“—эта способность является ха-

рактернымъ признакомъ самого Монтеня. Убѣждая воспитателя растить обѣ эти способности въ сердцахъ и умахъ молодежи, онъ совершенно правъ,—эти качества въ области психической жизни имѣютъ то же значеніе, какое живость и смѣтливость, правдивость и честность имѣютъ въ сферѣ жизни практической, съ той только разницей, что первые—менѣе обычны въ первой области, нежели вторые—во второй.

Вездѣ, и прежде всего, Монтень требуетъ для дѣтей настоящей дѣйствительности, реальности, фактовъ: „Каждый выбираетъ для себя охотнѣе настоящія винныя ягоды, чѣмъ нарисованныя, точно также для дѣтей слѣдуетъ выбирать скорѣе дѣйствительныя познанія, которыя даетъ сама жизнь, чѣмъ книжныя. Пусть дѣти меньше зубрятъ свои уроки и больше выполняютъ и воспринимаютъ ихъ. Предоставьте имъ повторять эти уроки дѣйствіемъ! Весь міръ является теперь необъятной ареной для болтуновъ, и половина нашей жизни проходитъ въ словопреніяхъ, исканіи и толкованіи словъ и тому подобной безсмыслицѣ. Снабдите ученика богатымъ запасомъ матеріала, — слова придутъ сами собою“.

За латынь и греческій языкъ расплачиваются слишкомъ дорогой цѣной,—говоритъ Монтень, хотя онъ самъ не хотѣлъ бы отказаться отъ нихъ; латынь до такой степени стала для него роднымъ языкомъ, что онъ даже безсознательно и всюду употреблялъ его. Но онъ находитъ бесполезнымъ изученіе языка, если существенной цѣлью этого изученія является не усвоеніе литературы этого языка! Мнѣ бы хотѣлось еще многое извлечь изъ этого богатаго арсенала оружія противъ всего показнаго, условнаго и догматичнаго. Но и приведеннаго вполнѣ достаточно, чтобы показать, по какой прямой нисходящей линіи „Эмиль“

Руссо происходитъ отъ Монтеня. Между этими двумя большими звѣздами на горизонтѣ французскаго неба сіяли еще нѣсколько мелкихъ свѣтилъ, напримѣръ, Фенелонъ и Ролленъ, непосредственный продолжатель гуманитарнаго метода преподаванія въ Пале-Роялѣ. Я не хочу касаться ихъ, я напому только о „Natur-Ewangelium der Erziehung“, какъ называлъ „Эмиля“ Руссо Гете, получившій во многихъ отношеніяхъ то воспитаніе, контуры котораго набросалъ Монтень.

Непосредственной причиною появленія книги Руссо о воспитаніи была тоже женщина—madame d'Epinau. Въ изданныхъ ею воспоминаніяхъ приводится много энергичныхъ выраженій Руссо, напр. по поводу принужденія дѣтей тратить время на изученіе предмета, который они совсѣмъ не желаютъ знать, и который имъ весьма скоро удастся позабыть.

„Эмиль“ Руссо былъ протестомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, программой индивидуальности. Онъ весь пропитанъ пламенной ненавистью Руссо ко всему показному, къ внѣшней формѣ, искусственности, дѣланности. Все истинное, дѣйствительное, самостоятельно завоеванное и самостоятельно испытанное онъ называетъ воспитаніемъ,—но только для мужчины. Взглядъ Руссо на воспитаніе женщины былъ совершенно иной, чѣмъ на воспитаніе мужчины, и въ этомъ самый большой недостатокъ его системы, равно какъ его представленіе о ребенкѣ, какъ о существѣ по натурѣ безпорочномъ,—самый большой недостатокъ его психологіи.

Однако въ этомъ „естественномъ евангеліи“ есть все, что необходимо для освобожденія и ребенка, и самого воспитателя — посредствомъ вѣры въ естественное развитіе сообразно съ данными природой способностями ребенка.

Но примѣненіе этой системы возможно только при томъ широкомъ ея пониманіи, какое вкладывалъ самъ Руссо, желавшій изобразить осуществившимся въ дѣйствительности этотъ идеаль воспитателя и съ этой цѣлью идеализированной и всѣ положенія.

Слишкомъ преднамѣренное сопоставленіе этихъ положеній и стремленіе воспитывать слишкомъ много посредствомъ вліянія внѣшняго міра и очень мало—посредствомъ фантазіи и чувства,—вотъ главная ошибка Руссо, а за нимъ и Спенсера. Оба совѣтуютъ сначала развивать и образовать реальныя и практическія способности, а затѣмъ уже чувство и фантазію, но это и указываетъ, что оба они недостаточно глубоко заглянули въ душевную жизнь ребенка. Еще больше опасности для ребенка представляло бы то эгоистическое изолированіе отъ жизни и ея задачъ, какое Руссо требуетъ въ своемъ „Эмилѣ“. Но въ то время какъ все неправильное и фальшивое, заключающееся въ его системѣ, и безъ того невыполнимо, напр. изолированіе отъ извѣстныхъ испытаній и опытовъ, подтасовка другихъ,—все правильное и истинное въ его системѣ принадлежитъ именно къ тому роду истинъ, которымъ можно и должно слѣдовать, если хотятъ, наконецъ, начать воспитывать разумно и правильно.

Для моихъ нѣмецкихъ читателей мнѣ нечего распространяться о такихъ извѣстныхъ нѣмецкихъ и швейцарскихъ педагогахъ и психологахъ, какими были Базедовъ, Песталоцци, Зальцманъ, Фрѣбель, Гербартъ и т. д. Я хочу только напомнить, что самые знаменитые нѣмецкіе писатели—Лессингъ, Гердеръ, Гете, Кантъ и другіе—всѣ были поборниками естественнаго метода воспитанія. Что же касается Англій, то Джонъ Локкъ въ своемъ трудѣ „Нѣсколько мыслей по поводу воспитанія“ является до-

стойнымъ предшественникомъ Герберта Спенсера, книга котораго „О воспитаніи въ интеллектуальномъ, моральномъ и психическомъ отношеніяхъ“—самая выдающаяся педагогическая книга девятнадцатаго столѣтія.

Много разъ указывали на то, что Спенсеръ, какъ педагогъ, позаимствовалъ многое у Руссо и во многихъ случаяхъ только повторилъ то, что сказали до него знаменитые нѣмецкіе педагоги, которыхъ онъ, впрочемъ, не зналъ. Но это нисколько не умаляетъ заслугъ Спенсера. Абсолютно новыя идеи—весьма рѣдки, и истины, бывшія уже новыми, возобновляются, будучи высказаны съ глубокимъ пламеннымъ, съ индивидуальнымъ убѣжденіемъ новымъ человекомъ. То, что разумныя идеи въ области педагогики, такъ же какъ и въ другихъ областяхъ, постоянно все вновь высказывались и высказываются, доказываетъ между прочимъ, что въ рациональномъ, т.-е. до сихъ поръ почти не испытанномъ воспитаніи — существуютъ извѣстныя положенія, имѣющія характеръ математическихъ аксіомъ, и что каждый разумно мыслящій человекъ съ такой же неизбежностью снова открываетъ эти педагогическія положенія, съ какой онъ снова открылъ бы соотношенія между углами треугольника. Во всякомъ случаѣ книга Спенсера не создала новыхъ основъ для воспитанія; она скорѣе можетъ быть названа вѣнцомъ зданія, которое возводили Монтень, Руссо, Локкъ и знаменитые нѣмецкіе педагоги. Безусловно новымъ для нашего времени является изученіе дѣтской психологіи и вытекающей изъ него педагогики.

Дарвинъ въ Англіи положилъ основаніе изученію дѣтской психологіи, а въ Германіи это изученіе получило болѣе широкое развитіе благодаря Прейеру, при чемъ сюда вошли какъ изученіе дѣтской рѣчи и изрѣченій ребенка, такъ и воспоминанія дѣтства взрослыхъ и, наконецъ, не-

посредственные опыты и изслѣдованія для опредѣленія физической и психической утомляемости и выносливости, остроты чувствъ, силы, быстроты и точности выполнения физическихъ и умственныхъ работъ, наблюдательности въ разные возрасты ребенка по отношенію къ воспріятію и концепціи, разговора и ассоціаціи идей у ребенка и т. п. Съ теченіемъ времени названіе „дѣтская психологія“ стала замѣняться названіемъ „генетическая психологія“, такъ какъ выяснилось, что для развитія психической жизни, такъ же, какъ и для физической, остается въ полной силѣ биогенетическій законъ, тотъ законъ, по которому исторія рода повторяется въ исторіи индивида, какъ это констатируется, между прочимъ, и языковѣдѣніемъ. Такимъ образомъ, дѣтская психологія пріобрѣла для общей психологіи то же значеніе, какое эмбриологія для анатоміи,—въ родѣ, на примѣръ, „Описательной социологіи“ Спенсера или „Антропологіи дикихъ племенъ“ Вайтца. Въ высшей степени поучительными для правильнаго пониманія психологіи ребенка являются описанія дикихъ племенъ. Область психологическаго изслѣдованія—та именно область, въ которой наше время добилось больше всего успѣховъ и подготовило почву для вѣка, который будетъ называться вѣкомъ ребенка, для XX столѣтія. Въ большомъ журналѣ „Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane“ еще въ 1893 году не имѣлось особаго отдѣла дѣтской психологіи, хотя подъ рубрикой индивидуальной психологіи уже упомянуто восемнадцать работъ по психологіи ребенка. Въ 1894 году въ этомъ журналѣ открылся особый отдѣлъ по дѣтской и воспитательной психологіи, въ которомъ число работъ поднялось съ двадцати девяти въ 1894 году до семидесяти восьми въ 1897 году, а въ 1898—до ста шести, и все еще продолжаетъ расти ¹⁴).

Въ культурныхъ странахъ въ ряды пионеровъ этой новой области знанія стали такія знаменитости, какъ профессоръ Вундтъ, профессоръ Рибо и др. Въ Германіи самымъ значительнымъ органомъ ея является упомянутый выше журналъ, въ которомъ сотрудничаютъ нѣкоторые изъ извѣстнѣйшихъ нѣмецкихъ фізіологовъ и психологовъ. Кромѣ того въ томъ же направленіи работаютъ „Philosophische Studien“, издаваемая Вундтомъ и отчасти „Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie“. Во Франціи нужно упомянуть основанный въ 1894 году Бинэ и Бони журналъ „Année psychologique“ и редактируемую Бинэ „Bibliothèque de Pédagogie et de Psychologie“, а въ Англии журналы—„Mind“ и „Brain“.

Особенныя лабораторіи для экспериментальной психологіи, въ которыхъ примѣняются фізіологическіе аппараты и методы изслѣдованія, существуютъ теперь во многихъ странахъ. Въ Германіи первая подобная лабораторія была устроена уже въ 1878 году Вундтомъ въ Лейпцигѣ, а теперь онѣ есть въ Геттингенѣ, въ Боннѣ и Берлинѣ. Въ институтѣ психіатра Крепелина въ Гейдельбергѣ и Зомара въ Гиссенѣ занимаютъ подобными же работами. Во Франціи имѣется лабораторія экспериментальной психологіи въ Парижѣ (Сорбонна), директоръ ея Бинэ; Италія устроила лабораторію въ Римѣ.

Въ Америкѣ въ концѣ 1894 года насчитывалось уже двадцать семь лабораторій экспериментальной психологіи и четыре журнала. Теперь и Данія имѣетъ подобную же лабораторію. Къ этому слѣдуетъ еще присоединить „общества дѣтской психологіи“; изъ нихъ одно основано недавно въ Германіи, а остальные сравнительно давно уже существуютъ и дѣйствуютъ въ Англии и Америкѣ.

Труды Поля Флехзига „Gehirn und Seele“ (1894) и „Die

Lokalisation der geistigen Vorgänge“ (1896), по общему отзыву специалистов-ученыхъ, будутъ имѣть огромное влияние на будущее пониманіе педагогики, ея средствъ и задачъ. Цѣлая серія изслѣдованій, произведенныхъ въ лабораторіи Крепелина въ Гейдельбергѣ, весьма цѣнна для опредѣленія того, какое количество труда и впечатлѣній можетъ преодолѣть и осилить мозгъ. Одинъ англійскій ученый уже выразилъ убѣжденіе, что, благодаря современной школьной системѣ, будущему придется обходиться безъ оригинально-продуктивныхъ людей, потому что рецептивныя функціи будутъ поглощать всѣ вспомогательные источники мозга въ ущербъ продуктивнымъ функціямъ. Когда это убѣжденіе перестанетъ быть только фразой, но станетъ дѣйствительной психологической истиной, тогда, быть можетъ, перестанутъ, наконецъ, шлифовать мозговую оболочку той грубой наждачной бумагой, которую продолжаютъ называть школьной системой.

Наша страна имѣетъ въ лицѣ профессора Гьяльмара Ёрвала яраго защитника превращенія педагогики въ естественно-научную дисциплину, основанную на данныхъ психо-физиологіи. Онъ уже неоднократно дѣлалъ небольшіе доклады о собственныхъ и чужихъ открытіяхъ въ области психологіи, при чемъ онъ пришелъ, между прочимъ, къ слѣдующимъ результатамъ; множество бѣдныхъ маленькыхъ школьниковъ могли практически констатировать, что, такъ называемые, предметы физическаго упражненія—гимнастика, рукодѣліе, ручной трудъ и тому подобное не являются тѣми благами, за которые ихъ выдаютъ, т.-е. они, внося разнообразіе въ трудъ, не служатъ противовѣсомъ интеллектуальному переутомленію, но являются только новымъ способомъ мозгового утомленія; всякая работа, совершенная въ состояніи переутомленія,—не эконо-

номична, какъ въ отношеніи количества работы, и ея качества, такъ и конечныхъ результатовъ этой работы. Отдыхъ долженъ быть всегда просто отдыхомъ, т.-е. полной свободой дѣлать, что хочешь, или ничего не дѣлать. Относительно страха, этого мучительнаго чувства у дѣтей, тотъ же професоръ указываетъ, основываясь на изслѣдованіяхъ объ этомъ чувствѣ Бинэ, какъ тѣлесныя наказанія, угрозы и насмѣшки воспитываютъ трусовъ, и заявляетъ, что всѣ эти мѣры, дѣйствующія угнетающимъ образомъ и ведущія къ пониженію энергіи, слѣдуетъ изгнать изъ системы воспитанія. Онъ указываетъ еще и на то, какъ можно постепенно побѣдить страхъ, если начать укрѣплять нервную систему и, вмѣстѣ съ тѣмъ, волю и характеръ. Это достигается, во-первыхъ, тѣмъ, что избѣгаютъ ненужнаго запугиванія, во-вторыхъ, тѣмъ, что постепенно съ большимъ спокойствіемъ и мягкостью приучаютъ дѣтей переносить неизбѣжныя неприятности и опасности.

Изслѣдованія о „школьныхъ дѣтяхъ“ шведскаго профессора Акселя Кэй пользуются большой извѣстностью и за границами его родины. Эти изслѣдованія являются для Швеціи самымъ важнымъ матеріаломъ для опредѣленія вліянія школьныхъ занятій на психическое развитіе и послѣдствій интеллектуальнаго переутомленія для этого развитія.

Надо надѣяться, что когда посредствомъ этихъ эмпирическихъ изслѣдованій начнутъ дѣйствительно понимать дѣтскую натуру, школа и родной домъ отдѣлаются, наконецъ, отъ своихъ нелѣпыхъ понятій о сущности и требованіяхъ дѣтской природы, тѣхъ понятій, которыя допускаютъ возможность физическихъ и психическихъ истязаній дѣтей, и которыя до сихъ поръ даже мыслящіе и добросовѣстные люди въ школахъ и въ семьяхъ продолжаютъ называть воспитаніемъ.

IV.

Отчужденность отъ дома и семьи.

Время отъ времени раздаются жалобы на испорченность современнаго общества, которому противоплагается нравственность прежнихъ лѣтъ. Эти жалобы такъ же часты и неосновательны, какъ и большинство подобныхъ обвиненій, повторяющихся изъ поколѣнія въ поколѣніе съ того момента, какъ началось сознательное стремленіе человѣчества къ другимъ цѣлямъ, кромѣ моментальнаго удовлетворенія необузданныхъ инстинктовъ. Стоитъ обратиться къ людямъ нашего поколѣнія и къ старикамъ предыдущаго, — и мы узнаемъ, что безнравственность и дурныя привычки въ современныхъ школахъ не представляютъ ничего характернаго для нашего времени. Читая описанія нравовъ и жизни въ высшихъ школахъ прежнихъ временъ, когда студенты поступали въ университетъ въ возрастѣ нашихъ тепершнихъ пятиклассниковъ, приходишь къ заключенію, что причина зла — не „современная литература“ или „современное безвѣріе“, какъ это стараются доказать. Я не намѣрена говорить здѣсь о тѣхъ дѣйствительныхъ и непосредственныхъ причинахъ, зависящихъ отъ лежащихъ въ самомъ основаніи природы человѣка страстей, и о возможности вліять на нихъ путемъ воспитанія. Эти вопросы могли бы быть рѣшены человѣкомъ, имѣющимъ основательныя знанія физическихъ и психологическихъ наукъ, человѣкомъ, который одновременно

былъ бы и гениальнымъ педагогомъ. Можетъ однако случиться, что при настоящемъ состояніи наукъ не окажется достаточно вспомогательныхъ средствъ для выполненія подобной задачи даже и въ томъ случаѣ, еслибъ нашелся такой человѣкъ, который былъ бы въ состояніи вновь оживить и дальше развить все, что есть самаго оригинальнаго въ педагогическихъ системахъ Сократа, Руссо и Спенсера, такъ какъ въ наше время потребовалось бы не меньше отъ того, кто хотѣлъ бы сдѣлать дѣйствительно важный вкладъ въ сокровищницу человѣческаго развитія.

Мое намѣреніе ограничивается просто желаніемъ указать на второстепенную причину этого зла, на которую, по моему мнѣнію, не обращаютъ того вниманія, котораго она заслуживаетъ. Эта причина для всѣхъ классовъ общества одинакова: она заключается въ возрастающемъ отчужденіи отъ дома, иными словами,—въ разрушеніи того, что въ прежнія времена называлось семейнымъ или домашнимъ очагомъ.

Жить у родителей, какъ это обыкновенно дѣлаетъ школьная молодежь въ городахъ, совсѣмъ еще не значитъ—жить въ родномъ домѣ.

У насъ, какъ и вездѣ, семейная жизнь рабочихъ классовъ разрушается главнымъ образомъ вслѣдствіе внѣдомашнихъ занятій матерей, а въ высшихъ классахъ—отъ все увеличивающихся общественныхъ увеселеній и обязанностей.

Въ прежнее время только у мужа и отца были дѣла и обязанности, отрывавшія его отъ домашняго очага. А теперь этотъ очагъ покидаетъ и жена, и мать, и не только ради развлеченія, удовольствія или поученія, а также и для различныхъ собраній, засѣданій, лекцій, и это—каждый вечеръ, т. е. то время, которое она должна посвящать дѣтямъ, все дообѣденное время находящимся въ школѣ. Усили-

вающаяся общественная жизнь, дробленіе на кружки приводитъ къ тому, что мать стараетсяъ возможно раньше посылать дѣтей въ школу, и это даже въ тѣхъ случаяхъ, когда занятіямъ первоначальнымъ обученіемъ своихъ дѣтей препятствуютъ только однѣ внѣсемейныя обязанности.

Между тѣмъ, нынѣшнее поколѣніе матерей, благодаря обязательному и повсемѣстному школьному обученію, было бы способно и пригодно къ первоначальному обученію своихъ дѣтей. Но еще задолго до наступленія возраста обязательнаго обученія въ школахъ и въ свободные отъ школьныхъ занятій часы дѣтей, обыкновенно, посылаютъ съ прислугой гулять или на катокъ. И вотъ дѣти высшихъ классовъ общества въ большинствѣ случаевъ воспитываются больше няньками, боннами и школой, чѣмъ матерями, не говоря уже объ отцѣ, который обыкновенно играетъ роль незначительнаго и случайнаго фактора въ дѣлѣ воспитанія собственныхъ дѣтей. У многихъ, можетъ быть, наготовѣ возраженіе, что еще никогда, ни въ какую эпоху человѣческой жизни не дѣлалось такъ много для воспитанія дѣтей, какъ въ нашу, что родители никогда не относились такъ внимательно къ физическимъ и психическимъ потребностямъ дѣтей, что никогда еще не было такой свободы въ отношеніяхъ родителей и дѣтей и такой успѣшной и распространенной школьной дѣятельности.

Все это совершенно вѣрно, но многое изъ того, что указано, способствуетъ именно усиленію той отчужденности, той бездомности, о которой я говорю. Чѣмъ больше развивается школьная дѣятельность, тѣмъ больше обременяетъ она дѣтей ученіемъ и вслѣдствіе этого отнимаетъ у нихъ все больше и больше часовъ въ день. Современная школа преподаетъ также дѣтямъ тѣ простыя знанія, обученіе которымъ могли бы прекрасно взять на себя современные

матери, какъ это дѣлали нѣкогда наши бабушки, а именно — знакомить дѣтей съ произведеніями отечественной литературы, съ рукодѣліями, ручнымъ трудомъ. Чѣмъ больше заботъ о физическомъ и умственномъ благосостояніи дѣтей вызываютъ мѣры въ родѣ гимнастики, ручного труда и всевозможнѣйшаго спорта, тѣмъ больше времени проводятъ дѣти внѣ дома. А когда они дома, то исполненіе письменныхъ работъ и выучиваніе заданныхъ уроковъ лишаетъ ихъ возможности проводить время съ отцомъ и матерью, если только тѣ, въ видѣ исключенія, сидятъ вечеромъ дома. Если принять во вниманіе, сколько времени отнимаетъ современная школьная система у дѣтей и общественная жизнь — у родителей, то неминуемо придешь къ заключенію, съ котораго я начала, — что домашняя жизнь все больше и больше разрушается.

Я не коснусь реформъ, которыя слѣдуетъ провести въ школѣ для того, чтобы въ извѣстной степени вновь вернуть дѣтей дому, такъ какъ цѣль, которой я задалась, начиная эту книгу, заключается въ томъ, чтобы показать необходимость преобразованія самой системы, если только хотятъ, чтобы школьныя реформы принесли юношеству дѣйствительную пользу. Школьныя реформы въ этомъ направленіи уже осуществлены, и теперь матери жалуются на то, что дѣтямъ задаютъ слишкомъ мало уроковъ на домъ, что у нихъ слишкомъ мало школьныхъ учебныхъ часовъ, и что онѣ, матери, не знаютъ теперь, чѣмъ занять дѣтей, имѣющихъ такъ много свободнаго времени.

Что съ большимъ основаніемъ можно признать важнымъ шагомъ впередъ въ современной семейной жизни — это болѣе довѣрчивое отношеніе между родителями и дѣтьми. Но и эти отношенія приняли только отчасти правильное направленіе, а въ большинствѣ случаевъ они по-

вели къ не совѣмъ желательнымъ послѣдствіямъ: или дѣти, подражая привычкамъ и удовольствіямъ родителей, научились играть въ большихъ, или родители перестали жить своей личной жизнью. Однако ни то, ни другое нельзя признать нормальнымъ и удовлетворительнымъ видомъ взаимнаго обращенія родителей и дѣтей.

Такимъ образомъ мы видимъ, что съ одной стороны небольшое, сравнительно, число отцовъ и матерей, „живущихъ только для дѣтей“, преобразовало всю свою личную жизнь ради жизни дѣтей и тѣмъ вызвало въ нихъ представленіе, что они—главный центръ всего мірозданія; съ другой дѣти, принимая участіе и раздѣляя всю роскошь домашняго обихода, предъявляютъ одинаковыя со взрослыми требованія удовольствій и нарядовъ и сами устраиваютъ балы и ужины дома или въ ресторанахъ для своихъ школьныхъ товарищей, при чемъ съ большимъ мастерствомъ подражаютъ тщеславію, глухой кичливости и расточительности взрослыхъ.

Но затѣмъ отъ этихъ же дѣвочекъ и мальчиковъ именно въ томъ возрастѣ, когда страсти просыпаются, требуютъ самообладанія, способности къ самоотреченію, устойчивости противъ соблазновъ, т. е. тѣхъ качествъ, въ которыхъ они никогда не упражнялись, да и сами родители никогда не подавали имъ такого примѣра.

Большинство семей изъ такъ называемыхъ, высшихъ классовъ не имѣютъ средствъ вести тотъ роскошный образъ жизни, какой ведутъ. Вся роскошь ведется обыкновенно или на деньги, взятыя заимообразно или нажитыя нечестно, или же легкомысленно тратятся сбереженія, которыя могутъ такъ пригодиться въ трудныя времена болѣзни или смерти главы семьи. Но даже въ тѣхъ рѣдкихъ единичныхъ случаяхъ, когда дѣйствительно имѣются средства для

роскошной жизни, родителямъ, имѣющимъ въ виду благо своихъ дѣтей, не слѣдовало бы допускать роскошь.

Родители могутъ сколько угодно говорить о трудѣ, о прилежаніи, но когда трудъ отца или матери не представляется дѣтямъ, такъ сказать, въ формѣ живой дѣйствительности, то родители лучше бы сдѣлали, если бы совѣмъ не говорили объ этомъ. То же самое можно сказать и о томъ, когда родители подъ вліяніемъ дурного расположенія духа начинаютъ читать дѣтямъ проповѣдь о вредѣ удовольствій, о порочной страсти къ наслажденіямъ и т. д., между тѣмъ какъ сами не являютъ хорошаго примѣра воздержанія.

Съ другой стороны, весьма печальны результаты и въ тѣхъ случаяхъ, когда трудолюбивые родители скрываютъ отъ дѣтей переносимыя ими лишенія, когда они берутъ на себя всѣ заботы, весь трудъ, щадя молодежь, выбиваются изъ силъ, лишь бы не показать дѣтямъ, что они не въ силахъ ихъ такъ наряжать, какъ наряжаютъ ихъ товарищей, или доставлять имъ подобныя же удовольствія. Но труднѣе всего переживается и безъ того трудный переходъ отъ дѣтства къ юношеству въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ строгость убила всякую откровенность и довѣріе дѣтей къ родителямъ, гдѣ дѣти стали неправдивыми отъ недостатка мужества и недостатка свободы, гдѣ родители разыгрываютъ роль какихъ-то недосыгаемыхъ высшихъ существъ, требуютъ слѣпото благоговѣнія и абсолютнаго подчиненія. Въ прежнія времена изъ подобныхъ семей еще могли изрѣдка выходить дѣятельные мужчины и женщины, но теперь это—болѣе чѣмъ рѣдкое исключеніе, потому что современная молодежь не признаетъ подобныхъ требованій съ тѣхъ поръ, какъ болѣе „интимныя“ отношенія съ родителями лишили родителей ореола непогрѣшимости.

Семьи, изъ которыхъ выходятъ нравственные, сильные, энергично работающіе молодые люди—тѣ, въ которыхъ дѣти и родители—равные товарищи по совмѣстному труду и обращаются другъ съ другомъ точно добрая старшая сестра или такой же братъ обращается съ младшими братьями и сестрами, т.-е. какъ равные съ равными. Родители въ такихъ семьяхъ—дѣти съ дѣтьми, молодые съ молодежью; безъ принужденія и насилія они поддерживаютъ подростающее поколѣніе въ періодъ его развитія въ „человѣка“ только тѣмъ, что обращаются съ ними, какъ съ людьми. Въ такихъ семьяхъ смотрятъ на дѣтей, не какъ на совершенно особый родъ существъ, не имѣющихъ ничего общаго съ тѣмъ родомъ, къ которому принадлежатъ сами родители; наоборотъ, родители добиваются уваженія дѣтей своей правдивостью и естественностью, они живутъ и дѣйствуютъ на глазахъ дѣтей и даютъ имъ полную возможность видѣть свою работу, занятія, стремленія и даже, насколько это возможно,—горе, радости и ошибки. Такіе родители могутъ и безъ всякаго искусственнаго снисхожденія или чувства превосходства выслушивать признанія и сообщенія дѣтей и во время свободнаго обмѣна мыслей и мнѣній незамѣтно воспитывать ихъ. Дѣти въ этихъ семьяхъ не получаютъ всего въ видѣ подарка, они должны, сообразно ихъ силамъ и способностямъ, участвовать во всѣхъ домашнихъ работахъ, они научаются относиться съ уваженіемъ къ родителямъ, къ слугамъ и другъ къ другу, они имѣютъ обязанности и права такія же непоколебимыя, какъ у старшихъ, и къ нимъ относятся съ такимъ же уваженіемъ, какого требуютъ отъ нихъ по отношенію къ другимъ. Эти дѣти приходятъ въ постоянное соприкосновеніе съ дѣйствительностью, они могутъ приносить дѣйствительную пользу, а не дѣлать только видъ, что приносятъ ее, сами зарабатываютъ свои малень-

кіе доходы, сами создаютъ и доставляютъ себѣ свои удовольствія и даже свои наказанія, такъ какъ родители никогда не препятствуютъ имъ испытывать естественныя послѣдствія ихъ дѣйствій. Въ такихъ семьяхъ приказанія никогда не отдаются безъ объясненія основаній, изъ которыхъ они вытекаютъ, и дѣти съ самаго ранняго возраста проникаются сознаніемъ чувства отвѣтственности. Запрещенія очень рѣдки, за то они неизмѣняемы и неотмѣняемы, потому что всегда внушены серьезными мотивами, а не капризомъ. Отецъ и мать наблюдаютъ за своими дѣтьми, но не сторожатъ ихъ. Эта относительная свобода создаетъ хорошую подготовку къ пользованію полной свободой, тогда какъ запрещенія и вѣчный контроль вызываютъ лицемеріе, неправдивость и слабость. Одна старая, совсѣмъ неученая экономка, на старости лѣтъ существовавшая тѣмъ, что держала нахлѣбниками школьниковъ, была, по моему мнѣнію, одной изъ лучшихъ воспитательницъ, какихъ я только встрѣчала. Весь ея воспитательный методъ заключался въ любви къ молодежи, вѣрѣ въ нее и довѣріи къ ней. И дѣти дѣйствительно старались заслужить это высокое довѣріе.

Затѣмъ, хорошая семья — всегда радостная и веселая; нѣжность тамъ всегда освѣжающая, подкрѣпляющая, а не сентиментальная; тамъ не читаютъ проповѣдей по поводу мелочей и не ханжаты; матери и сестры не крестятся отъ ужаса, если мальчуганъ расскажетъ какую-нибудь веселую шалость, или если у него вырвется какое-нибудь крѣпкое словцо. Шутка тамъ не принимается за выраженіе испорченной нравственности, а смѣлое мнѣніе — за доказательство злой воли. Тамъ всегда царствуетъ бодрое настроеніе, отсутствуетъ всякая pruderie, и это прекрасно уживается съ душевной чистотой и чувствомъ собственного достоинства — два качества, ничѣмъ не замѣнимыя. Тамъ господствуетъ

полное единогласіе, старшіе и младшіе собираются вмѣстѣ для работъ, удовольствій, чтеній и разговоровъ, при чемъ тонъ задаютъ попеременно то молодежь, то старшіе. Такой родной домъ всегда открытъ для товарищей дѣтей,— дѣтямъ предоставляется полная свобода веселиться отъ души, но безъ излишествъ, не стѣсня привычекъ всего дома. О родномъ домѣ извѣстнаго финскаго поэта Рунеберга рассказываютъ, что его мать, приглашая молодыхъ гостей своего сына танцевать, сколько хватитъ силъ, прибавляла при этомъ: „Если вамъ захочется пить, то вонъ тамъ стоитъ ведро съ водой, и виситъ кружка“. Та старая дама, которая мнѣ рассказывала объ этомъ, говорила, что ей никогда въ жизни не было такъ весело, какъ въ этомъ простомъ, но привѣтливомъ домѣ. Это прежнее благородство, это мужество жить такъ, какъ можешь, и показывать себя такимъ, какимъ ты на самомъ дѣлѣ — все это исчезло изъ современныхъ семей, а недостатокъ мужества влечетъ за собой недостатокъ радости и веселья.

Простое гостепрѣимство, домашнее веселье, теперь уступившія мѣсто роскошнымъ дѣтскимъ баламъ, бессмысленному зубренію уроковъ и жизни родителей внѣ дома, должны вновь вернуться, если не хотятъ большаго усиленія вреда, причиняемаго дѣтямъ современной семейной жизнью. Такъ какъ зло нельзя искоренить зломъ, то его можно побѣдить, очевидно, только добромъ. Если родной домъ не сдѣлается снова свѣтлымъ, спокойнымъ, простымъ и радостнымъ, то сколько бы матери ни бѣгали по лекціямъ и докладамъ разныхъ обществъ о воспитаніи и нравственности, существенно ни въ воспитаніи, ни въ семейной жизни отъ этого не измѣнится ничего. Матери должны, наконецъ, понять серьезно, что ни одна изъ социальныхъ дѣятельностей не имѣетъ такого важнаго значенія, какъ воспитаніе,

и что ничто въ этомъ дѣлѣ не можетъ замѣнить ихъ собственное спокойное, постоянное и равномерное вліяніе. Онѣ должны, наконецъ, рѣшиться на реформу, къ которой прибѣгла въ Стокгольмѣ одна мать, чрезмѣрно занятая общественными интересами и общественными обязанностями, — она просто рѣшила не посвящать обществу больше одного вечера въ недѣлю, а остальные вечера проводить спокойно со своими дѣтьми. Большинство матерей еще долго будетъ приносить въ жертву всѣмъ этимъ бесплоднымъ, безцѣльнымъ мелочамъ современной кружковой и общественной жизни своихъ собственныхъ дѣтей.

У меня нѣтъ и тѣни намѣренія лишать общественную жизнь и общественный трудъ благотворнаго вліянія опытныхъ и мыслящихъ матерей. Я хочу только указать на то переутомленіе, которое является послѣдствіемъ затраты своихъ силъ на чрезвычайно развившуюся теперь свѣтскую и общественную жизнь и дѣятельность. А между тѣмъ это переутомленіе матерей вліяетъ на домашнюю жизнь особенно дурно. Въ наше время, впрочемъ — и въ прежнія времена, и при какихъ угодно возрѣніяхъ на жизнь, съ точки-ли зрѣнія язычника или христіанина, еврея или свободо-мыслящаго, — хорошую семейную жизнь могли и могутъ создать только тѣ родители, которые испытываютъ религіозное благоговѣніе передъ святостью домашняго очага.

V.

Школа, убивающая душу ребенка.

Тотъ, кому задали бы задачу—вырѣзать перочиннымъ ножомъ дѣвственный лѣсъ, долженъ испытывать то же отчаяніе безсилія, какое испытываетъ жаждущій реформъ человѣкъ передъ существующей школьной системой,—этой непроницаемой чашей нелѣпостей, предвзятыхъ мнѣній, предразсудковъ и ошибокъ. Въ этой системѣ каждый пунктъ можно оспаривать и опровергать, но всѣ эти опроверженія при данныхъ условіяхъ остаются совершенно безплодными и бесполезными.

Современной школѣ удалось достигнуть того, чего, по законамъ природы, невозможно достигнуть—совершеннаго и полнаго уничтоженія разъ существовавшей матеріи. Жажда знанія, самодѣятельность и наблюдательность, которыя дѣти приносятъ съ собой, поступая въ школу, съ окончаніемъ школы обыкновенно не видоизмѣняются въ новыя знанія и новые интересы, но совершенно исчезаютъ. Таковъ результатъ, послѣ того какъ дѣти, сидя съ шестилѣтняго и до семнадцатилѣтняго возраста на школьныхъ скамьяхъ, убивали свое время на то, чтобы часъ за часомъ, мѣсяць за мѣсяцемъ, семестръ за семестромъ, сперва по чайной ложкѣ, потомъ — по десертной и, въ концѣ концовъ,—по столовой принимать микстуры, составленныя учителемъ изъ

представленій и понятій, часто полученныхъ имъ изъ четвертыхъ или пятыхъ рукъ.

А за школой слѣдуетъ дальнѣйшее учебное время, когда преподаваніе идетъ все по тому же методу, съ однимъ только измѣненіемъ: теперь микстуру измѣряютъ уже разливательной ложкой.

Когда молодежь, наконецъ, освобождается отъ этого убійственнаго режима, то оказывается, что у нѣкоторыхъ умственный аппетитъ и способность переваривать умственную пищу до такой степени испорчены, что у однихъ утратилась навсегда способность принимать дѣйствительную пищу, а другіе отъ всѣхъ этихъ неправдъ и искусственностей спаслись въ область дѣйствительности: они забросили книги въ уголъ и посвятили себя какой-нибудь практической задачѣ. Въ обоихъ случаяхъ школьные годы можно считать почти пропавшими. Тѣми, которые идутъ дальше по пути знанія, познанія пріобрѣтаются обыкновенно за счетъ индивидуальности, воспріимчивости, свободы мышленія, наблюдательности и фантазіи. Если же кому-нибудь и удастся сохранить всѣ эти индивидуальныя качества, то это обыкновенно достигается въ ущербъ основательности знанія. Болѣе посредственный умъ, болѣе посредственная работоспособность или же болѣе слабая способность воспріятія, чѣмъ тѣ, которыя даровала имъ природа—вотъ обычный результатъ десяти—двѣнадцати школьныхъ лѣтъ. Глубокое пониманіе всей современной образовательной системы кроется въ одной французской остротѣ: „Какъ? Вы говорите, что никогда не посѣщали ни одной школы, и, несмотря на это, вы такъ непроходимо глупы?“.

Случаи, когда школьное ученіе не вредитъ, но наоборотъ даже приноситъ частью пользу, бывають тогда, когда въ прошломъ ученика нѣтъ того, что принято называть „пра-

вильнымъ школьнымъ періодомъ“, а школьное ученіе чередуется или съ длинными паузами совершеннаго отдыха, или съ частными уроками, или же вообще нѣтъ никакого преподаванія, а только самообученіе. Почти каждая выдающаяся женщина за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ — непременно такая самоучка или же неправильно, съ большими перерывами, какъ-нибудь и чему-нибудь учившаяся дѣвушка, у которой въ познаніяхъ, быть можетъ, было не мало пробѣловъ, но которая затѣмъ съ большой энергіей и страстностью принялась за усвоеніе необходимыхъ ей знаній, научилась лучше примѣнять усвоенное.

Какъ бы громко ни раздавались въ наши дни жалобы семьи на школу, все-таки семья еще не уяснила, что прежде всего она сама должна измѣнить свои требованія по отношенію ко „всеобщему образованію“, и тогда уже можетъ быть введена и утверждена школьная система дѣйствительно разумная, т.-е. во всемъ отличная отъ современной. Весьма немногія частныя школы — система обученія въ нихъ до извѣстной степени отличается отъ общепринятой — являются тѣми единичными ласточками, которыя, „не дѣлая весны“, раздѣляютъ участь слишкомъ рано вернувшихся на сѣверъ перелетныхъ птицъ.

До тѣхъ поръ, пока школа будетъ являться такимъ же абстрактнымъ понятіемъ, какъ „семья“, „государство“ и т. д., до тѣхъ поръ она — такъ же какъ и семья, и государство — будетъ продолжать угнетать входящихъ въ нее индивидовъ. Когда сознаютъ, что школа — такъ же какъ и „семья“ и „государство“ — не является выраженіемъ какой-то возвышенной идеи или чего-либо большаго, чѣмъ простая совокупность индивидовъ, въ нее входящихъ, и что у ней — такъ же какъ у семьи и у государства, — нѣтъ другой „обязанности“, иного „права“, кромѣ тѣхъ, которыя необходимы

для того чтобы создать каждому индивиду возможно больше счастья и способствовать возможно большему его развитію,—тогда разумъ и правильное пониманіе вступятъ, наконецъ, въ свои права при разрѣшеніи этого запутаннаго и труднаго вопроса школьнаго образованія.

Школа сдѣлается тогда просто умственной столовой, гдѣ родители и учителя будутъ составлять подходящее меню для каждаго ребенка. И за школой должно быть оставлено право рѣшать, что ей принять въ составъ своего меню и что отвергнуть, и за родителями должно признать право выбора для своихъ дѣтей изъ числа предлагаемыхъ школой питательныхъ блюдъ.

До тѣхъ поръ, пока не будетъ изгнанъ изъ школьнаго плана и родительскихъ головъ грозный призракъ, называемый „всеобщимъ образованіемъ“, и пока индивидуальность образованія не сдѣлается той истиной, которая займетъ его мѣсто, до тѣхъ поръ напрасно будутъ строить планы какихъ бы то ни было школьныхъ реформъ.

Но такъ же, какъ въ каждой пищѣ заключаются извѣстныя простыя основныя вещества, такъ и въ основѣ всѣхъ высшихъ знаній лежитъ извѣстный простой научный матеріалъ. Чтеніе и письмо на родномъ языкѣ, начальныя правила ариѳметики, географія, естественныя науки и всеобщая исторія,—вотъ тѣ познанія, которыя школа должна требовать, какъ необходимый базисъ для дальнѣйшаго и самостоятельнаго ученія.

Я себѣ представляю школу, въ которую дѣти поступаютъ въ возрастѣ девяти — десяти лѣтъ, дѣйствительно общей, такъ сказать, совокупной школой. Система преподаванія въ ней должна требовать отъ дѣтей спокойствія, ясности, наглядности и самодѣятельности, словомъ, всего того, что теперь разрушается вѣчной погоней, торопливо-

стью и слишкомъ большой дозой абстрактности, являющейся послѣдствіемъ системы обязательнаго количества и размѣра курсовъ и формализма.

Затѣмъ, все преподаваніе слѣдуетъ распределить такъ, чтобы одни предметы преподавались въ болѣе раннія стадіи развитія, а другіе откладывались до позднѣйшаго времени, когда дѣти достигнуть болѣе высокой степени развитія. При этомъ слѣдуетъ сохранять соотвѣтствіе преподаваемого не только психическому развитію ребенка, но и другимъ условіямъ, напримѣръ, извѣстные предметы преподавать лишь въ извѣстное время года.

Кончать эту школу ученики должны приблизительно въ возрастѣ отъ пятнадцати до шестнадцати лѣтъ, а затѣмъ уже или начать практическую жизнь, или поступить въ высшія или техническія школы. Желательно было бы ввести обычай, рекомендованный Грундтвигомъ, а именно, чтобы годъ или даже два года отдыха отдѣляли окончаніе одной школы отъ начала занятій въ другой. Особенно полезно было бы это для дѣвочекъ, которыя тогда съ новыми тѣлесными силами и болѣе сильной жаждой знанія приступали бы къ занятіямъ. Теперь же, по общему наблюденію, жажда знанія ослабѣваетъ даже у самыхъ способныхъ, если они съ шестилѣтняго воараста и до двадцатилѣтняго и болѣе продолжаютъ непрерывно заниматься науками.

Составленіе плана для подобной школы представило бы много трудностей. Но эти трудности, въ концѣ концовъ, не оказались бы непреодолимыми, если бы всѣ пришли къ тому убѣжденію, что дѣтскія души заслуживаютъ большаго вниманія и уваженія, чѣмъ какіе бы то ни было школьные планы.

Очень часто приходится слышать отъ родителей, что до тѣхъ поръ, пока государство само не возьметъ на себя

инициативу школьной реформы, никто не рѣшится идти по новой дорогѣ, такъ какъ она можетъ не дать дѣтямъ обезпеченія въ будущемъ; а поэтому и слѣдуетъ до поры до времени обучать дѣтей тому, чему всѣ обучаются. Пусть государство сдѣлаетъ первый шагъ,—говорятъ родители,—и всѣ мы съ готовностью пойдемъ за нимъ.

Хорошо. Но какимъ путемъ возникаютъ и проводятся обыкновенно реформы? Въ обществѣ поднимается сильное негодованіе и протестъ противъ существующихъ несообразностей и злоупотребленій—вотъ первый импульсъ. Повидимому, негодованіе не достигло еще достаточной силы, особенно среди родителей. Дѣти уже начали выражать это негодованіе, и я думаю, что основательныя реформы въ дѣлѣ воспитанія будутъ выполнены если не раньше, то во всякомъ случаѣ тогда, когда представители современной молодежи сдѣлаются отцами, матерями и воспитателями.

Трудно ожидать измѣненія какой-нибудь системы, пока протестующіе противъ нея недовольны ею не настолько серьезно, чтобы согласиться принести жертвы, необходимыя для того, чтобы избавиться отъ дурныхъ послѣдствій непригоднаго метода. До тѣхъ поръ, пока семьи будутъ жаловаться на чрезмѣрное количество школьныхъ предметовъ, но будутъ продолжать заполнять школьные планы тѣмъ, чему отлично могли бы обучать сами, до тѣхъ поръ, пока семьи будутъ жаловаться на переутомленіе дѣтей, но не будутъ пользоваться—въ тѣхъ школахъ, гдѣ подобный выборъ допускается,—правомъ выбирать для своихъ дѣтей только извѣстные предметы преподаванія, до тѣхъ поръ, пока родители для проведенія своихъ основныхъ воззрѣній не желаютъ приносить никакихъ жертвъ,—нельзя удивляться нежеланію государства предпринимать какія-либо реформы.

Старинная педагогическая поговорка гласитъ: „Учатся

для жизни, а не для школы". Между тѣмъ, пока оба пола въ теченіе большей части жизни будутъ удалены другъ отъ друга раздѣленіемъ предметовъ обученія, воспитаніе будетъ неправильнымъ и непригоднымъ для жизни, которая ихъ ожидаетъ, и въ которой по закону природы общій трудъ и общая дѣятельность мужа и жены должны быть нормальнымъ явленіемъ. До тѣхъ поръ, пока школа „для всѣхъ“ есть только школа извѣстнаго класса общества, она не можетъ быть общей школой въ высшемъ значеніи этого слова и не можетъ быть школою, гдѣ можно учиться для жизни.

Поэтому я всегда горячо желала, чтобы школа не дѣлилась на школу для мальчиковъ и дѣвочекъ, на школу элементарную и народную, а была бы дѣйствительно „общей“ школой, въ которой дѣти обоюго пола и всѣхъ классовъ общества учились бы взаимному довѣрію, уваженію и пониманію и, такимъ образомъ, подготовляли возможность совмѣстнаго плодотворнаго труда, какъ въ семейной, такъ и въ общественной жизни.

Подобная „общая“ школа являлась бы, быть можетъ, самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для болѣе человѣчнаго и менѣе односторонняго разрѣшенія вопросовъ морали, вопроса женскаго, брачнаго, рабочаго. Съ этой точки зрѣнія „общая“ школа — болѣе чѣмъ педагогическій вопросъ. Она — вопросъ жизни всего общества.

Мужчины и женщины высшихъ и низшихъ классовъ все еще продолжаютъ находиться по сторонамъ раздѣляющей ихъ стѣны, хотя и протягиваютъ часто другъ другу руки поверхъ этой стѣны. Истинная задача въ томъ, чтобы пробить эту стѣну, и „общая“ школа въ только что выясненномъ значеніи этого слова — первая брешь.

Подобная школа была бы тѣми дрожжами, которыя постепенно заставили бы подняться и все тѣсто. Такъ

какъ обыкновенно не большинство совершаетъ реформы для меньшинства, но наоборотъ, потому что у меньшинства всегда и болѣе сильное недовольство существующими порядками, и достаточно мужества выказать это недовольство, и достаточно сильная вѣра въ новыя истины, чтобы посредствомъ этой вѣры заложить прочное и хорошее основаніе будущему.

Въ подобной школѣ долженъ господствовать тотъ самый принципъ, который въ другихъ областяхъ сдѣлалъ нравы и законы болѣе гуманными,—право на полное уваженіе ко всякаго рода индивидуальности, такъ чтобы личная свобода встрѣчала возможно меньше препятствій, пока она не нарушаетъ правъ другого. Ограниченіе личной свободы должно существовать лишь за той чертой, гдѣ начинаются права другой личности, и эту черту не только надо сохранить, но и раздвинуть во всѣхъ направленіяхъ.

Когда подобнаго рода гуманность укоренится въ школѣ, когда на учениковъ перестанутъ смотрѣть, какъ на простыя единицы класса, а будутъ принимать во вниманіе индивидуальность каждаго, тогда школа, наконецъ, выполнитъ одно изъ многочисленныхъ условій, необходимыхъ для того, чтобы дать юношеству дѣйствительную пищу и тѣмъ способствовать его развитію и счастью.

Подобная школа прежде всего стала бы стремиться къ тому, чтобы возможно раньше открыть у ученика изъ ряда выходящія способности и направить ихъ на специальное изученіе соответствующихъ предметовъ. Затѣмъ она постаралась бы для тѣхъ, которые не отличаются ясно выраженными способностями и склонностями, установить такой родъ преподаванія, который развиваетъ индивидуальность и увеличиваетъ напряженіе душевныхъ силъ. Это условіе гораздо важнѣе перваго, потому что ученики съ выдающи-

мися способностями отличаются и болѣе сильно развитой энергіей самосохраненія, тогда какъ посредственные или малоспособные—а вѣдь они, въ сущности, и составляютъ большинство — сбиваются съ толку многопредметностью преподаванія, личность ихъ легче пропадаетъ или, вѣрнѣе, совершенно теряется въ однообразіи господствующей современной системы.

Права болѣе одаренныхъ, равно какъ и учениковъ съ посредственными способностями могли бы быть приняты во вниманіе уже и въ томъ случаѣ, если бы, какъ я выше упоминала, школьный планъ былъ составленъ такимъ образомъ, что одни предметы проходятся въ теченіе одной части школьнаго года, другіе—въ остальную часть и, кромѣ того, извѣстные предметы — въ различное время, но никогда всѣ заразъ.

Затѣмъ преподаваніе должно быть такъ распределено, чтобы такъ называемое живое, самостоятельное изученіе предмета подъ наблюденіемъ учителя было обычнымъ дѣломъ, а лекція или изложеніе учителя, напротивъ — необыкновеннымъ, праздничной, а не повседневной пищей. Подобная школа совершенно покончила бы съ существующей системой чтенія лекцій и въ извѣстныхъ случаяхъ вернулась бы къ системѣ старой школы, которая концентрировалась вокругъ „гуманитарныхъ“ наукъ; при этомъ, однако, мертвые языки не должны быть предметомъ, вокругъ которыхъ все концентрируется.

Итакъ, ранняя спеціализація въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣются на лицо ясно выраженные индивидуальныя способности, концентрація на извѣстномъ предметѣ въ извѣстное время учебнаго года, самостоятельность работы въ теченіе всего школьнаго періода, возможно близкое соприкосновеніе съ дѣйствительностью въ продолженіе всего

школьнаго обученія,—вотъ тѣ четыре краугольныхъ камня, на которыхъ должна основываться новая школа.

Но увы! Еще далеко то время, когда государственная школа будетъ строиться на этихъ камняхъ, а потому то, что я сейчасъ выскажу, не относится къ вышеизложеннымъ желательнымъ измѣненіямъ школы, а касается только тѣхъ улучшеній, которыя могли бы быть произведены уже и теперь.

Если бы по примѣру Франціи, гдѣ это уже принято, заучиваніе школьныхъ уроковъ происходило въ самой школѣ, и дѣтямъ былъ предоставленъ разъ въ недѣлю цѣлый свободный день, тогда можно было бы и теперь уже начать домашнія занятія—чтеніе беллетристическихъ произведеній, путешествій и тому подобныхъ вещей, которыя учителя, соображаясь съ тѣмъ, что пройдено и происходитъ въ классахъ, рекомендуютъ читать.

Уроки, заданные на домъ, не вызывая самодѣятельности, такъ какъ они приготовляются часто съ весьма неразумной помощью родителей, только нарушаютъ спокойствіе духа ребенка. Кромѣ того, въ школахъ можно найти время для свободно избранныхъ самостоятельныхъ занятій; на примѣръ, въ какомъ-нибудь классѣ приблизительно изъ двѣнадцати учениковъ—при большемъ количествѣ учениковъ въ классѣ не можетъ быть и рѣчи объ индивидуальномъ и дѣйствительно разумномъ методѣ преподаванія,—у трехъ учениковъ ясно выраженные особенныя склонности: у перваго—къ исторіи, у втораго—къ математикѣ, у третьяго—къ языкамъ, у двоихъ—отсутствіе всякихъ способностей (у одного—къ математикѣ, у другаго—къ языкамъ), у семи остальныхъ—одинаковыя среднія способности. Трое первыхъ и должны въ теченіе всего учебнаго года въ извѣстные часы, назначенные для самостоятельныхъ занятій, заниматься каждый своимъ лю-

бимымъ предметомъ, т. е. первый—читать историческія изслѣдованія извѣстныхъ эпохъ, второй—посвящать эти часы математическимъ задачамъ, третій—чтенію книгъ на иностранныхъ языкахъ, остальные семеро съ болѣе посредственными способностями могутъ употреблять эти часы на чтение и ручной трудъ. Такимъ образомъ всѣ обучались бы исторіи, математикѣ и языкамъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе способнымъ къ этимъ наукамъ дается возможность глубже и всестороннѣе изучать ихъ. Тѣ же двое, для которыхъ математика и языки, благодаря неспособности къ нимъ, представляли бы особенныя трудности, могли бы замѣнить эти предметы другими, или быть совершенно свободными въ часы этихъ предметовъ, или же наконецъ употреблять ихъ на болѣе основательное прохожденіе общаго для всего класса курса подъ руководствомъ учителя.

Чтобы привести въ исполненіе подобный планъ, необходима та концентрація предметовъ, о которой я раньше говорила, т. е. чтобы изъ главныхъ предметовъ—исторія, географія, естествознаніе—изучались одновременно по одному, максимумъ по два предмета и затѣмъ не болѣе одного языка. Кромѣ того, необходимо постоянно поддерживать и упражнять чтеніемъ, письменными изложеніями въ прочитанномъ и разговорами познанія по тѣмъ предметамъ, которые уже пройдены, а именно, не слѣдуетъ въ младшихъ классахъ отдѣлять каждый предметъ, напротивъ, въ преподаваніе исторіи слѣдуетъ ввести исторію литературы, исторію церкви и тому подобное. Кромѣ того, при прохожденіи общаго курса слѣдуетъ сосредоточивать вниманіе на главныхъ предметахъ, жертвуя многими побочными, которые, въ виду все возрастающихъ и все расширяющихся предметовъ знанія, не могутъ ложиться бременемъ на плечи каждаго поколѣнія на томъ только основаніи, что

они по какому-то общепринятому мнѣнію „необходимы для всякаго образованнаго человѣка“. Что касается до самаго преподаванія, то процвѣтающая нынѣ методика должна быть замѣнена чѣмъ-нибудь другимъ. Теперь въ ходу два способа обученія—тщательное прослушиваніе устныхъ отвѣтовъ и тщательное приготовленіе слѣдующихъ уроковъ; эти приемы должно бы разнообразить другими методами, сообразно съ возрастомъ и индивидуальными наклонностями учениковъ и особенностями предмета. Одинъ разъ учитель долженъ дать наглядное представленіе о какой-нибудь эпохѣ, личности, странѣ, явленіи природы, другой разъ довольствоваться простымъ указаніемъ на литературу этого предмета и совѣтомъ прочесть то или другое сочиненіе, трактующее о немъ; одинъ разъ онъ долженъ потребовать письменнаго изложенія своей лекціи или прочитаннаго, другой разъ—только устнаго. Одинъ урокъ могъ бы пройти въ записываніи сообщеній учителя, другой—въ пересказываніи по памяти. Иногда заданная работа должна быть исполнена въ короткій срокъ, въ одинъ день, иногда—въ болѣе продолжительный, и всѣ эти работы должны быть исполняемы въ школѣ. Но чтеніе беллетристическихъ произведеній и другихъ вспомогательныхъ источниковъ должны быть домашней задачей, для исполненія которой слѣдуетъ назначить довольно продолжительный срокъ. Мы всѣ по опыту знаемъ, что самое глубокое впечатлѣніе произвело на насъ то, что мы прочли безъ принужденія, при свободномъ выборѣ времени, мѣста и настроенія. А такъ какъ при чтеніи важно впечатлѣніе, а не знаніе, то предоставленіе свободы въ этомъ случаѣ еще болѣе желательно, чѣмъ гдѣ-либо. Самодѣятельность можетъ быть поддерживаема и поощряема еще тѣмъ, что учитель,—какъ это на примѣръ практикуется во Франціи,—заранѣе объясняетъ слова и тѣ

вопросы, пониманіе которыхъ для учениковъ при чтеніи произведенія будетъ затруднено, и тѣмъ, что учитель изрѣдка посредствомъ чтенія какого-нибудь стихотворенія пробудитъ въ ученикахъ желаніе познакомиться и съ другими произведеніями того же автора. Самое сильное впечатлѣніе производитъ стихотвореніе, неожиданно прочитанное, если напримѣръ учитель закончитъ урокъ исторіи чтеніемъ отрывка изъ „Альбигойцевъ“ Ленау или другого историческаго стихотворенія. Ученики никогда не забудутъ ни этого стихотворенія, ни эпизода, послужившаго темой стихотворенію, хотя бы изъ памяти ихъ изгладилось все остальное. Между тѣмъ почти всѣ приводимые въ видѣ образцовъ стихотворенія и отрывки прозы во время урока литературы входятъ въ одно ухо ученика, чтобы тотчасъ вылетѣть въ другое.

Какъ проведетъ учитель преподаваніе, основанное главнымъ образомъ на концентрации предметовъ и самостоятельности учениковъ, это зависитъ прежде всего отъ личности самого учителя. Мнѣ, напримѣръ, кажется, что учитель исторіи не долженъ рассказывать или описывать до-историческія времена, а просто дать ученикамъ хорошее популярное сочиненіе, тракующее эту эпоху, и затѣмъ побывать съ учениками нѣсколько разъ въ историческомъ музеѣ, послѣ чего онъ можетъ потребовать письменнаго разсказа о видѣнномъ и прочитанномъ, и этотъ разсказъ долженъ быть иллюстрированъ изображеніями самыхъ характерныхъ типовъ и старинныхъ предметовъ, нарисованныхъ самими учениками. Затѣмъ учитель могъ бы дать сравнительный обзоръ другихъ народовъ и въ заключеніе, если въ классѣ нашелся бы особенно любознательный ученикъ, дать ему прочесть какое-нибудь изслѣдованіе о челоуѣкѣ доисторическихъ временъ. Каждый учитель и каждая учительница

могутъ для своего предмета очень легко придумать аналогичный способъ преподаванія. Учительница географіи, рассказывая, напримѣръ, на своемъ урокѣ о Сибири, можетъ дать прочесть дѣтямъ, въ видѣ домашней работы, популярное описаніе Сибири, а тѣмъ, кто выкажетъ особенный интересъ, она можетъ рекомендовать прочитать путешествіе по Сибири и „Записки изъ Мертваго дома“ Достоевскаго. Когда на урокѣ учителя исторіи проходятъ о личности Наполеона, то во время урока французскаго языка можно читать какое-нибудь произведеніе въ родѣ „*Servitude et grandeur militaire*“ Альфреда-де-Виньи; объясняя борьбу нидерландовъ за свободу—прочитать изслѣдованіе Мотлэя на эту тему, „Эгмонта“ Гёте и „Донъ-Карлоса“ Шиллера. Можно было бы написать цѣлый томъ подобныхъ плановъ и предположеній о томъ, какъ могутъ разнообразныя отрасли знанія взаимно дѣйствовать другъ на друга, какъ можно соединить въ одно цѣлое исторію, географію, литературу и искусство, такъ же точно географію — съ естественными науками, и какъ, благодаря подобному способу, различные учителя могли бы, пополняя одинъ другого, дополнять и развивать познанія своихъ учениковъ.

Теперь я бы хотѣла передать здѣсь на обсужденіе и изслѣдованіе гипотезу, которую я основываю на долготѣнемъ своемъ опытѣ слушательницы и рассказчицы сказокъ. Если соединить въ одно утвержденіе весь собранный мною опытъ по этому предмету, то я могу формулировать его слѣдующимъ образомъ: та духовная пища, которая оказывается самой пріятной для ребенка,—вмѣстѣ съ тѣмъ для него самая полезная и самая питательная. Нѣчто подобное этому утвержденію физиологія нашихъ дней уже доказала по отношенію къ организму ребенка, и педагоги начинаютъ сознать, или, можетъ быть, безсознательно на-

чинають переносить этотъ взглядъ и въ духовную сферу, не рѣшаясь однако признать, что природа такъ просто, близко и такъ тѣсно связываетъ склонности съ потребностями. Разумѣется нельзя безусловно утверждать, что въ самомъ привлекательномъ для ребенка, напримѣръ—въ сказкахъ, должно заключаться все его воспитаніе и образованіе, какъ не утверждаютъ и фізіологи, что самое пріятное для дѣтскаго вкуса, напримѣръ—сахаръ, должно составлять его единственную пищу.

Самое привлекательное для дѣтей въ сказкахъ—ихъ эпическое спокойствіе, ясная наглядность и ихъ непоколебимая объективность. Каждое изображеніе или представленіе, которыми хотять возбудить вниманіе ребенка—изъ германской, классической или священной исторіи—должно непременно отличаться этими особенностями сказки. Едва ли можно найти рассказчика или рассказчицу, которые могли бы въ такой степени приковывать вниманіе дѣтей своими сказками, какъ старыя няньки. Онѣ не забываютъ ни одной яркой черты въ сказкѣ и всегда даютъ ясное и полное представленіе о всемъ дѣйствіи, онѣ рассказываютъ безъ объясненій и комментариевъ, съ тѣмъ непосредственно захватывающимъ чувствомъ, какое испытываютъ сами дѣти. Все, что нарушаетъ спокойный и величавый ходъ рассказа—особенно когда рассказчикъ позволяетъ себѣ отклоняться отъ него какой-нибудь шуткой—непріятно поражаетъ ребенка. Всѣ дѣти—болѣе или менѣе—художественныя натуры въ томъ смыслѣ, что они хотять воспринимать самое впечатлѣніе ради него, а не какъ вспомогательное средство для уясненія чего-либо. Они хотять вѣрить сказкѣ, хотять видѣть въ сказкѣ дѣйствительность и переживать ее, а между тѣмъ, спросите ихъ—не хотять ли они вмѣсто сказки послушать дѣйствительную исторію, они, не задумываясь, отвѣтятъ

„нѣтъ“. Это кажущееся противорѣчіе объясняется тѣмъ, что представленіе, которое даетъ о дѣйствительности сказка, т.-е. дѣйствительность, воспринятая дѣтскою фантазіей народа—есть именно та форма, въ которой и фантазія ребенка можетъ ее воспринять. При рассказываніи сказокъ можно наблюдать, что для дѣтей самымъ привлекательнымъ является изображеніе или представленіе дѣйствій. Исторія развитія ребенка — эту истину, пережевывали до безконечности, прежде чѣмъ дѣйствительно ее усвоили,—есть въ маломъ масштабѣ исторія развитія всего человѣчества, а отсюда слѣдуетъ, что дѣти соединяютъ идеализмъ съ реализмомъ такъ же наивно, какъ это дѣлалъ народъ въ своихъ эпическихъ повѣствованіяхъ. Все великое, доброе, геройское, сверхъестественное всего больше захватываетъ ихъ, но лишь въ образѣ конкретномъ, поясненномъ наглядно особеннымъ богатствомъ красокъ и силъ, безъ всякаго приспособленія или поддѣлки подъ современныя воззрѣнія. Это можно видѣть, напримѣръ, въ предпочтенія народной варіаціи сказки—Андерсеновской варіаціи на ту же тему: за весьма рѣдкими исключеніями дѣти признаютъ единогласно, что народная варіація „гораздо лучше“. Что еще привлекательно для дѣтей со здоровымъ аппетитомъ—это „много“, но ни въ какомъ случаѣ не разнообразіе; они, напримѣръ, ожидая хорошую сказку, прежде всего спрашиваютъ—„длинная это сказка“, и охотно слушаютъ одну и ту же сказку безконечное число разъ. Они испытываютъ бессознательную потребность основательнаго усвоенія того разказа, который подходитъ къ степени ихъ развитія. То же самое можно сказать и о всѣхъ предметахъ. Я знаю дѣтей, которыя терпѣть не могутъ прочитываемые для нихъ на утреннихъ молитвахъ „избранные разказы“ изъ Ветхаго Завѣта, но находятъ самой интересной и занимательной

книгой Евангеліе; знаю другихъ, въ которыхъ не могли пробудить ни малѣйшаго интереса къ древне-германской религіи и богамъ рассказы учителей, а между тѣмъ они же были внѣ себя отъ восторга, когда ихъ познакомили съ подлиннымъ содержаніемъ „Эдды“. Въ этомъ отношеніи маленькія дѣти походятъ на взрослыхъ, и именно—на художниковъ. Фантазія дѣтей требуетъ цѣльныхъ, полныхъ, глубокихъ впечатлѣній, которыя бы служили затѣмъ матеріаломъ для ея неутомимой созидающей и пересоздающей работы, и если ихъ здоровое чувство еще не тронуту навязаннымъ дуализмомъ, оно заставляетъ ихъ съ удивительно вѣрнымъ инстинктомъ выбирать въ сказкахъ все здоровое, чистое, красивое и отбрасывать все нездоровое, некрасивое и грубое. Кромѣ того при рассказываніи сказокъ наблюдается особенное пристрастіе дѣтей къ продолжительнымъ и устойчивымъ впечатлѣніямъ. Это пристрастіе, быть можетъ, даже сильнѣе, чѣмъ ихъ пристрастіе къ разнообразію, о которомъ такъ много говорятъ. Вы никогда не услышите, чтобы дѣти сказали: „Расскажи намъ сказку повеселѣе, та, что ты сейчасъ рассказывала, такая страшная“. Напротивъ, если имъ начали рассказывать страшную сказку то они требуютъ, чтобы рассказывали и дальше въ томъ же духѣ. Если же первая сказка была веселая, то они готовы безъ усталости смѣяться. Стремленіе къ разнообразію и перемѣнѣ впечатлѣній во время игры, чтенія или занятій — не общая характерная черта дѣтской натуры, какъ это почему-то полагаютъ, эта черта характерна только для тѣхъ дѣтей, чтеніе и игры которыхъ не соотвѣтствуютъ или не подходятъ къ ихъ натурѣ и склонностямъ; тогда подобная измѣнчивость является въ извѣстной степени самозащитой натуры противъ несознаваемого вреда. Что касается до комизма, то рассказчикъ

сказокъ замѣчаетъ, что ребенокъ лучше всего понимаетъ и усваиваетъ то, что можно бы назвать „юморомъ положенія“, тогда какъ на нихъ не производитъ ни малѣйшаго впечатлѣнія юморъ, основанный на глубокихъ душевныхъ контрастахъ, еще менѣе — самоиронизирующей юморъ. Если хотять, чтобы рассказъ изъ ихъ собственнаго міра произвелъ на нихъ дѣйствительное впечатлѣніе, то рассказъ этотъ, подобно сказкамъ, долженъ быть полонъ жизни, дѣйствія и неожиданностей, изображеніе, безъ всякой, однако, преднамѣренности, — широкое и наивное. Всѣ дѣтскія книжки, запечатлѣвающіяся въ дѣтской памяти на всю жизнь, именно тѣ, которыя въ томъ или другомъ отношеніи удовлетворяютъ этимъ условіямъ. Всѣ же остальные будутъ стерты другими впечатлѣніями, но отъ этого они не сдѣлаются менѣе вредными, какъ и обои, пропитанные мышьякомъ, хотя бы и прикрытые Богъ вѣсть какимъ толстымъ слоемъ новой бумаги. Не трудно составить себѣ понятіе о дѣтскомъ юморѣ по слѣдующему весьма простому опыту: расскажите дѣтямъ самый комичный психологическій дѣтскій анекдотъ — и самое большее, что вы услышите отъ девяти до девяти изъ ста дѣтей, это — „вотъ такъ глупо!“ — тогда какъ они покатываются со смѣху надъ самой наивной исторійкой, изображающей комическое положеніе.

Извѣстная старая истина, что ничто абстрактное не привлекаетъ дѣтей, подтверждается лучше всего наблюденіями во время рассказыванія сказокъ. Всѣ самымъ тщательнымъ образомъ переодѣтыя и скрытыя добродѣтели и прекрасныя качества необыкновенно быстро узнаются дѣтьми и тотчасъ же признаются „скучными“. Басни рѣдко приходятся по вкусу какому-нибудь ребенку, но еще рѣже разсужденія и научныя описанія. Появленіе лисицы или медвѣдя въ

какой-нибудь сказкѣ или въ дѣйствительномъ приключеніи привѣтствуется съ восторгомъ дѣтьми, и животныя эти становятся ихъ друзьями; но самые живые и легко написанные для дѣтей рассказы или научныя описанія этихъ животныхъ никогда не трогаютъ и не заинтересовываютъ ребенка, если только личное знакомство съ ними въ зоологическомъ саду или въ лѣсу не поможетъ возбудить къ нимъ интереса. Эта истина такъ всѣмъ извѣстна и уже со столькихъ точекъ зрѣнія доказана, что я только хочу здѣсь упомянуть, что и изъ рассказыванія сказокъ можно подтвердить ее новыми доказательствами. Кромѣ того дѣти, слушая сказки, высказываютъ замѣчательно тонкую впечатлительность ко всему снисходящему до точки зрѣнія ребенка, ко всему искусственному и дѣланному въ изображеніяхъ. Въ современномъ отношеніи къ дѣтямъ—особенно у поборниковъ улучшенія воспитанія—реакція противъ прежняго метода заучиванія уроковъ, противъ всякой зубрежки вызвала появленіе какой-то искусственной наивности обилія иллюстрацій и какой-то дѣланной жизненности, и онъ вызываетъ въ ребенкѣ впечатлѣніе, что вся эта, приспособленная къ нему пища,—лишь искусственная фальсификація. Эта манера навязывать дѣтямъ въ нѣкоторомъ родѣ свою собственную фантазію и свое воображеніе притупляетъ эти способности въ дѣтяхъ, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ удастся заинтересовать: картины и сравненія, придуманныя для нихъ другими, тормозятъ самостоятельность ребенка и кромѣ того весьма быстро исчезаютъ изъ его памяти. То же самое можно сказать и объ игрушкахъ: самостоятельныя игрушки доставляютъ безконечное удовольствіе, тогда какъ готовые даютъ только два момента удовольствія—показываніе этихъ игрушекъ другимъ и разрушеніе ихъ, чтобы отыскать въ нихъ пружины,

и это послѣднее есть единственно возможное проявленіе самодѣятельности при покупныхъ игрушкахъ. Преподаваніе въ этомъ случаѣ очень походить на дѣтскія игрушки и дѣтскія книги: оно становится слишкомъ усовершенствованнымъ, слишкомъ богатымъ иллюстраціями, оно препятствуетъ полету дѣтской фантазіи, не даетъ дѣтскому воображенію свободы пускаться въ невѣдомые поиски и открытія, не говоря уже о томъ, что дѣти часто бываютъ разочарованы иллюстраціями.

Чувство мѣры въ сказкахъ есть также одно изъ ихъ привлекательныхъ качествъ для ребенка. Изображенныя въ сказкахъ картины нарисованы нѣсколькими, очень впрочемъ немногими и часто повторяющимися чертами, и дѣтской фантазіи предоставляется раскрашивать по своему эти картины. Однообразіе, ритмъ и симметрія, присущія настоящей народной сказкѣ, дѣйствуютъ приковывающимъ образомъ на вниманіе ребенка. Онъ наслаждается повтореніями въ родѣ, напримѣръ, слѣдующихъ: „первый годъ, второй годъ, третій годъ“, точно повторяющимся припѣвомъ въ пѣснѣ или рифмой въ стихахъ. И всѣ эти наблюденія и изслѣдованія приводятъ къ слѣдующему заключительному выводу: современная книга для чтенія въ школѣ не представляетъ ничего заманчиваго для дѣтей и въ сущности ничего имъ и не даетъ. вмѣсто эпического спокойствія и общности впечатлѣнія современная книга для чтенія содержитъ въ себѣ какую-то смѣсь всевозможныхъ разказовъ изъ дѣтской, изъ священной исторіи, поэзіи, естественной и всеобщей исторіи. Иногда тамъ встрѣчаются легенды или дѣйствительныя происшествія, которыя какъ по тону, такъ и по ясности и очевидности рѣзко отличаются отъ другихъ статей. Благодаря этому винегрету, вмѣсто ясныхъ впечатлѣній дѣти получаютъ самыя неясныя, вмѣсто

объективности—нравственно-поучительные дѣтскіе рассказы, вмѣсто дѣйствительной поэзіи—поучительныя приемы, вмѣсто дѣйствія—только разсужденія, вмѣсто продолжительности впечатлѣнія—безконечное разнообразіе, вмѣсто конкретныхъ жизненныхъ впечатлѣній—сухія разсужденія и вмѣсто наивности—поддѣлку подѣ дѣтскія понятія.

Какъ дѣйствуютъ подобныя книги для чтенія на умственное развитіе въ возрастѣ отъ шести до шестнадцати лѣтъ?

Какъ въ общемъ можетъ дѣйствовать на развитіе характера постоянное перескакиваніе отъ впечатлѣнія къ впечатлѣнію, поверхностное ознакомленіе со всѣми предметами, быстрая, безостановочная смѣна картинъ?

Когда дѣло касается взрослыхъ, то отвѣтъ на такой вопросъ обыкновенно всегда готовъ, и онъ до такой степени всегда единогласный и опредѣленный, что его нечего и повторять. Но развѣ то, что для взрослыхъ имѣетъ огромное значеніе, должно имѣть меньше значенія для ребенка? Нѣтъ, для ребенка оно имѣетъ еще болше значенія. У взрослого обыкновенно есть дѣло, занятія, задачи, что-нибудь общее, цѣльное, вокругъ котораго могутъ собираться и располагаться „разнообразное“ и „разностороннее“, при чемъ чередованіе и измѣненіе иногда можетъ быть и полезно. Но у ребенка въ этомъ чередованіи разнообразныхъ впечатлѣній проходитъ весь школьный день, и, какъ я уже сказала, въ теченіе цѣлаго дня онъ принимаетъ знанія, какъ микстуру, по столовой ложкѣ! Такъ развѣ нѣтъ основанія всѣми силами бороться противъ подобнаго раздробленія, подобной смѣси всюду, гдѣ это не является прямой необходимостью!

А это вовсе не необходимо въ дѣтскихъ книгахъ для чтенія.

Цѣльная книга на своемъ родномъ или иностранномъ языкѣ гораздо сильнѣе возбуждаетъ любознательность и обогащаетъ запасъ словъ и понятій у дѣтей, чѣмъ отрывки изъ хрестоматіи. Но даже если допустить, что хрестоматія полезна какъ пособіе при изученіи родного или иностраннаго языка, то и это не можетъ возмѣстить того вреда, какой она приноситъ общему развитію ребенка.

Если уже школы, благодаря отсутствію спеціализаціи, концентраціи предметовъ, самодѣтельности и соприкосновенія съ дѣйствительностью, самымъ возмутительнымъ образомъ обращаются съ душевными силами молодого поколѣнія, то гимназія и семинарія являются прямо таки губителями всякой индивидуальности. Эти учебныя заведенія, въ которыхъ должны происходить только періодическіе коллоквиумы (испытанія въ формѣ бесѣды), гдѣ все преподаваніе и ученіе должно носить характеръ самодѣтельности, совсѣмъ почти не удовлетворяютъ стремленію учениковъ къ дѣйствительности, къ фактамъ, не утоляютъ ихъ жажды самимъ все видѣть, прочесть, судить и получать впечатлѣнія такъ сказать изъ первыхъ рукъ.

И въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ необходимо руководство учителя—иногда для того, чтобы обзоромъ пройденнаго избавить ученика отъ лишней работы, иногда для того, чтобы во-время указать на односторонность изображеннаго и тѣмъ помочь воспроизвести полностью всю картину или представленіе. Иногда учитель долженъ возбуждать и поддерживать вниманіе учениковъ посредствомъ жизненнаго представленія о какомъ-нибудь предметѣ, изображая его со своей личной точки зрѣнія, или же посредствомъ какого-нибудь тонкаго психологическаго этюда, яркой богатой красками картины современной жизни; иной разъ онъ долженъ помочь ученику найти законы,

управляюще тѣми явленіями, которыя тотъ позналъ собственнымъ опытомъ, или же провести сравненія, поводъ къ которымъ далъ этотъ опытъ. И въ гимназіи, какъ и въ семинаріи, устные и письменные рефераты самихъ учениковъ должны играть большую роль и имѣть большое значеніе.

Но цѣль всего преподаванія въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ, такъ же какъ и въ школѣ, не должна заключаться въ экзаменахъ, отмѣткахъ и дипломахъ, которые слѣдовало бы, такъ сказать, стереть съ лица земли; а цѣль должна заключаться въ томъ, чтобы ученики сами и изъ первыхъ рукъ воспринимали свои познанія, получали свои впечатлѣнія, вырабатывали свои взгляды и воззрѣнія и сами достигали бы умственныхъ наслажденій, вмѣсто того чтобы, какъ это дѣлается теперь, получать ихъ безъ всякаго труда, черезъ посредство часто прослушанныхъ безъ вниманія и быстро позабытыхъ „интересныхъ“ лекцій учителя, читаемыхъ ежедневно о пяти различныхъ предметахъ.

Факты могутъ испаряться изъ памяти каждаго, но быстрѣе всего испаряются они изъ памяти тѣхъ, кто обучался по микстуро-столово-ложечной системѣ. Къ счастью образованіе не есть только познаніе фактовъ, но, по одному весьма мѣткому парадоксу, — „оно есть то, что остается, послѣ того какъ мы позабудемъ все, чему учились“.

Чѣмъ богаче человекъ подобными остающимися сокровищами, тѣмъ больше пользы извлечетъ онъ изъ своихъ годовъ ученія. Чѣмъ больше наше внутреннее я наполнено образами, вибрирующими чувствами и ассоціаціями идей, чѣмъ больше восприняли мы глубокихъ впечатлѣній, тѣмъ большаго развитія достигли мы для нашей личности посредствомъ ученія. И именно въ томъ, что ученики

VI.

Школа будущаго.

Мнѣ хотѣлось бы въ нѣсколькихъ штрихахъ набросать здѣсь свои мечты о будущей школѣ, въ которой душа ребенка на свободѣ можетъ достигнуть полного развитія. Я говорю — „мечты“. Пусть не подумаютъ, что я имѣю претензію составить программу реформъ для школы настоящаго.

Первая моя мечта — это, чтобы дѣтскій садъ и школа для дѣтей, не достигшихъ шестилѣтняго возраста, всюду были замѣнены домашнимъ обученіемъ.

Безъ сомнѣнія, то движеніе, результатомъ котораго являются, между прочимъ, школы Песталоцци и Фребеля и другія заведенія того же типа, оказало большое вліяніе на подготовленіе лучшихъ воспитательницъ. Но я смотрю, какъ на несчастье на все возрастающую склонность видѣть въ ясляхъ, дѣтскомъ саду и школѣ идеальный планъ воспитанія. Теперь при каждомъ обсужденіи вопроса о возможности для женщины исполнять общественныя работы указывается на то, что этотъ планъ воспитанія освободитъ матерей отъ ухода за дѣтьми, а дѣтей — отъ плохого ухода матерей, и дастъ женщинамъ возможность работать внѣ дома. Одна американская писательница предлагаетъ нѣчто

среднее: каждая мать, одаренная педагогическими способностями, должна воспитывать вмѣстѣ съ своими собственными нѣсколько чужихъ дѣтей. Что получать при такихъ условіяхъ собственныя дѣти, объ этомъ достаточно ясно свидѣтельствуютъ тѣ несчастныя дѣти, которыя выросли въ пріютахъ, гдѣ ихъ родители были завѣдующими, и тѣ бѣдныя родители, которые страдали отъ того, что при такихъ условіяхъ не могли посвящать достаточно вниманія собственнымъ дѣтямъ.

Совершенно вѣрно, что при теперешнихъ условіяхъ, съ безчисленными, работающими внѣ дома и дурно подготовленными къ своимъ обязанностямъ матерями, ясли и дѣтскіе сады для многихъ дѣтей являлись и продолжаютъ являться благомъ. Какой-нибудь типъ дѣтскаго сада придется сохранить, какъ вспомогательное средство для исключительныхъ обстоятельствъ, при недостаткѣ напримѣръ товарищей игръ для единственнаго ребенка, при нежеланіи или неспособности матери самой воспитывать, неспособности, которая является обыкновенно слѣдствіемъ слишкомъ безпокойнаго, слабовольнаго или меланхолическаго характера.

Во многихъ случаяхъ можно еще и теперь согласиться съ высказаннымъ сто лѣтъ назадъ мнѣніемъ Мэри Вольстенкрафтъ: „если дѣти не убиваются физически своими невѣжественными матерями, то они гибнутъ психически отъ неумѣнья матерей воспитывать; матери въ теченіе первыхъ шести лѣтъ, когда опредѣляется все развитіе характера дѣтей, оставляютъ ихъ на рукахъ прислуги, авторитетъ которой часто подрывается манерой обращенія съ ней. Затѣмъ передаютъ дѣтей школѣ, которая должна уничтожить дурныя привычки,—появленіе которыхъ могла предотвратить бдительность матери,—и школа искореняетъ привычки мѣ-

рами, которыя ложатся въ основаніе всякаго рода пороковъ". Только на томъ основаніи, что такіе случаи довольно обычны, и что всегда будутъ матери, неспособныя воспитывать, было бы опрометчиво предполагать, что большинство женщинъ не могутъ быть подготовлены къ обязанностямъ воспитательницъ, если поставить развитію женщины дѣйствительно подобную цѣль. Создать новое поколѣніе матерей-воспитательницъ, которыя, между прочимъ, освободятъ дѣтей отъ системы дѣтскихъ садовъ—это одна изъ задачъ будущаго. Примѣняя къ дѣтямъ уже въ возрастѣ 2—3 лѣтъ стадный методъ воспитанія, заставляя ихъ исполнять по плану однѣ и тѣ же маленькія глупыя и бесполезныя работы,— вотъ способъ, которымъ теперь думаютъ воспитывать индивидуальнаго человѣка, а на самомъ дѣлѣ получаютъ шаблонъ! Кто самъ въ дѣтствѣ игралъ на берегу моря или въ лѣсу, въ просторной дѣтской или на чердакѣ, и видѣлъ, какъ играютъ другія дѣти, тотъ понимаетъ, насколько болѣе цѣнное вліяніе оказываетъ на душу ребенка, на развитіе его предприимчивости и фантазіи такая свободная игра сравнительно съ играми и занятіями, ведущимися по указкѣ взрослыхъ. вмѣсто того, чтобы приучать дѣтей умѣть находить удовольствіе въ одиночествѣ, этими играми и забавами „по указкѣ“ воспитываютъ привычку къ стаднымъ удовольствіямъ, привычку, служащую выраженіемъ духовнаго плебейства. Дѣти привыкаютъ дѣлать то, что совершенно бесполезно, и воображать при этомъ, что они исполняютъ настоящую „работу“. Научить дѣтей презирать все ненужное, что теперь уродуетъ и осложняетъ жизнь, научить ихъ упрощать жизнь и отыскивать ея дѣйствительныя цѣнности,— вотъ задача воспитанія. Система же дѣтскихъ садовъ наоборотъ—одно изъ удобнѣйшихъ средствъ воспитать слабыхъ дилетантовъ и стадныхъ людей!

Если уже нельзя обойтись безъ дѣтскаго сада и теперь, и въ будущемъ, то пусть онъ будетъ мѣстомъ, гдѣ дѣти имѣли бы такую же свободу, какой пользуются котята или щенята — играть для собственнаго удовольствія, самимъ что-нибудь придумывать — мѣстомъ, гдѣ бы они снабжались только средствами для выполненія придуманныхъ игръ и товарищами. Пусть тамъ находится и наблюдаетъ за ними умная женщина, но пусть она вмѣшивается только тогда, когда дѣти готовы причинить вредъ себѣ или другъ другу.

Пусть отъ времени до времени она даетъ имъ указанія, рассказываетъ имъ сказку или научаетъ ихъ веселой игрѣ, во всемъ остальномъ оставаясь безучастной, повидимому, а между тѣмъ бдительно наблюдая черты характера и склонности, которыя обнаруживаютъ въ свободной формѣ только при игрѣ. Равнымъ образомъ и мать должна наблюдать игры дѣтей, ихъ обхожденіе съ товарищами игръ, ихъ склонности и собирать какъ можно больше матеріала, но какъ можно меньше вмѣшиваться. Это продолжительное, всестороннее, напряженное, но пассивное наблюденіе даетъ въ концѣ концовъ для матери болѣе или менѣе точное знаніе ребенка; одно существо никогда вполне не познаетъ другое, хотя бы оно даровало ему жизнь и каждый день, желая достигнуть полнаго счастья духовнаго материнства, вновь дарило ее. Совершенно вѣрно говорятъ, что подобно тому какъ рожденіе ребенка является признакомъ физической зрѣлости, такъ и воспитаніе ребенка является признакомъ зрѣлости духовной. Но вслѣдствіе недостатка психологической проницательности большая часть родителей остаются незрѣлыми въ продолженіе всей своей жизни. Они могутъ совмѣщать лучшіе принципы, самую ревностную вѣрность долгу съ полнѣйшимъ непониманіемъ натуры дѣтей, истинныхъ причинъ ихъ поступковъ и разнообраз-

ной связи, возникающей между известными свойствами характера.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ подобныхъ грубыхъ промаховъ; такъ, на примѣръ, часто ребенка, съ большимъ интересомъ разсматривающаго свое отраженіе въ зеркалѣ, обвиняютъ въ кокетствѣ; ребенка, который изъ страха или замѣшательства при суровомъ или непонятномъ обращеніи къ нему, не отвѣчаетъ или не повинуется, — называютъ упрямымъ; на ребенка, который не можетъ объяснить свои поступки въ тѣхъ мелочахъ, въ которыхъ память ежедневно измѣняетъ и взрослымъ, — смотрятъ какъ на лгуна, а если онъ, не имѣя еще понятія о правѣ собственности, возьметъ что-нибудь безъ спроса, его объявляютъ воромъ; ребенка, который заявляетъ, что онъ знаетъ, что онъ дурень, и хочетъ такимъ быть, считаютъ дерзкимъ и ожесточеннымъ, между тѣмъ какъ это показываетъ только комичность самосознанія и характера, на который можно вліять иными путями; ребенка, который, будучи занятъ своими мыслями, забываетъ мелочи повседневной жизни, называютъ безпамятнымъ. Даже когда ребенокъ обнаруживаетъ дѣйствительное упрямство, лживость, или лѣность, — эти пороки обсуждаются, какъ нѣчто самостоятельное, между тѣмъ какъ причина ихъ часто заключается въ другомъ, болѣе глубоко лежащемъ недостаткѣ, съ которымъ и нужно бороться, — или же, наоборотъ, причина — въ хорошей чертѣ характера, которую легко уничтожить, если бороться съ порокомъ неподходящими средствами.

Но однако и тѣ изъ современныхъ родителей, которые обладаютъ большей психологической проницательностью сравнительно съ прежними, не въ состояніи изучить дѣтей, если дѣти съ самаго нѣжнаго возраста отправляются въ дѣтскій садъ и школу. Отъ недостатка пониманія прои-

стекаютъ и тѣ ошибки, которыя въ свою очередь часто порождаютъ между дѣтьми и родителями глубокой антагонизмъ, отравляющій въ настоящее время жизнь многихъ семей. Только тотъ отецъ и та мать, которые соединяютъ съ глубокимъ уваженіемъ къ индивидуальности своихъ дѣтей неумолимое наблюденіе за ними въ теченіе всей жизни, могутъ избѣжать обычнаго въ наше время заблужденія—добиваться отъ шиповника плодовъ винограда. Отказаться отъ попытокъ творить тамъ, гдѣ нѣтъ матеріала для творчества, но быть способнымъ развить качества, которыя въ зачаткѣ находятся въ душѣ ребенка—вотъ то смиреніе и тотъ оптимизмъ, которые принесетъ съ собой разумное изученіе дѣтской психологіи. Это удержитъ отъ многихъ—мучительныхъ какъ для дѣтей, такъ и для родителей—усилій въ тѣхъ направленіяхъ, въ которыхъ энергія остается вознагражденной.

Но изученіе психологіи ребенка, начатое съ момента рожденія и продолжающееся при играхъ, работѣ и отдыхѣ, ребенка, подобное, ежедневно провѣряемое изученіе требуетъ всего человѣка; оно возможно только тогда, когда подъ надзоромъ немного дѣтей. При стадномъ методѣ оно невозможно,—тѣмъ болѣе невозможно, что въ массѣ дѣти, болѣе или менѣе, всѣ походятъ другъ на друга, отчего и наблюденіе становится еще болѣе затруднительнымъ.

Дѣтскій садъ—это фабрика и фабричное обученіе дѣтей формировавъ по готовому образцу, вмѣсто лѣпки по собственному ихъ вкусу—можетъ служить типичнымъ образцомъ того, какъ перерабатывается и самъ маленькій живой человѣческій матеріалъ. Изъ нижняго этажа фабрики обформованные предметы отсылаются въ слѣдующій этажъ—школу, а изъ послѣдней выходятъ затѣмъ цѣлыя массы дюжинныхъ шаблоновъ!

Всѣми силами противодѣйствовать этому „оптовому производству“, къ которому нашъ вѣкъ чувствуетъ склонность во всѣхъ областяхъ,—вотъ цѣль школьной политики. Созданіе возможно большаго количества индивидуальных школьных методовъ можетъ быть помогло бы сократить оптовое производство дюжинныхъ людей.

Пока еще существуютъ большіе города, живущимъ въ нихъ бѣднымъ дѣтямъ необходимо доставить ту возможность, которую имѣютъ деревенскія дѣти—дѣлать себѣ игрушки изъ окружающихъ ихъ предметовъ и исполнять въ домашнемъ обиходѣ настоящую „работу“, а не игрушечную работу дѣтскаго сада, ничего общаго не имѣющаго съ серьезностью дѣйствительности. Умная мать или учительница заимствуетъ у системы дѣтскихъ садовъ ровно столько, сколько нужно, чтобы научить дѣтей наблюдать природу и окружающее, чтобы иногда соединить ихъ дѣятельность съ той или другой полезной цѣлью, ихъ удовольствіе—съ тѣмъ или другимъ познаніемъ.

Фребелевскій принципъ: „Будемъ жить для дѣтей!“—долженъ быть замѣненъ другимъ—болѣе богатымъ содержаніемъ: „Дадимъ жить дѣтямъ!“

А это значить, между прочимъ, освободить ихъ отъ дрессировки, отъ формъ методики, отъ гнета стадности въ тѣ годы, когда тихая, скрытая душевная работа такъ же важна, какъ проростаніе сѣмени въ землѣ! Система же дѣтскихъ садовъ—это выращиваніе сѣмянъ на тарелкѣ:—это, пожалуй, очень красиво—но до поры до времени!

Уже въ дѣтскомъ саду нѣмецкія души дрессируются подь мундиръ, да и вообще всюду, именно, школа съ ея товарищескимъ и корпоративнымъ духомъ прокладываетъ дорогу общественной недобросовѣстности и преступности и современное общество часто воспроизводитъ преступле-

нія прошлыхъ вѣковъ. Современные люди, самые безупречные и честные въ своей частной жизни, принимаютъ участіе во всѣхъ общественныхъ преступленіяхъ. Знаменитые зачинщики массовыхъ преступленій никогда не могли бы привести въ движеніе массу, если бы она не была воспитанной для того, чтобы придерживаться общепринятыхъ законовъ чести, повиноваться общепринятымъ патриотическимъ чувствамъ и общепринятымъ понятіямъ долга. Ребенокъ учится повиноваться своей школѣ, быть лояльнымъ по отношенію къ своему товарищескому кружку, а поздиѣе— по отношенію къ своему университету, къ своей корпорации, къ своей должности, научается этому раньше, чѣмъ научится относиться честно къ требованіямъ своей собственной совѣсти, къ своему чувству права и къ своимъ личнымъ побужденіямъ. Онъ учится смотрѣть сквозь пальцы, отрицать или извинять проступки своего товарищескаго кружка, своей корпорации или своей родины.

Благодаря этому, является дѣло Дрейфуса и происходятъ трансвальскія войны. Если хотять воспитывать людей, а не стадо, тогда нужно дѣйствительно слѣдовать воспитательной программѣ великаго государственнаго дѣятеля Штейна, нужно „развивать всѣ тѣ импульсы, отъ которыхъ зависитъ цѣнность и сила человѣка!“ А это возможно только въ томъ случаѣ, если ребенка научать возможно раньше понимать свободу и опасность собственной воли и послѣдствія собственныхъ опытовъ—именно то, чему безсознательно противодѣйствуетъ дѣтскій садъ и что можетъ выработать только семья. Поставить каждаго индивида лицомъ къ лицу съ собственной совѣстью—вотъ лучшій результатъ воспитанія. Это отнюдь не исключаетъ возможности для того же индивида шагъ за шагомъ познать счастье и потребность стать служебной частицей цѣлаго,

сначала дома, затѣмъ въ товарищескомъ кругу, потомъ въ отечествѣ и, наконецъ, во всемъ мѣрѣ. Разница та, что въ одномъ случаѣ человекъ—живая клеточка, содѣйствующая построению живыхъ формъ, въ другомъ—кирпичъ, который употребляютъ на постройку!

Но не только въ отношеніи развитія индивидуальности, а также и въ отношеніи развитія чувства дѣтскій садъ и школа уступаютъ родной семьѣ. Въ замкнутомъ маленькомъ кругу, благодаря самой дѣйствительности, чувство домашней жизни можетъ стать искреннимъ, можетъ развиться нѣжность, тогда какъ дѣтскій садъ, а позднѣе школа, отрываетъ дѣтей отъ естественныхъ домашнихъ обязанностей и предъявляетъ имъ требованія, которыя могутъ быть исполнены только стаднымъ образомъ. Ребенокъ вступаетъ тогда во многія поверхностныя отношенія, что въ свою очередь имѣетъ послѣдствіемъ поверхностность чувства, а въ этомъ и состоитъ большая опасность слишкомъ рано начинающейся школьной жизни, такъ же, какъ и односторонняя домашняя жизнь представляетъ опасность чрезмерной концентрации чувства. Поэтому домашнее воспитаніе въ тѣ годы, когда складывается и окончательно формируется чувство, имѣетъ такое же важное значеніе, какъ хорошее товарищество позже, когда дѣти переступили двѣнадцатилѣтній возрастъ. Все интеллектуальное развитіе по превосходнѣйшимъ методамъ, всѣ социальныя чувства ничего не стоятъ, если въ основу ихъ не заложена культура индивидуальнаго чувства. Необходимо умъ уравновѣшивать чувствомъ и только тотъ, кто научился любить немногихъ близкихъ такой глубокой любовью, что согласится умереть за нихъ, будетъ въ состояніи посвятить жизнь многимъ.

Не одинъ дѣтскій садъ, но и школу для дѣтей моложе

школьного возраста (Kleinkinderschule) хотѣла бы я видѣть перенесенной въ родной домъ. Тамъ можно принимать въ расчетъ такія условія, которыхъ не въ состояніи соблюдать общая школа. Тамъ можно ребенка не обременять умственной пищей, которой онъ не проситъ и которая ему не нужна въ возрастѣ, въ которомъ теперь ему обыкновенно ее преподносятъ. При домашнемъ воспитаніи одного ребенка можно начать учить чтенію раньше, другого позже; удовлетворять жажду дѣятельности одного и жажду чтенія другого; способствовать физическому развитію и стремленію къ воспріятію дѣйствительной внѣшней жизни домашними работами, играми и прогулками за городъ. Учить слѣдуетъ начинать тогда, когда ребенокъ самъ хочетъ что-нибудь узнать или сдѣлать такое, въ чемъ ему могли бы помочь знанія. Ребенку вдвое легче будетъ учиться десять лѣтъ тому, чему онъ теперь учится въ теченіе восьми и восемь лѣтъ тому, чему онъ теперь учится въ теченіе шести — если онъ будетъ приступать къ ученію съ развитой наблюдательностью и живой жаждой дѣятельности. Такъ какъ школа никогда не можетъ составить полного представленія объ индивидуальных особенностяхъ ребенка, не можетъ примѣнять различныхъ пріемовъ преподаванія, соответственно съ той или другой натурой, выбирать наиболѣе подходящее время для занятій и отдыха, то домашнее образованіе съ небольшимъ кружкомъ хорошо подобранныхъ товарищей — остается все-таки лучшимъ. Только совершенно игнорируя расписанія и программы, можно обращать все вниманіе на развитіе индивидуальности, безъ чего не мыслимо дѣйствительно живое преподаваніе. Преимущества современной школы передъ домашнимъ образованіемъ настолько незначительны, что о нихъ не стоитъ и говорить. „Порядокъ“ школы, ея „методы“, ея „система“, ея „дисциплина“

лина“, выставяемые защитниками школы какъ ея достоинства, съ моей точки зрѣнія — вопіющее зло. Привычка къ исполненію долга, труду и регулярной, пунктуальной дѣятельности—принадлежность здороваго воспитанія — достигается при домашнемъ образованіи гораздо менѣе искусственными средствами. Другимъ воображаемымъ преимуществомъ школы считается то, что ребенокъ становится тамъ членомъ небольшой общины, которая учитъ его социальнымъ обязанностямъ! Но семья—это естественная община, гдѣ ребенокъ серьезно научается общественнымъ обязанностямъ—готовности помочь и трудолюбію — современная школа искусственно замѣняетъ домашнее социальное воспитаніе, котораго она же сама и школьные уроки лишаютъ ребенка. То, что школа даетъ дѣйствительно цѣннаго—товарищество—можетъ дать и домашнее воспитаніе и при этомъ безъ тѣхъ опасностей, которыя представляетъ это товарищество въ общественной школѣ. Подъ этими опасностями я разумѣю не только дурныя вліянія, но прежде всего коллективное отупѣніе подъ гнетомъ мнѣній большинства, вызываемымъ стадностью; страхъ передъ „общественнымъ мнѣніемъ“, передъ насмѣшками, страхъ—основаніе которому кладется уже въ столь воспріимчивые къ подобнымъ вліяніямъ дѣтскіе годы. Малѣйшее отступленіе отъ общепринятаго въ костюмѣ или во вкусѣ безошадно критикуется, и если бы была предпринята анкета о страданіяхъ дѣтей отъ тираніи товарищей, тираніи, выступающей то въ болѣе жестокихъ, то въ болѣе мягкихъ формахъ—то предразсудокъ, что школа незамѣнима въ товарищескомъ отношеніи, сильно поколебался бы!

Къ этому присоединяется нивелирующій гнетъ однообразной дисциплины, придавливающей сверху личность, стѣсненную со всѣхъ сторонъ кругомъ товарищей. На всякое

замѣчаніе о педантичномъ формализмѣ отвѣчаютъ: „Невозможно позволять дѣтямъ въ школѣ то, что допускается дома: представьте себѣ только, что будетъ, если всѣмъ дѣтямъ позволить чинить въ школѣ карандаши или вычеркивать слова въ своихъ сочиненіяхъ, или“... Я отказываюсь продолжать! Считается, что сотни мелочныхъ правилъ „должны“ строго соблюдаться во имя порядка и дисциплины. Если бы эти правила уменьшить до четверти ихъ настоящаго кубическаго объема, то и тогда гнетъ однообразія былъ бы достаточно чувствителенъ даже и въ лучшей школѣ. Чѣмъ позже придется столкнуться съ этимъ гнетомъ, чѣмъ большей индивидуальной устойчивостью отличается при этомъ столкновеніи ребенокъ—тѣмъ лучше.

Первоначальное воспитаніе должно поэтому имѣть цѣлью развитіе индивидуальности. Вся біографическая литература почти единогласно свидѣтельствуетъ о томъ, какъ важно, чтобы подавляющее личностъ „общественное воспитаніе“ школы не начиналось слишкомъ рано. Именно то обстоятельство, что оно начинается теперь слишкомъ рано—есть одна изъ причинъ все чаще повторяющагося въ наше время явленія, подтверждающаго слова Дюма: „такъ много умныхъ дѣтей, а между тѣмъ такъ много глупыхъ взрослыхъ“.

Почти всѣ выдающіеся мужчины и женщины, самостоятельно мыслящіе и творящіе, или совсѣмъ не были въ школѣ, или поступали въ нее болѣе или менѣе поздно, или на болѣе или менѣе продолжительное время прерывали свое ученіе, или же учились въ разныхъ школахъ. По большей части случай, непосредственное наблюденіе, прочитанная тайкомъ книга, собственный выборъ предмета образовали исключительную натуру. Воспитаніе Гете въ этомъ отношеніи идеально, если отбросить нѣкоторую педантичность со стороны отца. За рабочимъ столомъ матери научается

онъ понимать Библию; французскому языку учится онъ отъ театральной труппы; английскому—у учителя вмѣстѣ съ отцомъ; итальянскій изучаетъ, слушая, какъ преподають этотъ предметъ сестрѣ; математику—у друга дома, и Гете тотчасъ же примѣняетъ ее: сначала къ своимъ картонажнымъ работамъ, позже—къ своимъ архитектурнымъ чертежамъ. Сочиненіямъ своимъ придаетъ онъ форму переписки на разныхъ языкахъ между многими родственниками, разсѣянными по разнымъ странамъ и при этомъ усердно изучаетъ географію въ описаніяхъ путешествій, чтобы быть въ состояніи придавать своимъ описаніямъ мѣстный колоритъ. Онъ странствуетъ съ отцомъ, пріучается присматриваться къ разнымъ ремесламъ, исполняетъ маленькія порученія и т. д.

Но—возражаютъ на это—не всѣ люди гени, и именно большинству, тѣмъ, кому недостаетъ ясно выраженной способности, и нужны школы. Неужели же думаютъ, что связь между оригинальностью и не регулярнымъ посѣщеніемъ школы—случайна? Сколько школа въ своемъ реестрѣ грѣховъ можетъ отмѣтить подавленныхъ оригинальностей! Кромѣ того, вышеприведенный аргументъ,—являющійся подтвержденіемъ библейскаго изреченія, по которому у неимущаго отнимется и послѣднее, — говоритъ, что тотъ, кто не отличается ярко выраженной оригинальностью, будетъ принужденъ утратить въ школѣ и то небольшое, что онъ могъ бы назвать своимъ.

Школа прежняго типа съ зазубриваніемъ немногихъ преподаваемыхъ предметовъ, съ плохими въ большинствѣ случаевъ учителями—при которыхъ ученики могли спать въ классѣ или ходить на головахъ—съ относительнымъ единствомъ преподаванія концентрированнымъ на латыни, кажется намъ варварскою. Но она была для индивидуальности

не такъ вредна, какъ современная школа, со своими основательными приготовленіями, интересными лекціями, усовершенствованными методами, превосходными учителями, которые убираютъ съ дороги ученика каждый камушекъ и преподносятъ ему его умственную пищу приготовленную такъ вкусно, какъ только возможно, даже разжеванною! Именно эта хорошая школа съ преувеличенною разносторонностью кладетъ основаніе нервности нашего времени и, благодаря царящей въ ней умственной инертности, вызываетъ отрицательныя явленія нашего вѣка!

Наиболѣе тихій, наиболѣе послушный ребенокъ является лучшимъ школьникомъ, т. е. наиболѣе безличныя и безцвѣтныя—становятся всегда „примѣрными“—и такимъ образомъ уже въ школѣ искажаются понятія цѣнностей. Чѣмъ пассивнѣе оказываются душа и тѣло ребенка, и чѣмъ легче поддаются дрессировкѣ, тѣмъ лучше результаты достигаются съ точки зрѣнія школы. Зачинщики шалостей, неподатливыя индивидуальности, односторонне оригинальныя, всегда являются въ школѣ мучениками за свою жажду дѣятельности, за духъ противорѣчія, за „сумасбродства“. Только извѣстный сортъ веселыхъ, привѣтливыхъ, богато одаренныхъ натуръ можетъ пройти школу, наполовину сохранивъ своеобразие, и въ то же время получить хорошее свидѣтельство за прилежаніе, вниманіе, поведеніе и успѣхи.

Въ превосходной современной школѣ нѣжная дѣтская индивидуальность втискивается въ рамки или вѣрнѣе перебрасывается волнами и вѣтромъ, какъ камешекъ на морскомъ берегу. Ребенокъ подхватывается то одной волной, то другой день за днемъ, семестръ за семестромъ! Одна волна—звонокъ—45 мин. Закона Божьяго, вторая волна—столько же минутъ исторіи; третья—столько же ручного труда; четвер-

тая—столько же французск. языка; пятая—столько же естественной исторіи. На слѣдующій день новыя волны—новые предметы. Послѣ обѣда—домашнія работы и письменныя упражненія—конечно, подготовленныя и распределенныя—и потомъ тщательно исправленныя, такъ же какъ приготовленные уроки выслушиваются по превосходнѣйшей методикѣ, послѣ того какъ они уже дома прослушивались матерью. Подъ этимъ напоромъ волнъ цѣпенѣютъ умы, тупѣютъ и нѣмѣютъ души какъ учителей, такъ и учениковъ. Даже наиболѣе живые учителя заключены въ рамки безчисленныхъ предписаній и предразсудковъ, безусловныхъ „необходимостей“ и методическихъ „принциповъ“. Только изрѣдка тотъ или другой спасаютъ свою душу посредствомъ полного скептицизма. Другіе же возводятъ мелочность въ заповѣдь блаженства; иные неутомимо хлопчатъ объ измѣненіяхъ въ мелочахъ, совѣщаются объ улучшеніяхъ частныхъ! Но всякая глубокая реорганизація, т. е. всякая реорганизація касающаяся принциповъ, а не методовъ, разбивается объ эту систему, охраняемую государствомъ, о покорность родителей передъ этой системой, о неспособность педагоговъ вполне понять всѣ ея послѣдствія, о всеобщее отвращеніе къ радикальному лѣкарству.

Цѣль школы—такъ же, какъ семьи и общества—должна бы заключаться въ томъ, чтобы постояннымъ накопленіемъ силы и счастья и непрерывной борьбой со всѣми суживающими жизнь вліяніями способствовать развитію болѣе усовершенствованныхъ формъ.

Но современная школа противодѣйствуетъ этой цѣли. Когда число школъ, ихъ превосходный научный матеріаль и проч. приводятъ въ доказательство образованности народа, на это можно смотрѣть только какъ на самообманъ. Какъ ведется преподаваніе въ школѣ, какъ пользуются

этимъ научнымъ матеріаломъ, какими предметами тамъ занимаются—вотъ что имѣеть рѣшающее значеніе!

Къ ребенку, такъ же, какъ и къ взрослому, примѣнны слова Гете, что счастье—это развитіе нашихъ способностей. Каковы эти способности—у даровитаго ребенка это можно подмѣтить рано—и такимъ образомъ обезпечить его счастье, доставляя ему возможность такого развитія. Но есть и общечеловѣческія способности, свойственныя всякому нормальному человѣку, развитіе которыхъ могло бы составить его счастье. Къ этимъ способностямъ можно причислить, наприм., память, которую почти совсѣмъ утратилъ современный человѣкъ. „Мы ежедневно посыпаемъ пепломъ,—говоритъ Максъ Мюллеръ,—жаръ воспоминаній, между тѣмъ какъ люди прошлаго могли бы удержать въ памяти сокровища нашей современной литературы“. Къ этимъ способностямъ принадлежитъ также, напр., способность мышленія, не въ смыслѣ философскаго мышленія, но въ болѣе простомъ смыслѣ способности къ наблюденію, выводу и заключенію. И на первомъ мѣстѣ среди этихъ подавляемыхъ современной школой общечеловѣческихъ способностей—стоитъ чувство!

Совершенно ложный взглядъ, будто математика и грамматика развиваютъ способности ума. Это случается только тогда, когда въ этихъ предметахъ достигаютъ болѣе высокой стадіи. Но не найдется ни одного человѣка, который сталъ бы серьезно утверждать, что ему помогли прямо или косвенно составить хотя бы одно только понятіе о людяхъ или природѣ, сдѣлать хотя бы одинъ только выводъ и высказать хотя бы одно только сужденіе тѣ тезы и гипотезы, теоремы и проблемы, правила и исключенія, которыми въ дѣтствѣ набивали его голову, преподавая грамматику и математику. И отъ самихъ математиковъ и фило-

логовъ я слышала то же самое,—высказываемое здѣсь мною и идущее въ разрѣзъ съ общепринятымъ,—мнѣніе, что математика и грамматика, если ими не занимаются, какъ наукой, должны быть ограничены до крайняго минимума. При склонности къ математикѣ, изученіе послѣдней, конечно, доставляетъ наслажденіе тѣмъ, что развиваетъ свои способности въ этомъ направленіи; при способности къ языкамъ—то же самое относится къ изученію языка. Но при отсутствіи такихъ специальныхъ способностей, эти предметы лишены всякаго образовательнаго значенія, такъ какъ способность къ наблюденіямъ, выводамъ и сужденіямъ нисколько не развивается рѣшеніемъ задачъ и изученіемъ грамматическихъ правилъ.

Только сама жизнь—жизнь природы и человѣка—воспитываетъ для жизни. Все, что представляетъ міръ природы и міръ человѣка въ различныхъ формахъ жизни, образцахъ прекраснаго, способахъ труда, ходѣ развитія—все это, воспринятое при помощи естественной исторіи, географіи, исторіи искусствъ и литературы, можетъ дать дѣйствительно цѣнный матеріалъ для памяти, научить умъ наблюдать, распознавать и рассуждать, воспламенить чувство, съ помощью этого пламени составить сплавъ изъ всего разрозненнаго матеріала и такимъ образомъ привести все къ единству, которое одно есть образованіе. Дѣйствительность—это однимъ словомъ все то, что семья и школа должны дать дѣтямъ въ обильныхъ, богатыхъ, теплыхъ источникахъ, не задерживая этихъ источниковъ каналами и плотинами, т. е. методикой, систематикой и подраздѣленіемъ на курсы и экзамены.

Я никогда не могла читать о педагогическихъ разсужденіяхъ безъ того, чтобы прекрасныя слова „самостоятельность“, „индивидуальное развитіе“, „свобода выбо-

ра“ не напомнили мнѣ о музыкѣ при жертвоприношеніяхъ людоѣдовъ! Потому что, когда дѣло коснется приложенія на практикѣ, всѣ тѣ ограниченія и оговорки, которыя допускають представители каждаго предмета,—просто смѣшны по своей ничтожности въ сравненіи съ тѣми великими принципами, во имя которыхъ затѣваются измѣненія. И въ концѣ концовъ дѣтей продолжаютъ приносить въ жертву идеаламъ образованія, педагогическимъ системамъ, экзаменаціоннымъ требованіямъ, отъ которыхъ ни за что не хотятъ отказаться!

Вѣчный грѣхъ школы по отношенію къ дѣтямъ—это что она постоянно говоритъ о дѣтяхъ. Такъ, напримѣръ, ручной трудъ (Slöjd) оказываетъ извѣстныя хорошія вліянія на ребенка; слѣдовательно, ручной трудъ долженъ входить въ школьную программу, и всѣ дѣти должны бы извлекать пользу изъ него. Но есть дѣти, для которыхъ ручной трудъ—такой же противный и бесполезный принудительный предметъ, какъ латынь. Ребенка, который не хочетъ оторваться отъ книги, не слѣдуетъ принуждать къ ручному труду такъ же, какъ ребенка, которому доставляетъ наслажденіе столярный верстакъ—принуждать къ литературнымъ занятіямъ.

Всѣ рѣчи о „гармоническомъ“ образованіи слѣдуетъ отнести туда, гдѣ онѣ будутъ какъ разъ кстати—въ область педагогической кухонной мудрости! Гармоническое развитіе есть, конечно, самый прекрасный результатъ образованія человѣка. Но онъ достигнется только своимъ собственнымъ свободнымъ выборомъ. Потому что онъ обуславливаетъ гармонію между собственными способностями индивида, а не гармонію, составленную по рецепту педагогики. Та же стряпня, которая готовится на школьной кухнѣ, ничего общаго съ этимъ не имѣетъ.

Единичныя измѣненія въ современной школѣ не имѣютъ никакого значенія, пока сознательно не подготовятъ ими великой революціи, той революціи, которая разрушитъ всю теперешнюю систему и не оставитъ отъ нея камня на камнѣ. Долженъ былъ бы наступить педагогическій потопъ, при чемъ въ ковчегѣ спаслись бы только Монтень, Руссо, Спенсеръ и новая психологическая дѣтская литература. И если бъ потомъ ковчегъ остановился на сушѣ, то люди не стали бы строить школы, а начали бы насаждать виноградники, при чемъ задача учителей была бы поднимать къ устамъ дѣтей виноградныя гроздья, а не питать ихъ, какъ теперь, сто разъ разбавленнымъ сокомъ культуры!

Школа имѣетъ теперь великую цѣль: сдѣлаться ненужною и взамѣнъ системы и схемы допустить господство жизни и счастья (разумѣя подъ этимъ, между прочимъ, и самодѣятельность).

Въ настоящее время ребенокъ, какъ указывалось, уже начиная съ дѣтскаго сада, представляетъ изъ себя только матеріалъ, формируемый то грубыми, то ласковыми руками! Потому что даже наиболѣе мягкій, наиболѣе, повидимому, свободный режимъ приводитъ къ однообразію, благодаря примѣненію тѣхъ же работъ, той же методичности, той же дисциплины день за днемъ, годъ за годомъ. И такъ какъ школа, кромѣ того, распредѣляя дѣтей по классамъ, никогда не имѣетъ въ виду темперамента и способностей ребенка, а только его возрастъ и познанія, то одни дѣти приговариваются къ смертельной скукѣ и бесполезной тратѣ времени, поджидая другихъ, отсталыхъ.

Уже при первоначальномъ обученіи нужно пользоваться самонаблюденіемъ и самодѣятельностью ребенка, какъ воспитательнымъ средствомъ для ребенка и руководствомъ для своего собственнаго наблюденія за нимъ.

Если бы это наблюденіе было болѣе глубокимъ, то изъ него вытекали бы не общія, а скорѣе частныя правила. Одинъ ребенокъ долженъ заниматься чтеніемъ, спортомъ или ручнымъ трудомъ въ иномъ масштабѣ, чѣмъ другой; къ одному можно раньше, къ другому позже примѣнять образовательныя средства: посѣщенія музеевъ или путешествія (всего лучше пѣшкомъ) и т. д. И „необходимое“ будетъ тогда ограничено до минимума, такъ какъ человѣку нужно очень немного для того, чтобы ориентироваться въ жизни. Это немного умѣніе хорошо читать и вѣрно выговаривать слова, писать, рисовать простые предметы, т.-е. научиться рисовать такъ же хорошо, какъ и писать буквами—искусство совершенно не зависящее отъ художественной способности; затѣмъ, наглядное обученіе геометріи; четыре правила ариѳметики и десятичныя дроби; географія въ такомъ объемѣ, чтобы умѣть ориентироваться въ картахъ; естественная исторія въ такомъ объемѣ, чтобы имѣть основное понятіе о примитивныхъ требованіяхъ гигиены; наконецъ, англійскій языкъ, необходимый при все возрастающихъ сношеніяхъ со всѣмъ свѣтомъ. Вотъ все, что нужно ребенку для того, чтобы потомъ самому ориентироваться въ книгахъ и въ жизни—присовокупите сюда еще умѣніе заштопать чулокъ, пришить пуговицу, вбить гвоздь и т. д.

Только „необходимое“ должно быть основаніемъ дальнѣйшаго образованія. Оно тогда является вышивкой на простомъ платѣ. А вышивка цѣнится только въ томъ случаѣ, когда она выполнена руками, а не машиной на фабрикѣ по опредѣленнымъ образцамъ.

Послѣ того какъ будетъ положено указанное, одинаковое для всѣхъ основаніе, дѣтямъ должна быть дана возможность погружаться въ идиллическую жизнь Ветхаго Завѣта, въ жизнь греческихъ и сѣверныхъ боговъ и ге-

роевъ, въ жизнь народныхъ сказокъ и національной исторіи, но только при помощи книгъ, которыя выдаются имъ для чтенія,—между тѣмъ какъ теперь изъ всего этого дѣлаются все только школьные предметы.

Разъ этотъ фундаментъ заложенъ, школа будущаго—школа для всѣхъ—продолжить общее образованіе, но по особо приспособленной для каждаго индивида программѣ. Въ той школѣ, которую я себѣ представляю, не будетъ ни отбѣтокъ, ни наградъ, не будетъ никакихъ другихъ „испытаній зрѣлости“, кромѣ испытательныхъ бесѣдъ. На послѣднихъ рѣшающее значеніе будутъ имѣть не детали, а общія знанія, и учителя для этихъ бесѣдъ станутъ уходить съ дѣтьми куда-нибудь за городъ и тамъ спокойно и безъ помѣхи знакомиться съ познаніями дѣтей о природѣ, о людяхъ, о прошедшемъ, о настоящемъ.

Преподаваніе, имѣющее въ виду эту конечную цѣль образованія, будетъ вестись учителемъ диаметрально противоположно теперешнему. Учитель предоставитъ ученикамъ дѣлать собственныя наблюденія, будетъ руководить ими при выборѣ книгъ и указывать имъ, какъ нужно работать, а не станетъ преподносить имъ въ формѣ лекцій, подготовленій и опытовъ прежде всего собственныя наблюденія, сужденія и познанія. Иногда, требуя безъ подготовки устнаго или письменнаго изложенія, онъ можетъ удостовѣриться, насколько основательны познанія ученика по данному предмету; въ другой разъ, если онъ считаетъ ученика достаточно развитымъ, онъ можетъ, въ награду за самостоятельную работу, высказать общій взглядъ на предметъ, сдѣлать обобщенія, пробуждающія мысль и чувство; наконецъ, онъ можетъ устраивать испытанія по собственному желанію учениковъ. Но самая главная его работа будетъ состоять въ томъ, чтобы научить ученика дѣлать свои соб-

ственные наблюденія, рѣшать собственныя свои задачи, находить себѣ пособія—въ книгахъ, лексиконахъ, картахъ и т. п., самостоятельно побуждать всѣ трудности, и такимъ образомъ, достигать единственной нравственной награды: расширенія своего кругозора, приобрѣтенія познаній.

Не тотъ ученикъ научится наблюдать, который сидитъ и слушаетъ объясненія учителя или смотритъ опыты; не тотъ ученикъ, у котораго тетрадь для письменныхъ работъ исправляется съ педантичной тщательностью, научится писать; не тотъ, который выполняетъ педантично рядъ моделей ручного труда, научится дѣлать орудія для повседневныхъ работъ. Давать возможность самому ученику дѣлать опыты; самому находить отмѣченныя ошибки; самому придумывать предметы для выполненія; вообще не исправлять его работы въ мелочахъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда онѣ слишкомъ неправильны и отнимутъ у ученика много времени на исправленіе—давать возможность самостоятельно, путемъ опыта находить правильный, наиболее совершенный способъ работы и способъ выраженія мысли—вотъ въ чемъ заключается и воспитаніе, и образованіе!

Учебники будутъ занимательны и богаты содержаніемъ. Хрестоматія исчезнетъ, и молодежи будутъ даны въ руки настоящія книги, оригиналы—конечно, въ переработкѣ, если они обременены ненужными подробностями. Школьная бібліотека будетъ самой большой, самой красивой и наиболее важной учебной комнатою, и выдача книгъ сдѣлается существенной частью всей учебной дѣятельности школы.

Я представляю себѣ будущую школу окруженную большимъ садомъ, гдѣ бы непосредственно могло находить себѣ пищу чувство прекраснаго—какъ это уже есть въ нѣкоторыхъ школахъ. Самимъ сажать цвѣты въ школѣ и

дома, выращивать ихъ, чтобы украшать „оконный садикъ“, который зимой долженъ быть въ каждой классной комнатѣ—вотъ естественный способъ сдѣлать общей потребностью наиболѣе простое изъ всѣхъ эстетическихъ наслажденій. Но вкусъ долженъ развиваться не „преподаваніемъ“ искусства подбирать цвѣты, какъ это уже дѣлается въ Германіи, а только похвалою учителя самому красивому сочетанію цвѣтовъ, выбранному ученикомъ. Въ этомъ отношеніи такъ же, какъ и во всѣхъ другихъ, самостоятельность—главное.

Переpletное, столярное и другія ремесла такъ же, какъ садоводство и спортъ, будутъ представлять естественныя гимнастическія упражненія, имѣющія гораздо большее значеніе, чѣмъ методическая гимнастика. Однообразіе и безцѣльность послѣдней — мученіе для молодежи, и она должна допускаться только въ тѣ дни, когда дурная погода дѣлаетъ невозможными физическія упражненія подъ открытымъ небомъ. Гимнастика можетъ, конечно, выполняться съ большею живостью, если соединить ее съ гигиеной и физиологіей, какъ становится интереснѣе изученіе математики, связанное съ ручнымъ трудомъ и рисованіемъ. Но никогда нельзя поставить ее на одну доску съ свободными естественными движеніями.

На-ряду съ садомъ школа будущаго должна имѣть залъ, внѣ дома площадку для танцевъ и дѣйствительно „свободныхъ“ игръ, т.-е. такихъ, при которыхъ дѣти, разъ изучивши игру, будутъ предоставлены самимъ себѣ. Игра, ведущаяся постоянно подъ руководствомъ учителя, становится пародіей.

И такъ же, какъ когда-то у грековъ, развитіе красоты, а не только силы станеть цѣлью физическаго воспитанія.

Благодаря различнымъ ремесламъ и работѣ въ саду можно будетъ во многихъ случаяхъ, при изученіи математики и физики, избавивъ дѣтей отъ необходимости принимать готовыя положенія, позволять имъ самимъ дѣлать открытія. По системѣ зубрежки ребенокъ узнаетъ, что для прорастанія сѣмени нужна теплота и влага. По воспитательному методу ребенокъ самъ сѣетъ сѣмя и наблюдаетъ, что происходитъ. Уже и теперь примѣняется это въ нѣкоторыхъ школахъ, но только какъ доказательство даннаго положенія. Въ этомъ именно и состоитъ ошибка современной школы, что она иллюстраціями подкрѣпляетъ уже данныя положенія вмѣсто того, чтобы дать ребенку время и случай самому дѣлать выводы.

Въ будущемъ школьномъ зданіи совсѣмъ не будетъ классныхъ комнатъ. Но тамъ будутъ различныя залы съ обильнымъ матеріаломъ для изученія отдѣльныхъ предметовъ, а рядомъ съ ними—рабочія комнаты, гдѣ каждый будетъ имѣть опредѣленное мѣсто для самостоятельныхъ занятій. Общія испытанія будутъ происходить только тогда, когда нѣсколько учениковъ готовы и желаютъ подвергнуться испытанію по одному и тому же предмету, но каждый можетъ независимо отъ другихъ заявлять о своемъ желаніи подвергнуться испытанію.

Изъ каждой комнаты такъ же, какъ изъ всего зданія школы, соединенными декоративными и архитектурными средствами будетъ создано прекрасное цѣлое. Кромѣ того, школу будутъ украшать произведенія искусства, частью оригинальныя, частью копіи и слѣпки знаменитыхъ оригиналовъ²⁾.

Именно такимъ способомъ, а не непосредственнымъ преподаваніемъ искусства—въ формѣ ли школьнаго обученія или случайныхъ посѣщеній музеевъ—будутъ пробуждать художественный вкусъ. Познанія быть можетъ и достиг-

нутя классомъ, который будутъ по плану Лихтворка водить по музеямъ, но любовь къ искусству пробуждается только тогда, когда окружаютъ себя произведеніями искусства, воспринимаютъ ихъ свободно и безъ принужденія. Если же предупредить постепенный ростъ этой любви къ искусству преподаваніемъ—подъ этимъ именемъ я не подразумеваю восхищенія самого учителя, которое онъ высказываетъ мимоходомъ безъ указаній и выспрашиваній — то этимъ только замутиятъ воду даже и такого живого источника. Здѣсь, какъ и всюду, вдалбливаніе уничтожаетъ радость собственнаго открытія: кого постоянно заставляютъ смотрѣть чужими глазами, тотъ утрачиваетъ способность смотрѣть собственными. Въ искусствѣ такъ же, какъ въ литературѣ и въ религіи, всякое преподаваніе — зло, пока молодежь не избретъ себѣ того или другого, какъ предметъ спеціальнаго изученія. Познанія дѣлаютъ мертвымъ, чувство дѣлаетъ живымъ. Корни же чувства очень нѣжны и ихъ легко поранить.

Что касается посѣщеній музеевъ подъ руководствомъ учителя, то они только въ томъ случаѣ окажутся полезными, если ученикъ уже самостоятельно сдѣлалъ свои наблюденія. Послѣднимъ учитель, наоборотъ, долженъ способствовать. При изученіи исторіи Греціи, наприм., пусть онъ требуетъ описанія греческой скульптуры, произведенія которой можно встрѣтить въ томъ или другомъ музеѣ; при чтеніи о нидерландской войнѣ за свободу—описаніе картинъ голландской школы и т. п. Только послѣ того какъ ученикъ такимъ образомъ самостоятельно понаблюдалъ и сдѣлалъ свои собственныя заключенія, синтезъ его наблюденій въ формѣ обозрѣванія музеевъ подъ руководствомъ учителя принесетъ дѣйствительную пользу. Это относится также и къ естественно-историческимъ, историческимъ и этногра-

фическимъ музеямъ, посѣщеніе которыхъ группами даетъ крайне незначительные результаты для тѣхъ дѣтей, которыя не сдѣлали уже въ одиночку предварительныхъ наблюденій.

Такъ же, какъ между школьными книгами должны находиться избранныя произведенія литературы какъ въ оригиналахъ, такъ и въ хорошихъ, доступныхъ всѣмъ переводахъ, должны быть и статьи по искусству, которыя могутъ доставлять пищу интересующимся искусствомъ. Вообще нѣтъ бѣльшей нелѣпости въ современномъ воспитаніи, какъ тщательный подборъ книгъ, „подходящихъ“ для того или другого возраста. Эта мѣрка должна быть въ высшей степени индивидуальна, и вопросъ можетъ быть рѣшенъ только собственнымъ выборомъ ребенка. Сдѣлать основательную очистку всей дѣтской литературы и предоставить полную свободу читать произведенія большой литературы — вотъ основное условіе здороваго развитія молодежи. То, до чего ребенокъ еще не доросъ, онъ и не захочетъ читать. Если десятилѣтній ребенокъ углубляется въ чтеніе Фауста,—а мнѣ извѣстны такіе случаи,—то и впечатлѣніе, полученное имъ, будетъ соответствовать его возрасту, что не помѣшаетъ ему въ двадцать лѣтъ получить другое впечатлѣніе отъ того же произведенія, а въ 30, въ 40 — опять иное. Что же касается „опасностей“ чтенія произведеній большой литературы, то для ребенка эти „опасности“ равны нулю. То, что на старшихъ дѣйствуетъ возбуждающимъ образомъ, совершенно не затрогиваетъ его неприснувшихся чувствъ. Но и для дѣтей, достигшихъ возраста, воспріимчиваго къ чувственнымъ впечатлѣніямъ, не произведенія великихъ умовъ, изображающія дѣйствительность, а современные романы—всего болѣе дамскіе и французскіе—грязнятъ воображеніе, представляютъ въ ложномъ свѣтѣ дѣйствительность и портятъ вкусъ.

Дѣти не могутъ теперь,—даже при желаніи этого со стороны неразумныхъ родителей,—оставаться въ невѣдѣніи. И то нечистое, что узнается въ грубой формѣ или тайкомъ, получить большую власть надъ умомъ тѣхъ дѣтей, которыя не приучены своими воспитателями и впечатлѣніями, вынесенными изъ произведеній великой литературы и великаго искусства, относиться серьезно ко всѣмъ естественнымъ явленіямъ.

Замалчиваніе же и скриваніе подъ покровомъ тайны, напротивъ, соблазняетъ и развращаетъ. Для дѣтей развращенныхъ благодаря этому замалчиванію, Библія будетъ столь же соблазнительна, какъ голый реализмъ новѣйшей литературы. На спокойномъ чувствѣ разумѣнія и пониманія явленій можетъ быть основана истинная невинность. И только посредствомъ истинной невинности станетъ жизнь такъ же, какъ искусство и литература, великой и здоровой.

Въ произведеніяхъ великихъ писателей открывается безконечный міръ, въ которомъ эротическое чувство есть только моментъ и это сильно охлаждаетъ это чувство. Кромѣ того, фантазія должна чѣмъ-нибудь питаться, чтобы не изсякнуть,—и пусть самое избранное и отборное и составитъ ея пищу. Пусть ребенокъ черпаетъ эту пищу сначала изъ сказокъ и легендъ, а потомъ изъ классической литературы, тѣмъ болѣе, что послѣдняя часто остается непрочтенной, когда позднѣе разнообразіе современной литературы начнетъ поглощать весь интересъ.

Научить хорошо видѣть въ мірѣ природы, человѣка и искусства, и хорошо читать — вотъ двѣ великія цѣли, къ которымъ должно стремиться какъ домашнее, такъ и школьное воспитаніе. Научившись этому, можно почти всему остальному научиться самостоятельно. Кстати, хотѣлось бы мнѣ указать еще на то, что здоровое развитіе фантазіи

имѣть не только эстетическое, но и этическое значеніе— оно является именно основнымъ условіемъ активной симпатіи. Безчисленныя жестокости, наприм., совершаются въ настоящее время людьми, которые сами по себѣ не злы, а только не обладаютъ достаточно развитымъ воображеніемъ, чтобы понять, какъ ихъ поступки дѣйствуютъ на другихъ.

Въ моей воображаемой школѣ будетъ господствовать полная свобода выбора во всѣхъ предметахъ, послѣ того какъ будетъ заложено вышеупомянутое основаніе. Школа только предлагаетъ предметы, но не навязываетъ ихъ никому. Въ ней будутъ проходиться вмѣстѣ съ англійскимъ французскій и нѣмецкій языки, естественныя науки, математика, исторія и географія. Родной языкъ будетъ изучаться посредствомъ прилежныхъ упражненій въ разговорѣ, чтеніи и письмѣ, но грамматика, совершенно излишняя для образованія и выработки языка, войдетъ въ область спеціально научнаго изученія, а не общаго образованія. При изученіи чужихъ языковъ грамматика будетъ также примѣняться только въ такомъ объемѣ, который безусловно необходимъ для усвоенія литературы—единственная цѣль, которую должно имѣть въ виду общее образованіе, а кто захочетъ научиться бѣгло говорить и безъ ошибки писать, тотъ долженъ будетъ пріобрѣтать этотъ навыкъ продолжительнымъ изученіемъ. Овладевъ литературой, легко научиться остальному. Свѣдущій въ иностранной литературѣ напишетъ, наприм., болѣе литературно письмо на иностранномъ языкѣ, хотя бы и съ грамматическими ошибками, чѣмъ тотъ, кто составитъ письмо только по правиламъ грамматики. Если ребенокъ уже настолько подвинулся въ знаніи языка, что понимаетъ легкую книгу, то онъ долженъ съ помощью словаря преодолевать одну книгу за другой и рассказывать устно прочитанное. Такимъ образомъ будетъ положено

основаніе познанію литературы, а не знанія готовыхъ уже мнѣній исторіи литературы. Въ родной, какъ и въ иностранной литературѣ, слѣдуетъ открывать передъ молодежью сущность предмета, а не показывать ей отраженіе въ зеркалѣ, слѣдуетъ подводить ее, такъ сказать, къ морю, а не къ водопроводу. Руководя изученіемъ языка, учитель въ то же время долженъ помогать ученику въ выборѣ книгъ, по возможности въ связи съ другими предметами. Онъ рекомендуетъ, наприм., такую литературу, которая была бы связана съ изученіемъ исторіи, естественной исторіи или географіи. Время отъ времени учитель дѣлаетъ обзорѣніе пройденнаго посредствомъ прочтенія вслухъ или возбуждаетъ охоту въ ученикахъ самимъ прочесть понравившееся имъ стихотвореніе. Но убіеніе всѣхъ писателей, т.-е. раздробленіе на строфы произведеній какого-нибудь писателя и классификація ихъ, должно быть воспрещено.

Такъ какъ дѣтство — лучшая пора для изученія языковъ, то дѣти, родители которыхъ сообщаютъ съ учителями рѣшили обучать ихъ языкамъ, должны будутъ два года заниматься англійскимъ языкомъ, затѣмъ два — французскимъ и потомъ столько же нѣмецкимъ или въ обратномъ порядкѣ такъ, чтобы одинъ языкъ постоянно изучался наряду съ другими предметами, но никоимъ образомъ — три языка одновременно. Только тогда именно возможно усвоить себѣ языкъ настолько, чтобы онъ и въ будущемъ оставался неутраченной цѣнностью, когда ему одному посвящать два года.

Желающіе продолжать рисованіе или изучать какое-нибудь ремесло могутъ соединить это съ изученіемъ главныхъ предметовъ. Хоровое пѣніе слѣдуетъ преподавать круглый годъ ежедневно какъ въ школѣ, такъ и на открытомъ воздухѣ, но на него должны смотрѣть только какъ

на средство выражать чувства, а не какъ на способъ развить музыкальныя способности, хотя пѣніе и можетъ дать толчокъ для открытія музыкальныхъ дарованій.

Что касается четырехъ главныхъ предметовъ — исторіи, географіи, естественной исторіи и математики, то они не должны преподаваться одновременно. Подраздѣленія на безконечное число предметовъ при современной системѣ мучительно для всѣхъ и дѣйствуетъ, какъ пытка, на даровитыхъ дѣтей, жажда знанія которыхъ, инициатива, самостоятельность и жизнерадостность, такимъ образомъ, ослабѣваютъ и утомляются изъ года въ годъ. Въ концѣ концовъ, не имѣя никогда времени перевести духъ, углубиться въ себя, дѣти становятся поверхностными.

Въ представляемой же мной школѣ математику изучаютъ, наприм., зимой: она такъ подходитъ къ холодному и ясному зимнему воздуху! Но весной и осенью по цѣлымъ днямъ изучаютъ природу на лонѣ самой природы и изучаютъ не особо каждую область природы, какъ отдѣльный предметъ, а свѣдѣнія по геологіи, ботаникѣ и зоологіи пріобрѣтаются въ неразрывной совокупности. Изучая такимъ образомъ въ живомъ созерцаніи частности, ученики находятъ затѣмъ въ живо изложенномъ учебникѣ набросанный широкими штрихами общій обзоръ того, чему они научились при помощи своихъ пяти чувствъ, или же дѣлаютъ сами—въ дождливые дни—письменно подобное же иллюстрированное обозрѣніе. Общее образованіе заключается не въ томъ, чтобы знать число тычинокъ нѣсколькихъ соцветій цвѣтковъ или число костей скелета. Быть въ состояніи слѣдить за законами жизни и развитія въ окружающей насъ природѣ и слѣдовать имъ, наблюдать и комбинировать самому ея явленія — вотъ въ чемъ заключается общее образованіе, которое вліяетъ на чувство и

фантазію такъ же, какъ на мышленіе и характеръ. Человѣкъ представляетъ послѣднее звено въ цѣпи развитія и изученіемъ его съ точки зрѣнія физиологіи и гігіены должно было бы заканчивать школьное преподаваніе, но, принимая во вниманіе дѣтскую психологію, пришлось придти къ заключенію, что школьное преподаваніе должно заканчивать науками, дающими основаніе знанію органической природы, именно физикой и химіей.

Въ настоящее время въ естественныхъ наукахъ уже перестаютъ примѣнять невѣрный методъ съ увеличеніемъ курса—вновь возвращаться все къ тому же предмету. Точно также слѣдуетъ предоставлять ребенку въ теченіе извѣстнаго времени углубляться въ изученіе географіи или исторіи, чтобы затѣмъ совершенно оставить эти предметы. Вѣчныя повторенія, зубрежка, имѣющія конечной цѣлью экзамень, исчезнутъ вмѣстѣ съ уничтоженіемъ экзаменовъ.

Опытъ, говорящій, что мелочныя подробности обо всѣхъ предметахъ ускользаютъ изъ памяти мѣсяца черезъ два послѣ экзамена и что высокообразованные люди по большей части не имѣютъ никакаго представленія о томъ, что они усваивали когда-то съ такими подробностями въ школахъ, тогда какъ цѣльныя впечатлѣнія вліяли на ихъ душу, сердце, волю и характеръ—этотъ опытъ станетъ когда-нибудь примѣняться; а не только постоянно констатироваться, какъ это дѣлается теперь.

Въ моей воображаемой школѣ тотъ, кто заинтересуется, наприм., исторіей, могъ бы употреблять зимніе мѣсяцы на то, чтобы читать сочиненія по этому предмету въ то время, какъ другіе углубляются въ математику или географію. Весной эти „историки“ и „географы“ могутъ вмѣстѣ съ другими ходить на прогулки, оставаясь только пассивными слушателями въ то время, какъ „естественники“

составляют коллекціи, рисуютъ и дѣлаютъ наблюденія подѣ микроскопомъ. Одна группа можетъ, наприм., посредствомъ изученія географіи составить себѣ представленіе о связи между жизнью природы и жизнью человѣка, и это можетъ вызвать желаніе на слѣдующій годъ участвовать зимой въ изученіи исторіи, а весной и осенью — естественной исторіи. Здѣсь можно только намекнуть на различныя комбинаціи, которыя родители, учителя и ученики могутъ придумать. Конечнымъ результатомъ однако же явится то, что только два предмета станутъ изучаться за-разъ, и послѣ того какъ ребенокъ усвоитъ все то, что онъ въ этой стадіи развитія можетъ воспринять, эти предметы будутъ замѣняться новыми, и къ нимъ будутъ возвращаться только позднѣе, если кто захочетъ специализироваться въ томъ или другомъ направленіи. Вмѣсто того раздѣленія предметовъ, которое въ современной школѣ раздробляетъ интересы и силы, въ новой — главная задача должна быть концентрація. Когда описаніе войнъ займетъ въ исторіи только такое ограниченное мѣсто, какое отводится теперь исторіи культуры, исторія можетъ стать единственно тѣмъ, чѣмъ она должна быть для общаго образованія—исторіей развитія человѣчества. Она будетъ сообщать наиболѣе важныя черты въ области этнографіи, социологіи, знакомить съ экономическими принципами, жизнью великихъ личностей, исторіей церкви, искусства и литературы. При изученіи естественной исторіи и математики будутъ даваться характеристики выдающихся людей науки и изобрѣтателей. Географія затрагиваетъ почти всѣ области знанія, а потому есть полное основаніе—попытки чего уже были—поставить этотъ предметъ въ центрѣ всего преподаванія.

Каковы результаты современной школы? Притупленные умственные способности, слабые нервы, подавленная оригинальность, слабая инициатива, невосприимчивость къ окружающей дѣйствительности, идеализмъ, заглушенный той лихорадочной торопливостью сдѣлать во что бы то ни стало карьеру—той гонкой, при которой какъ родители, такъ и дѣти смотрятъ на потерю одного года, какъ на большое несчастье! Когда экзамены сданы, когда пройдетъ нѣсколько лѣтъ, тогда только — и то въ лучшемъ случаѣ—пробуждается потребность вновь начать учиться болѣе жизненнымъ способомъ. Для большинства результатовъ теперь таковъ, что оно едва въ состояніи прочесть газету съ дѣйствительной пользой для себя, а тѣ, которые вполне бы поняли книгу на иностранномъ языкѣ—изученію котораго они пожертвовали безконечно много часовъ—являются только рѣдкими исключеніями, если школьное преподаваніе языковъ не подкрѣплялось домашней практикой. Неспособность наблюдать, вникать въ отдѣльные явленія и посредствомъ размышленія находить связь между ними все усиливается, благодаря школьной системѣ приготовленія уроковъ, поддерживаемой еще къ тому же прослушиваніемъ уроковъ дома матерями. Бывшій профессоръ Кэй по личному опыту, какъ преподаватель медицинскаго института, убѣдился въ томъ, что ученики уже въ школѣ становятся неспособными наблюдать, размышлять и работать. Въ одномъ вѣдомствѣ въ Стокгольмѣ слышала я недавно то же самое мнѣніе, именно, что молодые люди безпомощно останавливаются передъ практическими задачами, къ которымъ они должны бы были примѣнить свои познанія, обнаруженныя на только что „блестяще“ выдержанномъ экзаменѣ. Такимъ образомъ современная школьная система не удовлетворяетъ даже своимъ второстепен-

нымъ цѣлямъ, противоудѣствуя въ то же время всѣмъ высшимъ цѣлямъ челоудческаго существованія.

Этотъ опытъ приведетъ также въ концѣ концовъ черезъ нѣсколько сотъ лѣтъ къ паденію этой системы.

И тогда, быть можетъ, возникнутъ эти воображаемыя мной школы, въ которыхъ молодежь прежде всего научится наблюдать и любить жизнь, и гдѣ ея собственныя силы будутъ сознательно охраняться какъ величайшее благо жизни. Посредствомъ соприкосновенія дѣтей всѣхъ классовъ, высшій классъ—если таковой еще будетъ существовать—приобрѣтетъ тотъ серьезный характеръ, котораго ему недостаетъ, какъ это говорилъ уже Альмквистъ; низшій же классъ въ свою очередь получить то общее образованіе, котораго ему еще не хватаетъ. Такими общими для всѣхъ образовательными школами будетъ вызвана и та естественная перетасовка сословій, о которой одинъ шведъ высказалъ такія мудрыя слова, что сынъ крестьянина и сынъ графа помѣняются мѣстами, если природа создала послѣдняго годнымъ для конюшни, а перваго — для государственной дѣятельности. Благодаря этимъ школамъ деревенскій ребенокъ могъ бы всегда вырастать въ деревнѣ, а не отсылаться ради образованія въ большіе города (да и будутъ ли они еще тогда существовать?). И наконецъ дѣвочки и мальчики будутъ пользоваться тамъ всѣми выгодами совмѣстнаго воспитанія, безъ того однако, чтобы свойственныя тѣмъ или другимъ особенности заглушались однообразнымъ давленіемъ принудительныхъ экзаменовъ.

Послѣ того какъ всѣ дѣти проучатся въ такихъ дѣйствительно общихъ школахъ приблизительно до пятнадцати лѣтъ, одни упражняя больше умъ, другія—мускулы, они перейдутъ въ спеціальныя школы: школы для классическихкихъ наукъ, для точныхъ, социальныхъ или для эстети-

ческих наукъ; школы для изученія искусствъ, ремеслъ, различныхъ призваній и занятій; школы съ различными методами и принципами, школы, которыя могутъ создать самыя разнообразныя формы образованія для развитія индивидуальностей. И такимъ образомъ воспитаніе вмѣсто того, чтобы образовывать, какъ теперь, преклоняющихся передъ формой рабовъ или ненавидящихъ всякую форму мятежниковъ, будетъ доставлять духовной и матеріальной культурѣ—наукамъ и изобрѣтенію, художественному творчеству и искусству—свѣжія индивидуальныя силы. Оно разовьетъ рѣшимость и способность искать новые научныя методы, обдумывать новыя мысли, дѣлать смѣлыя открытія. И образованные люди внесутъ тогда въ общій ходъ культуры свою привычку къ собственному выбору, собственному изслѣдованію, собственной дѣятельности, собственному труду, основаніе которымъ положить уже школа и семья.

Въ школѣ совершенно исчезнетъ тревожное современное безпокойство: „удастся ли сдѣлать карьеру“. Спокойное возвышенное настроеніе школы положить въ молодежи основаніе увѣренности, что самое важное въ человѣкѣ не его дѣйствія, а его сущность.

Быть можетъ тогда также и въ области практическаго труда придутъ къ тому, что—въ то время какъ машины и электричество исполняютъ работы, которыя не могутъ дать никакой радости творчеству—ручной трудъ вновь внесетъ долю счастья въ жизнь человѣка. И тогда переживутъ второе Возрожденіе: вновь оживетъ личная радость, которую испытывалъ человѣкъ прежнихъ временъ, когда изъ его рукъ выходила искусная оправка, яркая ткань, прекрасная рѣзьба. Современная школьная система и въ этомъ случаѣ ведетъ къ оптовому производству бесполезныхъ

вещей, а не къ истинной любви и истинному пониманію какой-нибудь профессиональной отрасли труда, той любви и тому пониманію, изъ которыхъ въ величайшія времена искусства органически выросло художественное творчество.

Когда согласятся съ тѣмъ, что современная система ограничиваетъ во всѣхъ отношеніяхъ естественную способность ребенка къ концентрации, комбинаціи, развитію силы, когда поймутъ, что въ конечномъ итогѣ эта система въ лучшемъ случаѣ приводитъ къ тому, что превращаетъ молодое поколѣніе въ ходячую энциклопедію достигнутыхъ человѣчествомъ по сіе время знаній, когда перестанутъ называть это „гармоническимъ развитіемъ“ — тогда отдадутъ себѣ отчетъ, что школа не можетъ и не должна быть ничѣмъ инымъ, какъ подготовкой молодежи къ самостоятельному продолженію своего образованія въ теченіе всей жизни. И тогда только школа станетъ такимъ заведеніемъ, гдѣ обогащаются познаніями для жизни, а не становятся бѣднѣе, какъ это дѣлается теперь. Тогда каждый въ такой школѣ вступитъ въ свое право: желающій учиться и неохотно учащійся, тотъ, для котораго главный образовательный матеріалъ заключается въ книгахъ, и тотъ, для кого этотъ матеріалъ доставляютъ наблюденіе и дѣятельность его собственныхъ глазъ и рукъ, теоретикъ и практикъ, реалистъ и идеалистъ. Если каждый получитъ свободу дѣлать то, къ чему онъ больше всего способенъ, то также часто онъ будетъ испытывать желаніе испробовать свои силы въ тѣхъ отрасляхъ знанія, которыми занимаются и другіе. Это и будетъ естественнымъ коррективомъ односторонности, а не безпощадное сплющиваніе

при помощи валовъ идеала „гармоническаго образованія“, какъ это практикуется теперь.

Совершенно новыя семинаріи должны готовить учителей для школъ будущаго. Патентованная педагогика уступитъ мѣсто индивидуальной, и только тому, кто способенъ отъ природы—или развилъ въ себѣ эту способность самовоспитаніемъ—играть съ дѣтьми, жить съ дѣтьми, учиться у дѣтей, любить дѣтей, будетъ предоставлено мѣсто преподавателя въ школѣ, чтобы затѣмъ выработать себѣ тамъ личный „методъ“. И эти учителя будутъ утверждаться только послѣ годового испытанія, при чемъ приговоръ высказывается не только членами испытательной комиссіи—которые въ продолженіе всего года присутствовали при преподаваніи,—но и самими дѣтьми. Можно не придавать этому послѣднему рѣшающаго значенія, но все же необходимо и съ нимъ считаться, потому что инстинктъ дѣтей выбирать самое лучшее съ удивительной непогрѣшимостью.

А въ чемъ же заключается это лучшее для ребенка?
Гете отвѣтилъ на это:

Höchstes Glück der Erdenkinder
Ist nur die Persönlichkeit!...

Въ настоящее время цѣнять объективность преподаванія, между тѣмъ какъ каждый великій воспитатель вліялъ именно тѣмъ, что былъ въ высшей степени субъективнымъ.

Учитель долженъ быть правдивымъ, такъ что никогда не долженъ прибѣгать къ какому-нибудь спорному факту для подкрѣпленія своихъ воззрѣній. Но зато чѣмъ онъ субъективнѣе, тѣмъ лучше; тѣмъ полнѣе, богаче, ярче и

содержательнѣе передаетъ онъ дѣтямъ свой опытъ, свое міросозерцаніе, свою оригинальность, тѣмъ больше способствуетъ ихъ дѣйствительному развитію, предположивъ, что онъ не навязываетъ имъ своихъ мнѣній съ претензіей на непогрѣшимость, а предоставляетъ молодежи въ этомъ, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, свободный выборъ.

Учителя и учительницы моей воображаемой школы будутъ заняты ежедневно немного часовъ, будутъ имѣть много свободного времени и получать большое вознагражденіе—что дастъ имъ возможность продолжать собственное образованіе—и наибольшій срокъ службы будетъ двадцать лѣтъ. Послѣ того они входятъ въ составъ школьнаго жюри, состоящаго изъ родителей и учителей, или же становятся членами учебной комиссіи при испытаніи зрѣлости. А послѣднія будутъ производиться, какъ это уже указывалось выше, такимъ образомъ, что каждый экзаменаторъ проведетъ лѣто съ молодыми людьми, не болѣе пяти человекъ, у себя на родинѣ или за границей. При такой соимѣстной жизни будетъ онъ въ состояніи дѣйствительно опредѣлить степень ихъ образованія, руководить ими при выборѣ жизненной задачи, будетъ имъ сообщать жизненную мудрость въ формѣ Сократовскихъ поученій, взаимнѣе подготовки къ конфирмаціи (которой тогда уже не будетъ, надѣюсь), психологическая цѣнность которой заключается не въ томъ, чему при этомъ научаются, а въ направленіи ума на серьезные вопросы и задачи жизни, въ пробужденіи стремленія къ этическому саморазвитію, что особенно важно, именно, въ переходное время отъ дѣтства къ юности. Затѣмъ молодежь должна быть посвящена въ искусство жизни,—т. е. искусство придать форму художественнаго произведенія своей собственной личности, своему собственному существованію—въ это искусство ее должны

посвятить мудрые руководители, безразлично мужчина или женщина, которые сохранили свою молодость настолько, что въ состояніи понимать радости и горести молодежи, ея шутки и серьезность, ея мечты и предчувствія, ея недостатки и грозящія ей опасности—руководители, которые однако, должны только намекать на то, какъ молодежь должна настраивать свои собственныя мелодіи для великаго оркестра жизни.

Моя школа—мечта; эта школа не можетъ осуществиться, пока государства приносятъ величайшія жертвы милитаризму. Только когда этого не будетъ, люди настолько подвинутся въ развитіи, чтобы понять, что наиболѣе дорогой школьный планъ—въ то же время и самый дешевый. Потому что тогда начнутъ видѣть въ сильныхъ человѣческихъ умахъ и сердцахъ величайшую цѣнность общества. Итакъ, какъ я уже говорила раньше, я даю здѣсь не планъ реформъ для настоящаго времени, а передаю только свою мечту о будущемъ.

Но мечты въ нашемъ странномъ существованіи однѣ только являются настоящею дѣйствительностью.

Когда все вышеизложенное было уже написано мною, я узнала, что въ Англии критика существующей школьной системы привела къ нѣкоторымъ преобразованіямъ, планъ которыхъ я и хотѣла бы набросать въ общихъ чертахъ. До сего времени самымъ важнымъ положительнымъ результатомъ этой критики являются основанныя д-ромъ Сесилемъ Реддэ (Cecil Reddie) школы въ Абботсхольмѣ (Abbotsholme), Рочестерѣ (Rochester), Штеффордширѣ (Staffordshire), о которыхъ существуютъ въ настоящее время подробныя свѣдѣнія. Д-ръ Реддэ (Reddie) говоритъ, что онъ получилъ такія же глубокія впечатлѣнія отъ Рёскина, Дизраэли и Карлейля, какъ отъ Гербартъ-Рейнской (Herbart-

Reinschenschule) школы, въ особенности же его поразила ея идея объ единствѣ или органической связи между всѣми сторонами преподаванія. Но своей школѣ д-ръ Реддэ придалъ отпечатокъ своей собственной личности и британской національности, благодаря чему она и явилась совершенно самостоятельнымъ типомъ новой высшей нормальной школы для англійскихъ мальчиковъ въ возрастѣ отъ 11—18 лѣтъ, принадлежащихъ the directing classes. Какъ гласитъ программа, до 15 лѣтъ воспитаніе почти одинаково для всѣхъ; затѣмъ дороги расходятся, чтобы вести къ различнымъ призваніямъ и жизненнымъ цѣлямъ. Цѣль, которая имѣется при этомъ въ виду, — достиженіе естественной связи между различными школьными предметами, а также между школьными предметами и жизненной дѣйствительностью. Изученіе математики находитъ себѣ примѣненіе при вычисленіи, измѣреніи, выполненіи и устройствѣ челноковъ, птичьихъ садковъ, площадокъ для спорта и проч. Данные на урокахъ исторіи принципы управленія примѣняются на практикѣ этимъ обществомъ въ миниатюрѣ, при чемъ каждый имѣетъ свою особую задачу, содѣйствующую общему благу. „Парламентъ“, состоящій изъ самихъ мальчиковъ, рѣшаетъ нѣкоторыя общія дѣла, хотя для резолюціи требуется санкція „правительства“. Физическое образованіе достигается не только спортомъ, но также и серьезной работой, преслѣдующей дѣйствительныя цѣли, — въ столярныхъ мастерскихъ, въ полѣ и въ саду. Въ основѣ всего лежитъ англійскій языкъ, за нимъ идутъ французскій и нѣмецкій, а на послѣднемъ планѣ — латинскій и греческій. Исторія и географія, для изученія которыхъ существуетъ богатый матеріалъ, тѣсно связаны между собой, такъ же какъ географія и естественныя науки, которыя какъ можно больше изучаются подъ открытымъ небомъ и ведутъ постепен-

но къ все болѣе глубокому анализу жизни и вселенной. Морально-религіозное воспитаніе занимаетъ значительное мѣсто, но достигается не преподаваніемъ религіозныхъ догматовъ, а ученіемъ самого Христа и примѣромъ великихъ личностей. Часовня украшена изображеніями такихъ лицъ, и богослуженіе посвящается часто ихъ жизнеописанію. Музыкальному и литературному воспитанію способствуютъ въ особенности вечернія собранія, а клубъ для дебатовъ развиваетъ ораторскую способность. Отмѣтки и награды отмѣнены, какъ искусственныя и антисоціальныя средства сореазнованія. Здѣсь такъ же, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ реформированныхъ школахъ, родители, конечно, получаютъ извѣщенія о поведеніи своихъ дѣтей, но совершенно не допускается какое бы то ни было измѣненіе соотвѣтствующихъ цѣнностей или достоинствъ дѣтей. При большемъ собраніи родителей лѣтомъ имъ представляется случай осмотрѣть школу и обмѣняться съ учителями мыслями о воспитаніи дѣтей. Послѣ ночного отдыха, продолжающагося съ 9—6 ч., день въ Абботсхольмѣ протекаетъ слѣдующимъ образомъ: первый завтракъ, гимнастика, первый урокъ, продолжающійся, какъ и остальные, 45 мин., затѣмъ богослуженіе, второй завтракъ, уборка спаленъ, второй урокъ, ленчъ, третій урокъ, ванна, обѣдъ, потомъ музыка, затѣмъ 4 часа посвящаются различнымъ занятіямъ, какъ наприм., рисованіе, ремесла, работа въ саду, спортъ и т. д. Послѣ чая—четвертый урокъ, затѣмъ общее собраніе съ пѣніемъ, чтеніемъ стихотвореній и т. п., наконецъ, ужинъ и молитва.

Эта программа многообѣщающая—благодаря пропорціональному распредѣленію времени между физическимъ, практическимъ, эстетическимъ и интеллектуальнымъ развитіемъ. Но чего я не нахожу въ распредѣленіи дня—это

часовъ, въ которые дѣти вполнѣ бы могли располагать собой и вмѣсто того, чтобы заниматься опредѣленными занятіями, могли бы свободно читать, гулять, или мечтать и вообще быть независимыми другъ отъ друга. Профессоръ Сюлли доказывалъ въ одномъ сочиненіи—о воспитаніи гения-то, что я теперь отваживаюсь утверждать: что почти всѣ гении были плохими учениками или получили неправильное образованіе и, кромѣ того, обнаруживали склонность къ страннымъ причудамъ, дикимъ фантазіямъ и другимъ противообщественнымъ тенденціямъ. И такимъ своеобразнымъ натурамъ,—такъ же какъ вообще для развитія своеобразности,—въ Абботсхольмѣ, быть можетъ, было бы не многимъ лучше, чѣмъ въ школахъ стараго типа.

При подготовкѣ воспитателя изученіе біографіи великихъ людей должно бы всегда предшествовать изученію педагогическихъ системъ, потому что система—своя ли собственная или усвоенная—легко можетъ опутать душу воспитателя и свести его съ единственной узкой тропинки, которая при воспитаніи ведетъ къ жизни: а именно—создавать особую систему для каждаго индивида, потому что именно въ біографіяхъ ясно обнаруживается, что чѣмъ замѣчательнѣе сталъ человекъ впоследствии, тѣмъ менѣе нормаленъ былъ онъ ребенкомъ, тѣмъ менѣе былъ онъ способенъ приноравливаться къ нормальнымъ условіямъ, тѣмъ менѣе подходило для него то, что было хорошо для другихъ, тѣмъ болѣе долженъ онъ былъ итти своимъ собственнымъ путемъ. И такъ какъ никогда нельзя знать съ увѣренностью, какія дѣти гениальны, но, наоборотъ, извѣстно, что для всѣхъ хорошо, если на каждаго ребенка смотрятъ, какъ на индивида съ особыми вкусами, съ особыми дарованіями и особыми потребностями, то наилучшая система есть та, до сихъ поръ неиспробованная, по ко-

торой какъ можно дальше пойдутъ въ этомъ направленіи—одинаково съ обыкновенными, какъ и съ необыкновенными дѣтьми.

Подобные же принципы, какъ въ Абботсхольмѣ, преслѣдуются и въ другой школѣ, основанной въ Бедалѣ (Bedales) бывшимъ абботсхольмскимъ учителемъ, а также въ школѣ, основанной д-ромъ Н. Liets въ Ильзенбергѣ (Гарцъ). Во Франціи абботсхольмская школа также нашла послѣдователей. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ была приведена въ исполненіе, необычная и для Англіи, мысль совмѣстнаго обученія обоихъ половъ, частью въ общей школѣ въ Блэквеллѣ (Blakewells), частью же въ школѣ, основанной „King Alfred School Society“. Планъ этой послѣдней—прежде всего, развитіе характера при воспитаніи для дѣйствительной жизни. Совмѣстное преподаваніе, взаимодѣйствіе семьи и школы и постоянное соприкосновеніе ребенка съ конкретными явленіями—служать лучшими средствами для этого. Здѣсь также ручной трудъ приведенъ въ соотношеніе съ физикой и математикой; но центръ тяжести заключается въ гуманитарныхъ наукахъ, „которыя развиваютъ воображеніе, это послѣднее, въ свою очередь, увеличиваетъ способность къ симпатіи, а это и есть основа всякой истинной культуры“—въ высшей степени плодотворная точка зрѣнія! Исторія, географія и литература—вмѣстѣ съ живыми языками, какъ средствомъ усвоить себѣ литературу—являются поэтому съ полнымъ правомъ главными предметами въ школѣ, тогда какъ религіознаго обученія въ обыкновенномъ смыслѣ слова не существуетъ. Для первоначальнаго обученія не пользуются книгами, а только прогулками за городъ или по Лондону, посѣщеніями музеевъ и т. д. Сдѣланныя при этомъ дѣтьми наблюденія составляютъ исходный пунктъ для ихъ обученія, при которомъ географія, математика,

естественная исторія, а позднѣе географія, исторія и литература взаимно поясняютъ другъ друга. На ручной трудъ и спортъ смотрятъ какъ на работу, а не какъ на отдыхъ; каждая суббота—совершенно свободный отъ занятія день и ни отмытокъ, ни наградъ не существуетъ. Послѣ 2-хъ лѣтняго опыта нашли, что совмѣстное воспитаніе увеличило чувство отвѣтственности и охоту къ труду, что состояніе здоровья превосходно и что методы преподаванія развили наблюдательность, мышленіе и самодѣятельность.

Позднѣйшая и наиболѣе радикальная изъ всѣхъ англійскихъ реформированныхъ школъ—это совмѣстная школа открытая Гарри Ловеризономъ (Harry Lowerison) — „*Ruskin Home School*“. Названіе школы показываетъ, какое вліяніе на основателя ея имѣли педагогическія воззрѣнія Рёскина. Но Ловеризонъ не „рескиніанецъ“, у него всѣ признаки новаго человѣка, т.-е. онъ—свободный мыслитель въ религіозномъ отношеніи, идеалистъ по социальнымъ воззрѣніямъ, натуралистическій поклонникъ красоты и свободомыслящій поборникъ воспитанія „человѣчностью къ человѣчности“. М-ръ Ловеризонъ былъ раньше учителемъ въ одной „*board-school*“ и научился ненавидѣть эту отвратительную систему, по которой уже трехлѣтнія малютки проводятъ многіе часы, сидя на скверныхъ скамьяхъ, чтобы научиться читать, а классы могутъ состоять изъ 150 дѣтей; гдѣ зубрежка, механическая болтовня, упражненія и побои примѣняются, какъ средства, чтобы заставить усвоить извѣстные уроки и извѣстную дисциплину этихъ часто плохо-накормленныхъ, невыспавшихся дѣтей, и гдѣ, кромѣ того, бьютъ дѣтей, если они—изъ инстинкта самосохраненія—прогуливаютъ уроки.

Мистеръ Ловеризонъ не выдержалъ, наконецъ, этой системы, которая представляетъ противоположность всему

тому, чѣмъ должна быть школа. Онъ помѣстилъ въ издаваемомъ Р. Блэтчфордомъ (R. Blatchford) социалистическомъ листкѣ „Clarion“ статью, въ которой высказывалъ свой взглядъ на идеальное воспитаніе и спрашивалъ, не найдутся ли родители, которые захотѣли бы довѣрить ему своихъ дѣтей. Нашлось приблизительно двадцать пять дѣтей, между ними нѣсколько дѣвочекъ, и мистеръ Ловеризонъ намѣренъ остаться всегда при небольшомъ числѣ дѣтей, потому что только такимъ образомъ могутъ быть достигнуты въ школѣ семейныя отношенія, которыя онъ вполне справедливо считаетъ очень важными для развитія симпатическихъ чувствъ. Въ январѣ 1900 г. мистеръ и мистрисъ Ловеризонъ могли уже открыть свою школу въ Гунстантонѣ (Hunstanton) въ Норфолькѣ, гдѣ я и имѣла случай осмотрѣть ее въ послѣднія недѣли лѣтняго семестра. Прямодушіе и искренность дѣтей, вмѣстѣ съ послушаніемъ и умѣніемъ себя держать, тотчасъ же говорятъ въ пользу метода, котораго здѣсь придерживаются. Проворно, учтиво и весело исполняютъ они свои домашнія обязанности въ общемъ домашнемъ обиходѣ, свои уроки и игры. Если замѣчаются недостатки, то для ихъ исправленія примѣняются воспитательныя наказанія, побои же совершенно изгнаны изъ этой школы. Главная ея цѣль—физическое здоровье и ясное пониманіе необходимыхъ для этого условій. Преподаваніе ведется возможно дольше подъ открытымъ небомъ, и мистеръ Ловеризонъ считаетъ вполне справедливо хорошимъ методомъ прервать урокъ въ комнатѣ для того, чтобы показать дѣтямъ рѣдкое, прекрасное явленіе природы. Въ распредѣленіи уроковъ сообразуются съ приливами и отливами, такъ какъ купанье, такъ же, какъ солнце, воздухъ и здоровая обильная пища, признаются необходимыми для развитія гармоническаго человѣка.

Собственно спорту предпочитаютъ всѣ естественныя физическія упражненія, какъ плаваніе, гребля, прогулки пѣшкомъ и занятія столярными работами, садоводство, уходъ за домашнимъ скотомъ, хотя не пренебрегаютъ крокетомъ и т. п. Но здѣсь такъ же, какъ и въ другихъ вышеупомянутыхъ англійскихъ школахъ, не закрываютъ глазъ на опасность того, чтобы тѣлесныя упражненія не превратились въ спортъ, опасность, которую Фритіофъ Нансенъ такъ удачно охарактеризовалъ словами: „цѣль „Idrott'a“³⁾—общеніе съ природой, а цѣль спорта—опередить другого на пару метровъ!“.

Мальчики научаются понимать, что мужественность состоитъ не въ дракахъ, а въ твердости и выдержкѣ, что мягкость и справедливость—самыя цѣнныя черты мужского характера. Высказываемыя этими 10—14-лѣтними мальчиками привѣтливость и готовность помочь были также въ высшей степени необычны. Мнѣ казалось, что здѣсь осуществилось отчасти предсказаніе Жоржъ Эліотъ о томъ времени, когда „будетъ также естественно помогать другимъ, какъ естественно искать опоры, когда сами мы готовимся упасть“. Въ школѣ нѣтъ ни богослуженій, ни обязательныхъ хожденій въ церковь, а есть только самостоятельно выбранное преподаваніе христіанской вѣры. Но въ одно воскресеніе дѣти слушаютъ на морскомъ берегу рассказы объ Иисусѣ, въ другое—о Буддѣ или Балдурѣ, или Аполлонѣ. Глубокое благоговѣніе передъ всякой религіей, всякимъ этическимъ идеализмомъ такъ же, какъ передъ божественностью собственной природы и окружающей ихъ жизни—лейтмотивъ всего ихъ обученія. Но и помимо преподаванія, одной только совмѣстной жизнью со всесторонне образованнымъ учителемъ передается имъ пониманіе и любовь ко всѣмъ великимъ цѣнностямъ жизни, которыя составляютъ самый прекрасный результатъ образованія. При

усердномъ собираніи коллекцій и непосредственномъ наблюденіи формаціи скаль и образованія облаковъ, формъ и жизни растений и животныхъ, дѣти получили представленіе о мѣстѣ, занимаемомъ различными явленіями природы въ цѣпи развитія и объ ихъ приспособляемости къ окружающему. Преподаваніе рисованія имѣетъ цѣлью между прочимъ то, чтобы научить дѣтей срисовывать и писать красками предметы, встрѣчающіеся въ природѣ въ „nature diary“, и учитель старается пользоваться этой стороною преподаванія для того, чтобы развить какъ любовь къ порядку и красотѣ, такъ и наблюдательность и умѣніе дѣлать выводы.

Французскій и нѣмецкій языки изучаются по новому разговорному методу, и дальнѣйшее совершенствованіе въ этихъ языкахъ достигается путешествіями учащихся за границу, при которыхъ имѣется, кромѣ того, въ виду развить націоналистическіе умы до космополитической точки зрѣнія. При изученіи исторіи исходными пунктами служатъ окрестные памятники, и съ каждымъ годомъ путешествія по родной странѣ простираются все дальше. Арифметика и геометрія преподаются только въ формѣ устнаго счисленія и нагляднаго обученія и связываются съ ежедневными практическими опытами. Въ этой школѣ изгнаны не только награды и отмѣтки, но также и экзамены—даже всякая мысль объ экзаменѣ, какъ конечной цѣли преподаванія. Цѣлью же является тамъ то, что и должно быть единственною цѣлью каждой школы: дать обществу „психически и физически сильныхъ людей, съ красной кровью, ясными глазами, широкой грудью, людей, увѣренныхъ въ себѣ и преисполненныхъ доброты и мягкости, со взоромъ, воспріимчивымъ къ красотѣ, съ душой, стремящейся проникнуть тайны, съ сердцемъ, откликающимся на радости и горести этого удивительнаго міра“ 4).

VII.

Преподаваніе религіи.

Самымъ деморализующимъ моментомъ въ современномъ воспитаніи является преподаваніе христіанской религіи.

Подъ этимъ я подразумѣваю катехизисъ, священную исторію, теологію и исторію церкви. Многіе глубоко вѣрующіе и глубоко убѣжденные христіане не разъ высказывали объ общепринятомъ преподаваніи этого предмета слѣдующее: „Ничто не можетъ лучше доказать, до чего глубоко виѣдрилась религія въ человѣческую натуру, какъ то, что даже этотъ способъ преподаванія не въ состояніи ее искоренить“.

Но я кромѣ того полагаю, что даже и „болѣе живое“ преподаваніе этого предмета въ школахъ—только во вредъ дѣтямъ.

Дѣти должны были бы сами свыкаться или, вѣрнѣе, сживаться съ патріархальнымъ міромъ Ветхаго Завѣта и съ міромъ Новаго Завѣта (лучше всего въ той формѣ, въ какой Феръ составилъ свою дѣтскую библію). Подобная библія станетъ близкой и дорогой ребенку, онъ найдетъ въ ней многое, что дастъ его фантазіи и его чувству непосредственную и, такъ сказать, живую пищу, но только

въ томъ случаѣ, если ему предоставятъ возможность спокойно погружаться въ чтеніе библіи, безъ всякихъ догматическихъ или педагогическихъ уясненій и разъясненій. Только въ родномъ домѣ должна библія быть предметомъ разговоровъ и объясненій—если этого пожелаетъ самъ ребенокъ. Но этого никогда не слѣдуетъ дѣлать въ школѣ.

Когда ребенокъ такимъ образомъ восприметъ прямо изъ библіи впечатлѣнія, свободныя отъ всякихъ поученій, кромѣ внутреннихъ, вызванныхъ самими впечатлѣніями, тогда всѣ библейскіе миры такъ же мало придутъ въ противорѣчивое столкновеніе со всѣми остальными предметами преподаванія, какъ и древне-германскія сказанія о сотвореніи міра и греческія сказанія о богахъ.

Но самая крупная и самая опасная для человѣчества ошибка воспитанія — та, что теперь дѣтямъ преподаютъ, какъ абсолютную истину, ветхозавѣтное объясненіе сотворенія міра, которое совершенно противорѣчитъ тому, что ребенокъ слышитъ о томъ же на урокахъ естественной и всеобщей исторіи, учатъ ихъ признавать мораль Новаго Завѣта абсолютно обязательной, а между тѣмъ ребенокъ съ первыхъ жизненныхъ шаговъ видитъ всегда и повсюду нарушеніе евангельскихъ заповѣдей. Потому что все промышленное и капиталистическое общество зиждется именно на совершенно противорѣчащей христіанской заповѣди: „Возлюби ближняго твоего какъ самого себя“,—практической заповѣди: „Своя рубашка ближе къ тѣлу“.

Глаза дѣтей въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, наивно зорки, они съ самага нѣжнаго возраста наблюдаютъ, живутъ ли окружающіе согласно христіанскому ученію или нѣтъ. Четырехлѣтній мальчикъ, съ которымъ я говорила о заповѣди Христа, отвѣтилъ мнѣ слѣдующее: „Если Христосъ дѣйствительно сказалъ это, тогда папа не

христіанинъ!“ Ребенку приходится весьма скоро придти въ столкновеніе съ противорѣчіемъ между воспитателемъ и заповѣдями христіанства. Такъ, напримѣръ, одинъ маленькій мальчикъ глубоко проникся словами Христа о милосердіи. Онъ сталъ раздавать не только свои игрушки, но и свою одежду бѣднякамъ до тѣхъ поръ, пока родители не отучили его побоями отъ этого практическаго примѣненія ученія Христа! Маленькая дѣвочка въ одной изъ финляндскихъ школъ отвѣтила учителю, объяснявшему заповѣдь Христа, что слѣдуетъ любить и прощать врагамъ: „Это невозможно, потому что въ Финляндіи никто не можетъ любить Бобрикова“. Я прекрасно знаю, какими софизмами въ обоихъ случаяхъ можно подкупить неподкупную логику ребенка. Но я также знаю, что благодаря этимъ же софизмамъ въ „христіанскомъ“ обществѣ лицемеріе стало такой естественной вещью, что оно теперь совершенно безсознательно, и что только новый Киркегардъ могъ бы своими пламенными проповѣдями точно ударами бича вновь пробудить человѣческую совѣсть. Ко всѣмъ областямъ человѣческой жизни могутъ быть примѣнены слѣдующія слова Руссо: „Ребенку преподаютъ великіе принципы, которые должны служить путеводной нитью всей его жизни, но въ то же время окружающіе заставляютъ его поступать сообразно съ болѣе низкими принципами каждый разъ, когда онъ хочетъ примѣнить великіе. И тогда-то приводятъ безконечное число „если“ и „но“, посредствомъ которыхъ ребенокъ научается тому, что великіе принципы только слова, а дѣйствительная жизнь — нѣчто совсѣмъ иное!“

Опасность заключается не въ томъ, что идеалъ христіанства слишкомъ высокъ: уже само понятіе идеала заключаетъ въ себѣ представленіе о недосягаемости, такъ какъ

идеаль все возвышается по мѣрѣ того, какъ мы къ нему приближаемся. Но самое деморализующее въ христіанскомъ идеаль заключается въ томъ, что намъ его даютъ, какъ абсолютный идеаль, тогда какъ каждый членъ человѣческаго общества долженъ ежедневно оскорблять его и нарушать и въ то же время онъ еще узнаетъ изъ уроковъ Закона Божія, что ему, какъ грѣховному и падшему существу, нечего и думать достигнуть этого идеала, хотя вся его возможность и надежда на честную, правильную жизнь на землѣ и на вѣчное загробное блаженство основаны именно на томъ, чтобъ его достигнуть.

Поколѣніе за поколѣніемъ видѣло, какъ его идеаль вѣры все больше и больше запутывался въ эту сѣть неразрѣшимыхъ противорѣчій, и постепенно каждое новое поколѣніе научилось относиться несерьезно къ этому идеалу.

Среди всѣхъ трусливыхъ или кичливыхъ уступокъ, дѣлаемыхъ нелѣпостямъ моды и всѣмъ безуміямъ, которыми разоряютъ себя для того, чтобы жить сообразно своему положенію, встрѣчается между другими психологическими причинами человѣческой неустойчивости слѣдующая: ребенокъ посредствомъ самой религіи познаетъ, что воззрѣнія—одно, а дѣйствія—совсѣмъ другое. И это познаніе дѣйствуетъ въ теченіе всей жизни даже на тѣхъ, для которыхъ христіанская религія утратила свой абсолютный авторитетъ. Атеистъ вѣнчается въ церкви, креститъ своихъ дѣтей, допускаетъ ихъ до конфирмаціи, даже не удостоверяясь въ томъ, руководствуются ли они при этомъ собственнымъ желаніемъ или же только желаніемъ подражать другимъ, республиканецъ распѣваетъ королевскіе гимны, шлетъ телеграммы о своихъ вѣрноподданническихъ чувствахъ, принимаетъ ордена и напяливаетъ ихъ на себя... Но я предпочитаю не продолжать, такъ какъ, если бы я захотѣла

перечислить всѣ большія и малыя невѣрности, изъ которыхъ состоитъ ежедневная жизнь большинства людей, и которыя они защищаютъ, называя ихъ „несущественными“, я бы никогда не окончила моего перечня. Не такъ думали объ этомъ христіанскіе мученики, которые могли бы нѣсколькими крупинками еиміама, воскуреннаго на алтарѣ императора, избавиться отъ мучительной смерти. Нѣсколько крупинокъ еиміама—какая „несущественность“—думаетъ современный человѣкъ и продолжаетъ со спокойной совѣстью ежедневно кадить передъ такими божествами, въ которыхъ онъ совершенно не вѣритъ.

Несмотря на всю свою непослѣдовательность, протестантизмъ долго обладалъ духовно-воспитательной силой — до тѣхъ поръ, пока дуализмъ былъ въ немъ безсознательнымъ, до тѣхъ поръ, пока съ полной добросовѣстностью и честностью празднику и будничному дню воздавали каждому должное. Но теперь, съ тѣхъ поръ, какъ какой-то новый духъ протестантизма живетъ и развивается въ старомъ протестантизмѣ, его двойственность дѣйствуетъ глубоко деморализующимъ образомъ.

Камень за камнемъ разрушалось ученіе, которое католическая церковь когда-то такъ прекрасно построила и приспособила ко всѣмъ психологическимъ потребностямъ большинства, создавая изъ самыхъ глубокихъ и сильныхъ испытаній человѣчества самые глубокіе символы, которые до сихъ поръ имѣютъ глубокое значеніе для него.

Дома, въ средней и въ высшей школѣ, на военной службѣ, да и на всякой службѣ все еще продолжаютъ проповѣдывать и внушать „уступчивую“ несамостоятельность подъ названіемъ „дисциплина“, „профессіональная тайна“, „вѣрность долгу“ и многихъ другихъ такихъ же красивыхъ словъ, посредствомъ которыхъ превращаютъ живыя души

въ рабовъ дисциплины, принуждаютъ во имя корпоративнаго духа замалчивать злоупотребленія и подчиняться всякаго рода грубому насилію. Только когда всѣ люди обратятся въ „протестантовъ“ въ серьезномъ и буквальномъ смыслѣ этого слова, не желающихъ получать ихъ величайшую жизненную цѣнность—ихъ религію—черезъ посредство начальства и законной власти, тогда только начнутъ они въ социальныхъ и политическихъ вопросахъ завоевывать себѣ самостоятельность или же въ качествѣ учителей, руководителей и предводителей какъ школьниковъ, такъ и студентовъ, какъ офицеровъ, такъ и чиновниковъ, будутъ предоставлять имъ свободу слова и дѣйствія, которая есть неотъемлемое право каждого гражданина и человѣка. Когда слышишь, напримѣръ (какъ это было съ однимъ шведскимъ офицеромъ въ 1889 году), что начальническая немилость постигла человѣка за принятіе участія въ праздникѣ, данномъ почтенными гражданами въ память великой французской революціи, или, какъ это случилось въ 1890 году, когда упсальскіе студенты позволили себѣ вступить за право свободы владѣльцевъ нордландскихъ пильныхъ заводовъ—которымъ, отвѣтили, что ихъ дѣло заниматься науками, а не вмѣшиваться въ общественные вопросы, тогда начинаешь прекрасно понимать, какимъ образомъ распространяется духъ трусости, подъ тѣнью котораго зарождаются и созрѣваютъ всѣ величайшія національныя преступленія! Мужчины и женщины, непоколебимо честные въ своей частной жизни, научились въ общественныхъ вопросахъ отдавать свою совѣсть и свои мнѣнія подъ начало руководителя. И они научились этому главнымъ образомъ во имя религиозныхъ вѣрованій.

Проявлять мужество во всемъ, что составляетъ существенную цѣнность жизни, и прежде всего имѣть муже-

ство создать себѣ въ своей вѣрѣ собственное мнѣніе, имѣть силу высказывать его и волю и желаніе пожертвовать ради него многимъ—вотъ что превращаетъ человѣка въ новую и болѣе драгоцѣнную ставку въ великой игрѣ, которую называютъ культурнымъ прогрессомъ. И до тѣхъ поръ, пока воспитаніе и общественная жизнь не будутъ сознательно вызывать и поощрять это мужество, эту силу и эту волю, до тѣхъ поръ міръ останется тѣмъ, чѣмъ онъ есть:—плац-парадомъ для глупости, грубости, насилія и эгоизма, безразлично, будутъ ли командовать на этомъ плацпарадѣ радикалы или консерваторы, демократическіе или аристократическіе общественные элементы...

Самымъ деморализующимъ изъ всѣхъ религиозныхъ тезисовъ было унижающее ученіе, которое провозглашало, что человѣческая натура грѣховная и падшая, а поэтому не въ состояніи собственными силами достигнуть святости и будущаго блаженства, и что только благодаря божественному милосердію и прощенію грѣховъ дана ей возможность стать въ болѣе или менѣе правильныя отношенія къ земной жизни, а затѣмъ и къ загробной. Для мало развитыхъ людей это ученіе повело къ полнѣйшему умственному и духовному застою—уже не говоря о всѣхъ торговыхъ и промышленныхъ дѣльцахъ, которые каждый вечеръ, прибѣгая въ своихъ молитвахъ къ благости Господней, какъ бы погашаютъ страданіями Христа свой дневной дебетъ морали. Только людямъ, отъ природы нравственно высоко стоящимъ, прибавилось святости съ тѣхъ поръ, какъ они увѣровали, что искупленные страданіями Христа, они стали дѣтьми Божиими. Остальное же человѣчество во всей его совокупности деморализировалось этою двойственною моралью. Двойственность эта началась уже съ того момента, когда первые христіане перестали ожидать ско-

раго вторичнаго пришествія Христа. Тогда какъ все то время, пока продолжалось это ожиданіе, они жили въ полномъ единеніи съ его ученіемъ и дѣйствовали согласно этому ученію. Но затѣмъ двойственная мораль въ теченіе девятнадцати вѣковъ держала душу и общество въ какомъ-то практическі-языческомъ плѣну. Хотя несомнѣнно, что тотъ или другой чистый и высокій умъ все еще черпаетъ изъ источника христіанскаго ученія ту воду, которая ему необходима для утоленія его жажды безконечности и хотя въ средніе вѣка многіе сильные духомъ и чистые сердцемъ пытались дѣйствительно осуществить въ жизни христіанское ученіе, все же большая часть человѣчества жила и теперь живетъ въ томъ состояніи колеблющейся неустойчивости, которое является послѣдствіемъ подрѣзанныхъ крыльевъ или пошатнувшихся устоевъ; тогда какъ у гражданъ древняго міра была этика, которая могла быть осуществлена въ дѣйствительности и тѣмъ давала имъ возможность сдѣлаться единодушными, устойчивыми и непоколебимыми въ своихъ принципахъ личностями.

И такъ какъ девятнадцать вѣковъ показали, что нѣтъ никакой возможности въ обществѣ, созданномъ людьми, жить согласно съ ученіемъ Христа, какъ съ практическимъ и непогрѣшимо святымъ правиломъ, то выходитъ, что для избѣжанія этой безнравственной двойственности есть только одинъ путь, по которому шли уже многія отдѣльныя личности, примѣнившія къ себѣ восклицаніе Прометея:

„Hast du nicht alles selbst vollendet,
Heilig glühend Herz?“¹⁾

¹⁾ «Не все ли создано тобою,
Святое пламенное сердце?».

Или, иными словами, эти люди ясно сознали, что христіанство—такъ же произведеніе человѣчества и такъ же мало, какъ всякое другое произведеніе человѣчества, заключаетъ въ себѣ абсолютную и вѣчную истину.

Когда человѣкъ перестанетъ выращивать въ душахъ своихъ дѣтей вѣру въ Провидѣніе, безъ воли котораго не падетъ ни одинъ волосъ съ ихъ головы и ни одинъ воробей не свалится съ крыши, то онъ вмѣсто этого постарается запечатлѣть въ дѣтской душѣ новое религіозное понятіе о божественной связуемости законовъ мірового движенія. И на этомъ новомъ религіозномъ понятіи будетъ построена новая этика, которая заставитъ все человѣчество преисполниться благоговѣніемъ передъ неизбѣжной послѣдовательностью связи между причиной и дѣйствіемъ—послѣдовательностью, которую никакая милость не можетъ предотвратить или измѣнить. Всѣми поступками и дѣйствіями людей будетъ дѣйствительно руководить эта увѣренность и они перестанутъ убаюкивать себя надеждами на Провидѣніе и искупленіе, которыя могли бы предотвратить или измѣнить дѣйствіе. Эта новая этика, которая будетъ подкрѣпляться дѣйствительностью жизни, можетъ поэтому успѣшно проводиться въ жизни. Ни одна заповѣдь этого новаго нравственнаго ученія не будетъ пустымъ звукомъ.

И въ этомъ нравственномъ ученіи найдутъ примѣненіе всѣ тѣ великія и глубокія понятія, которыя Христось или Будда или другой великій умъ преподали человѣчеству. Люди будутъ продолжать черпать изъ этихъ понятій назиданія и поученія—иными словами матеріаль для созиданія себя самихъ—но съ полной свободой выбирать изъ этихъ понятій строительный матеріаль, именно подходящий къ тому стилю, который они захотятъ придать архитектурѣ

ихъ собственной личности, и безъ того, чтобы непременно признавать личность и воззрѣнія того или другого проповѣдника абсолютнымъ идеаломъ или примѣромъ, которому слѣдуетъ абсолютно подражать.

Тогда душа ребенка не будетъ омрачена страхомъ ада, не будетъ измучена слезами грѣховнаго раскаянія, не будетъ загрязнена безъидейнымъ и безъидеальнымъ реализмомъ, презрительнымъ недовѣріемъ, которое оставляютъ по себѣ точно противныя, холодныя, мокрыя пятна, лопнувшіе мыльные пузыри—красивыя фразы. Тогда твердые духомъ, такъ же какъ и мягкіе сердцемъ будутъ расти и развиваться въ счастливой и вмѣстѣ съ тѣмъ проникнутой чувствомъ отвѣтственности вѣрѣ въ свою собственную личность и въ свои собственные вспомогательные источники. Пульсъ ихъ воли станетъ сильнѣе и здоровѣе биться, благодаря притоку здоровой красной крови. Ихъ не будутъ „сгибать“ подъ ярмомъ уничиженія, ихъ не будутъ принуждать быть одинаковыми съ другими или подобными тому или другому. Напротивъ, ихъ будутъ укрѣплять въ правѣ налагать свой индивидуальный отпечатокъ на свои радости, горести и дѣла, ихъ будутъ увѣщевать дѣлать только ихъ собственное „лучшее“ да даже брать и искать свое „благо“ вездѣ, но только съ непремѣннымъ условіемъ свято соблюдать и не переступать границы, за которой начинается право другого.

Но до тѣхъ поръ пока школа и семья продолжаютъ заключать компромиссы между двумя совершенно противоположными міровоззрѣніями, нечего рассчитывать извлечь изъ того или другого міровоззрѣнія что-либо дѣйствительно хорошее для воспитанія дѣтей.

Я уже однажды указывала на то, что можно въ одной и той же школѣ соединить церковное преподаваніе рели-

гii и извѣстную часть познаній изъ исторiи съ любовью къ природѣ; что можно въ одной и той же школѣ преподавать свѣдѣнiя о ходѣ развитiя природы и исторiи въ связи съ религiозно - историческимъ преподаванiемъ, въ которомъ iудейство и христiанство должны занять первое мѣсто, и что при этомъ можно усилить и укрѣпить вызванные уже посредствомъ чтенiя библии благоговѣнiе и любовь дѣтей къ личности Христа и его ученiю. Можно, опираясь на вѣскiя и честныя основанiя выбрать тотъ или другой планъ. Но представлять дѣтямъ въ часы преподаванiя религiи Моисея и Христа, какъ абсолютныхъ вѣщателей истины, а въ часы естественной исторiи объяснять Дарвина и его теорiю—это можетъ вызвать, да и дѣйствительно вызываетъ больше, чѣмъ что-либо другое, нравственное безсилiе, неустойчивость, недостатокъ характера, который ничего не можетъ, ничего не хочетъ...

Все, что я пережила послѣ того, какъ эти слова были мной написаны, только еще сильнѣе укрѣпили меня въ моемъ, тогда уже высказанномъ, убѣжденiи: „Что самое главное заключается не въ томъ, какое у насъ мировоззрѣнiе—какъ бы важно это ни было,—а въ томъ, чтобы у насъ было достаточно силы и вѣры избрать какое-нибудь мировоззрѣнiе и усвоить его себѣ, достаточно силы воли провести и осуществить его въ жизни. Но ничто не дѣйствуетъ такъ удручающе на этическую энергiю подрастающаго поколѣнiя, какъ то дуалистическое мировоззрѣнiе, которое вырабатываетъ въ нихъ школа. Школѣ слѣдуетъ во что бы то ни стало рѣшиться на выборъ,—а не искать компромиссовъ—между двумя воспитательными методами и двумя мировоззрѣнiями, если не она хочетъ окончательно подорвать силу вѣры и силу воли у современной молодежи. Въ этомъ случаѣ вопросъ компромисса не есть только во-

прось приспособляемости или примѣняемости—онъ есть самый важный принципіальный вопросъ — вопросъ воспитанія“.

Съ тѣхъ поръ какъ я написала эти слова, было высказано много мнѣній по этому вопросу. Одно изъ нихъ, произведшее большую сенсацію, было высказано въ книгѣ „Моисей или Дарвинъ“ ¹⁾, изданной въ 1890 году.

Авторъ ея указываетъ на то, какъ глубоко захватилъ дарвинизмъ науку и культуру, но какъ препятствуютъ народному образованію тѣмъ, что не допускаютъ народъ до познанія научныхъ истинъ настоящаго времени и принуждаютъ его все еще вѣрить въ церковное представленіе этихъ истинъ. Подобнымъ преподаваніемъ религіи совершаютъ преступленіе противъ законовъ психологическаго развитія, потому что сообщаютъ дѣтямъ, которыя не въ состояніи задумываться надъ абстрактнымъ понятіемъ и обсуждать его, цѣлую теологическую систему. Но хуже всего то,—говоритъ авторъ,—что теперь въ высшихъ школахъ объясняютъ и преподаютъ теорію развитія, какъ научную истину, тогда какъ въ основанныхъ и содержимыхъ тѣмъ же государствомъ народныхъ школахъ все еще продолжаютъ вопреки кричащему противорѣчію со всѣмъ, чему учатъ наука и живая природа дѣтей, преподавать Моисеевскій мифъ о сотвореніи міра; это положеніе вещей недобросовѣстно и безнравственно, и ему долженъ быть положенъ конецъ!

Одинъ шведскій астрономъ очень вѣрно доказалъ, какъ въ той же степени, въ какой идетъ впередъ наше знаніе, религія перестаетъ быть судьей того, что постигаетъ и охватываетъ наше знаніе. И чѣмъ болѣе знанія мы дости-

1) Д-ръ Довель, проф. ботаники въ Цюрихѣ.

гаемъ, тѣмъ болѣе сокращается область сверхъестественнаго, тѣмъ менѣе вѣрятъ въ вмѣшательство божественныхъ силъ и тѣмъ менѣе конкретнымъ становится представленіе о смерти и загробной жизни. Но это нисколько не обуславливаетъ того, что религіозное чувство погаснетъ, если его не будутъ поддерживать вѣра въ божественное откровеніе и сверхъестественное вмѣшательство. Это религіозное чувство будетъ всегда высказываться въ идеальности и безъ религіозной вѣры и религіознаго воодушевленія не могутъ быть осуществлены никакія идеальныя цѣли. По мнѣнію автора стоитъ и слѣдуетъ сохранить религіозныя убѣжденія даже когда утратятъ устарѣлыя религіозныя понятія.

Этотъ пунктъ есть самый рѣшающій во всемъ этомъ вопросѣ. Это и мое личное глубокое убѣжденіе, что человекъ, лишенный религіозныхъ чувствъ, не можетъ преслѣдовать идеальныя цѣли, не можетъ никогда подняться выше своихъ собственныхъ интересовъ, не можетъ приносить большихъ жертвъ для осуществленія высшихъ цѣлей. Религіозное воодушевленіе расширяетъ и возвышаетъ нашу душу и обязываетъ насъ къ тѣмъ дѣйствіямъ и поступкамъ, которые мы считаемъ идеальными. Но такъ какъ христіанство стѣсняетъ и суживаетъ душу и не можетъ уже больше связывать и охватывать всѣ моменты нашихъ дѣйствій, поэтому все больше и больше серьезныхъ людей отказывается отъ него и именно изъ-за религіозныхъ основаній. И почему въ такомъ случаѣ эти люди не должны допускать своихъ дѣтей обучаться по общепринятому методу преподаванія христіанской религіи—объ этомъ прекрасно говоритъ Толстой со своей обычной, хотя и односторонней силой. Вотъ его слова: „Мы до такой степени привыкли къ религіозной лжи, что даже не замѣчаемъ,

какой безтолковостью, какой страшной жестокостью преисполнено все учение церкви. Мы не замѣчаемъ этой лжи, но дѣти ее чувствуютъ, и это учение коверкаетъ ихъ души. Мы должны сознательно уяснить себѣ, что мы дѣлаемъ, когда мы преподаемъ нашимъ дѣтямъ это религиозное учение. Чистымъ и невиннымъ, еще ни разу не обманувшимъ и самъ не будучи еще обманутъ обращается ребенокъ къ намъ, знающимъ жизнь, и спрашиваетъ насъ: по какимъ правиламъ и на какихъ основаніяхъ долженъ прожить свою жизнь человекъ? И что же мы ему отвѣчаемъ? Обыкновенно мы предупреждаемъ этотъ вопросъ тѣмъ, что рассказываемъ дѣтямъ іудейскую легенду, эту грубую, неразумную, глупую и прежде всего безнравственную исторію. Мы выдаемъ за святую истину то, о чемъ мы сами знаемъ, что это невозможно и въ чемъ нѣтъ для насъ никакого смысла, а именно: что шесть тысячъ лѣтъ тому назадъ странное и грозное существо, которое мы называемъ Богомъ, рѣшило создать этотъ міръ и человекъ; что первый человекъ согрѣшилъ, и что злой Богъ за этотъ грѣхъ не только его, но и насъ всѣхъ, ни въ чемъ неповинныхъ, покаралъ и что, наконецъ, Онъ самъ понесъ кару за этотъ грѣхъ, такъ какъ Онъ заставилъ умереть за это Своего сына, и что наша главная цѣль въ этой жизни заключается въ томъ, чтобы попытаться смягчить этого Бога и избѣжать тѣхъ страданій, къ которымъ онъ насъ предназначилъ.

Мы считаемъ, что все это не только не вредно, а напротивъ весьма полезно для ребенка и слушаемъ съ чувствомъ полного довольства, какъ онъ повторяетъ всѣ эти ужасы; мы ни на минуту не задумываемся надъ тѣмъ страшнымъ духовнымъ переворотомъ, который въ такія минуты и незамѣтно для насъ, происходитъ въ душѣ ре-

бенка. Мы представляемъ себѣ эту душу въ видѣ чистой доски, на которой можно писать все, что пожелаешь, но это есть величайшая ошибка. Въ умѣ, въ душѣ ребенка есть неясное сознание какого-то начала всего, какой-то силы, которой все подчиняется и которой все принадлежитъ, и у него есть—неясно и неопредѣленно, невыражаемое словами,—а просто какъ какое-то ощущение, которое наполняетъ все его существо—то же предчувствие Начала, какъ у мыслящаго человѣка. И вдругъ вмѣсто этого ребенку говорятъ, что Творецъ всего—неразумное, жестокое и беспощадное существо. У ребенка есть неясное представление о цѣли нашей жизни, о томъ, что жизнь есть счастье, приобретенное посредствомъ взаимной любви. Вмѣсто этого его поучаютъ, что цѣль жизни во всей ея совокупности—только капризъ неразумнаго Бога, что наша личная цѣль заключается въ отысканіи возможности избѣжать вѣчной кары и въ тѣхъ страданіяхъ, которыми этотъ Богъ всѣхъ насъ надѣлилъ. Въ ребенкѣ дремлетъ неясное чувство, что долгъ и обязанности людей весьма сложны и болѣе нравственнаго свойства, а вмѣсто этого поучаютъ его, что главный и самый важный долгъ заключается въ слѣпой вѣрѣ, въ молитвѣ, въ произношеніи извѣстныхъ словъ въ извѣстныхъ случаяхъ и въ ѣдѣ и питьѣ вина и хлѣба, которые должны изображать тѣло и кровь Бога. Мы полагаемъ, что все это не представляетъ серьезной важности, а между тѣмъ виденіе этого ученія, которое мы называемъ преподаваніемъ религіи—самое величайшее изъ всѣхъ преступленій противъ ребенка.

Правительству и руководящимъ классамъ нужна эта ложь, она поддерживаетъ ихъ власть и поэтому руководящіе классы будутъ всегда требовать, чтобы ее преподавали и внушали дѣтямъ и такимъ образомъ производили

бы гипнотизирующее вліяніе и на взрослыхъ. Тѣ же люди, которые не желаютъ поддерживать современный несправедливый социальный порядокъ, а напротивъ того желаютъ его измѣнить и, главнымъ образомъ, тѣ, которые желаютъ блага дѣтямъ, должны всѣми силами стараться спасти ихъ отъ этого опаснаго обмана. Если дѣти стануть совершенно равнодушными по отношенію къ религіозному вопросу, если имъ будетъ чужда всякая позитивная религія, то это все же слѣдуетъ предпочесть самому полному и самому совершенному іудейско-церковному обученію религіи.

Для каждаго, кто понимаетъ, какое значеніе имѣетъ для ребенка то, когда ему выдаютъ ложь за святую истину, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что ему слѣдуетъ дѣлать даже въ томъ случаѣ, когда онъ самъ не можетъ преподавать ребенку никакихъ личныхъ религіозныхъ убѣжденій.

Если бъ я долженъ былъ преподавать ребенку основныя правила религіознаго ученія, которое я считаю истиннымъ, я бъ ему тогда сказалъ: мы явились на этотъ свѣтъ и живемъ на немъ не по собственной волѣ, а по волѣ другого, котораго мы называемъ Богомъ. И поэтому мы тогда только поступаемъ правильно, когда мы слѣдуемъ волѣ этого Существа. Воля же Его заключается въ томъ, чтобы мы всѣ были счастливы, но для достиженія этой цѣли есть одно только средство—пусть каждый человекъ такъ поступаетъ съ другимъ, какъ онъ самъ желаетъ, чтобы съ нимъ поступали.

На вопросы: какъ возникъ весь міръ? Что ожидаетъ насъ послѣ смерти?—отвѣчаю я—на первый: не знаю, и что, вообще, этотъ вопросъ не важныи и не имѣетъ никакого значенія; а на второй я отвѣчаю, что воля Того Кто вызвалъ насъ къ жизни ради нашего счастья, будетъ

въ состояніи и послѣ нашей смерти привести насъ къ этой же цѣли“.

Въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, когда взрослые не пришли еще къ соглашенію, что именно нужно ребенку, намъ бы слѣдовало не у взрослыхъ, а отъ самихъ дѣтей попытаться узнать ихъ дѣйствительныя потребности.

И тогда мы найдемъ, что ребенокъ начинаетъ очень рано задумываться надъ этой вѣчной загадкой человечества—откуда и куда, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы находимъ, что природа и честное наивное чувство ребенка возмущается противъ христіанскаго объясненія возникновенія міра до тѣхъ поръ, пока его чувство и честность не притупятся. Тогда ребенокъ апатично принимаетъ все то, чему его учатъ, или же его внутреннее я отрицаетъ то, что языкъ его долженъ повторять, или же, наконецъ, онъ позволяетъ своему сердцу воспринять ту единственную пищу, которую ему предлагаютъ для утоленія его религіозныхъ потребностей.

Мои собственныя дѣтскія воспоминанія заставили меня съ давнихъ поръ наблюдать за религіозными понятіями дѣтей, и я въ теченіе двадцати пяти лѣтъ собрала обширный матеріалъ по этому предмету. Я отлично помню, какой ненавистью воспылала я къ Богу, когда шестилѣтней дѣвочкой услышала о смерти Иисуса Христа ради искупленія кары, постановленной самимъ же Богомъ; и о томъ, какъ я десяти лѣтъ стала отрицать Божеское Провидѣніе послѣ того какъ умеръ молодой рабочей, оставившей жену и пятерыхъ дѣтей, для которыхъ его жизнь была такъ необходима. Мои размышленія о существованіи Бога приняли тогда форму какого-то вызова, и я написала на пескѣ: — „Богъ умеръ“, — и думала при этомъ: если Богъ

есть, то онъ поразить меня за это молніей. Но такъ какъ солнце продолжало мирно сіять, то вопросъ былъ до поры до времени рѣшенъ—чтобы затѣмъ вернуться еще съ большей назойливостью. Все преподаваніе религіи заключалось для меня тогда въ чтеніи Библии по утрамъ, церковныхъ проповѣдяхъ по воскресеньямъ и урокахъ катихизиса, котораго мнѣ никто не объяснялъ. Но Новый Заветъ причисляла я уже тогда къ моимъ самымъ любимымъ и занимательнымъ книгамъ. Я научилась посредствомъ этой книги любить Иисуса Христа такъ же сердечно и горячо, какъ и другихъ великихъ людей, о которыхъ я читала. Когда я затѣмъ должна была готовиться къ конфирмаціи, при чемъ мнѣ пришлось выслушивать объясненія Библии, въ которыхъ каждый пунктъ, каждое евангельское имя пояснялись, каждое пророчество, каждое понятіе разбирались, и все это, такъ сказать, притягивалось за волосы для того, чтобы доказать исполненіе всѣхъ пророчествъ и разъяснить весь сокрытый смыслъ словъ, казавшихся мнѣ прежде такими простыми и понятными—и тогда-то я сдѣлала грустное и непріятное открытіе, что живая книга, такъ запечатлѣвшаяся въ моемъ дѣтскомъ сердцѣ и въ моей дѣтской фантазіи, вдругъ оказалась такой мертвой. Можно было бы привести безконечное число примѣровъ религіознаго равнодушія, являющагося послѣдствіемъ подобнаго преподаванія религіи и тѣхъ частыхъ душевныхъ заболѣваній, подѣ влияніемъ слишкомъ ревностнаго обращенія на путь истины и вѣры. Я слышала какъ шестилѣтній ребенокъ съ ужасомъ говорилъ о томъ, что его четырехлѣтній братишка въ воскресенье вздумалъ копать землю своей игрушечной лопаткой. Но я также слышала, какъ шестилѣтній мальчуганъ, котораго три раза въ одинъ и тотъ же день заставили присутствовать при бого-

служеніи, совершенно серьёзно обсуждать вопросъ, не лучше ли было бы прямо отправиться въ адъ.

Иудейско-христіанское понятіе о созидающемъ и охраняющемъ Провидѣніи, придающемъ всему высшее совершенство, такъ абсолютно противорѣчитъ тому, чему очевидность и эволюціонное понятіе поучаютъ насъ о нашемъ бытіи, что нельзя себѣ представить возможности, хотя бы въ видѣ идейнаго эксперимента, соединить теоретически оба представленія, а еще менѣе практически соединить ихъ, даже если попытаться ихъ склеить тѣмъ клеемъ, который мы называемъ компромиссомъ. Ребенокъ — это ясновидящее простодушіе — также не даетъ себя въ обманъ. Если не хотятъ говорить правды, тогда лучше совсѣмъ не говорить съ ребенкомъ о жизни — о дѣйствительной жизни во всемъ ея единеніи, объ ея безчисленныхъ созидательныхъ актахъ, ея непрестанномъ творествѣ и объ ея вѣчной божественной законности.

Но другими словами, это значитъ, что тогда нельзя сохранить ребенку образъ христіанскаго Бога послѣ того, какъ онъ начнетъ размышлять объ этомъ Богѣ, въ Котораго его учили слѣпо вѣрить и надѣяться, такъ же точно, какъ нельзя тогда подготовить ребенка къ воспріятію новаго божественнаго понятія съ его религіозной — т. е. связующей и возвышающей — силой, понятія о томъ Богѣ, Котораго книгой откровенія является усѣянное звѣздами небо, бездонныя моря и глубина человѣческаго сердца — Бога, Который есть въ жизни и Который есть жизнь.

Ничто не можетъ яснѣе показать, до чего бѣдна и какъ мало выработана собственная вѣра современныхъ мыслящихъ людей, какъ то, что они продолжаютъ учить дѣтей тому, чѣмъ не желаютъ сами умственно жить, но что они почему-то продолжаютъ считать необходимымъ для нравственной и социальной будущности дѣтей.

Когда переходятъ отъ понятія Провидѣнія къ понятію искупленія, наталкиваются у дѣтей на ту же естественную логику.

Маленькая дѣвочка, единственный ребенокъ у матери, воскликнувшая: „Какъ могъ Богъ позволить убить Своего ребенка! Ты вѣдь никогда не поступила бы такъ со мной“ и маленькій мальчикъ, сказавшій: „Вѣдь это же очень хорошо для насъ, что евреи распяли Христа—вѣдь теперь мы избавлены этимъ отъ наказанія“—вотъ два полюса, одинъ чувствительнаго, другой практичнаго образа пониманія—искупительной жертвы, два полюса, между которыми можно провести сколько угодно параллельныхъ круговъ. Къ болѣе юмористическому, но совершенно наивному порядку мыслей относится предложеніе маленькой дѣвочки называть Дѣву Марію—Госпожа Богъ, такъ же какъ и рассказъ маленькаго мальчика о томъ, что въ школѣ говорили о Нашемъ Господѣ и о двухъ другихъ господахъ, т.е. о Святой Троицѣ.

Можно привести множество примѣровъ того, какъ дѣти во время уроковъ Закона Божьяго не вѣрно понимаютъ слова и не вѣрно толкуютъ выраженія и понятія. Мальчикъ, къ которому учитель Закона Божьяго обратился съ напоминаніемъ всегда держать зажженнымъ свой свѣтильникъ (лампу), радостно отвѣтилъ: „Мы получаемъ даромъ керосинъ“, или, напримѣръ, тотъ мальчикъ, который на вопросъ учителя, не хотѣлъ ли бы онъ возродиться, не задумываясь отвѣчалъ: „Нѣтъ, а то я чего добраго могъ бы тогда родиться дѣвчонкой“—являются въ этомъ случаѣ типичными примѣрами. Маленькая дѣвочка, боявшаяся темноты и которую утѣшали тѣмъ, что въ темнотѣ Богъ находится при ней, попросила мать лучше отослать Бога и зажечь свѣчу, или другая дѣвочка, сочувственно восклик-

нувшая при разсматриваніи картины, изображающей арену и христіанскихъ мучениковъ: „ахъ, бѣдный тигръ вонъ тамъ въ углу, ему не досталось ни одного христіанина!“ — вотъ два примѣра изъ многочисленныхъ толкованій дѣтскими религіозныхъ понятій, которыя имъ преподають и которымъ они или придаютъ буквальное, вѣрнѣе, матеріальное значеніе или которыхъ не могутъ совершенно уяснить себѣ.

Въ дѣтскомъ представленіи, образецъ котораго мы такъ ясно видимъ въ подобныхъ анекдотахъ или въ восклицаніи, вырвавшемся у маленькой дѣвочки при разсказѣ, что она родилась въ одиннадцать часовъ ночи: „И какъ это мнѣ позволили такъ поздно“ — подобныя понятія, какъ первородный грѣхъ, грѣхопаденіе, возрожденіе, искупленіе, избавленіе, будутъ въ началѣ только пустымъ звукомъ, затѣмъ сдѣлаются постепенно устрашающими непонятными словами. Во всей моей личной жизни страхъ ада не дѣйствовалъ даже и пяти минутъ на меня, но я знаю дѣтей и взрослыхъ, которыхъ этотъ страхъ превратилъ въ настоящихъ мучениковъ. Я знаю также дѣтей, которыя, когда имъ въ школѣ внушали вѣру въ адъ, какъ во что-то неизбѣжное, грустили и даже плакали о томъ, что ихъ матери не вѣрятъ въ адъ и поэтому онѣ должно быть очень дурныя женщины.

Правда, мы далеко ушли отъ тѣхъ временъ, когда, по мѣткому выраженію одного историка, „страхъ діавола безпрестанно носился надъ всѣмъ челоуѣчествомъ подобно тому, какъ тѣнь мельничнаго крыла безпрестанно проносится надъ окномъ мельника“, мы далеки отъ того времени, когда божественныя особы постоянно являлись вѣрующимъ, когда чудеса были чѣмъ-то повседневымъ, тогда какъ теперь даже вѣрующіе не ждутъ ихъ и не надѣются на нихъ. Но до тѣхъ поръ пока религіозное ученіе будетъ

поддерживать вѣру въ діавола, Провидѣніе и чудеса, лучъ свѣта научнаго пониманія не пониженъ тьмы, въ которой продолжаютъ культивироваться бациллы ужаса, жестокости и безумія.

Представленія, которыя дѣти себѣ составляютъ о небѣ, въ большинствѣ случаевъ являются доказательствомъ реализма ребенка. Маленькій мальчикъ, полагавшій, что его братишка не можетъ быть на небѣ, такъ какъ ему пришлось бы туда взбираться по лѣстницѣ, а тогда онъ бы оказался непослушнымъ мальчикомъ, потому что ему было строго запрещено лазать по лѣстницамъ, или та маленькая дѣвочка, которая, услыхавъ, что ея бабушка на небѣ, спросила, сидитъ ли Богъ и держитъ ли бабушку, чтобы она не упала на землю, только подтверждаетъ склонность дѣтскаго ума къ реальности, склонность, которую мы нашими отвѣтами въ этомъ отношеніи да и во многихъ другихъ направляемъ по ложному пути. Если на это возразятъ, что дѣтская фантазія нуждается въ мифахъ и символахъ, то отвѣтить на это весьма не трудно—не слѣдуетъ лишать ребенка игры воображенія, но и не слѣдуетъ выдавать игру за что-то дѣйствительно серьезное. То, что дѣти составляютъ себѣ сами реальныя понятія о религіозныхъ предметахъ, не должно никого удивлять и противъ этого такъ же мало слѣдуетъ бороться, какъ и противъ другихъ проявленій дѣтской души. Только когда эти неправильныя понятія будутъ выдаваться за величайшія истины жизни, тогда только нарушатъ они святое простодушіе и невинность ребенка.

Я знаю дѣтей, для которыхъ слова Христа „просите и дастся вамъ“—стали причиной ихъ полнаго невѣрія. Такъ, на примѣръ, одна маленькая дѣвочка, которую заперли въ наказаніе въ темную комнату, молила Бога, чтобы Онъ по-

казалъ людямъ, до чего они къ ней несправедливы, тѣмъ, что онъ зажжетъ въ этомъ мракѣ лампу изъ драгоценныхъ камней, другая дѣвочка молила Бога о спасеніи больной матери, третья у гроба умершей товарки просила Бога воскресить ее! И неисполненіе ихъ горячихъ, полныхъ глубокой вѣры, молитвъ измѣнило всю ихъ внутреннюю жизнь.

Все то этическое негодованіе, которое вызываютъ въ здоровомъ ребенкѣ всѣ несправедливости Ветхаго Завета, напримѣръ, предпочтеніе Богомъ Іакова Исаву, могу я подтвердить и по собственному опыту и по словамъ другихъ, и тѣ объясненія, которыя даются въ этомъ случаѣ, какъ и въ подобныхъ ему, только наполняютъ душу ребенка безмолвнымъ презрѣніемъ.

И когда, наконецъ, ребенокъ пойметъ, что взрослые сами не вѣрятъ тому, что они провозглашаютъ религіей, тогда его способности вѣрить и благоговѣть—той именно способности, которая есть основаніе религіознаго чувства—будетъ нанесенъ непоправимый ударъ.

Я совсѣмъ не хочу касаться героевъ и героинь піэтической дѣтской литературы съ ихъ наставительными и „святыми“ рассказами! Сами родители могутъ отъ нихъ защитить дѣтей. Я говорю тутъ только о томъ міровоззрѣніи, которое съ согласія родителей или безъ него навязывается дѣтямъ, которое уменьшаетъ ихъ понятіе о Богѣ, Иисусѣ Христѣ и природѣ, однимъ словомъ то міровоззрѣніе, которое создаетъ ненужныя страданія и вредныя предубѣжденія. Склонность ребенка къ глубокому религіозному чувству, къ твердой вѣрѣ и его жажда святости должны быть удовлетворяемы той духовной пищей, которую онъ свободно можетъ черпать непосредственно изъ Библии, изъ всеобщей исторіи, даже религіозной,—напримѣръ, изъ буддизма,—изъ біографій извѣстныхъ личностей, стремившихся

къ высшему идеалу, и изъ дѣтскихъ книгъ, въ которыхъ высказывается подобное же стремленіе. Но ни одному ребенку не нужны для его религіи и его образованія катихизисъ или теологія или какаѣ бы то ни было исторія церкви, кромѣ той, которая органически связана со всеобщей исторіей и при преподаваніи которой надо больше всего обращать вниманіе на такъ называемое ложное ученіе, дабы запечатлѣть въ умахъ юношества убѣжденіе, что всѣ новыя истины всегда вначалѣ признавались современниками ложными ученіями—самое лучшее отрицательное средство, для того чтобы распознать истину.

Переработка въ себѣ самомъ и уясненіе себѣ всѣхъ противорѣчій, которыя встрѣтятся ребенку даже при такомъ религіозномъ воспитаніи, какое я себѣ представляю, должны непременно входить въ программу воспитанія къ жизни, въ которой постоянно приходится имѣть дѣло со всевозможными противорѣчіями. Но эта внутренняя работа не повредитъ ни истинной набожности, ни дѣтской душѣ, чего нельзя сказать о вынужденномъ ханжествѣ, льстивомъ лицемѣріи, умственномъ фанатизмѣ, обманутомъ разумѣ, душевной сухости или оскорбленномъ чувствѣ права и справедливости, которыя являются послѣдствіями христіанскаго религіознаго преподаванія по современному общепринятому методу. Въ настоящемъ, какъ и въ будущемъ, ребенокъ будетъ въ состояніи легче рѣшать всѣ свои умственные проблемы, если его чуткое чувство права, его ясная логика не будутъ притуплены догматическими отвѣтами на всѣ вѣчныя проблемы, о которыхъ ребенокъ такъ же много размышляетъ, какъ и любой мыслитель.

Уже Кантъ указалъ на самое главное, такъ сказать, основное зло все еще господствующаго метода религіознаго преподаванія. Онъ говоритъ, что пока нравственность будутъ основывать на ученіи церкви, до тѣхъ поръ будутъ получать для своихъ дѣйствій и поступковъ неправильные мотивы, иными словами, не потому, что Богъ запретилъ какую-нибудь вещь, а потому, что она сама по себѣ несправедлива—ее слѣдуетъ избѣгать, не потому, что рай или адъ ожидаетъ добрыхъ и злыхъ, а потому что добро представляетъ большую цѣнность, чѣмъ зло, слѣдуетъ стремиться къ добру. И къ этой точкѣ зрѣнія Канта присоединяется еще слѣдующая: что то воззрѣніе, по которому человѣкъ не въ состояніи собственной своей силой и волей творить хорошее, а долженъ въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, смиренно надѣяться на Божью помощь, есть этически ослабляющее, тогда какъ вѣра въ наши собственные силы и чувство нашей собственной отвѣтственности дѣйствуютъ этически укрѣпляющимъ образомъ. Вѣра въ неизбежную грѣховность довела человѣка до того, что онъ дѣйствительно сдѣлался грѣховнымъ и остался имъ.

Если хотятъ, чтобы будущее поколѣніе выросло съ чистыми и прямыми душами, то первое, самое главное, что слѣдуетъ сдѣлать, это вычеркнуть однимъ росчеркомъ пера катихизисъ, священную исторію, теологію, исторію церкви изъ воспитанія дѣтей и юношества.

Преклоняться передъ безконечнымъ и глубоко таинственнымъ, что находится „по ту и по сю“ сторону нашего земного бытія, умѣть распознавать и выбирать дѣйствительныя нравственныя цѣнности, быть проникнутымъ сознаниемъ солидарности человѣческаго рода и собственнаго своего долга, воспитывать въ себѣ ради общаго цѣлаго сильную и богатую умственно и духовно личность, взирать

и стремиться подняться до высокихъ образцовъ, поклоняться божественному и законному во всей вселенной, въ ходѣ развитія, въ человѣческой душѣ—вотъ тѣ новыя религіозныя чувства благоговѣнія и любви, благодаря которымъ дѣти новаго вѣка стануть сильными, здоровыми и красивыми.

И съ этимъ вмѣстѣ падеть то представленіе божественности, которое соединяетъ „Божественную помощь“ съ побѣдами, одерживаемыя страстью къ завоеваніямъ, поработѣнію и наживѣ. Тогда стануть находить, что представленіе о вмѣшательствѣ Бога въ измѣреніе силъ человѣческихъ страстей есть просто богохульство. Тогда сознають, что патріотизмъ, вскармливаемый всегда эгоизмомъ и высокомеріемъ, есть самый безбожный—потому что самый безчеловѣчный—изъ всѣхъ жизнь уничтожающихъ грѣховъ, которыми люди оскорбляютъ и нарушаютъ святость жизни.

Тѣ умы, которые могутъ теперь еще соединять такія противорѣчія, какъ христіанство и война, даже извлекать изъ нихъ силу и утѣшеніе—просто выродившіеся подъ вліяніемъ тысячелѣтняго гнета принужденныхъ вѣрованій люди. И отъ людей съ подобными мозгами нельзя ожидать ничего иного, какъ только того, что они погибнутъ въ пустынѣ, не кинувъ даже взгляда на землю Обѣтованную.

Но дѣтскіе умы можно уберечь отъ самаго губительнаго изъ всѣхъ умственныхъ уродствъ — отъ того суевѣрнаго понятія, что патріотизмъ и націонализмъ, оскорбляющіе и нарушающіе права другихъ, могутъ имѣть что-либо общее съ божественнымъ понятіемъ! Учите дѣтей тому, что національная индивидуальность, развитіе силъ и самосознанія такъ же необходимы для цѣлыхъ народовъ, какъ

и для отдѣльнаго индивида, и достойны всякихъ жертвъ. Учите ихъ тому, что, углубляясь въ природу ихъ родины, въ ея прошлую и настоящую жизнь, они тѣмъ самымъ разовьютъ себя! Учите ихъ грезить о будущемъ величїи ихъ страны и объ ихъ собственномъ трудѣ для созданїя этого великаго будущаго. Учите ихъ съ самаго ранняго возраста измѣрять, какая пропасть отдѣляетъ чувство любви къ отечеству и тѣмъ эгоизмомъ, который называетъ себя патріотизмомъ! Во имя этого патріотизма маленькіе народы прирѣсняются большими и во имя этого же патріотизма Европа девятнадцатаго вѣка подъ вліяніемъ преслѣдующей ея идеи „revanche“ вся вооружилась, а конецъ вѣка сдѣлался свидѣтелемъ того, какъ на сѣверѣ и на югѣ, на западѣ и на востокѣ насилїе и войны все увеличивались.

Милитаризмъ и клерикализмъ всегда тѣсно связаны, но они не то, чѣмъ они себя называютъ: патріотизмомъ и религіей. Эти оба послѣднія понятїя заключаютъ въ себѣ гражданскій духъ, свободу мысли и права, которые возвышаютъ надъ узкой сферой интересовъ индивида, кастовыхъ или классовыхъ интересовъ собственной страны, они же соединяютъ различныя группы внутри страны во имя общихъ высокихъ интересовъ и различныя народы внѣ страны во имя общихъ великихъ жизненныхъ вопросовъ. Но милитаризмъ и клерикализмъ давятъ и заглушаютъ свободу—принципомъ власти, самосознанїе — дисциплиной, гражданскій духъ—военной славой, чувство права—солдатскою честью. Подъ знаменемъ христіанства и милитаризма законная свобода гражданъ и культурная свобода Германїи сильно пострадали. Подъ вліяніемъ гипноза, вызваннаго тѣми же принципами, многіе отдѣльно взятые достойные граждане русскаго, французскаго, англійскаго народа привѣтствуютъ и поддерживаютъ жестокія несправедливости своихъ государствъ.

И такъ пойдетъ это и дальше. Народы, благодаря все усиливающемуся всеобщему вооруженію, будутъ изнемогать подъ его гнетомъ, права маленькихъ націй будутъ все чаще оскорбляться и нарушаться даже и послѣ того, какъ современные сильные и властвующіе надъ міромъ народы погибнутъ, какъ и всѣ предшествующіе имъ, отъ собственнаго расширенія и распространенія. Это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока матери не взростятъ въ душахъ ихъ дѣтей чувство челоѳчности, которому будутъ отдавать предпочтеніе передъ чувствомъ патріотизма, пока онѣ не будутъ стремиться усилить симпатію дѣтей ко всему живущему—растеніямъ, животнымъ и челоѳку. Пока не научатъ ихъ тому, что симпатія не только пробуждаетъ въ насъ чувство состраданія, но даетъ намъ и чувство сорадости, и что индивидъ увеличиваетъ свое собственное жизненное чувство, когда онъ научится чувствовать съ другими индивидами и другими народами. Это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока матери не вселятъ въ души дѣтей, что патріотизмъ, попирающій ради собственнаго интереса права другого народа—предосудительное и недостойное чувство. И когда эти дѣти станутъ въ свою очередь взрослыми, они будутъ поступать согласно съ этими постановленіями. Когда въ ребенкѣ понятіе „націонализмъ“ будетъ освобождено отъ несправедливости и заносчивости, а понятіе о божествѣ—отъ нечистаго смѣшенія съ эгоистическимъ патріотизмомъ, тогда и понятіе „воинъ“ облагородится, такъ что оно не будетъ болѣе отождествляться съ понятіями „слѣпое повиновеніе“ и „ограниченное кастовое высокомеріе“. Слово „воинъ“ будетъ тогда означать челоѳка и гражданина съ тѣми же культурными интересами, тѣми же возрѣвніями на права, той же потребностью свободы и чувствомъ чести, какъ и у всѣхъ остальныхъ гражданъ

защитника отечества, въ которомъ не пробудится иной воинственный пылъ, какъ тотъ, который необходимъ для защиты священныхъ человѣческихъ и общественныхъ правъ. Потому что ребенку слѣдуетъ внушить, что защита личная или національная есть, вопреки заповѣдямъ христіанства, одна изъ первыхъ обязанностей человѣка. Или, вѣрнѣе, ребенокъ чувствуетъ это инстинктивно и только не слѣдуетъ вводить въ заблужденіе этотъ природный инстинктъ. Ребенокъ прекрасно сознаетъ, что если не оказывать сопротивленія злу, то оно скоро станетъ господствовать надъ добромъ. Онъ знаетъ тоже, что низость и несправедливость одерживаютъ побѣды, а справедливые и благородно мыслящіе приносятся въ жертву этой несправедливости и низости. Инстинктъ самообороны и сопротивленія есть вмѣстѣ съ тѣмъ первый зародышъ соціального чувства законной справедливости, и это чувство руководитъ здоровымъ и вѣрнымъ сужденіемъ ребенка при изученіи исторіи. Ребенокъ, напримѣръ, нисколько не сомнѣвается въ томъ, что Вильгельмъ Телль былъ правъ, несмотря на то, что въ часы преподаванія религіи ему внушаютъ, что слѣдуетъ подчиняться и повиноваться начальству, поставленному надъ ними самимъ Богомъ, и каждая правдивая прямая душа мальчика будетъ на сторонѣ Андреаса Гофера, несмотря на его далеко не мягкое обращеніе съ „законнымъ“ начальствомъ. Ребенокъ съ его естественнымъ прямодушіемъ отвергаетъ всѣ софизмы, т.-е. такой ребенокъ, который не отупѣлъ отъ различныхъ христіанскихъ поясненій и объясненій.

Въ заключеніе всего, что я здѣсь высказала противъ христіанскаго преподаванія религіи, хочу я привести слова, сказанныя десятилѣтнимъ мальчигомъ послѣ трехлѣтняго зубренія катихизиса и священной исторіи: „Я ничему этому

не вѣрю. Но надѣюсь, что когда люди, наконецъ, поумнѣютъ, то каждому будетъ дано право имѣть свою собственную вѣру, такъ же, какъ каждый человѣкъ имѣетъ свое собственное лицо“. Этотъ маленькій философъ коснулся безсознательно самага серьезнаго душевнаго вреда, которое причиняетъ современное преподаваніе религіи, а именно того, что оно принуждаетъ всѣхъ людей скрывать ихъ собственное лицо подъ однообразной маской однообразнаго міровоззрѣнія, такъ какъ одно изъ первыхъ условій свободы и главное право души создавать себѣ самому тотъ символъ вѣры, по которому хочешь жить и умереть. Оглядываться постоянно назадъ, чтобы въ прошломъ искать идеаль и истину, признавать эту истину, какъ данную разъ навсегда и разъ навсегда рѣшенную—вотъ что было и есть до сего времени самой большой опасностью для всего человѣчества.

Когда же напротивъ каждый ребенокъ съ первыхъ робкихъ шаговъ его мягкихъ ножекъ по землѣ имѣетъ право чувствовать себя „открывателемъ“ съ безконечностью передъ собой—тогда только „принцъ“ перестанетъ въ царствѣ жизни исполнять обязанности батрака, точно блудный сынъ въ чужихъ странахъ, а повторитъ со всей силой своей воли евангельскія слова „встану и пойду къ Отцу моему“.

Когда въ средніе вѣка Жакино ди-Фіоре проповѣдывалъ о царствѣ Отца, Сына и Духа Святого—проповѣдывалъ до тѣхъ поръ, пока „волосы его стали серебристыми, какъ листва оливковыхъ деревьевъ“ — онъ сравнивалъ эти три царства съ кропивою, розой и лиліей, со свѣтомъ звѣздъ, утренней зари и солнца! И проповѣдь эта раздается теперь со всѣхъ концовъ міра. Но лилейно-чистая, солнечно-пламенная мечта о третьемъ царствѣ станетъ тогда только дѣйствительностью, когда дѣтскій ра-

зумъ, дѣтская невинность съ ихъ искренностью, простодушіемъ и жизнерадостностью изгоняють тѣни первороднаго грѣха и униженія, все еще омрачающихъ человѣческое существованіе.

„Ибо кто не уподобится единому изъ малыхъ сихъ“.

VIII.

Дѣтскій трудъ и дѣтскія преступленія.

Когда переходишь отъ вопроса о продолженіи рода къ разсмотрѣнію условій, при которыхъ ребенокъ вынашивается, рождается и воспитывается, ужась душу охватываетъ отъ всѣхъ тѣхъ несчастныхъ случаевъ, которымъ подвергаются дѣти вслѣдствіе недостаточнаго присмотра со стороны матерей. Доктора, напримѣръ, не перестаютъ указывать на страшный вредъ и уродованіе, происходящіе отъ сильнаго затягиванія и корсетовъ, безпрестанно говорятъ о томъ, какая масса дѣтей въ первый годъ жизни слѣпнетъ отъ небрежнаго за ними ухода,—но это только незначительная часть страданій, которыя матери, вслѣдствіе собственной грубости, невѣжества или отсутствія совѣсти, причиняютъ себѣ и дѣтямъ. Къ этому присоединяются еще безтолковость и неувѣренность въ уходѣ за дѣтьми, являющіяся прямыми послѣдствіями невѣжества. Нельзя ожидать существенныхъ улучшеній во всемъ этомъ до тѣхъ поръ, пока (вмѣстѣ съ присвоеніемъ женщинѣ избирательныхъ правъ) законъ не предпишетъ, чтобы женщины въ томъ возрастѣ, въ которомъ мужчины отбываютъ воинскую повинность, и въ теченіе такого же срока проходили

основательный курсъ ухода за дѣтьми и ухода за больными, и это безъ всякихъ исключеній, кромѣ тѣхъ, по которымъ освобождаютъ мужчинъ отъ воинской повинности. Эта „повинность“ совпала бы для многихъ женщинъ именно съ тѣмъ временемъ, когда ихъ интересъ къ этимъ предметамъ пробуждается, благодаря ли вступленію въ бракъ или просто подъ вліяніемъ мысли о возможности брака. Но даже и тѣ женщины, которымъ не суждено быть матерями, научатся тогда извѣстнымъ общимъ принципамъ психологіи и уходу за здоровыми и больными—свѣдѣнія, которыя могутъ быть имъ полезны позднѣе въ различныхъ жизненныхъ положеніяхъ. Затѣмъ, я ожидаю все большаго ограниченія правъ родителей надъ дѣтьми, того ограниченія, которое уже начинаетъ выражаться въ запрещеніи подкидывать дѣтей, въ наказаніяхъ за дѣтубійство, въ наказаніяхъ за истязанія дѣтей, въ обязательномъ посѣщеніи школъ и т. п. Въ Англии образовались общества съ цѣлью изслѣдованія положенія дѣтей въ семьяхъ и защиты ихъ отъ жестокаго обращенія. Вслѣдствіе донесеній этихъ обществъ, матери, не исполняющія своихъ обязанностей, могутъ быть приговариваемы къ тюремному заключенію,—отцы, не исполняющіе своихъ обязательствъ, приговариваются къ выдачѣ содержанія дѣтямъ и т. д.,—а въ случаяхъ, когда родители окажутся неисправимыми, дѣти отбираются у нихъ. Въ различныхъ государствахъ Германіи существуютъ законы, въ силу которыхъ дѣти отбираются отъ тѣхъ родителей, которые злоупотребляютъ своими правами и наносятъ вредъ ихъ физическому и психическому благосостоянію. Подобнымъ же принудительнымъ воспитаніемъ „пользуются“ дѣти въ тѣхъ случаяхъ, когда необходимо спасти ихъ отъ нравственной развращенности семьи. Такое „принудительное воспитаніе“

дѣти получаютъ—или въ подходящихъ для этого семьяхъ или въ общественныхъ заведеніяхъ—обязательно до семнадцатилѣтняго возраста. Слѣдуетъ отмѣтить, что согласно закону надзоръ и воспитаніе такихъ дѣтей поручаются также и женщинамъ.

Все большее расширеніе правъ общества въ вышеупомянутомъ направленіи есть одна изъ важнѣйшихъ общественныхъ охранительныхъ мѣръ для самого общества и такое же справедливое ограниченіе индивидуальной свободы, какъ законъ для предотвращенія распространенія заразительныхъ болѣзней. Въ Швеціи предложены теперь подобныя же мѣры, но во всѣхъ этихъ мѣрахъ и проектахъ встрѣчаешься все съ тѣмъ же механическимъ пониманіемъ сущности воспитанія, съ которымъ встрѣчаешься и въ другихъ случаяхъ при подобныхъ мѣропріятіяхъ. Говорится, напримѣръ, слѣдующее: „Слѣдуетъ предостерегать родителей или опекуновъ, чтобы они увѣщевали „выродившагося“ ребенка, а если это не поможетъ, ребенка слѣдуетъ подвергнуть тѣлесному наказанію“ и т. д. Самыя невозможныя нелѣпости!... Какъ нельзя посредствомъ предостереженія преподать дурнымъ родителямъ искусство воспитанія, такъ же точно невозможно посредствомъ увѣщанія заставить и „выродившихся“ дѣтей измѣнить ихъ нравъ, если они остаются въ тѣхъ же условіяхъ, которыя вызвали явленія дегенерации. Тѣлесныя же наказанія, приводимыя въ исполненіе при свидѣтеляхъ, сдѣлаютъ еще болѣе дерзкимъ и озлобленнымъ ребенка, уже привыкшаго ко всякаго рода толчкамъ и побоямъ. Каждый человекъ, хотя немного углубившійся въ эти вопросы, желая найти причину, создающую подобныхъ дѣтей и подобныхъ родителей, оказывается посреди необозримой во всѣхъ направленіяхъ области соціальныхъ вопросовъ. Онъ увидитъ, на-

примѣръ, что низкая заработная плата—включая заработокъ женщинъ и дѣтей—обусловливаетъ жалкія жилища, недостаточную пищу и плохую одежду, что послѣдствіемъ работы женщины внѣ дома является заброшенность дѣтей и дома, что недостатокъ помѣщенія ведетъ за собой весьма безнравственный обычай держать ночлежниковъ, что домашняя неурядица и неуютность гонять мужа и отца въ трактиры и что все это, вмѣстѣ взятое, вызываетъ безнравственность и пьянство, что опять, въ свою очередь, вызываетъ тѣ физическія и психическія болѣзни, съ которыми зачастую ребенокъ появляется на свѣтъ.

Если исключить представленіе о „Божьей помощи“, съ которой поля битвъ покрываются искалѣченными и изуродованными туловищами живыхъ существъ, вмѣстѣ съ мозгами которыхъ гибнутъ безчисленныя мысли и чувства, которыя могли бы обогатить духовную сокровищницу всего человѣчества, — то я не знаю болѣе еретической мысли, чѣмъ та, когда при случайномъ избавленіи отъ огня двухъ-трехъ дѣтей говорятъ объ ихъ „ангелѣ-хранителѣ“. Гдѣ же этотъ ангелъ-хранитель при безчисленныхъ несчастныхъ случаяхъ, когда, напримѣръ, дѣти, оставленныя безъ призора, потому что мать ушла на работу, выпадаютъ изъ оконъ или падаютъ на огонь, когда они теряютъ зрѣніе въ темныхъ подвалахъ, когда ихъ во снѣ душатъ родители, съ которыми имъ приходится спать на одной кровати за недостаткомъ помѣщенія, когда родители подъ вліяніемъ религіозныхъ мотивовъ или отвращенія къ жизни убиваютъ дѣтей, или же дѣти изъ страха наказаній или истязаній сами лишаютъ себя жизни? Гдѣ, однимъ словомъ, всѣ эти „ангелы-хранители“ дѣтей во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда въ нихъ больше всего нуждаются и прежде всего въ жалкихъ закоулкахъ большихъ городовъ, въ центрахъ

фабричной промышленности, гдѣ недостатокъ солнечнаго свѣта и чистаго воздуха, а также многихъ самыхъ элементарныхъ потребностей подрываютъ еще до рожденія жизнеспособность дѣтей?

Видѣть руку Провидѣнія въ случайномъ спасеніи и въ то же время выгораживать это самое Провидѣніе отъ всякаго участія во всѣхъ явленіяхъ природы, во всѣхъ общественныхъ бѣдствіяхъ и ужасахъ, ежеминутно наполняющихъ землю новыми страданіями — это пережитокъ суевѣрія, который необходимо искоренить, если только человекъ долженъ дѣйствительно проникнуться чувствомъ отвѣтственности за тѣ условія, которыя онъ можетъ преобразовать и побѣдить. Современный человекъ становится все болѣе и болѣе своимъ собственнымъ Провидѣніемъ. Противъ огня завелъ онъ пожарную команду и страхованія отъ огня, противъ моря—спасательныя лодки и общества, противъ оспы, холеры, дифтерита и туберкулеза—другія охранительныя мѣры. Слѣбую вѣру въ зависимость смерти отъ воли Божіей замѣняетъ онъ статистикой, которая говоритъ ему, что продолжительность жизни стоитъ въ прямой зависимости отъ улучшеній санитарныхъ условій, и что при появленіи дѣтскихъ болѣзней, которыя косятъ десятками дѣтей бѣдняковъ въ ихъ темныхъ, сырыхъ жилищахъ, дѣти богачей прекрасно выживаютъ въ ихъ свѣтлыхъ, просторныхъ квартирахъ.

Въ Германіи, на примѣръ, въ аристократическихъ семьяхъ, какъ я узнала изъ послѣднихъ статистическихъ свѣдѣній, умираетъ ежегодно изъ тысячи дѣтей пятьдесятъ семь, а среди бѣдняковъ берлинскаго населенія ихъ умираетъ триста сорокъ пять! Другое статистическое изслѣдованіе изъ Галле показываетъ, что мертворожденныхъ въ высшихъ классахъ приходится на тысячу рожденій двад-

цать одно, тогда какъ въ рабочихъ классахъ ихъ приходится пятьдесятъ пять. Отношеніе между смертностью дѣтей земледѣльцевъ и фабричныхъ рабочихъ, между ихъ вѣсомъ, числомъ пригодныхъ къ военной службѣ (въ Швейцаріи, на примѣръ, число непригодныхъ въ промышленныхъ кантонахъ превышаетъ на цѣлую четверть число ихъ въ земледѣльческихъ) показываетъ, насколько плохія физическія условія задерживаютъ и даже препятствуютъ, какъ въ физическомъ, такъ и въ психическомъ отношеніи возможности хорошаго развитія и жизнеспособности дѣтей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всего народа.

Ни одинъ человѣкъ, у котораго сердце на мѣстѣ, не будетъ ждать появленія ангела-хранителя, а бросится самъ спасать ребенка отъ угрожающей опасности. А между тѣмъ въѣра большинства людей въ божественное Провидѣніе можетъ заставить того же человѣка взирать съ полнѣйшимъ равнодушіемъ на тѣ условія, которыя косвенно губятъ ежегодно миллионы дѣтей. Врачи знаютъ, что опустошенія, производимыя всевозможными бактеріями, ничтожны въ сравненіи съ пауперизмомъ, какъ причиной заболѣваемости. Изнуренныя матери, алкоголики-отцы, сырыя жилища, на примѣръ, во вновь выстроенныхъ домахъ, гдѣ бѣдняки за сравнительно низкую плату „обсушиваютъ“ для богатыхъ квартиры, недостатокъ пищи, наследственные болѣзни, особенно сифилисъ, слишкомъ ранній трудъ,—все это оставляетъ неизгладимые слѣды на истощенныхъ, вялыхъ, покрытыхъ язвами дѣтскихъ тѣлахъ, которыя въ больницахъ иногда излѣчиваются отъ легкихъ и внезапныхъ заболѣваній, но не излѣчиваются отъ ужасныхъ послѣдствій жизненныхъ условій, въ которыхъ родились и воспитывались. До тѣхъ поръ пока врачи и другіе общественные дѣятели не направятъ всей своей энергіи на то, чтобы предупре-

ждать болѣзни, а не только излѣчивать ихъ (то, что въ послѣднемъ случаѣ ими достигнуто—такая незначительная бездѣлица въ сравненіи съ неисцѣлимымъ зломъ, повсюду вырастающимъ въ изобиліи, точно бурьянъ), пока заботѣ о здоровьѣ во всемъ обществѣ не будетъ отведено такое же большое мѣсто, какъ и заботѣ о душѣ, до тѣхъ поръ эта послѣдняя будетъ совершенно излишня. Пусть эта забота о душѣ принимаетъ какую угодно форму—религіознаго ли благоговѣнія или интеллектуальнаго просвѣщенія, она пока есть все же не что иное, какъ срѣзанный цвѣтокъ, посаженный въ сорную кучу.

Можно съ достовѣрностью доказать статистикой преступленій, что общество само создаетъ „выродившихся дѣтей“, и что когда оно награждаетъ ихъ побоями, направляя ихъ на „путь добродѣтели“, то поступаетъ какъ тиранъ, который сначала приказалъ ослабить человѣка, а затѣмъ бьетъ его за то, что тотъ не можетъ самъ найти свой путь.

Издать истинный охранительный законъ для женщинъ и дѣтей—вотъ тотъ категорическій императивъ, который долженъ пробудить социальную совѣсть.

Повсюду, гдѣ промышленность развивается, женщину отрываютъ отъ дома, ребенка—отъ игръ и школы. Въ отдаленныя времена, когда существовали цехи, женскія и дѣтскія работы исполнялись дома и въ мастерской отца. Но съ тѣхъ поръ, какъ промышленность все больше и больше сокращала домашнюю работу женщинъ, оптовой промышленности дана была возможность покрыть ея потребность въ дешевомъ трудѣ работой женщинъ, которая, какъ и работа дѣтей, во многихъ странахъ понизила заработную плату взрослому рабочаго. Та заработная плата, на

которую женатый человекъ могъ только при затратѣ собственного своего труда содержать семью, дѣлится теперь на нѣсколько ея членовъ. До тѣхъ поръ пока профессиональная работа требовала большого напряженія физическихъ силъ или особенной ловкости, она обыкновенно давалась мужчинамъ, а не женщинамъ и дѣтямъ. Съ введеніемъ машинъ исчезла эта естественная защита мужского труда, потому что обращеніе съ машиной не требуетъ въ большинствѣ случаевъ ни силы, ни ловкости, а напротивъ въ извѣстныхъ случаяхъ, напримѣръ, въ бумагопрядильняхъ и ткацкихъ, или же въ шахтахъ нѣжные и гибкіе пальцы больше цѣнятся за ихъ гибкость, а маленькія тонкія фигурки болѣе желательны и, именно, благодаря этому послѣднему качеству,

Въ Англіи трудъ женщинъ и дѣтей раньше чѣмъ гдѣ-либо достигъ, такъ сказать, своего кульминаціоннаго пункта. Дома призрѣнія бѣдныхъ, напримѣръ, высылаютъ цѣлыя грузы дѣтей рабочихъ въ шерстопрядильни,—дѣти работаютъ въ двѣ смѣны, за однѣми и тѣми же машинами и спятъ по очереди въ тѣхъ же самыхъ грязныхъ постеляхъ. Въ рабочихъ районахъ населеніе стало чахнуть, появились неизвѣстныя до того болѣзни, невѣжество и грубость все усиливались. Беременные женщины и четырехъ-пяти-лѣтнія дѣти работали по четырнадцати—восемнадцати часовъ въ сутки. Статистическіе изслѣдованія въ этой области заставили Елизавету Баррэтъ написать стихотвореніе „The cry of the children“ (плачь дѣтей), которое вызвало гнѣвъ работодателей, но зато привело къ такъ называемому „десятичасовому биллю“. Этимъ биллемъ постановлено, что женщины и дѣти не должны работать болѣе десяти часовъ въ ткацкихъ и за этимъ закономъ послѣдовали другіе въ томъ же духѣ. Такія же условія въ другихъ стра-

нахъ вызвали подобныя же охранительныя законоположенія. Въ Саксоніи, Бельгіи, Эльзасѣ и въ рейнскихъ провинціяхъ (гдѣ уже въ 1828 году одинъ прусскій военный обратилъ всеобщее вниманіе на то, что число пригодныхъ къ военной службѣ значительно понизилось вслѣдствіе дурного вліянія фабричной работы на женщинъ и дѣтей) послѣдствія, вызываемыя подобной системой работы, были такъ же ясны и ужасны, какъ въ Англіи. Но вопреки принятому тамъ, да и почти повсемѣстно, охранительному закону все еще продолжается работа женщинъ и дѣтей, и она начинаетъ принимать все болѣе ужасныя размѣры и губительныя формы въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, которыя находятся внѣ области дѣйствія этого закона. Есть еще страны, въ которыхъ работа дѣтей приняла тѣ же ужасающія формы, какъ и въ Англіи до 1848 года. Въ Россіи, на примѣръ, на фабрикахъ, изготовляющихъ рогожи, встрѣчались трехлѣтніе дѣти-работчіе и цѣлыя массы дѣтей, не достигшихъ десятилѣтняго возраста, рабочій день которыхъ продолжался восемнадцать часовъ въ сутки. Въ Германіи фабрики игрушекъ даютъ ужасающія цифры дѣтскаго труда, тѣмъ болѣе ужасающія, что для доставленія удовольствія счастливымъ дѣтямъ выжимаютъ жизненные соки другихъ дѣтей. Въ той же странѣ для сдѣльныхъ работъ на дому берутъ четырехъ-пяти-лѣтнихъ рабочихъ, тогда какъ на фабрикахъ законъ — въ Германіи, такъ же какъ въ Швейцаріи, — не допускаетъ дѣтей-работчихъ моложе четырнадцати лѣтъ. Тотъ же предѣльный возрастъ установленъ правительствомъ и въ Даніи. Въ Италіи большинство нищихъ калѣкъ — дѣти, выросшія въ сѣрныхъ копяхъ въ Сициліи. Они тамъ работаютъ въ узкихъ и низкихъ проходахъ, ихъ заставляютъ таскать тяжелые мѣшки въ такомъ возрастѣ, когда ихъ нѣжные члены не могутъ

выдерживать подобныя тяжести, а поэтому искривляются и уродуются. Многие изъ нихъ уже въ возрастѣ двѣнадцати-четырнадцати лѣтъ оказываются непригодными къ работѣ (неработоспособными). Въ Испаніи, въ рудникахъ, гдѣ добываютъ магнезію, работаютъ много дѣтей въ возрастѣ шести-восьми лѣтъ, они всѣ болѣютъ отъ страшно ядовитыхъ испареній, которыя имъ приходится постоянно вдыхать. Другія дѣти, занятія орошеніемъ безводныхъ мѣстъ, должны носить на головахъ тяжелыя ведра съ водой, такъ какъ ребенокъ - рабочий, исполняющій работу вьючнаго животнаго, обходится куда дешевле осла. Во Франціи, гдѣ въ настоящее время социалистъ Мильеранъ рѣшается просить сокращенія рабочаго дня только до одиннадцати часовъ, какъ для мужчинъ и женщинъ, такъ и для дѣтей,—уже по одному этому можно себѣ представить положеніе тамъ дѣтей-рабочихъ. Но какъ въ этой странѣ, такъ и во всѣхъ другихъ, абсолютное запрещеніе какаго бы то ни было дѣтскаго труда, есть одно изъ самыхъ главныхъ требованій и желаній социалистовъ.

Каждый, кто познакомится съ отчетомъ врачей о состояніи здоровья дѣтей-рабочихъ, тотъ непременно присоединится къ этому вполне законному требованію социалистической партіи. Такъ, на примѣръ, въ одномъ изъ врачебныхъ докладовъ говорится о томъ, что, несмотря на охранительный законъ, среднія цифры вѣса и роста дѣтей въ Ланкаширѣ ниже, чѣмъ гдѣ-либо. Изъ двухъ тысячъ дѣтей только сто пятьдесятъ одинъ оказались дѣйствительно здоровыми и сильными, тогда какъ сто девяносто восемь были совершенныя калѣки, а остальные болѣе или менѣе „the standard of good health“. Всякая работа въ бумагопрядильняхъ, продолжаясь съ шести часовъ утра до пяти часовъ пополудни,—говоритъ тотъ же врачъ,—превращаетъ здо-

роваго и подающаго большія надежды десятилѣтняго мальчугана въ изнуреннаго, блѣдно-желтаго тринадцатилѣтняго подростка, и это вырожденіе населенія фабричныхъ районовъ становится все болѣе серьезной и угрожающей опасностью для будущаго.

Когда повсюду придутъ, наконецъ, къ тому заключенію, что та же опасность грозитъ и всѣмъ культурнымъ народамъ, тогда повсюду будетъ принятъ законъ, запрещающій совершенно какъ фабричный, такъ и уличный трудъ дѣтей. И только тогда можно сказать, что основное положеніе охраненія дѣтей побѣдоносно проведено и принято, — положеніе, противъ котораго въ этой области, какъ и во всѣхъ сходныхъ областяхъ, сильно борятся, приводя противъ него всевозможныя экономическія и индивидуальныя причины, между прочимъ и „неоспоримое право отца самому рѣшать и опредѣлять работу своего ребенка“.

Не одинъ только вопросъ о дѣтскомъ трудѣ показываетъ низкій уровень точки зрѣнія правительственной власти во всѣхъ европейскихъ государствахъ, но также и недавно поднятый у насъ и въ другихъ странахъ, напримѣръ, въ Англіи вопросъ о введеніи тѣлесныхъ наказаній для арестантовъ ¹⁾. Какъ извѣстно, въ тюрьмахъ прибѣгаютъ къ такимъ репрессивнымъ мѣрамъ, какъ лишеніе свободы, прогулокъ, замѣна мягкаго ложа твердымъ, сажаніе на хлѣбъ и воду и т. п., и въ этомъ нѣтъ ничего грубаго, жестокаго, если все это дѣлается подъ строгимъ контролемъ и примѣняется только къ закоренѣлымъ грубымъ натурамъ, на которыя не дѣйствуютъ другія мѣры. Тѣлесныя же наказанія унизительны одинаково какъ для того, кого наказываютъ, такъ и для того, кто наказываетъ — да къ тому же еще они и недѣйствительны. Я слышала подтвержденіе этихъ словъ отъ одного изъ самыхъ выдающихся авторите-

товъ нашей страны. Какъ стыдъ, такъ и физическая боль не производятъ иного дѣйствія, кромѣ ожесточенія, въ тѣхъ особенно случаяхъ, когда тѣлесное наказаніе хладнокровно приводится въ исполненіе, много времени спустя послѣ совершенія проступка. Большинство арестантовъ до того уже привыкли къ побоямъ, что физически побои почти не дѣйствуютъ на нихъ и только пробуждаютъ еще большее чувство ненависти противъ общества, которое такъ мститъ за свою собственную ошибку. Если у ребенка душа чуткая и воспріимчивая, то наказаніе можетъ вызвать глубокія душевныя муки, какъ это и было съ однимъ изъ нашихъ героевъ—Ларсомъ Крузе, извѣстнымъ всѣмъ по прекрасному описанію датскаго писателя Драхмана. Ларсъ Крузе мальчикомъ взялъ выкинутую водой на берегъ доску, продалъ ее и за это былъ приговоренъ къ тѣлесному наказанію. До конца его жизни стыдъ не переставалъ его мучить, но не за совершенный поступокъ, а при одной только мысли объ унижительномъ наказаніи. Такимъ образомъ вся жизнь его была пропитана горечью, а между тѣмъ это была жизнь великаго человѣка.

Эти публичныя тѣлесныя наказанія дѣтей, истощенныхъ голодомъ, дрожащихъ отъ страха и стыда, пороки которыхъ являются большей частью послѣдствіями нищеты и страшной заброшенности, не могутъ ни въ какомъ случаѣ вызывать въ дѣтяхъ ни одного душевнаго движенія, которое могло бы положить начало дѣйствительному нравственному улучшенію этихъ несчастныхъ ²⁾).

Если бы вести статистику условій жизни такихъ „битыхъ“, то оказалось бы, что большинство изъ нихъ происходитъ изъ такихъ семей, гдѣ мать, занятая работой внѣ дома, не могла заботиться о дѣтяхъ, или же ребенокъ съ самаго ранняго возраста, продавая газеты или сигары, ис-

полняя порученія, сталкивался со всевозможными элементами и видѣлъ вблизи роскошную жизнь высшихъ классовъ, которая дѣйствовала на него самымъ деморализующимъ образомъ, такъ какъ вызвала страстное желаніе вести подобную же жизнь! Не проходитъ недѣли безъ того, чтобы такой „уличный“ мальчикъ не прочелъ въ городскихъ происшествіяхъ о растратѣ или похищеніи, чаще всего совершенныхъ представителями зажиточныхъ классовъ, уже пожилыми людьми, дѣтство которыхъ относится къ тому „доброму старому“ времени, когда „распушенность“ современнаго воспитанія не могла еще вліять на нихъ. Не проходитъ дня безъ того, чтобы эти уличники не видѣли представителей высшихъ классовъ, какъ старыхъ, такъ и молодыхъ, удовлетворяющихъ свою страсть къ наслажденіямъ. Но отъ него — рожденнаго въ жалкихъ притонахъ, выброшеннаго на улицу общественными условіями—требуя спартанской добродѣтели или стараются „влолотить“ въ него эту добродѣтель! Трудно сказать, чему въ этомъ случаѣ слѣдуетъ больше удивляться—глупости или грубости подобнаго исправленія.

До тѣхъ поръ пока высшіе, руководящіе классы не перестанутъ быть грубыми, несдержанными, алчными къ наживѣ, лѣнливыми и бездѣтельными, пока цѣль жизни большинства заключается въ стремленіи заработать какъ можно больше денегъ и какъ можно больше растратить ихъ, пока многіе могутъ жить не работая, а тѣ, кому надо работать, чтобы жить, не находятъ работы, пока развратная роскошь живетъ бокомъ о бокъ съ беспорядочной и нерадивой нищетой, до тѣхъ поръ эти высшіе, руководящіе классы не имѣютъ ни малѣйшаго права ожидать улучшенія низшихъ классовъ. Современное общество само создаетъ и

сохраняетъ ту социальную систему, послѣдствія которой сказываются затѣмъ въ экономическихъ преступленіяхъ какъ въ высшихъ классахъ, такъ и въ низшихъ. Такъ же мало страннаго или удивительнаго въ томъ, что большіе города кишатъ бродягами или шайками уличныхъ воришекъ, какъ и въ томъ, что испорченный сыръ кишитъ червями.

Разрушенная семейная жизнь, безсмысленная школьная система, слишкомъ ранняя фабричная жизнь, отупляющая и развращающая уличная жизнь,—вотъ что даетъ большой городъ дѣтямъ низшихъ классовъ и слѣдуетъ больше удивляться тому, что лучшіе инстинкты человѣческой природы въ большинствѣ случаевъ одерживаютъ побѣду въ низшихъ классахъ, чѣмъ тому, что изрѣдка торжествуютъ дурные инстинкты.

Вотъ еще одинъ аргументъ противъ дѣтской работы, а именно: эта работа мститъ за себя самой промышленности.

Самыми пригодными рабочими оказываются тѣ, которые посѣщали школы. Даже въ Россіи, гдѣ ощущается такой недостатокъ въ народномъ образованіи, пришли къ этому же заключенію, и грамотные рабочіе получаютъ болѣе высокую плату, чѣмъ неграмотные, которыхъ можно употреблять только на болѣе грубую работу. Современное развитіе и успѣхъ нѣмецкой промышленности слѣдуетъ приписать, между прочимъ, и болѣе высокому уровню образованія нѣмецкаго народа. Интенсивный и осмысленный трудъ американскихъ рабочихъ зависитъ отчасти отъ этой же причины. Но когда дѣти, изнуренныя фабричной работой, посѣщаютъ только вечерніе классы или слишкомъ рано перестаютъ ходить въ школу и подъ вліяніемъ тяжелой и постоянной работы теряютъ всякую охоту и возможность учиться и достигать болѣе высокой степени образо-

ванія, тогда они превращаются въ органическія машины, руководящія неорганическими, и, благодаря такому превращенію человѣка въ машину, понижается цѣнность его работы. Эти органическія машины совершенно пассивны, онѣ не стремятся улучшить свои жизненные условія, какъ это дѣлають развитые рабочіе. Но эти же живыя машины не добиваются и лучшихъ результатовъ въ работѣ. Интеллигентные рабочіе, которые охраняють и расширяють свои права, постигаютъ легче и скорѣе новые методы работы, дѣлають сами новыя открытія, весьма полезныя для профессиональнаго дѣла и поднимають продуктивную цѣнность. Только та страна, которая можетъ дать большее число рабочихъ этой категоріи, можетъ выдержать современную конкуренцію и успѣшно бороться. Но главное условіе для того, чтобы число подобныхъ рабочихъ росло, заключается въ томъ, чтобы физическія и духовныя силы ребенка до пятнадцатилѣтняго возраста были посвящены его собственному образованію и развитію, посредствомъ занятій въ школѣ спорта и игръ, а одновременно съ этимъ его работоспособность упражнялась въ домашнихъ работахъ и въ техническихъ школахъ, но ни въ какомъ случаѣ не растрчивалась на фабричный трудъ.

Правда, прусскіе аграріи, такъ же какъ и шведскіе, жалуется на то, что народная школа пичкаетъ дѣтей слишкомъ большимъ количествомъ знаній. Но подобнымъ заявленіямъ можно противопоставить требованія такого идеала образованія, который будетъ однимъ и тѣмъ же для всѣхъ классовъ общества и который долженъ повести къ участию всѣхъ въ духовной жизни народа.

Я позднѣе вернусь къ этому вопросу, я хочу только въ связи со всѣмъ, сейчасъ высказаннымъ, указать на то, что борьба за дѣтей въ послѣднемъ отношеніи (т.-е. жалоба

аграріевъ) не что иное, какъ выраженіе реакціи, той реакціи, которая стремится подъ шумокъ жалобъ объ испорченности нашего вѣка затормозить прогрессъ, вмѣсто того чтобы въ тѣхъ случаяхъ, когда развитіе уклоняется съ истиннаго пути, прокладывать ему новую дорогу, по которой оно можетъ быстрѣе пойти впередъ. Но эти новыя дороги — какія-то пугала для многихъ! А пока все еще стараются противодѣйствовать посредствомъ принудительныхъ законовъ недавно только-что возникшимъ организаціямъ — ремесленнымъ фереинамъ, — которыя, подобно прежнимъ организаціямъ, должны выполнить свою роль въ социальномъ развитіи. Тѣмъ же людямъ, въ рукахъ которыхъ пока все еще сосредоточивается власть, не хватаетъ вѣрнаго взгляда на общественные вопросы. Они поддерживаютъ только, такъ называемые, классовые интересы, а не всеобщіе, они принимаютъ во вниманіе, такъ сказать, провинціальныя расчеты, а не общечеловѣческія и патріотическія точки зрѣнія. Во всѣхъ вопросахъ, касающихся рабочаго законодательства — сходокъ, свободы мысли и религіи и развитія правъ, мы, шведы, очень отстали, и такое положеніе вещей не измѣнится до тѣхъ поръ, пока новое поколѣніе, т.-е. вся наша молодежь отъ пятнадцати до тридцатилѣтняго возраста включительно — не станетъ во главѣ нашей политической жизни, потому что въ этомъ молодомъ поколѣніи пробудилось и растетъ серьезное сознаніе чувства социальной отвѣтственности.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ во всемъ цивилизованномъ мірѣ отъ Канады до острововъ Тихаго океана прозвучало одно стихотвореніе. Авторъ этого стихотворенія вдохновился простой и чудной картиной Миллэ: этимъ человѣкомъ

съ киркой, этимъ землекопомъ съ согнутой спиной, со сложенными на рукояткѣ кирки мозолистыми руками. Миллэ увѣковѣчилъ въ немъ выраженіе, встрѣчающееся очень часто на лицахъ старыхъ рабочихъ, особеннс. у измученныхъ поденщиковъ. Это выраженіе какъ будто говоритъ, что все человѣческое въ нихъ угасло подѣ влияніемъ вѣчнаго и непосильнаго труда — у нихъ взглядъ терпѣливаго вьючнаго животнаго, потому что въ то время какъ посильный трудъ облагораживаетъ животное въ человѣкѣ, непосильный трудъ убиваетъ человѣка въ животномъ.

Картина Миллэ явилась для поэта, который былъ самъ рабомъ физическаго труда, настоящимъ откровеніемъ безсмертнаго художественнаго типа вырождающагося человѣка, котораго съ дѣтства заставляли гибнуть подѣ ярмомъ тяжелаго труда. И строфа за строфой описываетъ онъ намъ: „Эту вещь, которая ничего не оплакиваетъ и ни на что не надѣется, эту угасшую душу, для которой не существуетъ ни Платона, ни звѣздъ, ни утренней зари, ни розъ, ни всѣхъ духовныхъ и природныхъ сокровищъ“. Поэтъ обращается къ властелинамъ, къ капиталистамъ, къ заводчикамъ и фабрикантамъ и спрашиваетъ ихъ—какимъ образомъ вернуть они этой вещи ея душу, какъ даруютъ ей вновь утраченныя грезы и музыку? Что станетъ съ ними всѣми, превратившими это существо въ то, чѣмъ оно теперь стало, когда послѣ тысячелѣтняго молчанія его угасшій голосъ отвѣтитъ Богу на Его вопросъ, что стало съ его душой!

А вѣдь подобные работодатели ходятъ въ церковь! Они слышатъ объясненіе такихъ текстовъ, какъ, напримѣръ, слѣдующій: „Все, что вы дѣлаете единому изъ малыхъ сихъ, дѣлаете вы Мнѣ... Все, что вы хотите, чтобы дѣлали для васъ другіе, дѣлайте имъ“... Но никому даже въ голову не

приходитъ подумать, какъ бы охарактеризировалъ Иисусъ Христосъ слѣдующія ихъ требованія: имѣть право посылать „малыхъ сихъ“ уже съ десятилѣтняго возраста работать на стеклянныхъ заводахъ. Никогда не приходитъ имъ въ голову спросить себя, хотѣли ли бы они видѣть своихъ дѣтей работающими въ томъ или другомъ фабричномъ помѣщеніи...

Этому рѣзкому вопіющему противорѣчію между жизнью и ученіемъ, такъ вкоренившемуся въ современное общество, не будетъ положено конца до тѣхъ поръ, пока всѣ, наконецъ, не уразумѣютъ, что это міровоззрѣніе, которое признаютъ человѣческія уста, но отвергаютъ человѣческіе поступки, не можетъ быть больше провозглашаемо, какъ абсолютное міровоззрѣніе, какъ абсолютное жизненное правило.

Только то міровоззрѣніе, по которому на человѣка будутъ смотрѣть какъ на создателя и господина христіанства такъ же, какъ и на другія дѣла и произведенія человѣка, будетъ въ состояніи осуществить все, что христіанство заключаетъ въ себѣ вѣчнаго. Вѣчное и высоко-прекрасная мысль Галилейскаго Плотника—братство и равенство всѣхъ—не дастъ людямъ покоя до тѣхъ поръ, пока они не уничтожатъ послѣднихъ остатковъ несправедливости въ общественныхъ отношеніяхъ. Но эту мысль не осуществляютъ тѣ люди, которые смотрятъ на христіанство, какъ на абсолютный идеалъ. Потому что именно это воззрѣніе постоянно парализовало души людей, когда дѣло шло объ осуществленіи этого или другого идеала. Недостигаемый и несовмѣстимый съ условіями человѣческой жизни идеалъ, которому, несмотря на это, дали власть божественнаго откровенія, и признаніе такого идеала абсолютнымъ — вотъ причина деморализаціи, продолжающейся девятнадцать вѣ-

ковъ, въ теченіе которыхъ исторія человѣчества постоянно только и показываетъ, какъ оно измѣняло и продавало этотъ свой абсолютный идеалъ. Только когда эта причина деморализаціи исчезнетъ, все наше существованіе можетъ быть преобразовано тѣми, которые придерживаются мнѣнія, что идеалы могутъ дѣйствительно обязывать.

Тогда не будутъ, какъ теперь, злоупотреблять именемъ Бога, совершая на поляхъ битвъ массовыя убійства ради разрѣшенія тѣхъ или другихъ вопросовъ политико-экономической власти. Тогда общество, называющее себя христіанскимъ, не станетъ больше поддерживать и сохранять смертную казнь, проституцію, биржевую игру и рабство дѣтей. Тогда не увидимъ мы больше, какъ это часто бываетъ теперь, чтобы люди, которые когда-то, сидя на колѣняхъ матери, заучивали великую евангельскую заповѣдь: „Возлюби ближняго твоего какъ самого себя“, губили и душили другъ друга въ страшной борьбѣ за существованіе.

Тогда наше богопочитаніе будетъ заключаться въ томъ, чтобы очеловѣчить человѣческое существо.

Современная молодежь не всегда удачнымъ или счастливымъ образомъ переходитъ отъ христіанскаго міровоззрѣнія въ другому. Счастливый переходъ заключается въ томъ, чтобы тотчасъ же противопоставить себѣ такія задачи, въ которыя вѣришь и ради которыхъ хочешь жить. Но большинство современной молодежи не знаетъ такихъ задачъ, въ которыя она бы вѣрила. Это-то и есть причина той умственной усталости и вялости, которыя овладѣли большей частью молодого поколѣнія. Я лично не думаю, чтобы молодежь, утратившая свои идеалы и не поставившая на ихъ мѣсто новыхъ, была достойна только жалости. Молодежь,

которая не создаетъ изъ своего собственнаго міра идеаловъ, не найдетъ и въ другое время новыхъ идеаловъ. Подобная молодежь подниметъ на смѣхъ Сократа, она пожметъ плечами при видѣ распятаго Галилейскаго Плотника и несомнѣнно выселилась бы въ 1789 году вмѣстѣ съ Бурбонами изъ Франціи.

Когда молодежь какаго бы то ни было времени не имѣетъ идеаловъ, это признакъ, что мы переживаемъ конецъ вѣка—безразлично какой бы годъ мы ни писали. Если же молодежь преисполнена великихъ задачъ, великихъ идеаловъ, значитъ начинается новый вѣкъ.

Повсюду у всѣхъ народовъ одно изъ счастливыхъ преимуществъ молодежи—способствовать развитію индивидуальности. Она это дѣлаетъ каждый разъ, когда молодой человѣкъ всесторонне и сильно развиваетъ свою собственную личность и отваживается кинуться въ бой за свое собственное счастье! Каждый, кто серьезно относится къ своему индивидуальному развитію, долженъ непременно сознать, что врядъ ли онъ можетъ сдѣлаться свободной, благородной и достойной личностью, топча и заглушая личность другихъ. Онъ сознаетъ также, что нужно больше личныхъ силъ на то, чтобы пытаться новыми средствами создавать новыя цѣнности, чтобы свою моральную энергію посвятить новымъ задачамъ, чѣмъ стремиться, постоянно оглядываясь назадъ, къ использованному и уже не пригодному идеалу. Но онъ сознаетъ весьма скоро еще и другое, а именно: чѣмъ стремительнѣе, самоотверженнѣе кидается индивидъ въ жизненную борьбу, тѣмъ болѣе вѣроятія, что онъ будетъ раненъ, и чѣмъ богаче личность, тѣмъ больше у нея уязвимыхъ мѣстъ. Для великихъ людей сильное страданіе такъ же какъ и сильное блаженство — только часть полноты жизни, и поражение,

выпадающее на долю отдѣльной личности, является часто лучшимъ поручителемъ ея недюженности, чѣмъ ея побѣда. Но эти пораженія, оставляющія намъ часто только лохмотья того, что было нашей внутренней личностью, можно выносить и переживать, если мы сознаемъ, что есть такой пластырь, который затягиваетъ наши раны и не дастъ намъ изойти кровью, пластырь этотъ — та повязка, которую мы накладываемъ на раны другихъ!

Но тотъ, кто въ полномъ смыслѣ слова дѣйствительно человѣкъ, не долженъ ждать, пока жизнь его изранитъ, для того, чтобы научиться сострадать другимъ. Великодушной молодежи дано испытывать это чувство одновременно съ сильно развитымъ чувствомъ индивидуальной силы. И многіе остаются въ этомъ смыслѣ вѣчно молодыми. Они въ состояніи постоянно переживать вдохновенныя минуты — такія минуты, въ которыя прекрасный поступокъ, великая истина, необычайная красота или великое счастье могутъ захватить и наполнить все наше существо, минуты, когда слезы льются ручьемъ, когда протягиваются раскрытыя объятія, чтобы въ нихъ заключить весь міръ, и когда мысли наши стремятся объять всю вселенную. Подобныя минуты заключаютъ въ себѣ самыя интенсивныя чувства нашей собственной личности вмѣстѣ съ полнѣйшимъ ихъ сліяніемъ въ общемъ чувствѣ со всѣмъ бытіемъ.

Высшая человѣческая жизнь — это есть продленіе и непрерывность подобныхъ вдохновенныхъ минутъ въ дѣйствіяхъ и поступкахъ.

Встрѣчаются, однако, такіе молодые люди, у которыхъ никогда не было подобныхъ минутъ, которые взираютъ съ высоты своей теоріи сверхчеловѣка или своего ученаго образованія, или съ высоты „непоколебимо твердыхъ законовъ историческаго развитія“ на всѣ запросы и вопросы

времени! Такіе встрѣчались впрочемъ и во всѣ вѣка! Но нѣтъ другой области, для которой было бы такъ губительно подобное отчужденіе и отстраненіе молодежи, какъ именно та область, въ которой должны разрѣшаться социальныя вопросы и социальная борьба. Требования, которыя ставить время особенно молодежи, заключаются въ томъ, чтобы она разсматривала эти социальныя вопросы со всѣхъ сторонъ, чтобы она изслѣдовала всѣ прочія идеи въ соотношеніи съ этими вопросами, и чтобы она обсуждала каждый планъ реформъ, принимая прежде всего во вниманіе его воздѣйствіе и вліяніе на проблемы индивидуализма и социализма. Будущее ожидаетъ многого отъ молодежи. Но эта надежда ставитъ заранѣе предположеніе, что молодежь, когда она въ дѣйствіяхъ, мысляхъ и поступкахъ придетъ въ близкое соприкосновеніе съ тѣми многими, улучшеніе участи которыхъ должно быть ближайшей задачей будущаго, избретъ себѣ девизомъ слова, произнесенныя Вальтъ Витманомъ на полѣ сраженія:

„Я не спрашиваю, страдаетъ ли мой раненый братъ, я самъ буду этимъ раненымъ“.

ПРИМѢЧАНІЯ.

I. Право ребенка избирать своих родителей.

1) Проф. Шенкъ въ Вѣнѣ и проф. Аксенфельдъ въ Перуджии. Положенія обоихъ ученыхъ принадлежать еще къ области очень сомнительныхъ гипотезъ. Но можетъ быть и здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, окажется, что смѣлыя гипотезы ведутъ къ новымъ открытіямъ.

2) Гальтонъ изложилъ свою точку зрѣнія не только въ этомъ основномъ произведеніи, но и въ „Inquiries into human faculty and its developement“, въ „Life history album“, „Record of family faculties“ и „Natural inheritance“.

3) Ромэнсъ—авторъ „Mental evolution in animals“, „Mental evolution in man“ и т. д.

4) Напр., Грей, разобравшій этотъ вопросъ въ „Enigmas of Life“.

5) Напр., у Леннана въ „Primitive Marriage“ или у Рестермарка „The human marriage“.

6) Особенно въ „The Physiology and Pathology of Mind“.

Изъ старыхъ работъ по этому вопросу наиболѣе извѣстна—Проспера Лука *Traité philos. et physiol. de l'hérédité naturelle* (Paris 1850).

7) Въ „Die Zukunft“ за 90-ые годы.

8) Чемберленъ:—„Die Grundlagen des 19. Jahrhunderts“.

9) Вестермаркъ: „The human marriage“.

10) См. романъ Елены Белая—„Mutterrecht“.

11) Появилась въ печати подъ мужскимъ псевдонимомъ Гаральдъ, Готе, подъ которымъ скрывается писательница.

12) Послѣ Жоржъ Зандъ, имѣвшей мужество впервые затронуть эту тему, мы встрѣчаемъ ее нерѣдко въ новѣйшей литературѣ, напр. у Эрика Скрамъ въ „Гертрудѣ Кольбьерсонъ“ и у Жюля Казъ въ „Jeune ménage“.

13) См. Missbrauchte Frauenkraft“.

14) Онни Гранхольмъ—„Die Liebe“. Эту книгу я получила уже послѣ изданія „Вѣка ребенка“ и встрѣтила тамъ нѣкоторыя требованія, согласныя съ моими.

Этотъ же вопросъ разбирается съ интересной точки зрѣнія въ эту же г-жи Лу Андреасъ-Саломэ, — „Der Mensch als Weib“ (Neue deutsche Rundschau, 1900).

15) Не имѣя ни малѣйшаго притязанія на полноту, я приведу здѣсь нѣсколько прежнихъ и новѣйшихъ сочиненій по этому вопросу.

Относительно одной спеціальной области этого большого вопроса я получила свѣдѣнія отъ одного изъ сыновей Дарвина, кэмбриджскаго профессора Г. Дарвина,—именно результаты его изслѣдованій, начатыхъ въ 70-хъ годахъ, по вопросу о вліяніи на потомство браковъ между кровными родственниками. Онъ продолжалъ разработку этого вопроса, поднятаго въ 1873 году въ Contemporary Review подъ заглавіемъ—„Beneficial restrictions to liberty of marriage“ и приводилъ свои собственныя изслѣдованія (Journal of the Statistical Society за 1875), какъ доказательство опасности такихъ браковъ. Онъ приводитъ нѣсколько работъ по тому же вопросу, авторы которыхъ пришли къ одинаковому съ нимъ выводу: напр., D-г Arthur Mitchells „On Blood relationship in Marriage“; Huth—„The marriage of near kins“; Мантегацца—„Studio sui matrimoni consanguinei“ (есть еще нѣсколько работъ того же автора на эту тему); Chipault—„Etude sur les mariages consanguins“ и многія сочиненія объ идиотизмѣ и глухонѣмотѣ, ставящія въ связь эти явленія съ браками между кровными родственниками. По мнѣнію многихъ другихъ авторовъ такіе браки влекутъ за собой безплодіе и усиленную смертность дѣтей. Если дѣти избѣжать этихъ послѣдствій, то они непременно скажутся въ слѣдующемъ поколѣніи. Начиная съ 70-хъ годовъ, литература по этому вопросу сильно возросла, хотя уже Мантегацца насчитываетъ 57 авторовъ, высказывающихся противъ браковъ между кровными родственниками, и только 15, считающихъ ихъ неопасными.

Что касается наследственности преступныхъ наклонностей, то въ этой области на столько общеизвѣстны сочиненія Ламброзо, Тарда, Крафтъ-Эбинга и др., что я ограничусь здѣсь только указаніемъ нѣкоторыхъ новѣйшихъ, напр., „L'âme criminelle“ М. Флѣри и „Determinisme et Responsabilité“ А. Гамона.

Несмотря на всѣ мои старанія получить точныя свѣдѣнія о новѣйшей литературѣ по вопросу объ „eugenics“, мнѣ удалось получить только слѣдующія книги: S. A. K. Straham: „Marriage and disease“; Н. Orr: „A theory of development and heredity“ и „Darvinism and Racerprogress“, профессора J. В. Huxcraft, переведенная на нѣмецкій языкъ подъ заглавіемъ „Natürliche Auslese und Rassenverbesserung“ (Leipzig 1895).

На французскомъ языкѣ упомянемъ прежде всего работы Th. Ribots: „Hérédité, ses consequences étiques et sociales“ и „Hérédité psychologique“; Magnan et Legrais: „Les dégénéérés“. Затѣмъ такія работы, какъ: Dr. E. Larent: „Mariages consanguins et degenerescences“; Dr. Dallemagne: „Dégénéérés et déséquilibrés“; M. Lerais: „Dégénérescence sociale et alcoolisme“ и того же автора: „Hygiène et prophylaxie“ и „Hérédité et alcoolisme“; Paul Robin: „Dégénération de l'espèce humaine, causes et remèdes“; Vallet: „La vie et l'hérédité“; Féré: „La famille nevropathique“; Le Dantec: „Evolution individuelle et hérédité“; P. Max Simon: „Hérédité morale et dissemblance physique“; Paul Sollier: „Du rôle de l'hérédité dans l'alcoolisme“; F. Battesti: „Le mariage au point de vue de l'hérédité“; J. Fournet: „De l'hérédité psychique ou morale“; J. Dejerine: „L'hérédité dans les maladies du systeme nerveux“.

Изъ сочиненій на нѣмецкомъ языкѣ на ту же тему слѣдуетъ упомянуть слѣдующія: Paul Berger: „Die Bedeutung von Krankheiten für die Ehe“; Buckmann: „Vererbungsgesetze und ihre Anwendungsart auf den Menschen“; E. Roth: „Die Thatsachen der Vererbung“; R. Arndt: „Artung und Entartung“; W. Hirsch: „Genie und Entartung“; Krause: „Statistischer Beitrag zur Sterblichkeitsfrage bei Gesteskrankheiten“. Здѣсь же упомянемъ и книгу датскаго ученаго F. Lange: „Ueber den Einfluss der Erbllichkeit bei Geisteskrankheiten“.

II. Неродившееся поколѣніе и дѣтскій трудъ.

- 1) Въ „Missbrauchte Frauenkraft“.
- 2) „Frau Bürgelin und ihre Söhne“. Габріель Рейтеръ.

3) Когда я произнесла рѣчь о нормальномъ рабочемъ днѣ на майскомъ праздникѣ въ 1894 г.

4) Кто желаетъ составить себѣ приблизительное понятіе о томъ, какъ отзывается на женщинахъ работа въ каменноугольныхъ копанияхъ, долженъ прочесть „Жерминаль“ Зола.

5) Въ Англіи обыкновенный средній недѣльный заработокъ за 80 часовъ работы не превышаетъ 6—7 шиллинговъ; въ Германіи 6—9 марокъ,—при чемъ указываютъ на улицу, какъ на источникъ побочнаго заработка. Въ Австріи 6—8 кронъ, а въ мертвый сезонъ—ничего.

III. Воспитаніе.

1) При обсужденіи этого вопроса въ Англіи указывалось на то, что половыя извращенія, которыя иногда наблюдаются въ мужскихъ школахъ, какъ между учениками, такъ и между учениками и преподавателями, находятся всегда въ непосредственной связи съ тѣлесными наказаніями. Какъ этотъ фактъ, такъ и постоянно повторяющіеся случаи истязанія дѣтей, должны вызвать изданіе закона, строго воспреещающаго всякія тѣлесныя наказанія въ школахъ.

Во Франціи двумя крупными сочиненіями была доказана тѣсная связь, существующая между примѣненіемъ тѣлесныхъ наказаній и половыми извращеніями; эти сочиненія суть: Jean de Villiot: „La flagelation à travers le monde“ и „Etude sur la flagelation au point de vue médical et historique“.

2) Изъ книги для дѣтскаго чтенія „Маленькій Карлъ“ Таваль-ствѣрна родители могутъ ознакомиться съ тѣми нравственными мученіями, которымъ подвергаетъ душу ребенка, богато одареннаго фантазіей, господствующая у насъ система воспитанія.

3) См. „Frau Bürgelin und ihre Söhne“ Габріель Рейтеръ.

4) Изъ компетентнаго источника я получила слѣдующій списокъ литературы по дѣтской психологіи:

Первое мѣсто принадлежитъ сочиненію Прејера, проложившему новый путь въ области дѣтской психологіи:

P r e u e r: „Die Seele des Kindes“, 1881 годъ, 462 стр., цѣна 10 марокъ; вышла четвертымъ изданіемъ въ 1895 году.

Того же автора: „Die geistige Entwicklung in der ersten Kindheit, nebst Anweisungen für Eltern, dieselbe zu beobachten“, 1893, 201 страница, цѣна 4 марки.

Какъ на выдающіяся работы въ этой области можно еще указать на слѣдующія:

- Perez B., Les trois premières années de l'enfant, 5-me édition 1892, 5 frcs.
— L'enfant de trois à sept ans, 5 frcs.
— L'éducation morale dès le berceau, 1896, 350 pages, prix 5 frcs.
— L'art et la poésie chez l'enfant, 5 frcs.
— L'éducation intellectuelle dès le berceau. 1896, 340 pages, prix 5 frcs.
— La psychologie de l'enfant.

За послѣдніе годы появилось очень много книгъ и отдѣльныхъ статей по психологійи ребенка. Здѣсь слѣдуетъ упомянуть слѣдующія:

НА АНГЛІЙСКОМЪ ЯЗЫКѢ:

- Brown: Thoughts and reasonings of children Pedagog. Semin. 1893, 53 стр.
Chrisman: A year With a little girl. Educ. rev. New-Jork 1894, 19 стр.
— Child-Study: a new Departement of Education, Forum. 1895, 6 стр.
Mangasarian: The punishmen of children, Internat. Journ. of. ethics, 1894, 5 стр.
Barns: Methods and difficulties of Child-Study. Forum, 1895, 6 стр.
Louch: A laboratory for childstudy Journ. of educ. 1895.
Lowden: The first half-year of childs life 1895, 30 стр.
Maitland: What children draw to pleas themselves. 1895, 4 стр.
Oppenheim: Why children lie Pop. Sc. Monthly. 1895, 5 стр.
Roark: Psychology in Education New-Jork. 1895, 312 стр.
Chamberlain: The child and childhood in folkthought New-Jork. 1896, 464 стр.
Lewis: The child. its spirutual significance. 1896, 222 стр.
Hall: The methods, status and prospects of the childstudy of to day. 1897, 13 стр.
Lauch: Diference between children and grown-up people from the childs standpoint. Ped. sem. 1897, 6 стр.
Darrah: A study of children ideals, Pop. Sc. M. 1898, 10 стр.
Dutton: Management of precocious children, Cleveland. Med. Mag. 1898, 8 стр.

- Gould: Child fetiches. Pedagog. Semin. 1898, 4 стр.
 Taylor: The study of the child. New-Jork, 1898, 215 стр.
 Warner: The study of children and their schooltraining. New-Jork. 1897, 264 стр.
 Wilson: Bibliography of child study Ped. Sem. 1898, 48 стр.—1899, 24 стр.
 W. P. Harris: Psychological foundations of education. New-Jork.
 L. Mac. Cosh: Psychology. The motive powers: emotion, conscience, will.

НА ФРАНЦУЗСКОМЪ ЯЗЫКЪ:

- Compayre: L'évolution intellectuelle et morale de l'enfant. Paris. 1893, 271 стр.
 — Notions élémentaires de psychologie.
 Queyrat: L'imagination et ses variétés chez l'enfant. Paris 1893, 168 стр.
 — Les caractères et l'éducation morale. Paris 1896. 168 стр.
 Defert: L'enfant et l'adolescent dans la société moderne. Paris. 1897, 221 стр.
 Schinz: La moralité de l'enfant. Rev. Phil. 1898, 36 стр.
 Henri Marion: Leçons de psychologie appliquée a l'éducation.
 E. Berillon: Les principes de la pédagogie suggestive.
 M. Freury: Le corps et l'âme de l'enfant.
 Lesorbonard: Du gouvernement de soi même, essai de psychologie physiologique.
 P. Lacombe: Esquisse d'un enseignement basé sur la psychologie de l'enfant.
 Guyeau: Education et hérédité.
 Изъ трудовъ этого недавно умершаго мыслителя имѣють также отношеніе къ вопросамъ воспитанія:
 Guyeau: Esquisse d'une morale sans obligation, ni sanction.
 — L'irreligion de l'avenir.
 Binet: Etude de psychologie expérimentale.
 — La fatigue intellectuelle.
 — La suggestibilité.
 A. Fouillé: La psychologie des idées-forces.
 C. H. Richet: Essay de psychologie générale.
 Joly: Notions élémentaires de psychologie.

- Notions de pédagogie.
- Psychologie des grands hommes.

Очень важны для изученія дѣтской психологiи слѣдующія сочиненія:

- Ribot: Maladies de la mémoire.
- Maladies de la volonté.
 - Psychologie de l'attention.
 - Psychologie des émotions.
 - Psychologie des sentiments.

НА НѢМЕЦКОМЪ ЯЗЫКѢ:

- Fritz: Ergebnisse der Analysen des Kindlichen Bewusstseins und Folgerungen daraus, Bayer. Lehr. Zeit., 1894.
- Heidner: Beiträge zur Kenntnis des Kindlichen Seelenlebens. Leipzig. 1894, 96 стр.
- Strümpell: Die Verschiedenheit der Kindernaturen. Votr. Leipzig. 1894, 36 стр.
- Andrä: Ueber die Faulheit. Deutsche Bl. f. Erz. und Unterr., 1896.
- Aschaffenburg: Welchen Nutzen kann die experim. Psychologie oder Pädagogik bringen? Zeitschr. f. Pädagogik, Pathol. und Therapie. 1896.
- Hohmann: Grundlinien des Seelenlebens dargestellt unter Berücksichtigung des Schulpraxis. Pädagog. Blätter. 1896. 23 стр.
- Boehme: Deutsches Kinderlied und Kinderspiele. Leipzig. 1897.
- Jahn. Psychologie als Grundwissenschaft der Pädagogik. 12 Aufl. Leipzig. 1898, 413 стр.
- Nieden: Allgem. Pädagogik auf Psychologischer Grundlage. Strassburg. 1897, 192 стр.
- Lukens: Die Entwicklungsstufen beim Zeichnen. 1887.
- R. Schäfer: Die Vererbung.

НА ИТАЛЬЯНСКОМЪ ЯЗЫКѢ:

- Coloza: Il gioco nella psicologia nella pedagogia. Turin.-Rom. 1895, 282 стр.
- Ferrari: Manifestazioni artistiche accessuali in una bambina. Arch. de Psichiatr. 1898, 18 стр.
- Marescalchi: I desideri dei bambini. Casale. 1898.

VI. Школа будущаго.

1) Ch. Stretton: Women and Economics.

2) Одинъ выдающійся педагогъ какъ-то указаль въ разговорѣ на то, какъ много въ настоящее время художниковъ, владѣющихъ поразительной техникой, но лишенныхъ творческой фантазiи и оригинальнаго пониманiя искусства. Для школы гораздо важнѣе имѣть одну дѣйствительно хорошую копію съ великаго произведенiя искусства, чѣмъ десятокъ посредственныхъ фотографій съ нѣсколькихъ извѣстныхъ произведенiй. Все дѣло въ томъ, чтобы выбрать правильно тѣ произведенiя, которыя дѣти будутъ копировать. Нельзя начинать съ такихъ произведенiй, которыя могутъ быть понятны только въ оригиналѣ. Передъ произведенiями Боттичелли и другихъ прерафаэлитовъ, передъ портретами разныхъ незнакомыхъ мужчинъ и женщинъ, даже подписанными именами Веласкеца, Гольбейна и Рубенса, дѣти остаются совершенно равнодушными. То же самое случилось бы, если бы мы вздумали пробуждать въ нихъ вкусъ и любовь къ литературѣ, знакомя ихъ въ оригиналѣ съ произведенiями Ганса Сакса, Чосера или Монтеня. Только картины изъ знакомаго быта, изъ жизни труда, изъ жизни звѣрей и природы или изъ жизни извѣстныхъ историческихъ личностей могутъ заинтересовать дѣтей или народъ и положить основаніе мосту, соединяющему ихъ съ искусствомъ. Фантастическое или мистическое настроеніе, дающее потомъ ребенку возможность мечтать и творить въ своемъ собственномъ воображеніи, главнымъ образомъ дѣлаетъ произведеніе искусства привлекательнымъ для ребенка. Уже и теперь слѣдовало бы при украшеніи школы извѣстными произведенiями искусства принимать въ соображеніе личные вкусы дѣтей; для этого слѣдовало бы предлагать имъ на выборъ большое количество снимковъ съ лучшихъ произведенiй искусства, — архитектуры, скульптуры, живописи. Тѣ произведенiя, которыя будутъ выбраны большинствомъ голосовъ, должны сдѣлаться собственностью школы.

3) См. Гарри Ловернсонъ, — Sweed-Briard Sprays. Позднѣе тѣмъ же авторомъ былъ изданъ отчетъ о первомъ годѣ существованiя его школы въ брошюрѣ Ruskin School Home.

VII. Преподаваніе религiи.

1) Д-ръ Додель, профессоръ ботаники въ Цюрихѣ.

VIII. Дѣтскій трудъ и дѣтская преступность.

1) Впрочемъ въ Шотландіи тюремная полиція отказалась отъ исполненія этихъ обязанностей, а „Гуманитарная лига“ оказала столь сильное противодѣйствіе извѣстному „Whipping bill“, что парламентъ долгое время не могъ приступить къ его разсмотрѣнію.

2) Тѣлесныя наказанія рекомендуются, какъ единственное средство, могущее воздѣйствовать на закоренѣлыхъ преступниковъ. Указывали на то, что одной только угрозы подвергнуть тѣлесному наказанію одного заключеннаго было достаточно, чтобы измѣнить къ лучшему его поведеніе за все время пребыванія въ тюрьмѣ. *Забываютъ только, что это не помѣшало ему вновь совершить преступленіе по выходѣ изъ тюрьмы.* Это показываетъ, что едва ли одинъ изъ тѣхъ, кто былъ усмирень въ тюрьмѣ посредствомъ этого рода наказаній, вышелъ изъ нея исправившись. Онъ возвращается въ общество такимъ же, какимъ былъ до заключенія, даже еще болѣе загрубѣлымъ; общество, примѣняя грубыя и жестокія наказанія, только увеличиваетъ этимъ число преступленій, происходящихъ отъ жестокости и дикости.

The history of the United States is a story of growth and expansion. From a small collection of colonies on the eastern coast, the nation grew to encompass a vast continent. The early years were marked by struggle and conflict, as the colonies fought for their independence from British rule. The American Revolution was a pivotal moment in the nation's history, leading to the signing of the Declaration of Independence in 1776. The new nation then faced the challenge of building a government that would unite the diverse states and provide for the common good. The Constitution, signed in 1787, established a framework for a federal government with three branches: the executive, legislative, and judicial. The years following the Revolution were a period of rapid growth and development. The nation expanded westward, and the economy flourished. The American Civil War, fought from 1861 to 1865, was a defining moment in the nation's history, as it resolved the issue of slavery and preserved the Union. The war led to the passage of the Reconstruction Amendments, which guaranteed equal rights for all citizens. The late 19th and early 20th centuries were a period of industrialization and progress. The nation became a world power, and its influence was felt around the globe. The American Civil War, fought from 1861 to 1865, was a defining moment in the nation's history, as it resolved the issue of slavery and preserved the Union. The war led to the passage of the Reconstruction Amendments, which guaranteed equal rights for all citizens. The late 19th and early 20th centuries were a period of industrialization and progress. The nation became a world power, and its influence was felt around the globe.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. Право ребенка избирать своихъ родителей.	1
II. Неродившееся поколѣніе и дѣтскій трудъ.	52
III. Воспитаніе	86
IV. Отчужденность отъ дома и семьи.	169
V. Школы, убивающія душу ребенка.	179
VI. Школа будущаго	204
VII. Преподаваніе религіи.	251
VIII. Дѣтскій трудъ и дѣтскія преступленія	282
Примѣчанія.	305

MEMORANDUM

TO : [Illegible]

FROM : [Illegible]

SUBJECT : [Illegible]

DATE : [Illegible]

Изданія В. М. САБЛИНА.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

В. Вильсонъ. Государство. Прошлое и настоящее конституціонныхъ учреждений. М. 1905 г. Цѣна 3 р. 75 к.

Предисловіе Максима Ковалевскаго. Переводъ подъ редакціей А. С. Ященко, съ приложеніемъ текста конституціонныхъ актовъ.

Ольстонъ. Краткій очеркъ современныхъ конституцій съ приложеніемъ очерка конституціи Англіи. М. 1905 г. Цѣна 15 к.

Собраніе конституцій. Выпуски I, II, III и IV. М. 1905 г. Цѣна каждаго выпуска 30 к.

Содержаніе: Декларация правъ. Конституціи: Франціи, Германіи, Пруссіи и Швейцаріи.—Австро-Венгерской имперіи, Австріи, Венгріи и Соединенныхъ Штатовъ.—Швеци, Норвегіи и актъ уніи.—Болгаріи, Греціи, Румыніи и Сербіи.

Георгъ Мейеръ. Избирательное право, въ 2-хъ частяхъ. Историческая и общая части. Съ предисловіемъ Георга Теллинека. М. 1905 г. Ц. 3 р.

Г. Брандесъ. Великій человѣкъ (начало и цѣль цивилизаціи). Лекція, читанная въ Высшей русской школѣ въ Парижѣ. Переводъ Н. Эфроса. М. 1905 г. Цѣна 40 к.

Декабристы и тайныя общества въ Россіи въ началѣ XIX вѣка. М. 1905 г. Цѣна 1 р.

Проф. Теллинекъ. Право меньшинства. М. 1905 г. Цѣна 40 к.

М. Ковалевскій. Ученіе о личныхъ правахъ. М. 1905 г. Цѣна 40 к.

Пр.-доц. Н. Полянскій. Свобода стачекъ. М. 1905 г. Цѣна 40 к.

ОТДѢЛЪ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Артуръ Шницлеръ. Полное собраніе сочиненій, томъ I, съ портретомъ автора и критической статьей Г. Брандеса. М. 1903 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Сказка, драма.—Смерть, новелла.—Мгновенія жизни, драма.—Женщина съ кинжаломъ, драма.—Послѣднія маски, драма.—Литература, комедія.

Артуръ Шницлеръ. Полное собраніе сочиненій, томъ II. М. 1903 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Завѣщаніе, драма.—Поручикъ Густель, новелла.—Анатолий, діалоги.—Роковой вопросъ. Рождественскій подарокъ. Эпизодъ. Сувениръ. Прощальный ужинъ. Агонія. Утро Анатолия передъ свадьбой. Жена философа. Послѣднее свиданіе. Бенефисъ. Цвѣты. Мертвые молчатъ.

Артуръ Шницлеръ. Полное собраніе сочиненій, т. III. М. 1904 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Трилогія: Парацельсъ. Подруга. Зеленый попугай.—Покрывало Беатриче.—Одинокой тропой.

Артуръ Шницлеръ. Полное собраніе сочиненій, т. IV.
М. 1905 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Берта Гарланъ, Храбрый Касьянъ, Канунъ новаго года. Общая добыча.

Артуръ Шницлеръ. М. 1899 г. Цѣна 50 к.
Забава, драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ, переводъ В. М. Саблина.

Артуръ Шницлеръ. М. 1904 г. Цѣна 50 к.
Общая добыча (Пощечина), драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ, переводъ Н. Е. Эфроса.

Морисъ Метерлинкъ. Полное собраніе сочиненій,
томъ I. Драмы, съ портретомъ и предисловіемъ автора.
М. 1903 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Принцесса Малень. Вторженіе смерти. Аглавена и Селизета. Слѣпые. Аріана и Синяя Борода. Intérieur.

Морисъ Метерлинкъ. Полное собраніе сочиненій,
томъ II. М. 1904 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Драмы: Пеллеасъ и Мелизанда. Смерть Тентажиля. Алладина и Паломидъ. Семь принцессъ. Сестра Беатриса. Монна Ванна. Жуазель.

Морисъ Метерлинкъ. Полное собраніе сочиненій,
томъ III. М. 1905 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Сокровище смиренныхъ. Мудрость и Судьба.

Морисъ Метерлинкъ. Слѣпые, драма. Переводъ В. М. Саблина. М. 1905 г. Цѣна 75 к.

Морисъ Метерлинкъ. Вторженіе, драма. Переводъ В. М. Саблина. М. 1905 г. Цѣна 75 к.

Морисъ Метерлинкъ. Внутри, драма. Переводъ В. М. Саблина. М. 1905 г. Цѣна 50 к.

Морисъ Метерлинкъ. Двѣнадцать пѣсенъ. Переводъ Г. Чудкова. Обложка, рисунки, заставки работы Дудлэ. Нумерованные экземпляры 5 р., нумерованные — 3 руб.

Ст. Пшибышевскій. Полное собраніе сочиненій, т. I.
Съ предисловіемъ автора и его портретомъ. М. 1905 г.
Цѣна 1 р. 75 к.

Содержаніе: (Аметисты. Въ долинѣ слезъ. Въ часъ чуда. Городъ смерти. У моря. Introibo. Рапсодія 1. Eripsyichidion. Рапсодія 2. Свѣтлыя ночи. Рапсодія 3. У моря. Cupio Dissolvi).

Ст. Пшибышевскій. Полное собраніе сочиненій, т. II.
Съ предисловіемъ автора. М. 1905 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Сыны земли (Малярія, Сумерки, Ultima Thule).

Ст. Пшибышевскій. Полное собраніе сочиненій, т. III.
Съ портретомъ автора. М. 1905 г. Цѣна 2 р.

Содержаніе. Homo sapiens.

Ст. Пшибышевскій. Полное собраніе сочиненій, т. IV.
Съ критической статьей автора „О драмѣ и сценѣ“.
М. 1905 г. Цѣна 2 р.

Содержаніе: Драмы: Пляска Любви и Смерти. Золотое руно. Счастье. Мать. Гости. Снѣгъ.

Ст. Пшибышевскій. Полное собраніе сочиненій, т. V.
Съ портретомъ автора. М. 1905 г. Цѣна 1 р. 75 к.

Содержаніе: Критика (*Къ психологій индивидуума*). Шопенъ и Ницше. Ола Ганссонъ. *Путями души:* Вступленіе. Афоризмы и Прелюдии. Эдвардъ Мунхъ. Густавъ Вигеландъ. Шопенъ. Пламенный. Памяти Юлія Словацкаго. Съ куявскихъ полей).

Гергартъ Гауптманъ. Эльга. Переводъ В. М. Саблина.
Цѣна 75 к.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, томъ I.
Повѣсти и рассказы. М. 1905 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Рабы любви. Сынъ солнца. Закхей. По ту сторону океана. Отъявленный плутъ. Отецъ и сынъ. Царица Савская. Дама изъ Тиволи. Тайное горе. Кольцо. На улицѣ. Енъ Тру. Почтовая лошадь. Рождественская пирушка. Сочельникъ въ горной хижинѣ. Шкиперъ. Рейерсенъ. На отмели близъ Нью-Фаундленда. Парижскіе этюды.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, томъ II.
М. 1905 г. Цѣна 1 р.

Редакторъ Линге, романъ.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, томъ III.
Повѣсти и рассказы. М. 1905 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Голосъ жизни. Маленькія приключенія: (1. Страхъ смерти. 2. Уличная революція. 3. Въ Преріи. 4. Привидѣніе. 5. Гастроль). Завоеватель. Викторія.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, томъ IV.
М. 1905 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Голодь. Романъ.

Оскаръ Уайльдъ. Полное собраніе сочиненій, томъ I.
М. 1905 г. Цѣна безъ переплета 1 р. 50 к.

Содержаніе: Сказки и рассказы. Съ предисловіемъ К. Гагеманна.

Оскаръ Уайльдъ. Полное собраніе сочиненій, томъ II.
М. 1905 г. Цѣна въ переплетѣ 2 р., безъ перепл.—1 р. 50 к.

Содержаніе: Портретъ Доріана Грея, романъ.

Казимиръ Тетмайеръ. Сочиненія, переводъ съ польскаго В. Тучапской. М. 1902 г. Цѣна 80 к.

Содержаніе: Стихотворенія въ прозѣ (Воспоминаніе. Судь. Тѣнь. Любовь. Роза. На Везувіи. Горный мотылекъ. Надъ потокомъ. Счастье. Журавли. Ель. Къ женщинѣ. Тяжелое будущее. Къ смерти. За стеклянной стѣной. Одна изъ сказокъ). Бездна.

Авг. Стринбергъ. Кредиторы, трагикомедія въ прозѣ.
Переводъ В. М. Саблина. М. 1902 г. Цѣна 50 к.

Германъ Зудерманъ. Да здравствуетъ жизнь, драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. Переводъ съ разрѣшенія автора В. М. Саблина. 2-е изданіе. М. 1902 г. Цѣна 75 к.

Гергартъ Гауптманъ. Красный пѣтухъ. Переводъ В. М. Саблина. М. 1901 г. Цѣна 0 к.

Максъ Гальбе. Потокъ, драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ, литографированное изданіе для театровъ. Переводъ В. М. Саблина. М. 1904 г. Цѣна 50 к.

Генрикъ Ибсенъ. Женщина съ моря, драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. Перев. В. М. Саблина. М. 1901 г. Цѣна 40 к.

Э. Лабишь и Делакуръ. Копилка, комедія-шутка въ 5-ти дѣйств., перев. В. М. Саблина. М. 1902 г. Цѣна 40 к.

Роде. Гауптманъ и Ницше. Критическій очеркъ. М. 1903 г. Цѣна 40 к.

Поль Эрвье. Пессимизмъ и современный театръ, критическій очеркъ, переводъ В. . Э. Саблиной. М. 1902 г. Цѣна 30 к.

В. Оствальдъ. Школа химіи, общая часть, переводъ Евг. Раковского. Его же — вторая часть. М. 1904 г. Цѣна 1 р.

Треплевъ. Фактъ и возможность, этюдъ о М. Горькомъ, съ портретомъ М. Горькаго. М. 1904 г. Цѣна 30 к.

Треплевъ. Молодое сознаніе, этюдъ о Вл. Г. Короленко, съ портретомъ В. Г. Короленко. М. 1904 г. Ц. 40 к.

Треплевъ. Три этюда. М. 1905 г. Цѣна 50 к.

Содержаніе: Радость земли. Механизмъ. Бѣгство отъ земли.

Георгій Чулковъ. Кремнистый путь, стихотворенія и поэмы. М. 1904 г. Цѣна 1 р.

Э. Жаваль. Среди слѣпыхъ. Практическіе совѣты для лицъ, потерявшихъ зрѣніе. Переводъ Г. Оршанскаго. М. 1905 г. Ц. 60 к.

Тардъ. Отрывки изъ исторіи будущаго.

ПЕЧАТАЮТСЯ и ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

Орландо. Принципы конституціоннаго государства.

Ольшевскій. Бюрократія.

Дамашке. Земельная реформа.

Вейль. Общественное движеніе во Франціи (1852—1902 г.).

Проф. Д. Овсяннико-Куликовскій. Итоги художественной литературы XIX вѣка.

Кнутъ Гамсунъ. Панъ и др.

Складъ изданій В. М. САБЛИНА:

Москва, Тверская, Книжный Магазинъ „Трудъ“.
Петербургъ, Садовая, 18, Книжный Складъ
„Комиссіонеръ“.